

Иехуда Слуцкий

**ХАГАНА – ЕВРЕЙСКАЯ
БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ**

КНИГА I

Эта книга была зачитана до такой степени, что нуждалась в реставрации. Переплет сделали профессионально и качественно – твердая обложка, на которую наклеен сохранившийся фрагмент родной обложки, тканевый корешок с названием, прошитый книжный блок, обрезаны ветхие края. Но за это пришлось заплатить определенную цену – внутренние поля оказались настолько узки, что читать книгу можно, но сканировать никак нельзя, ни постранично, ни разворотом. В первом случае срезалась значительная часть текста, во втором – черная тень в центре разворота закрывала по несколько букв с обеих сторон. Удалось исхитриться так, что потери были минимальными, насколько это возможно, но и при этом в большинстве страниц по две-три буквы каждой строки на каждой странице, четной и нечетной, были искажены из-за неустранимого загиба страниц. Некоторые буквы мне пришлось восстанавливать.

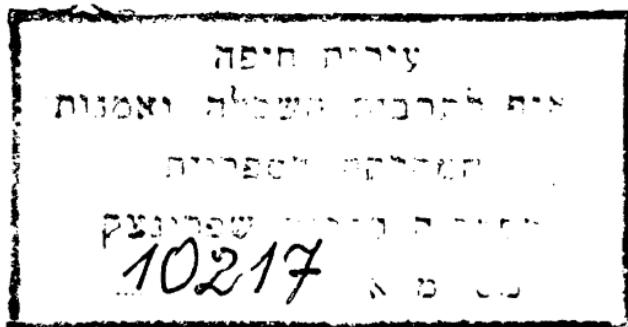
Но и это не все. Оказалось, что один печатный лист не был пропечатан с одной стороны, таким образом, 12 страниц оказались без текста, шесть раз по две страницы через две. Не знаю, во всем ли тираже, но мне попался такой экземпляр. Считаю, что даже в таком виде книга достойна быть представлена читателям. Если, вдруг, представится возможность оцифровать полноценный экземпляр, этот можно будет изъять.

И за это спасибо русской библиотеке Бейт Оле управления абсорбции муниципалитета Хайфы, которая дает возможность оцифровывать из ее фондов.

С уважением, Давид Титиевский. Ноябрь, Хайфа.

ИЕХУДА СЛУЦКИЙ

ХАГАНА — еврейская боевая
организация в Эрец-Исраэль

Prof. Y. Slutzki

Haganah – Jewish Fighting Organization in Eretz Israel

י. סלוצקי

הגנה – ארגון יהודי לוחם בארץ ישראל

(קיצור "ספר תולדות ההגנה")

Перевел с иврита А. Ценципер

Художник Л. Ларский

©

ALL RIGHTS RESERVED

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היווצאת לאור בסיווע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקראו זכרון למן תרבות יהודית, ניו-יורק

Иехуда Слуцкий

**ХАГАНА – ЕВРЕЙСКАЯ
БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ**

КНИГА I

Редакционный совет:

Ш. АВИГУР, полковник (зап.) Г. РИВЛИН, проф. И. СЛУЦКИЙ

**БИБЛИОТЕКА АЛИЯ
1978**

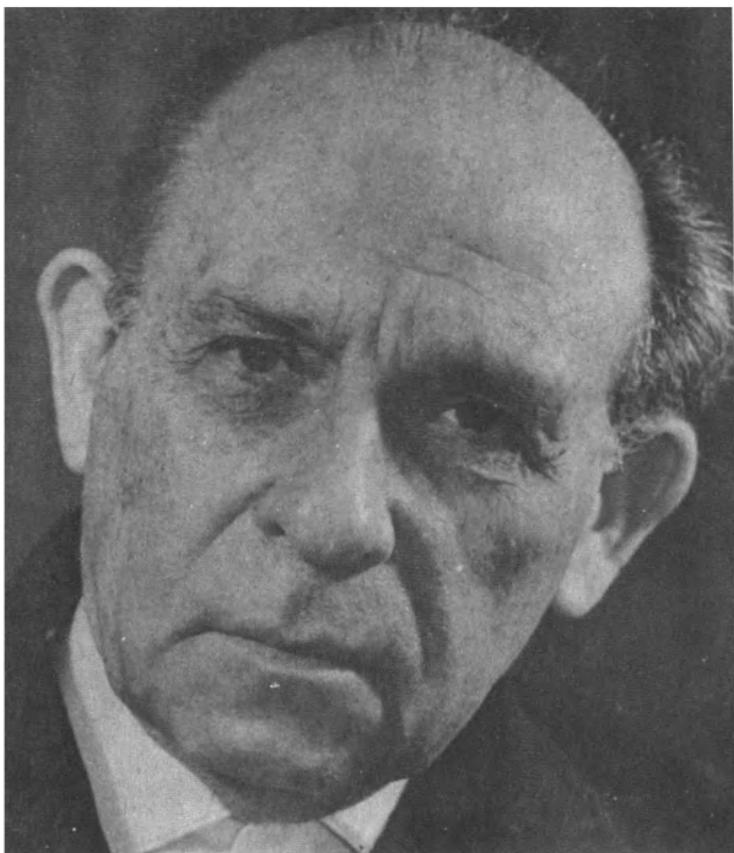

ИЕХУДА СЛУЦКИЙ (1915–1978) родился в местечке Сновск (ныне г. Щорс, Украина). В Израиле с 1925 года. Окончил исторический ф-т Еврейского Университета в Иерусалиме. С 1966 года профессор Тель-Авивского университета. Он один из редакторов фундаментального труда “История Хаганы” (Сефер толдот ха-Хагана, 8 тт.; 1954–72), большинство томов которой написаны им же. Он автор предлагаемого читателю сокращенного издания на русском языке.

И. Слуцкий был крупнейшим специалистом по истории российского еврейства (в течение многих лет редактировал тематический сборник “Хеавар”) и истории еврейского рабочего движения в Эрец-Исраэль. Проявлял активную деятельность по внедрению культуры на иврите. Снискал также известность как автор увлекательных приключенческих книг

*Посвящается памяти
ШАУЛА АВИГУРА*

(скончался в период подготовки книги к печати)

ШАУЛ АВИГУР (1899–1978) родился в г. Даинске, Латвия. В Израиле с 1912 года. Один из организаторов и первых руководителей Хаганы. Стоял во главе организации, осуществлявшей нелегальную иммиграцию (алия бет) в подмандатную Палестину. Зам. министра обороны после создания Государства. Был одним из вдохновителей борьбы за право советских евреев на репатриацию в Израиль. Ш. Авигур член редколлегии и один из редакторов многотомного издания на иврите *Сефер толдот ха-Хагана* ("История Хаганы", 8 тт., 1954–72), а также редактор издания на русском языке. В 1973 году Авигур награжден Гос. премией Израиля за деятельность на благо еврейского народа и Государства Израиль. В том же году ему присвоено звание почетного доктора философии Еврейского Университета в Иерусалиме.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга в двух томах создана на основе восьмитомного труда, посвященного истории Хаганы. Этот труд – плод многолетних исследований историков и людей, посвятивших свою деятельность и жизнь Хагане – был начат по инициативе Ш. Авигура под редакцией профессора евр. истории Иерусалимского университета Б.-Ц. Динура.

Организация, известная под названием "Хагана", явилась одной из основ, на которых строилась независимость Израиля.

"Хагана" в переводе значит "оборона". Фактически, это – перевод русского термина "самооборона", который возник в дни волны погромов, прокатившихся по России во время первой революции, в конце 1905 года. Так же, как палестино-фильское движение Ховевей Цион явилось ответом на погромы 1881 года, так идея самообороны была выражением решения активной части еврейского общества России противостоять новой волне погромов, начавшихся Кишиневским погромом в 1903 году и обрушившихся на сотни еврейских общин в октябре и ноябре 1905 года.

Еврейская молодежь восстала тогда против пассивности, проявляемой предшествующим поколением. Национально настроенная часть ее читала и изучала поэму Бялика "Сказание о погроме", написанную под впечатлением Кишиневского погрома. Тяжелый упрек, брошенный Бяликом еврейскому народу в поэме, вдохновил многих молодых людей на репатриацию (алию) в Эрец-Исраэль. Так началась Вторая алия, участники которой выработали большую часть идеологических основ израильского общества. Здесь, в стране своих предков, они хотели полагаться только на собственные силы при защите своей жизни и имущества.

Перед нами книга, рассказывающая об обстоятельствах и событиях, при которых из маленькой группы защитников-стражей ("Хашомер") со временем выросла армия всего народа. И не случайно название "Армия Обороны Израиля"

включает в себя как интегральную часть слово "оборона". Ее идеологические и психологические основы возникли в те годы, когда еврейский страж брал старый карабин, вскачивал на коня и пускался в погоню за бандитами, которые угнали стадо из еврейского поселения. Эрец-Исраэль была тогда захолустной турецкой провинцией, и местная власть не имела ни желания, ни возможности защищать своих подданных.

В истории возрождения народов 19–20 веков есть немало примеров, показывающих, как маленькие группы восставших сумели организоваться и освободить свои страны от чужеземного ига. В большинстве случаев борцы за свободу действовали при общем равнодушии населения, которое состояло как из тех, кто поддерживал восставших, так и из их противников. Хагана в Эрец-Исраэль была единственной военной организацией, которая была по своему характеру всенародной. В годы британского мандата в Эрец-Исраэль она должна была не только защищать еврейских поселенцев от нападения арабских банд и даже военных соединений (1936–38), но и скрываться от преследования английских властей. После Второй мировой войны она должна была противостоять мощи Британской империи, склонившейся полностью на сторону арабов, и отражать нападения палестинских арабов, открыто поддерживаемых правительствами соседних стран: Египта, Трансирордании, Сирии и Ливана.

История Хаганы делится на две неравные части. Ее первый период охватывает годы турецкого господства перед Первой мировой войной и время самой войны. Действия организации обороны того времени сводились к защите еврейского населения от грабителей и бродивших по стране бедуинов, угнавших стада из уединенных поселений. Турецкие власти не могли обеспечить безопасность жителей страны. Еврейским поселенцам приходилось лишь выбирать – платить ли выкуп грабителям и их соседям или терять все свое имущество. Героические действия организации Хашомер подняли престиж ее членов как защитников ишува в этой отдаленной турецкой провинции.

В 19 и в начале 20 века ни в нападениях арабов, ни в действиях защитников еврейских поселений не было политических мотивов. Арабское национальное движение в стране еще не возникло, и грабители не делали различия между немецкими или американскими колонистами. Но уже после Младотурецкой революции 1908 года положение изменилось и столкнове-

ния между арабами и евреями приобрели окраску межнациональной борьбы. Поражение Турции и завоевание Эрец-Исраэль британскими войсками в 1917-18 годах создали новую ситуацию: началась борьба между двумя национальными движениями, и рабочая партия "Ахдут Хаавода" создает народную военную организацию под названием "Хагана".

Второй период ее истории открывают нападения арабов в Иерусалиме в 1920 году и в Яффе в 1921 году. Эти нападения приняли угрожающую форму во время беспорядков и резни 1929 года. В них уже отчетливо выделяются тенденции арабского национализма, направленного к полному разрушению "сионистского эксперимента". С самого начала эти тенденции получили закулисную поддержку со стороны высших чиновников британской администрации, которые не примирились с Декларацией Бальфура и осуществлением мандата Лиги Наций, данного Британии для того, чтобы развивать и строить еврейский национальный очаг в Эрец-Исраэль.

Руководители ишува очень скоро убедились в том, что нельзя рассчитывать на защиту его жителей английской полицией. Нельзя было полагаться на мандатную полицию, в которой арабские полицейские составляли подавляющее большинство. Для того, чтобы гарантировать безопасность пограничных окраинных кварталов в городах и сельскохозяйственных поселений, основанных в разных районах страны, приходилось опираться только на собственную военную силу. Владимир Жаботинский пытался требовать от британских мандатных властей создания еврейского легиона для защиты ишува, но был арестован и выслан из страны за попытку открыто с оружием в руках сопротивляться арабским погромщикам. Хагана ушла в подполье. Военное обучение и воспитание командного состава производилось тайно. В предвидении назревающих событий руководители Хаганы устраивали тайные склады и делали все возможные усилия, чтобы приобрести оружие в Европе или в соседних странах.

Постепенно Хагана оформилась в подлинную боевую силу. Это особенно стало ощутимо в 1936-39 гг., когда беспорядки и нападения, устраиваемые арабскими националистами, организованными в банды, а затем и в воинские подразделения, распространились по всей стране и переросли в настоящее восстание. Его поддерживали фашистские правительства Германии и Италии, и ему симпатизировали Советский Союз и коммунисты других стран. Мандатные власти Эрец-Исраэль переходили из крайности в крайность: во время арабского

восстания 30-х годов, а в особенности в тяжелые дни начала Второй мировой войны, они закрывали глаза на существование Хаганы и позволяли ей действовать без помех и даже сотрудничали с ней. В другие периоды британская администрация арестовывала ее командиров и захватывала склады оружия.

Сила Хаганы базировалась на добровольности и национальной дисциплине. Тысячи молодых людей служили в ней без вознаграждения, а маленькая группа командиров довольствовалась незначительной оплатой, позволявшей им скромно содержать семью. Когда в 1941 г. возник Палмах, – ударные отряды сражающейся молодежи, сыгравшие решающую роль в начальной стадии Войны за Независимость, – его члены делили свое время между военной подготовкой и сельскохозяйственной работой в поселениях, в которых находились их лагеря. Происходило это главным образом из-за недостатка средств на содержание отрядов.

Дисциплина была строгой. Политику определяли центральные органы ишува – Еврейское агентство и Национальный комитет. Даже в тех случаях, когда члены Хаганы не были согласны с общей линией этого руководства, они ничего не предпринимали без его согласия.

На почве соблюдения национальной дисциплины углубился раскол между Хаганой и двумя отколовшимися от нее в конце 30-х годов организациями: "Иргун цваи леумми" ("Национальная военная организация" – Эцел) и "Лохамей херут Исраэль" ("Борцы за свободу Израиля" – Лехи). В последний период британского владычества в стране эти две организации сыграли важную роль в ослаблении режима мандатных властей. Однако большая часть общественных сил, организованных в Хагану, усматривала опасность в нарушениях национальной дисциплины. В широких общественных кругах также были разногласия по поводу форм и методов борьбы с арабскими националистами. Например, до 1936-37 гг. господствовало мнение, что Хагана обязана воздерживаться от нападений на места концентрации арабских вооруженных сил, довольствуясь защитой еврейских поселений. С этим мнением далеко не все были согласны. Но когда демократические учреждения, избранные еврейским ишувом и сионистской организацией, принимали решения, они для всех считались законом.

Не так обстояло дело с Эцел и Лехи. Они требовали политики более активного сопротивления британской власти и

атаковали центры арабского населения. Их подразделения были мельче, а конспирация более глубокая, чем это было принято в Хагане. Отношения между ними и Хаганой были все время очень напряженными, а порой переходили в открытые столкновения. Только в течение нескольких месяцев конца 1945 и начала 1946 гг., в период "движения сопротивления", все три военные организации сотрудничали в общей борьбе против мандатных властей. Взаимная отчужденность продолжалась практически до момента возникновения государства и даже в начале Войны за Независимость.

Хагана была ядром, из которого выросла армия Израиля. Мощь арабских националистов, обнаруженная в ходе восстания 1936-39 гг., привела к более широкой мобилизации еврейских сил и к формированию командного состава более высокого уровня, обладавшего опытом партизанской войны. Позже, во время Второй мировой войны, когда 25 тысяч евреев из Эрец-Исраэль добровольно вступили в еврейские военные подразделения Великобритании для борьбы с нацизмом и его союзниками, возникли кадры евреев-офицеров, обладавшие опытом, полученным в регулярной армии. От сочетания двух типов командиров — кадрового офицера и партизанского бойца — выкристаллизовался особый тип командира Армии Обороны Израиля.

29 ноября 1947 года Организация Объединенных Наций приняла решение о создании еврейского государства. Бен-Гурион уже тогда предугадал развитие событий — атаки арабских государств, их стремление разрушить еврейское государство. Он предвидел и то, что никто не придет на помощь этому молодому государству. ("Будет резня, — говорил в те дни Аззам Паша, секретарь арабской лиги, — подобно которой мир не видел со временем нашествия монголов".) Все свои усилия Бен-Гурион направлял на организацию подразделений еврейской армии и приобретение всеми доступными путями оружия для ее оснащения.

Арабские нападения начались на завтра же после резолюции ООН, и с этого момента началась Война за Независимость, а уже в день объявления независимости, 14 мая 1948 г., еврейские силы обороны были призваны встать против опытных и оснащенных военной техникой регулярных армий семи арабских государств и против формирований наемников, которые вторглись в Эрец-Исраэль через границу и не были остановлены британскими властями.

Эта кровавая война, продолжавшаяся больше года, завершилась победой молодой армии только что родившегося Государства Израиль. Эти события относятся уже к истории Государства, но они являются заключительным аккордом героической истории организации по имени "Хагана".

Яаков Цур

СОДЕРЖАНИЕ

I.	Предвестники Хаганы	3
II.	Хашомер	22
III.	Годы Первой мировой войны.	52
IV.	Еврейские полки	74
V.	Тель-Хай и Иерусалим	96
VI.	Основание Хаганы.	118
VII.	Первые испытания	124
VIII.	Будни Хаганы	151
IX.	Кровавые беспорядки в августе 1929 года.	174
X.	Передышка и напряженность	207
XI.	"Арабский бунт"	242
XII.	Хагана в первый год беспорядков	266
XIII.	Легальные части	284
XIV.	Полевые роты ("ФОШ")	305
XV.	Борьба с арабским террором	320
XVI.	"Ограда и башня" и нелегальная алия.	341
XVII.	Закупка и производство вооружения в пред- военные годы	364
XVIII.	Организационное развитие Хаганы	376

I. ПРЕДВЕСТИКИ ХАГАНЫ

Первые в охране еврейских поселений

В годы зарождения новых еврейских сельскохозяйственных поселений в Эрец-Исраэль в конце **XIX** века возникла проблема обеспечения безопасности людей и их имущества.

Еврейские поселения, существовавшие ранее (старый ишув), как правило, были далеки от идеи самозащиты. Арабы привыкли видеть в евреях, проживавших в особых кварталах Иерусалима, Хеврона, Цфата и Тверии, людей, которые не хотят и не могут защитить себя. В трудные минуты их выручали подкуп — *бакшиш*, уплачиваемый оттоманским чиновникам, и покровительство иностранных консулов, которые в те времена пользовались широкими полномочиями и прерогативами и могли защищать своих подданных.

Новые поселенцы не могли ожидать помощи со стороны властей, поскольку последние, как правило, косо смотрели на еврейское движение по заселению страны, всячески пытаясь помешать его развитию.

Консулы, резиденции которых находились в городах, были далеки от мест новых поселений, а в стране в ту пору еще не было телефонов и автомобилей. Поселенцы должны были полагаться на свои собственные силы.

Вторым фактом, ухудшившим положение новых поселений, была недостаточная общая безопасность. Вековые традиции произвола все еще не были преодолены. В арабских деревнях и бедуинских племенах безраздельно правили местные властелины. Им казалось, что любой пришелец, не заручившийся их покровительством, подрывает их престиж и их власть. Даже скучное оборудование новых еврейских поселений вызывало зависть у соседей-арабов, пробовавших свои силы в воровстве и разбое всюду, где им только удавалось.

Им противостоял еврейский поселенец — сын народа, который на протяжении многих поколений не принимал участия в войне за свой народ, уроженец еврейского местечка Восточной Европы. Однако благородная идея возвращения в Сион вселяла храбрость в сердца этих людей. Провозвестники и пионеры нового движения принимали во внимание, что сельскохозяйственные поселения в стране невозможны без охраны и защиты. Раввин Цви Калишер, один из провозвестников еврейского заселения Эрец-Исраэль, писал еще в 1862 году, что "поселенцы должны подготовить там (в Палестине) охрану, обученную военному делу, чтобы арабы не уничтожали посевы и виноградные плантации". Акива Иосеф Шлезингер, один из основателей Петах-Тиквы, писал, что поселенцы должны быть вооружены, "десять человек из ста должны быть всегда на страже, пять в самом поселке, в особенности ночью, а пятеро всадников должны кружить по полям, дабы не пришли вредители на поля и виноградники".

Дальновидные люди были среди поселенцев с первых шагов их пути на новой родине. Не менее важным был и совсем другой тип людей — физически крепких и сильных, которые выросли среди народа, прозябавшего в изгнании, подобно диким растениям на заброшенном поле. Они были земледельцами, кузнецами, балагулами (возчиками) и просто евреями с крепкими мышцами, которые поднялись с нижних ступенек общественной лестницы и, приехав в новые поселения, превратились в почитаемых и активных товарищей по

труду. Как первые, так и последние, сообща постепенно приучали арабов относиться с уважением к новым соседям.

Проблема безопасности в первых поселениях не выходила, в целом, за рамки отношений между поселением и его ближайшими соседями. Петах-Тикве причиняли немалый ущерб арабы Иехудии, Кфар-Аны и кочевавшие поблизости бедуинские племена. Реховот сражался с феллахами Зарнуги и бедуинами из племени Сатария, Гедера не ладила с Катрой, Рош-Пина — с племенем Зангрия, а Метулла с друзьями. Причиной напряженности были чаще всего пастбища, колодцы и водные источники, а также кражи и ограбления, совершаемые соседями евреев-поселенцев. Эти причины носили местный характер и не были связаны с политическими мотивами.

Каждое поселение, подвергнувшееся насилию, должно было пройти в своем развитии стадию борьбы и стадию охраны. На стадии борьбы поселение оказывалось в первые годы своего существования. Арабы испытывали новых поселенцев, выясняли, как далеко можно зайти в проявлениях враждебности к ним. Поселенцы были поставлены перед необходимостью с первых же дней демонстрировать стойкость духа и способность обороняться; они должны были доказать, что не пугаются угроз, одиночных и групповых набегов и готовы ответить ударом на удар. И евреи защищались всеми средствами, начиная с кулака, дубинки и винтовки, вплоть до обращения к помощи консулов и правительственные солдат.

Период борьбы продолжался год-два, иногда затягивался на годы. Большие поселения, проявившие особую стойкость духа, быстрее завершили этот период. Петах-Тиква, Ришон ле-Цион, Реховот и Зихрон-Яаков довольно быстро завоевали уважительное к себе отношение и признание со стороны соседей. Однако ряд поселений, из-за своей слабости или вследствие особых обстоятельств, оставались на стадии борьбы долгие

годы. Так было в Гедере, Беэр-Тувии, в поселениях Нижней Галилеи и особенно – в многострадальной Метулле.

Вторым этапом в укреплении безопасности поселений был период охраны. Поселение уже доказало, что в его силах отбросить налетчиков, защитить свое существование и свои права. Но воровство – обычное явление в любой бедной и отсталой сельскохозяйственной стране, – в Эрец-Исраэль приобрело характер страшного бедствия из-за бедуинских обычаев и слабости турецкой полиции.

Охрана от воров и расхитителей была серой и будничной работой, лишенной даже налета романтики. Ни на один день не прекращалось состязание между хитростью и тактикой воров с одной стороны и организованностью охраны, детективными способностями стражей поселения – с другой.

Затраты на охрану занимали важное место в общественных расходах поселений и колебались от 10 до 15 процентов общего бюджета.

Охрана в те дни поручалась главному сторожу, своего рода подрядчику, и подразделялась на два вида – охрану строений и охрану полей. Охрана поселковых зданий, складов, коровников считалась более легкой задачей, ее иногда выполняли сами поселенцы в порядке очередности наряду с наемными сторожами – арабами. Охрану полей несли вооруженные всадники. Главный сторож не только отвечал за организацию охраны. Он должен был преследовать воров и возвращать украденное. Фактически он был одновременно полицейским офицером, следователем и сыщиком. В случае необходимости на него возлагалась также обязанность вести переговоры с помощью различных посредников, пытавшихся повлиять на воров и заставить их возвратить похищенное. Если же главному сторожу не удавалось вернуть пропажу, он должен был возместить владельцам ее стоимость.

Чужой язык, чужие нравы

Незнание языка, обычаяв и правил поведения арабов увеличивали напряженность. Трагическое убийство шейха Муграби в Йесуд ха-Маале в 1890 году может служить тому примером.

Шейх прибыл из Цфата на отдых в деревню А-Тлейл, расположенную недалеко от еврейского поселения. Услышав о плантациях цветов, посаженных садовниками барона Ротшильда в Йесуд ха-Маале, он решил осмотреть их. Очевидно, сопровождавшие его люди были неосторожны, они растоптали некоторые клумбы и погубили цветы. Садовник, не зная арабского языка обругал шейха по-арабски, не понимая точного значения сказанных слов. Оскорбленный шейх занес над садовником свою трость, но один из еврейских рабочих ударил его, тяжело ранив в голову. Свита шейха позвала на помощь жителей села А-Тлейл и вместе с ними набросились на евреев. Поселенцы укрепились в одном из больших зданий и лишь благодаря вмешательству шейха деревни А-Тлейл, защитившему евреев, рассвирепевшие феллахи уняли свою ярость. Шейх скончался от полученной раны. Садовник вынужден был покинуть поселение. При посредничестве служащих барона Ротшильда в Галилее было достигнуто соглашение между поселенцами и арабами. Сын убитого шейха был назначен сторожем поселения, и на этот раз все завершилось благополучно.

Исраэль Белкинд, один из основателей Ришон ле-Циона пишет в своих воспоминаниях, что большинство столкновений между еврейскими поселениями и арабами было результатом взаимного непонимания. "Многие из них можно было предотвратить, если бы мы знали язык страны, ее обычай и другие вещи, известные нам сейчас". Так в первые дни существования поселений произошло немало столкновений с пастухами, заходившими на земли евреев. Евреи вели себя в соответствие с обычаями тех стран, откуда они приехали,

где лишь хозяин земли имеет право пасти на ней скот. Только через несколько лет им стало известно, что "арабы, как правило, не оставляют участки специаль-но под пастбища. Стада пасутся в любом открытом месте, безотносительно к границам земель деревни" (Белкинд). Арабы дивились поселенцам, "которые чувствуют себя на этой земле настолько по-хозяйски, что на границах своих участков устанавливают загра-ды для скота, даже на заброшенных полях, которые самим Богом предназначены для всех, как это было испокон веков".

Такие недоразумения случались, главным образом, в течение первых двух–трех лет со дня основания но-вого поселения. После того, как поселенцы и их соседи узнавали обычай друг друга, уменьшалось число ссор и притуплялась их острота. Среди еврейских юношей были и такие, которые с течением времени до тонкости изучили традиции соседей и в совершенстве владели арабским. "Когда им приходилось бывать среди бедуи-нов, – пишет Д. Гиршберг в путевых заметках, – их нельзя было отличить ни по одежде, ни по внешнему виду от бедуинов. Арабским они владели свободно. С ружьем на плечах, сидя на несущейся во весь опор лошади, они знали, как себя вести, учитывая нормы поведения и традиции бедуинов".

Одним из важных факторов безопасности поселения было знание обычая кровной мести. Еврейские посе-ленцы впервые столкнулись здесь с этим обычаем и были вынуждены с ним считаться.

В 1883 году, в один из их первых дней пахоты, в по-селении Рош-Пина справляли свадьбу. Во время торже-ства несколько молодых людей выстрелили в воздух из пистолетов и ружей. Шальная пуля попала в арабско-го юношу и убила его. "Колонисты не знали, – расска-зывает основатель поселения Давид Шуб, – какая смертельная опасность нависла над ними. Они лишь глубоко сожалели о случившемся, поскольку в их по-селении случайно погиб молодой человек". Тем време-нем весть о случившемся достигла семьи убитого в

Цфате, и с быстротой молнии там собрались около 200 членов рода — мужчины, женщины и дети. Вооружившись палками и камнями, они с ужасающими криками напали на еврейское поселение... Феллахи близлежащей деревни Джауни защитили евреев и предотвратили кровопролитие. Вмешательство французского консула в Цфате и правительственные солдаты спасло молодое поселение, однако еще долгие месяцы продолжались нападения на жителей поселка.

Поэтому как арабы, так и евреи предпочитали кулак, дубинку, нож, кинжал, плеть огнестрельному оружию. О Сендере Хададе, одном из первых сторожей Петах-Тиквы, говорили: "огнестрельное оружие он не любил и полагался на свои руки. А руки у него были железные. И еще одним оружием он владел — "арапником", особой плетью с короткой ручкой и двойными кожаными ремнями. К концу плети был прекреплен невидимый глазу кусок металла". "В действительности, — рассказывает Исаэль Белкинд о первопоселенцах Ришон ле-Циона, — они почти не применяли оружия. Самым главным оружием была нагайка".

Другой причиной столкновений были земельные конфликты, происходившие на еврейских поселениях с первых дней их существования. Корни этих конфликтов уходили в нечеткое земельное законодательство Османской империи.

Земли Петах-Тиквы были куплены евреями у арабского эфенди. Однако, как оказалось, тот овладел этой территорией, используя не совсем законные средства. Прежние хозяева земли были вынуждены уступить ее за номинальную плату, став жертвой хитрости и нечестных махинаций этого эфенди. В письме известному деятелю Ховевей Цион* в России И. Л. Пинскеру

* Ховевей Цион ("Ревнители Сиона") — движение за возвращение на свою историческую родину, возникшее в России в восьмидесятые годы прошлого века среди передовой еврейской молодежи (задолго до появления политического сионизма). Его главные идеологи — доктор И. Л. Пинскер (1821—1891), автор знаменитой "Автоэмансипации",

один из основателей поселения Элиэзер Рокеах писал весной 1886-го года: "Прежние хозяева земли еще не забыли незаконных действий первых покупателей, и прежние арендаторы, жители близлежащих деревень, оставшись без доходов, лишь подливали масла в огонь страстей".

Авраам Моял, представитель Ховевей Цион в Яффе, писал доктору Пинскеру о землях Гедеры:

"Земля, купленная в Гедере, была основой экономики этой деревни (Катра). Француз, мосье Поливье, сдавал землю в аренду жителям деревни, чьи долги постоянно росли. И все же без этой земли они не могли бы существовать и года. Пока владельцем был Поливье, феллахи не чувствовали тяжести своего положения, поскольку он сдавал им землю в аренду. Но сейчас, когда феллахи убедились, что наши братья сами будут обрабатывать ее, они вынуждены бороться за свой кусок хлеба. И неудивительно, если жители деревни Катра будут препятствовать развитию еврейского поселения, надеясь на то, что, быть может, наши братья потеряют терпение и уйдут жить в другое место".

Три этапа самообороны

Судьба самообороны в первой волне алии была сходна с судьбой самих поселенцев: вначале – геройство, в конце – слабость и разочарование. Можно различить в этом процессе три этапа.

Первый, героический, начался с основания Петах-Тиквы в 1878 году. У поселенцев еще не было связей с арабскими соседями, им оставались чужды их привычки. Евреи должны были доказать окружающим свою стойкость духа и физическую силу.

Второй этап характеризуется правлением чиновни-

писатель М. Л. Лиlienблум (1843–1910), раввин Ш. Могилевер (1824–1898) и другие.

ков барона Ротшильда. Ответственность за безопасность была перенесена с поселенцев на чиновников. Еврейские земледельцы потеряли инициативу и свободу действий, которые вначале играли столь важную роль в обороне поселений.

Бакшиш, который получали правительственные чиновники, знать и местные любители чужого добра, составлял основу безопасности поселений. Престиж поселенцев упал в глазах соседей, но имя и деньги барона служили им защитой.

Когда в 1900 году управление поселениями перешло к организации ЕКО*, начался третий период – период всеобщего упадка. Молодежь покидает поселения, которые стали ареной безнаказанных действий местных грабителей. Охрана поселений переходит фактически в руки тех же арабских воров и разбойников, негров, черкесов и друзов.

Когда первые поселенцы прибыли в Петах-Тикву, на пустынные берега Яркона, им пришлось выдержать нападения соседей, пытавшихся разграбить достояние новоприбывших. Арабы пасли скот на полях поселения.

Такое положение вскоре изменилось благодаря безграничной преданности поселенцев своему делу. Три необычных человека сыграли при этом решающую роль. Один из них – Иехуда Раб, первый еврейский страж в Эрец-Исраэль, уроженец Венгрии, смелый и сильный человек. Ему на помощь пришел Яаков Зармати, чьи родители приехали из Марокко и поселились в Яффе – силач, барышник (торговец лошадьми), имеющий связи с бедуинами. Он предложил поселенцам свои услуги и прибыл в Петах-Тикву, где его имя стало почитаться как имя очень сильного человека и поборника справедливости. Третий был Дауд Абу-Йосеф, личность легендарная, словно возникшая из восточного фольклора. Абу-Йосефу было 50 лет, когда он появился в Петах-Тикве в конце первой зимы посе-

* Еврейское колонизационное общество, основанное в конце XIX в. бароном Гиршем. Ставило своей целью приобщение евреев к сельскому хозяйству.

ления. Он прибыл из окрестностей Багдада верхом на породистом коне, вооруженный острым мечом и длинной стальной пикой, и нагнал страху на окружавшие Петах-Тикву бедуинские племена. Абу-Йосеф обучил охранников поселения арабским обычаям и традициям. Через год он возвратился в Багдад, и дальнейшая судьба его неизвестна.

В 1882 году в страну Обетованную прибыли новые репатрианты, члены организации еврейской молодежи в России, известной под названием Билу*. Многие из них были молодыми людьми, смелыми и вдохновенными.

Ответственность за безопасность поселения была общим делом всех поселенцев. Каждый вносил свою лепту в соответствии с возрастом и силой. "Когда сторож поселка, — один из нас, а не наемный охранник, дежуривший всю ночь или половину смены, в зависимости от расписания, приходил и заявлял, что ему послышался топот животного в одном из концов селения, тотчас же все садились на лошадей и мчались в указанном направлении. Нарушителя спокойствия брали в плен. Наутро его хозяева приходили просить о возврате скотины. Их заставляли платить штраф. Полученные таким образом деньги шли на закупку оружия" (И. Белкинд).

Молодежь поселения возглавляли Исаэль (Лолик) Файнберг и Иехошуа Ханкин. Файнбергу было 18 лет, когда он прибыл в страну с двумя старшими братьями. "Своим ростом и силой он наводил страх на соседей-арабов и, более чем кто-либо из других поселенцев был повинен в том, что арабы связывали пионеров-земледельцев с именем Сатаны. Он быстро научился говорить по-арабски, ездил верхом, как настоящий бедуин, и за это арабы его очень уважали" (И. Белкинд).

"Я часто думаю, — писал один из пионеров-поселенцев Е. Хисин, — неужели это те самые евреи, которые

* Билу — начальные буквы слов библейского стиха **Бейт Яаков лху ве-нелха** ("Дом Яакова! Вставайте и пойдем!"); Исаия 2:5).

на родине безропотно переносили всякие унижения и оскорблении? Короткое время свободы и равноправия, сознание того, что они не хуже других придали им смелость, мужество, самоуверенность. Нет сомнения, что подрастающее поколение будет свободно от робости отцов”.

В 1885 году комитет поселенцев решил реорганизовать охрану Ришона (так для краткости называли Ришон ле-Цион). “Для этого все бойцы были поделены на два лагеря. Первый лагерь – “внутренний”, второй – “внешний”. Внутренний лагерь насчитывал 25 членов и отвечал за охрану внутри поселения. Внешний лагерь, состоявший из девяти молодых поселенцев, как на подбор прекрасных наездников, был освобожден от обязанности нести охрану внутри поселения. Они делились на тройки, и каждую ночь посменно выезжали за пределы поселения – в поля – охранять их от чужих стад. В течение одного месяца “национальная гвардия” Ришон ле-Циона собрала 70 меджидиев в качестве штрафа с владельцев скота. На эти деньги приобреталось оружие” (И. Белкинд).

В обновленной Петах-Тикве и на севере страны

В 1882 году, после годового перерыва, было вновь возобновлено поселение в Петах-Тикве. Все поселенцы принимали участие в его охране, но сразу выделилась маленькая группа людей, вкладывавших в это дело всю душу. Эту группу возглавляли Иехуда Раб, Мендель Копельман и Сендер Хадад.

Сендер Хадад был прототипом профессионального сторожа. Сын еврейского кузнеца из России, он с раннего детства любил приключения, был агрессивен по натуре и не отступал перед опасностью. Он был одним

из первых в стычках с грабителями. Сендер "хорошо знал, как наносить и как получать удары — и немало получал их" (М. Смилянский).

Живую картину организации охраны и обороны в поселении дает в своих воспоминаниях Хавив-Любман: "Как-то ясным ноябрьским утром я соскочил с лошади вблизи колодца. Туда собрались все защитники поселка, в том числе и представительницы прекрасного пола, вооруженные "амазонки", которые не раз демонстрировали арабам силу своих кулаков. На могучей лошади восседал командир и твердым голосом отдавал приказания. Это был Иехошуа Штампер, один из основателей поселения. Мы все выстроились в ряд, возглавляемые вооруженным всадником. За ним располагалась пехота со своим примитивным оружием: дубинками, вилами, серпами... Плотными рядами подошли мы к полю битвы. Повсюду арабы, вспахивающие на волах и верблюдах еврейскую землю. Наш командир отдал приказ: отогнать захватчиков, сломать плуги, волов и ослов доставить в Петах-Тикву, утрамбовать вспаханную землю. Поднялась суматоха, началась борьба, слышались крики, споры, брань. Бесстрашие и отвагу демонстрировали всадники, которые носились на своих лошадях по полям, бежалостно топча вспаханную землю. Задача состояла в том, чтобы достичь цели при помощи одних лишь кулаков и применять оружие лишь для устрашения".

Об одной из женщин, принимавшей участие в организации обороны поселения, Эстер Гринштейн, рассказывают, что "однажды, когда арабская свадебная процессия прошла из деревни Иехудия через еврейские поля, Эстер с дубиной в руках направо и налево раздавала удары осаждавшим ее... Она сбросила невесту с верблюда и сняла с нее все драгоценности со словами: "Это плата за ущерб"... Арабы устроили для евреев званый обед в знак примирения и не садились за стол, пока не пришла Эстер и не согласилась отобедать с ними".

В Зихрон-Яакове создалось такое же положение.

С одной стороны — соседи, которые воровали все, что плохо лежит. С другой стороны — молодые еврейские парни, которые вырвались из diáспоры и хотели продемонстрировать "гоям" (иноверцам) свое геройство. Когда поселенцы убедились, что соседи проникают в хлеба и пожинают результаты их труда, они организовали усиленную охрану. Во главе стражей встал Лупо (Зеэв) Нейман. Он собрал всю молодежь, здоровых парней с крепкими кулаками, и организовал из них особую группу охраны. Каждую ночь эти парни патрулировали селение, и когда ловили вора, жестоко избивали его. Воровство быстро прекратилось.

Скот собирали каждую ночь вместе, и шесть парней охраняли стада. Здесь также старались не употреблять огнестрельное оружие. Общепринятым методом борьбы с преступностью было избиение вора; стражи не упускали случая поработать кулаками.

В Рош-Пине, которая еще не забыла былой трагедии, земледельцы сами заботились об охране. "Каждый крестьянин и рабочий, — устанавливал кодекс колонии, — должен нести свою смену и дежурить по ночам, как решил комитет. Он должен нести охрану и не может поставить вместо себя наемного сторожа".

Охрана полей была поручена бедуинам из племени Зангрия, но после нескольких конфликтов люди поняли, что нельзя полагаться на чужих сторожей. "Тогда-то и появились два смелых человека — Песах Лейб Букшестер и Менахем Грабовский, — рассказывает в своих воспоминаниях один из старожилов. — Не раз сталкивались они с теми, кто пас скот на чужой земле, и зачастую силы были неравны".

Охрана в Реховоте и в Хадере

В поселениях Реховот и Хадера система самообороны сохранилась до начала 90-х годов. "В 8 часов вечера, — писал Моше Смилянский, — сторожа созывались на смену. С этого часа посторонним запрещалось проходить через поселение". Комитет поселения был посредником во всех конфликтах между земледельцами и арабами, и его решения были обязательны для поселенцев. Арабы получали в Реховоте бесплатную медицинскую помощь. Это должно было помочь взаимопониманию арабов и евреев. Но уже в первые годы своего существования Реховот подвергся двум большим нападениям: арабов из деревни Зарнуга и бедуинов из племени Сатария. Атаки пришли на те часы, когда большинство мужского населения — земледельцы и рабочие — были на полях, и поэтому возникла необходимость ввести в поселении постоянную дневную охрану. Тогда-то и была создана в Реховоте организация, в которой состояли около ста парней. Они были вооружены и тренировались по вечерам. Их командирами были те, кто в свое время прошел службу в русской армии. Приказы обычно отдавались по-русски. Через некоторое время было приобретено 6—7 примитивных ружей. К концу 90-х годов молодежь Реховота объединилась под командованием Элиэзера Марголина, одного из молодых поселенцев. Бойцы "приобрели для себя хорошее оружие, греческие военные ружья и наганы, учились стрелять в цель, добыли быстрых лошадей и стали прекрасными наездниками. Каждую минуту они были готовы прийти на помощь жителям маленьких поселений. Когда приходили тревожные вести, молодые охранники садились на лошадей и в любое время дня и ночи с быстротой молнии летели к месту опасности" (М. Смилянский).

Положение в Хадере было иным. На больших, просторных полях, которые включали в себя тысячи дунамов (в том числе – пески и болота) кочевали бедуинские племена, промышлявшие воровством и грабежами. Купив землю Хадеры, Иехошуа Ханкин послал туда группу людей для ее охраны. В этой группе было 5 парней из Ришон ле-Циона, среди них Исаэль (Лоплик) Файнберг и два брата Иехошуа Ханкина – Мендель и Танхум Ханкины. Эти люди оставались с первыми поселенцами, прибывшими из diáспоры, были их учителями в деле охраны своих земель. В первые дни создания поселения в нем практиковалась общая охрана, в которой принимали участие все жители поселения от 16 до 30 лет. "Каждую ночь выходили три пары на дежурство, кружили вблизи караван-сарай и шатров, учились пользоваться оружием" (М. Смилянский).

Авраам Шапира

Авраам Шапира родился в 1870 году в одном из мелких городков на Украине и приехал в Эрец Исаэль вместе с родителями, когда ему было десять лет. С юных лет он отличался храбростью и принимал участие во всех стычках с арабами. Когда в 1890 году Мендель Копельман, возглавлявший охрану Петах-Тиквы, ушел в отставку, Авраам Шапира был назначен на его место с жалованием 60 франков в месяц.

Шапира не ограничивался охраной имущества, он выполнял также обязанности "министра обороны" в миниатюре и вел "дипломатические" переговоры. Возникла необходимость согласовать действия по всей округе с тем, чтобы разъяснить соседям, что Петах-Тиква – это не сбогище безропотных чужаков, а поселение храбрых и сильных людей. "В пользу Авраама Шапира

решали его внешние данные, ловкость наездника, не уступавшая арабской, участие в стычках, знание языков соседей и понимание их обычаев", — писал о нем современник. Он приобрел репутацию отважного человека, которому свойствено чувство справедливости и добрые намерения. Шапира был уважаем и среди арабов, которые называли его "шейх Ибрагим Миха".

Это был идеальный тип стражи из тех, что впоследствии создали организацию Хашомер, с одним только принципиальным отличием: он охранял Петах-Тикву, главным образом, с помощью сторожей-бедуинов. В те дни успех охраны и безопасности был тесно связан с личностью человека, который стоял во главе их. Благодаря Аврааму Шапира положение Петах-Тиквы выгодно отличалось от других поселений, живших в атмосфере постоянной опасности со стороны соседей.

Система безопасности администрации барона Ротшильда

Власть администраторов барона Ротшильда в поселениях создавалась не сразу. В начале своей деятельности служащие барона были вынуждены бороться со многими поселенцами, которые отказывались принимать их опеку. Эти поселенцы в большинстве своем были те самые земледельцы, которые возглавляли защиту поселений. Некоторые из них впоследствии покинули Эрец-Исраэль, другие не выдержали борьбы с администрацией и смирились с ее существованием. Победа системы попечительства привела в конечном итоге к тому, что сильные люди были сломлены, и это сразу сказалось на охране поселений. Но большинство поселенцев не почувствовали тогда утраты, поскольку в годы роста администрации проблема безопасности решалась

успешно, хотя достигалось это совсем другими средствами.

"В начале года, — рассказывает один из жителей Галилеи, — администрация давала каждому из правительственные чиновников соответствующий подарок, и те, таким образом, "признавали" служащих барона. И когда возникал какой-нибудь спорный вопрос, он разрешался в пользу администрации путем небольшой взятки". "Были случаи, — рассказывает в своих воспоминаниях Х. Кальвариский, — когда служащие барона смеялись губернаторов султана и окружных чиновников с занимаемых ими должностей, если те становились черезчур вредными для евреев".

Естественно, что положение колоний намного улучшилось, поскольку арабы знали, что оттоманские чиновники в любую минуту готовы прийти на помощь евреям. Администрация барона оказывала также помощь и тем поселенцам, которые не находились под ее опекой.

Однако для того, чтобы держать в узде земледельцев, администрация стремилась подавить дух самообороны. Она предотвращала энергичные ответные действия и стремилась не допустить применения силы, что было характерно для охраны первых поселений.

Администрация расширила и систему охраны с привлечением арабов. В Петах-Тикве во главе охраны стоял Авраам Шапира, другие же стражи, находившиеся под его руководством, были арабами из соседних сел. В Ришон ле-Ционе главный администратор барона, Блох, возложил обязанности по охране домов поселения на земледельцев, которые патрулировали по очереди. Однако поля и виноградники охранялись арабскими сторожами.

В Экроне были назначены два арабских сторожа, которые со своими семьями возглавляли охрану. В Йесуд ха-Маале были мобилизованы два сторожа из племени Муграби. Администрация придерживалась и метода, который был весьма распространен среди арабов: охрана имущества поручалась известным смутьянам

и грабителям. Эти "сторожа" набирались из определенной прослойки населения арабских сел, среди них были бедуины, негры, черкесы и муграби (алжирцы). В большинстве случаев такой сторож не патрулировал вокруг зданий и полей, а попросту спал, и его "славы", по обычаям того времени, было достаточно для охраны поселения.

Служащие барона обеспечивали такими способами сохранность имущества, однако упускали другой важный момент -- престиж новых поселений, который был завоеван храбростью первых колонистов. Оттоманские чиновники и местные правонарушители охотно брали деньги барона, но их отношение к евреям отнюдь не улучшалось, а наоборот, ухудшалось. "Они думают, что деньги даются им из страха, или для того, чтобы подкупить их", -- отмечает доктор Хиллел Яффе в одном из своих писем.

Период кризиса и эмиграции

Когда в 1900 году прекратился денежный поток барона Ротшильда, который полностью обеспечивал нужды поселения, наступили тяжелые перемены и в сфере обороны. "Арабы увидели, -- пишет Давид Шуб, житель Верхней Галилеи, -- что администрация перестала покровительствовать поселениям и решили: сейчас снят запрет и дано разрешение их грабить и присваивать чужое добро". Массовый уход рабочих и молодежи из поселений в эти годы и эмиграция в другие страны также ослабили обороноспособность поселений.

Большинство еврейских земледельцев видело лишь один путь -- продолжать старую тактику, стараться завоевать благосклонность чужих. Отличие было только в том, что администрация барона в свои заботы о безо-

пасности вовлекала и турецких чиновников, в том числе занимающих высокое положение, а поселенцы из своих скромных средств могли выделять суммы на взятки лишь местным чиновникам и грабителям, орудовавшим в близлежащей округе. Арабские сторожа считали себя господами положения и покровителями поселенцев-евреев. Это положение особенно четко проявлялось в маленьких поселениях и в Галилее, где охрана, поглощая значительную часть общественного бюджета, в то же время не предотвращала воровства. Сами охранники похищали значительную часть урожая, собранного в поселении.

Различие в охране маленьких и крупных поселений было в том, что первые были тесно связаны со своими сторожами и боялись их, в то время как последние предпринимали иногда попытки к сопротивлению. В 1903 году, когда в Реховоте участились кражи, было решено сменить всех арабских сторожей на других, тоже арабских.

Результаты этой системы охраны были подведены Моше Смилянским в следующих словах: "В Петах-Тикве все еще Авраам Шапира командует арабскими сторожами. Но во всех других поселениях — в Галилее, Самарии и в Иудее — охрана полностью передана в руки бедуинов, муграби и черкесов. В Метулле налог выплачивался соседним бекам. В Йесуд ха-Маале черкесы и муграби дрались между собой за право охранять поселение, и поселение сдавалось тому, кто побеждал. В Рош-Пине были оставлены на произвол судьбы плантации миндаля и виноградники. Зихрон-Яаков платил налог местным владыкам. В Хадере не засеивались отдаленные поля. Еврейское сельское поселение фактически передано в руки арабских сторожей, на их произвол и милость".

Такое положение не могло не привести к печальному исходу. Должны были наступить перемены, и они пришли вместе со второй волной алии.

Со Второй алией

В годы Второй алии (1904–1914) среди репатриантов, прибывавших в Эрец-Исраэль, выделялась молодежь, следовавшая идеям национального и социального возрождения и стремившаяся внести коренные изменения в жизнь еврейского ишува. Эта молодежь утверждала, что независимость еврейского народа не может основываться на чужом труде и обороне чужими руками. Существование ишува должно базироваться на еврейской рабочей силе и еврейской самообороне. Эта волна алии выдвинула новые пути заселения страны и заложила основы рабочего движения в Палестине. Она внесла коренные изменения в систему охраны и еврейских поселений.

Новоприбывшие (особенно молодежь) были поражены немощью еврейского населения Палестины и его зависимостью от арабов. Многие из них прошли тяжелую школу борьбы в рядах революционного движения и в отрядах еврейской самообороны в России. Первыми были члены гомельской группы, во главе которых

* Хашомер (ивр.; букв. – страж).

стоял Иехезкель Хенкин. Они прибыли в страну в декабре 1903 года — им пришлось бежать из России из-за их участия в защите евреев от погромщиков. Вслед за ними стали прибывать участники еврейской самообороны из Одессы, Бессарабии и других местностей. Большинство было связано в России с движением Поалей Цион, которое тогда еще не организовалось как партия, но объединяло в своих рядах широкие слои европейской молодежи, стремление которой к национальному освобождению на Земле Израиля сочеталось с идеями русской революции. Появление такой молодежи в еврейских поселениях вызвало прилив мужества во всем ишуве.

Новым веяниям в значительной мере способствовал Михаэль Гальперин, один из выдающихся людей Первой алии. Это был человек с богатым воображением, энтузиаст и фантазер. Его речи увлекали слушателей, однако непрактичность, оторванность от действительности и отсутствие организаторских способностей очень ему мешали. То был своего рода Дон-Кихот, рыцарь печального образа, сгоравший в пламени, зажженном им самим.

После перенесенных им испытаний и неудач в годы Первой алии Михаэль Гальперин вернулся в Россию. Он много путешествовал по различным городам, пропагандируя идеи возврата в Сион, сочетая их с идеями революционного социализма, зажигал молодежь мечтами о сионистской революции. Именно он, по свидетельству его последователей и учеников, определил лицо движения Поалей Цион. "Он возложил на себя обязанность, — рассказывает Александр Зайд, — воспитывать нас для Земли Израиля. Он выбрал из нашей группы (Поалей Цион в Вильно) тридцать человек и занялся нами особо. В каждый канун субботы и выходного дня мы уходили за город. На лоне природы мы занимались спортом, а затем усаживались в кружок, и Гальперин рассказывал нам о социализме, но главным образом, — о Палестине и арабах. Он стремился подготовить нас к

новой жизни в стране Израиля, к труду на земле и к ее защите”.

В начале 1905 года Гальперин вернулся в Палестину. Он постоянно посещал места концентрации молодежи: известные гостиницы Хайма Баруха и Спектора в Яффе, “коммуны”, организованные в поселениях, места работы и охраны. “Из его уст вышел лозунг, призывающий всех молодых людей владеть оружием, – рассказывает Авраам Криницы, один из зачинателей Второй алии, – и мы приняли этот лозунг, и на первые заработанные деньги приобрели личное оружие”.

Но вскоре молодые последователи Гальперина осознали неспособность к действиям своего руководителя. Несмотря на это, их дружеские связи никогда не прерывались. Он сопровождал своих питомцев повсюду, разделял их радости, зажигательными речами поддерживал их в трудные минуты. Даже в последние годы своей жизни он везде демонстрировал твердость духа и боролся за честь Израиля. Весь ишув облетел рассказ о том, как он вошел в клетку со львами в бродячем цирке, выступавшем в Яффе в 1910 году – только для того, чтобы доказать, что евреи не трусы. Он сблизился с членами Хашомер, и последние свои дни, в беспокойное и голодное время войны, провел с ними. Умер Гальперин в 1919 году.

Весной 1904 года в страну прибыл семнадцатилетний юноша, которому предстояло сыграть решающую роль в организации самообороны еврейского ишува. Исраэль Шохат был сыном обеспеченных родителей, проживающих в Гродно. Еще подростком он сошелся с кружком Поалей Цион и участвовал в организации еврейской самообороны в своем родном городе. Он стремился к активной деятельности, и бурное воображение привело его, наконец, в Палестину. Немедленно по прибытии в Эрец-Исраэль он с головой окунулся в общественную деятельность среди новых рабочих.

Перед ним, как и перед его новыми друзьями, предстала удручающая картина унижения и упадка ишува. Однажды его товарищ по работе в винных погребах

Ришон ле-Циона рассказал ему о черкесах – небольшом племени, переселившемся в Галилею и Хоран с Кавказа и сумевшем укорениться там и завоевать почет и уважение со стороны соседей. Этот рассказ был для Исаэля Шохата откровением. "Если черкесы, малочисленное и слабое племя, сумели укрепиться и завоевать уважение в чужой и враждебной стране, – подумал он, – то почему не может сделать это избранная молодежь того народа, для которого эта страна – родина? Ведь наши духовные и физические силы многократно превышают силы черкесов".

Шохат решил воспитать новое еврейское племя – мужественное, гордое, воинственное. Такие идеи возникали еще в период Первой алии, и Михаэль Гальперин неоднократно высказывал их, но на сей раз нашелся человек, который мог смелую фантазию воплотить в жизнь и создать организационные рамки для практической, повседневной работы по осуществлению далекой мечты.

В 1905 году Шохат переехал в Шфею, где он стал секретарем и бухгалтером интерната для сирот из Кишинева, созданного Исаэлем Белкиндом. Летом 1906 года, с наступлением сезона охраны виноградников, ему стало известно, что из-за конфликта между владельцами виноградников в Зихрон-Яакове и арабскими сторожами еврейские крестьяне ищут других сторожей. Он предложил нескольким своим друзьям отправиться в это поселение и предложить свои услуги по охране виноградников. Впервые группа "московской" молодежи (так звали арабы выходцев из России) взяла на себя такие обязанности.

Арабские грабители, при содействии арабских сторожей, тут же организовали нападения на еврейскую охрану. Как-то ночью они устроили засаду и избили Александра Зайда, нанеся ему тяжелые ранения в голову. На следующий день владельцы виноградников решили, что еврейская охрана приводит лишь к кровопролитиям и уволили сторожей-евреев. Этот случай послужил для членов группы хорошим уроком. Они по-

няли, что необходимо хорошо подготовиться к самообороне и несению сторожевой службы, научиться владеть оружием и изучить язык своих соседей.

Создание организации Бар-Гиора

Осенью 1907 году в Яффе собралась третья конференция партии Поалей Цион в Палестине. После конференции восемь членов партии создали "Союз для общей цели, которую невозможно воплотить в жизнь в рамках всей партии, а лишь в узком кругу избранных единомышленников" (И. Бен-Цви). Встреча состоялась на квартире Ицхака Бен-Цви, в Яффе, в ночь праздника Симхат-Тора (29 сентября 1907 г.). Участники встречи считали себя членами небольшой тайной группы, прокладывающей путь и направляющей массы.

Главным оратором был Исраэль Шохат, которому исполнилось тогда двадцать лет. "С громадной силой его слова захватили всех присутствующих, хотя они были очень просты и лишены риторики. Но более, чем слова влиял на собравшихся бурный темперамент молодого человека" (И. Бен-Цви). Организация получила название Бар-Гиора*, а ее паролем, определенным в тот вечер, стали слова из стихотворения И. Кохена "Зелоты": "В крови и огне пала Иудея, в крови и огне она восстанет".

Во главе Бар-Гиоры встал Исраэль Шохат. Члены организации постановили, что все решения должны приниматься единогласно. Было также решено, что никто не должен знать о существовании организации, а ее члены должны переселиться в Нижнюю Галилею, которая

* Шимон Бар-Гиора – один из руководителей восстания против Рима (66 – 70 н. э.) и организатор обороны Иерусалима. Известен своей непримиримостью и отвагой.

была в тот период новым районом европейской колонизации. Лишь в начале 1901 года ЕКО начало заселение земель этого района, заброшенного и дикого. В Нижнюю Галилею легко проникали бедуины из Заирданья, многие из них промышляли набегами и грабежами. Бедуинские племена кочевали также и по самой Галилее, от Араб-Далайка на юго-востоке до Араб а-Сбейх в районе горы Тавор.

Первые поселения были немногочисленны и слабы. Милхамия (Менахемия) одиноко стояла возле диких гор Гилада. Седжера, Месха (Кфар-Тавор), Иема (Явнээль) и Бейт-Ган были со всех сторон окружены чужим, враждебным населением. "Феллахи из деревни Лубия, самой большой в Нижней Галилее, известные своей агрессивностью и жестокостью, христианские жители Кафр-Канны, полные злобы и ненависти ко всем, члены племени Сбейх, селившиеся в лесах Седжеры и сеявшие страх по всей округе, черкесы из Кафр-Камы, отважные и решительные" (Д. Бен-Гурион) – вот кто окружал еврейских поселенцев. Настроенные националистически местные власти в Тверии также проявляли враждебность к еврейским поселенцам.

Новые поселения строились в виде укрепленных фортов. Дома каменной кладки воздвигались один возле другого и были окружены каменной стеной. Ворота поселения каждый вечер запирались на железные засовы и цепи, и сторожа – нанятые арабы и черкесы – всю ночь ходили вокруг забора. Собственно сам факт заселения этого района уроженцами Зихрон-Яакова, Рош-Пины и других колоний барона Ротшильда, а также выходцами из России, Йемена, Курдистана был примером пионерского дерзания. Однако организационные слабости, недостаток инициативы, привычка полагаться во всем на чиновников, а главное – систематическое применение арабского труда и использование арабов для сторожевой службы – все это в целом привело к падению морального духа жителей поселений. Наем-

ные сторожа пользовались неограниченной властью и держали поселения в страхе. В конце 1905 года между поселенцами Месхи и шейхом племени Араб а-Сбейх возник конфликт по поводу сторожевой службы. Шейх прибыл в поселение; завязалась словесная перепалка, а после нее — драка с одним из жителей поселения. Шейх тяжело избил его, после чего тот скончался.

Люди Второй алии нашли еврейские поселения в Нижней Галилее в упадке. Александр Зайд пишет в своих воспоминаниях: "В конце поселка было заметно медленное движение всадников и слышен легкий звон шпор; передо мной прошли сторожа поселения — арабы, которые на своих конях казались великанами. Мне вспомнились филистимляне, которым евреи платили подати. Эти звуки пугали больше, чем вор в подполье или пуля стрелка. Именно такие ночи и породили мысль о необходимости создания Хашомера".

"Коллектив" в Седжере и начало еврейской самообороны.

Члены организации Бар-Гиора собрались на ферме в Седжере. Ферма, управлявшаяся агрономом Элияху Краузе, была создана компанией ЕКО для подготовки еврейских рабочих к колонизации на землях Нижней Галилеи.

Под влиянием Мани Вильбушевич, которая после долгого периода тяжелых испытаний в России прибыла на Землю Израиля с мечтой о создании коммуны, члены организации решили создать "коллектив". Они подписали годичный контракт с Краузе, согласно которому обязались выполнять полевые работы и ухаживать за скотом на ферме. Контракт был составлен в соответствии с условиями аренды, принятыми тогда в Па-

лестине. В "коллективе" было 18 членов, из них — 6 женщин. Эта группа составляла примерно половину всех работников фермы. Не все члены "коллектива" входили в организацию Бар-Гиора. Лишь постепенно, после того, как Исраэль Шохат и его товарищи хорошо познакомились с ними, они были посвящены в тайну организации. Маня Вильбушевич была принята в организацию Бар-Гиора одной из первых. Вскоре она вышла замуж за Исраэля Шохата.

Спустя некоторое время после прибытия на ферму в Седжере члены организации Бар-Гиора провели собрание, на котором говорилось о "необходимости поднять честь евреев в глазах соседей" и было принято решение взять охрану поселения и пастьбу скота в свои руки. Охрана фермы, а также поселения Седжера осуществлялась черкесами из близлежащей деревни Кафр-Кама. Уговорить Краузе заменить сторожей-черкесов молодыми евреями было нелегко. Существовала опасность, что этот шаг разгневает агрессивно настроенных черкесов. Члены организации Бар-Гиора сумели привлечь на свою сторону всех работников фермы. Они установили слежку за сторожем и выяснили, что черкес частенько вообще не является на дежурства.

"Все попытки разоблачить перед чиновником (Краузе) жульничество черкесского сторожа оказались тщетными, — рассказывает Давид Бен-Гурион, бывший в то время одним из работников фермы, — он просто не хотел нас слушать, и мы решили доказать ему на деле нашу правоту. В одну из темных ночей некоторые из нас вывели за ворота фермы самого лучшего мула, а другие немедленно сообщили чиновнику о пропаже. Тот направился в стойло, но мула не нашел. Тогда он затрубил в свой рожок, чтобы вызвать сторожа — ни ответа, ни привета. Вышел за ворота, обошел ограду — а черкеса нет". Тогда Краузе его уволил и передал охрану фермы члену организации Бар-Гиора Цви Бекеру.

Весь "коллектив" участвовал в несении сторожевой службы. Все знали, что черкесам нелегко будет смирииться с ударом по их чести и положению. И, действитель-

но, несколько раз делались попытки запугать еврейских сторожей стрельбой по ферме. Тогда все работники фермы пришли на помошь сторожам. Они спали во дворе в одежде и при оружии. Краузе одолжил работникам 250 франков, на которые были куплены шесть охотничьих ружей и пистолет.

Весной трое еврейских пастухов участвовали в ночном выгоне скота вместе с пастухами-черкесами. Каждую ночь с ними посылали двух сопровождающих, которые ночевали на пастбище и были готовы в любую минуту, в случае нападения, прийти на помощь. Вскоре организация Бар-Гиора фактически взяла на себя охрану всей колонии Седжера. Совет колонии, убедившись в успехе еврейской самообороны на ферме, подписал с Исраэлем Шохатом контракт, согласно которому он должен был ежедневно направлять двух стражей для охраны колонии, а совет обязан был предоставлять оружие и необходимое снаряжение. Первыми еврейскими охранниками в Седжере стали Александр Зайд и Мендель Португали.

Спустя короткое время сторожевая служба превратилась в основную обязанность Бар-Гиоры. Восемь первых основателей организации начали принимать в ее ряды новых членов из работников фермы. Собрания Бар-Гиоры проходили в одной из пещер в горах под председательством Исраэля Шохата. "Слова его равнозначны приказам, со стороны товарищей – дисциплина, уважение и подчинение" (Эстер Бекер).

Охрана Месхи в еврейских руках

Летом 1908 года вспыхнул конфликт между жителями колонии Месха и сторожами этого поселения, выходцами из близлежащей муграбской деревни. В одной

из стычек получил тяжелое ранение наемный сторож. После этого отношения со сторожами были прерваны, и последние начали нападать на еврейских крестьян в поле. Месха обратилась за помощью к соседним поселениям. Первыми на призыв откликнулись работники Седжеры. Был избран временный совет обороны Нижней Галилеи, принявший решение (цитируем газету "Хапоэл хацаир"*) "организовать упорядоченную самооборону во всех поселениях и продолжить борьбу против арабов. Каждое поселение обязано направить треть своих еврейских рабочих и поселенцев на защиту Месхи". Таким образом, каждую ночь Месху охраняли от 35 до 40 человек. Командиром самообороны Месхи был назначен один из членов организации Бар-Гиора Дов (Берл) Швайгер.

Были организованы также группы сторожей, сопровождавших крестьян, когда они выходили на работу в поле.

Осада Месхи продолжалась несколько недель. Вскоре, однако, поселенцы Галилеи пришли к выводу, что они не в состоянии поддерживать постоянную мобилизацию. Тогда жители Месхи провели переговоры с членами "коллектива" в Седжере и заключили с ними контракт на несение сторожевой службы в поселении. В контракте было среди прочего оговорено, что крестьяне Месхи обязаны дать работу 15 еврейским батракам, которые являются как бы резервом сторожевой службы. Контракт был заключен на один год.

События в Галилее и основание Хашомера

Ход событий оказал значительное влияние на деятельность организации Бар-Гиора. Ее первоначальный

* "Молодой рабочий".

план расширения и укрепления "коллектива" с тем, чтобы впоследствии осуществить самостоятельное поселение в Хороне, оставался в силе, но реализацию его пришлось отложить. "Работу в "коллективе" невозможно было продолжать, — отмечает Исаэль Гилади, — так как его члены еще не были готовы к совместной жизни, и потому было принято решение все силы направить на несение охраны".

Весной 1909 года еврейские поселенцы Галилеи понесли первые жертвы. Берл Швайгер подвергся нападению арабов из деревни Лубия, когда он находился на пути из Седжера в новое поселение Мицпе. Он был легко ранен выстрелами из охотничьего ружья, не придал этому значения и получил заражение крови. Его перевезли в больницу в Тверии, где он скончался после тяжких мук. В канун праздника Пасхи жители Кафр-Канна напали на двух евреев, направлявшихся в Седжеру для участия в совещании Поалей Цион. Евреи решительно оборонялись и нанесли смертельные ранения одному из нападавших. Работники ферм в Седжере, их гости и жители поселения поняли, что им грозит теперь большая опасность. "Во время заседания совета была выставлена вооруженная стража, при каждом из членов совета имелось оружие" (И. Бен-Цви). На седьмой день Пасхи был убит один из работников фермы, Исаэль Корнгольд. Работники фермы и крестьяне бросились в погоню за убийцами — арабами из близлежащей деревни. В результате перестрелки погиб один из крестьян, Шимон Меламед. Убийцы были задержаны, и через год трое из них были осуждены на 15 лет каторжных работ. Но напряженность не спала, и Галилею ждали тяжелые испытания.

Именно в этот день, когда были убиты в Седжере Исаэль Корнгольд и Шимон Меламед (12 апреля 1909 г.), в близлежащем селении Месха состоялось собрание, на котором была учреждена организация Хашомер. Участники собрания ничего не знали о происходящем в поселении Седжера и на ферме. Про-

грамма Хашомера состояла из трех разделов: а) определение целей; б) средства их достижения; в) организация.

В определении целей, в частности, говорилось: "Воспитать в нашей стране кадры еврейских сторожей, способных заниматься этим делом". В качестве средства для достижения цели были определены: организация уже ныне работающих в поселениях стражей; подготовка кадров занятиями гимнастикой, верховой ездой; владение оружием; покупка снаряжения, забота о материальном обеспечении сторожей; основание кассы взаимопомощи и гарантейного фонда, необходимого для получения контрактов на работу.

Устав определял, что во главе нового объединения стоит комитет в составе трех членов, избираемый общим собранием (первыми членами совета были избраны Исаэль Шохат, Исаэль Гилади и Мендель Португали). Членом организации мог стать любой "здоровый телом и духом, принимающий программу организации и работавший в качестве сторожа не менее полугода". Новые члены принимались на общем собрании большинством в две трети голосов.

Трагические события тех дней стали известны основателям Хашомера лишь после учредительного собрания. Они только укрепили дух новой организации. В листовке, выпущенной партией Поалей Цион в память трех жертв столкновений в Галилее, — Швайгера, Корнгольда и Меламеда, содержался призыв ко всей еврейской молодежи: "Дети Маккавеев, потомки Бар-Гиоры и Бар-Кохбы! Придите на место героев, павших в борьбе за свободу свою и своего народа".

С Месхи и Седжеры еврейская самоохрана распространилась и на другие поселения Нижней Галилеи. В 1909 году были убиты двое крестьян поселения Бейт-Ган. Весной 1910 года жители этого поселения и соседнего Явнеэля связались с Хашомером. Во главе охраны этих поселений стал Меир Хазанович. Организация направила в эти поселения восемь своих членов, к которым присоединилась также местная молодежь.

Объединенными силами им удалось предотвратить угрозу нападения со стороны агрессивных соседей.

На ферме Кинерет охрана плантаций была поручена члену Хашомера Иехезкелю Хенкину, который был первым сторожем-всадником организации. К организации перешла также охрана небольшого поселения Мицпе.

Лишь в двух дальних колониях – Милхамии в Галилее и Зихрон-Яакове в Самарии – все попытки членов Хашомера взять охрану в свои руки закончились неудачей. В Милхамию был направлен еврейский сторож, которому пришлось работать вместе с арабской охраной. После многочисленных столкновений и драк он был вынужден покинуть это поселение. В Зихрон-Яаков летом 1910 года были направлены четыре лучших члена организации, которые взяли на себя охрану десяти виноградников. Арабские сторожа боялись конкуренции со стороны евреев и пытались всячески мешать им. И здесь дело дошло до применения силы, стычек и побоев. Комитет колонии был недоволен создавшимся положением и по окончании сбора винограда отказался подписать годичный контракт с Хашомером. Эти случаи укрепили решение руководителей организации ни в коем случае не браться за охрану поселений совместно с арабскими сторожами.

Освоение земель

Вскоре на организацию была возложена еще одна обязанность – освоение земель, откупленных у арабов. Согласно турецким земельным законам не было иной возможности обеспечить права на земли, купленные за полную цену, как путем практического обеспечения этих прав, то есть путем их заселения и обработки.

Многие земельные участки в Галилее, принадлежавшие евреям, были захвачены феллахами и бедуинами, а турецкие власти не торопились вернуть эти земли их законным владельцам.

Создание Хашомера изменило положение. В начале 1909 года группа членов организации была направлена на охрану большого земельного участка к юго-востоку от Месхи с целью вернуть его еврейским владельцам. Иехошуа Ханкин, переводивший земельные участки во владение ЕКО, обратился к Исраэлю Шохату и предложил ему занять участок вместе с группой членов Хашомера, невзирая на возможное сопротивление бедуинов. Одним из условий этой операции был отказ от применения огнестрельного оружия. "На нашем собрании, созванном по этому случаю, — рассказывает Исраэль Гилади, — "глава" (Исраэль Шохат) поставил вопрос, достаточно ли мы сильны для того, чтобы пойти и занять землю без применения оружия, и не уйдем ли мы с участка, если бедуины нападут на нас. Мы покинули собрание с твердым чувством, что пока мы живы, никто не покинет этот участок".

Подготовка к захвату земельного участка проводилась втайне. Было решено не привлекать к участию в этой операции крестьян Месхи, для того, чтобы они не были замешаны в кровопролитии, если что-либо произойдет. В заранее определенный день Исраэль Гилади с группой товарищей направились к спорному земельному участку. Группа была вооружена и вела с собой девять пар мулов. Для очистки земли от камней была вызвана группа работников. Эта группа была готова встретить камнями бедуинов в случае их приближения. Исраэль Шохат находился в небольшом шалаше неподалеку от участка.

В середине дня с близлежащих холмов к участку устремились вооруженные бедуины, их жены и дети, но увидев вооруженных *москоби*, не решились помешать им. Бедуинскому шейху разрешили зайти в шалаш Исраэля Шохата; войдя, он стал угрожать кровопролитием. "Моя кровь прольется, но прольется

и твоя”, — ответил ему Исаэль Шохат, и посоветовал обратиться к Иехошуа Ханкину и найти с ним компромисс. Обработка земли продолжалась около недели, и после того как сторожа пропахали межи вокруг участка, крестьяне Месхи вышли на обработку его внутренних площадей.

Слух об этой операции облетел всю Галилею, и ее результат значительно поднял авторитет Хашомера среди арабов, укрепил доверие к нему со стороны крестьян и открыл путь к проведению подобных действий в еще большем масштабе в будущем.

В 1910 году Иехошуа Ханкин купил около 10 тысяч дунамов земли в самом сердце Изреельской долины, у подножия Гиват ха-Море. Это была первая покупка земли в Изреельской долине, осуществленная евреями.

Ханкин вновь обратился к Шохату и предложил ему организовать группу для освоения купленных земель, которая приучила бы арабов Назарета и всей долины к еврейскому присутствию. На собрании Хашомера в Хайфе было решено направить в Изреельскую долину десять членов организации и присоединить к ним еще десять человек, близких к Хашомеру. Группа прибыла на место летом 1911 года. Новое поселение было названо Мерхавия.

С самого начала члены группы отвергли предложение шейха близлежащего арабского поселения Сулам (Шунем) Махмуда принять его покровительство. С этого момента начались постоянные попытки нарушить границы участка для потравы посевов арабскими стадами. Эти попытки неизменно пресекались еврейскими сторожами под командованием Игаэля (Илиович).

Летом 1911 года напряженность переросла в конфликт. Произошло это в день сбора первого урожая. Охрана была усиlena, и трое конных сторожей рассеялись по полю. Игаэль, находившийся в одиночестве на южной границе Мерхавии, подвергся нападению де-

вяти всадников, членов разбойничьей шайки, окруживших его. Они потребовали, чтобы он слез с коня и отдал его. Игаэль пригнулся, как бы собираясь выполнить приказание, и в этот момент выхватил пистолет, выстрелил и вырвался из окружения. Он прискакал в Мерхавию, оставив за собой одного убитого и одного тяжело раненного.

Все жители Мерхавии немедленно собрались и приготовились отразить нападение. В Назарет был направлен посыльный, который должен был сообщить властям о случившемся. Меньше чем через час сотни арабов окружили Мерхавию, обрушив на поселение град пуль. "Мы лежали в засаде молча, — рассказывает Игаэль, — и наше молчание пугало нападающих. Мы стреляли лишь тогда, когда они приближались вплотную... Перестрелка продолжалась всю ночь. Никто из нас и не думал сдаваться до тех пор, пока в ружье еще была пулья".

В шестом часу утра на место прибыл наряд полиции из Назарета во главе с губернатором области. Двенацать евреев были арестованы, их отвезли в Назарет. Семеро из них, включая трех членов Хашомера оставались в заключении в Акко в течение целого года. Это были первые еврейские заключенные крепости Акко. Началось длительное расследование. Прокурор пытался доказать, что жители поселения Мерхавия напали на невинных прохожих и убили их. Лишь после того, как Ханкину удалось сговориться с родичами убитых, заключенные были освобождены.

В конечном итоге соседи Мерхавии примирились с ее существованием. Этот случай прославил имя Игаэля и Хашомер не только среди еврейской общины Эрец-Исраэль, но и среди евреев диаспоры. Однако самыми важными были практические результаты: в землю Изреэльской долины был вбит первый колышек еврейского поселения, положивший начало новому еврейскому району в стране.

В числе первых погибших на посту членов Хашомера были Иехезкель Нисанов и Меир Хазанович. Иехез-

тельно, Хашомер потребовал 18 тысяч франков, вместо 11 тысяч, которые стоила охрана, набираемая из арабов. В конечном итоге собрание все же приняло решение связаться с организацией еврейских стражей.

6 ноября 1911 года в Реховоте началась организованная еврейская служба, в которой участвовало 5 конных и 15 пеших сторожей. И уже на следующий день арабы почувствовали, что в Реховоте появился "хозяин". На четырех холмах каждую ночь располагались четыре всадника, охранявшие виноградники и плантации цитрусовых. В случае необходимости они немедленно выступали на помощь пешим сторожам. Связь между людьми, разбросанными на площади в тысячи дунамов, осуществлялась при помощи специальной системы звуковой сигнализации. Сторожа запретили арабам проходить через поселение после заката солнца. Грабежи почти полностью прекратились. В период сбора винограда и миндаля 30 сторожей-евреев с успехом заменили 70 арабов. По окончании первого года охраны был подписан контракт на следующий год. Годовая плата была повышена до 21 тысяч франков, а сама сторожевая служба распространилась как на поселение, так и на "посадки, посевы, участки и производимые на них земельные работы и на участки юеменитов".

В том же году организация Хашомер взяла на себя охрану Ришон ле-Циона. До этого охрана в поселении была смешанной. На 40 сторожей (в период сбора винограда) приходилось всего 5 евреев. Утром девятого ава 1912 года один из сторожей, Давид Сахаров, был найден в шалаше зарезанным. Расследование показало, что убийство совершено несколькими арабскими сторожами. Похороны Сахарова превратились в мощную демонстрацию с требованием введения еврейской охраны. Комитет поселения решил пригласить на следующий год Хашомер.

Одновременно Хашомер принял на себя обязанности по охране небольшого соседнего поселения Беэр-Яаков. Кроме того, в его руки перешла охрана поселе-

ния Милхамия в Нижней Галилее. Хашомеру не удалось проникнуть лишь в два крупных поселения — Петах-Тикву и Зихрон-Яаков. В Петах-Тикве на пути Хашомера стоял Авраам Шапира, продолжавший вести охрану по методу, установленному им еще в девяностые годы и основанному на арабской охране. Жители поселения были довольны системой, которая обеспечивала им спокойствие, да и была дешевле.

С Зихрон-Яаковом Хашомер начал переговоры в 1913 году и даже согласился, в виде исключения, взять на себя контроль над арабскими сторожами, работавшими в поселении, если им будет обеспечена поддержка несколькими десятками еврейских работников. Однако молодежь поселения, объединявшаяся в организацию Гидоним, воспротивилась контактам с Хашомером и взяла ответственность за охрану поселения на себя.

В 1912 году с просьбой приступить к охране поселений к Хашомеру обратились комитеты Нес-Ционы, Гедеры и Метуллы. Их просьбы пришлось отклонить из-за нехватки подготовленных кадров.

Исаэль Шохат и его жена Маня Вильбушевич (Шохат) выехали тогда в Константинополь. Шохат намеревался приступить к изучению юриспруденции и оттоманского законодательства, чтобы помочь Хашомеру вступать в контакты с властями и судебными учреждениями. Он разрабатывал также далеко идущие новые планы деятельности. По прибытии в столицу Турции он направил исполкому Всемирной сионистской организации "предложение об обороне еврейского поселения". В нем содержался план создания всепалестинской еврейской оборонительной организации, ядро которой образует Хашомер. Исаэль Шохат писал:

"Принцип предлагаемой нами обороны заключается в следующем: оборона состоит из двух частей — активно действующей и потенциальной. Первая осуществляется в настоящее время теми еврейскими сторожами, которые работают в колониях под руководством Хашомера... Однако кроме сторожей, постоянно находя-

рейской молодежи с крепкими мускулами, сильной волей и здоровым, нормальным мышлением..., любящей все красивое и возвышенное, несущей в своем сердце еврейское чувство. Члены Хашомера на Земле Израиля доказали, что идеал, к которому мы стремимся, не является плодом воображения и достижим на земле. Они доказали своей жизнью и своей смертью, что еврейская молодежь и еврейский героизм живы и продолжают существовать". Эта организация скаутов стала первым ядром, из которого в дальнейшем выросла организация Хашомер хацаир.

В конце Второй алии Земля Израиля вновь стала притягательным центром для многих представителей еврейской молодежи в диаспоре. Примером этому может послужить письмо отца Моше Барского, погибшего в 1913 году в стычке с арабами. В ответ на соболезнования, направленные ему членами группы Дгания, Нафтали Герц Барский писал:

”Верю, что вы не пали духом и, упаси Господи, не отступите. Напротив! Я надеюсь, что память о моем покойном сыне еще более укрепит ваши силы и решимость стоять в священной войне до конца, дабы осуществилась наша великая идея, во имя которой отдал кровь и жизнь мой сын”.

Скорбящий отец направил своего второго сына для того, чтобы он занял место погибшего в группе Дгания, а спустя некоторое время сам, со всей семьей, переехал в Палестину.

Имя Хашомер стало известным во всей еврейской диаспоре. Оно притягивало к себе молодежь из стран рассеяния. Этот процесс был прерван Первой мировой войной. Но семя было брошено – и в будущем, после ряда мрачных лет, оно дало свои плоды.

Но именно в период наивысшего расцвета Хашомера в колониях стала оформляться оппозиция ему. Финансовые трудности, боязнь прогневать арабов и замкнутость организации – все эти факторы укрепили силы противников Хашомера в поселениях. В 1913 году

он был вытеснен из двух своих важнейших опорных пунктов – Хадеры и Реховота.

Хашомер покидает Хадеру и Реховот

Уход Хашомера из Хадеры был связан с серьезным конфликтом, разделившим жителей поселения на два лагеря: лагерь сторонников комитета колонии и лагерь его противников. Хашомер был втянут в этот конфликт против своей воли. Поскольку члены организации были призваны в Хадеру по инициативе комитета, естественно, что его противники стали также противниками Хашомера. Выдвигались жалобы на то, что охрана слишком дорога, что эта организация выражает волю комитета и содействует ему, не заботясь в должной мере об имуществе оппозиционеров. Многие колонисты стали уклоняться от уплаты возложенных на них налогов, в результате чего комитет не мог выполнять своих обязательств по отношению к сторожам. К концу второго года сторожевой службы комитет задолжал организации значительную сумму и продление контракта на следующий год стало под вопросом.

В этот момент произошел инцидент, заставивший Хашомер покинуть поселение. Весной 1913 года Хадера нарушила принцип несмешанной, исключительно еврейской охраны. Этот шаг был сделан под влиянием крестьян Петах-Тиквы, которые начали использовать эвкалиптовые рощи в Хадере. Их представитель, поселившийся там, взял на себя ответственность за имущество и передал его охрану в руки арабов. В марте 1913 года Хашомер объявил о прекращении сторожевой службы в поселении, поскольку его требование об отмене арабской охраны не было удовлетворено. Не были удовлетворены и прежние требования орга-

поселении будет совместным, все будут принимать в нем участие, каждый по мере своих сил”.

В конце 1912 года организация Хашомер приступила к охране земель в районе Каркура. В соответствии с контрактом, подписанным с Палестинским комитетом, организация обязалась обрабатывать эти земли и охранять их. Здесь были заняты 4 сторожа и 10 работников. Подобная группа была создана на следующий год на землях Тель-Адас, в Изреэльской долине. На собрании, состоявшемся зимой 1914 года, было решено, что “наилучшим местом для создания поселения сторожей в настоящее время является Тель-Адас”. Шестой всесобщий съезд организации состоялся в этом поселении в августе 1914 года, когда уже разгорелась Первая мировая война. Перед Хашомером встали серьезные проблемы, и планы заселения пришлось отложить. Несмотря на это, ядро первых поселенцев уже находилось на месте и в мирном сожительстве с арабским населением продолжало свою работу.

Возвращение в Нижнюю Галилею

С сокращением сторожевой службы в Иудее и Самарии Хашомер вновь начал собирать членов организации в Нижней Галилее. В декабре 1913 года был убит один из жителей Дгании, восемнадцатилетний Моше Барский, который ночью на муле отправился из Дгании в Милхамию. Убийцы забрали его пистолет *. Через несколько дней арабские грабители напали на трех работников, возвращавшихся с полей в Кинерет. В результате столкновения был убит член этого поселения Иосеф Зальцман. Через две недели, в конце декабря 1913 го-

* Письмо Нафтали Герца Барского – отца погибшего – было приведено выше, на стр. 44.

да, в Седжере был убит сторож Яаков Фельдман. Собаки-ищейки, посланные по следу убийц, привели сторожей в деревню Лубия.

И снова, как и после убийств, имевших место весной 1909 года, представители колоний и Хашомера решили организовать еврейскую самооборону во всей округе. Каждое поселение обязалось содержать конного сторожа, который объезжал бы поля. Было решено также создать патруль из пяти всадников, который охранял бы дороги Нижней Галилеи. Молодежь обязана была приобрести оружие и быть готовой к действию на случай чрезвычайных обстоятельств. В это время в Константинополе был издан новый закон, разрешающий создание "специальных полицейских" отрядов (по-турецки *бакчи*) в сельских местностях. Первое ядро сельской полиции составили пять членов Хашомера, получившие специальные удостоверения и оружие. Турецкая полиция разрешила еще тринадцати таким полицейским действовать во всех колониях.

Однако, далеко не все члены Хашомера согласились с этой формой деятельности, казавшейся им слишком умеренной. Группа молодых членов организации, и среди них ветеран Цви Бекер, провели ряд ответных операций против арабов по образцу традиционной у арабов кровной мести. Они считали, что если ничего не будет сделано, то будет попрана честь евреев во всей Галилее, и убийства не прекратятся. Совет Хашомера запретил проведение подобных ответных операций. Несмотря на это, имели место несколько нападений, обстрелов шатров бедуинов и стад, принадлежавших феллахам (когда эти стада наносили ущерб посевам). В некоторых случаях конфисковали скот, производивший потраву. Однако молодежь не удовлетворилась этим и заявила, что если Хашомер не отомстит за убийства, то она сама, на свой страх и риск, накажет жителей деревни Лубия. "Это желание, — свидетельствует член совета организации Исраэль Гилади, — нашло у многих поддержку", и руководителям Хашоме-

первую очередь в Соединенных Штатах, протянуть руку помощи своим братьям на Земле Израиля.

Еврейский ишув, представший перед серьезным экономическим и политическим экзаменом, выдержал его. Несмотря на то, что тысячи евреев были изгнаны из страны, покинули ее, бежали за границу, умерли от голода и болезней; несмотря на то, что еврейское население Эрец-Исраэль сократилось с 85 тысяч до 56 тысяч, ишув продолжал существовать. Было основано даже несколько новых поселений. После войны слабый и малочисленный ишув стал краеугольным камнем строительства еврейского национального очага в Палестине.

В рядах турецкой армии

С момента вступления Турции в Первую мировую войну – 30 октября 1914 года – мобилизация в армию превратилась в одну из самых сложных проблем, возникших перед ишувом. Перед жителями, имевшими гражданство стран, воевавших с Турцией (главным образом, перед русскими евреями Палестины), встал выбор – либо быть изгнанными из страны, либо принять турецкое гражданство; второе влекло за собой мобилизацию в турецкую армию. Всем было известно тяжелое положение рядового пехотинца в турецкой армии. Еще труднее приходилось солдату-христианину или еврею, которые направлялись обычно в трудовые батальоны – копать траншеи, прокладывать шоссейные и железные дороги. Их держали впроголодь, издевались над ними. В результате началось массовое уклонение от мобилизации всеми средствами, вплоть до дезертирства. Уклоняющихся от

об учащихся средних школ Палестины, служивших в турецкой армии, быстро стерлась в памяти ишува. Но именно эта группа молодежи, обладавшая военным опытом, сыграла важную роль в обороне еврейского населения Эрец-Исраэль в 1919–1920 годах. Лучшая часть офицерства была мобилизована в ряды еврейского батальона и в последующие годы много сделала для организации самообороны в еврейских колониях, в частности, в Галилее. Еврейские офицеры бывшей турецкой армии были первыми инструкторами, обучавшими молодежь организованному ведению боевых действий. Знания, приобретенные в турецких военных училищах, опыт военных действий на различных фронтах дополнили ранее накопленный ишувом опыт самообороны и значительно укрепили его силу.

Деятельность Нили

Организация Нили во главе с Аароном Аронсоном, возникшая в годы Первой мировой войны, не была предназначена для решения проблем безопасности ишува в узком смысле этого слова. Она стремилась к освобождению Земли Израиля от турецкого ига, дабы тем самым обеспечить политическое будущее еврейского ишува в Палестине.

Местом рождения и развития организации Нили было поселение Зихрон-Яаков. В первые месяцы войны вся местная еврейская молодежь была захвачена волной турецкого патриотизма. Это нашло свое выражение в добровольном вступлении молодых людей в ряды турецкой армии. И они же первыми разочаровались, так как турецкие власти резко оттолкнули протянутую им руку дружбы. Нужен был

лишь человек, который сумел бы использовать это разочарование. Таким человеком стал Аарон Аронсон, выросший в Зихрон-Яакове, уже в детстве отличавшийся незаурядным дарованием и посвятивший себя учению агрономии. Еще до войны он, при помощи друзей в Соединенных Штатах, создал испытательную сельскохозяйственную станцию в Атлите, неподалеку от Зихрон-Яакова.

В первые дни войны Аронсон расстался с научной работой на испытательной станции и активно включился в общественную деятельность. Когда весной 1915 года возникла угроза нападения саранчи, всесильный военный правитель Сирии и Палестины Джамаль-паша предоставил в распоряжение Аронсона большие средства и поставил его во главе штаба борьбы с саранчой. Вскоре Аронсон стал одним из ближайших советников турецкого паша по всем экономическим и сельскохозяйственным вопросам. Ему были предоставлены широкие полномочия для выполнения возложенных на него обязанностей. Аронсон собрал вокруг себя большую группу молодежи — уроженцев еврейских колоний, которые, благодаря участию в борьбе с саранчой, сумели пробиться на должности, ранее закрытые для гражданских лиц. Ему представилась редчайшая возможность познакомиться с турецким государственным аппаратом изнутри, сблизиться с правящей верхушкой, проследить за принятием и выполнением решений, касающихся еврейского ишува, и сделать надлежащие выводы.

Сомнительно, дошел ли бы Аронсон, ученый и исследователь, до мысли о союзе с англичанами против турок, если бы не толчок, полученный в ходе общения с Авшаломом Файнбергом, сыном Исраэля Файнберга, одного из первых организаторов самообороны еврейского ишува. Авшалом, типичный представитель нового поколения уроженцев Палестины, пламенный националист, был готов на любые жертвы, чтобы содействовать освобождению своего народа и своей страны. Его детство прошло в поселе-

ли его обширные знания природных и экономических условий Палестины, ее населения, руководителей еврейской и арабской общин, командиров турецкой и германской армий, с которыми он был близко знаком. Началась подготовка к установлению постоянной связи с Палестиной.

Буквально тогда же эта небольшая разведывательная группа понесла тяжелую потерю – погиб Авshalom Файнберг. Терзаемый неизвестностью, он вновь решил пробраться в Египет через пустыню. Его сопровождал Иосеф Лишанский. 20 января 1917 года, неподалеку от передовых линий британских войск, они натолкнулись на группу бедуинов. В завязавшейся перестрелке Файнберг был убит, и лишь раненому Лишанскому удалось добраться до передовых постов англичан. На следующий день он встретился с Аронсоном.

Через месяц британское связное судно высадило Иосефа Лишанского у берегов Атлита. Было решено, что никому, кроме Сарры Аронсон, не будет сообщено о гибели Авshalома Файнберга. По возвращении Лишанского в Атлит была установлена, наконец, постоянная связь с англичанами, которая продолжалась восемь месяцев. Именно тогда и возникло название организации – Нили, аббревиатура слов выбранного Аронсоном стиха: "Нецах Исраэль ло иешакер" (дословно: "Всевышний Израиля не обманет" – книга 1 Самуил 15:29). Эти слова служили паролем для контактов между британским судном и берегом Атлита.

С этого момента группа Нили начала активную деятельность по сбору самой разнообразной информации. Полученные сведения передавались при посредстве связного судна. Осуществлялись также попытки доставлять срочную информацию в Египет при помощи голубиной почты.

Члены группы Нили не были хорошими конспираторами, и в ишуве распространились слухи о наличии подпольной группы, деятельность которой может оказаться фатальной для его существования. Раз

говоры о разведчиках велись повсюду. Партия Хапоэл хацаир опубликовала решение, в котором говорилось, что "реальная политика в настоящее время заключается в полной лояльности и что каждое действие, выходящее за эти рамки, угрожает самому существованию ишува". Такой же позиции придерживались руководители Хашомера.

Изгнание евреев из Яффы весной 1917 года дало членам группы Нили возможность доказать свою силу и влияние. Члены Нили первыми поведали миру об этом изгнании. Отчеты, посланные из Атлита в Египет, подробно рассказали о варварском акте. Из Египта сообщения попали в Европу, а затем и в Соединенные Штаты. Эти сообщения и реакция на них мировой общественности заставили Джамаль-пашу приостановить выселение и грабежи, которые могли бы привести к разгрому всего еврейского ишува.

В апреле 1917 года Сарра Аронсон и Лишанский прибыли в Египет. Аарон пытался уговорить сестру остаться в Египте, однако она отказалась, считая, что должна быть там, где сможет принести максимальную пользу. Через несколько месяцев Сарра и Лишанский возвратились в Атлит, имея при себе изрядное количество золотых монет для оказания денежной помощи еврейскому населению страны. Это золото было передано действовавшему в то время Комитету безопасности ишува. Те дни можно считать вершиной в деятельности Нили. Когда генерал Алленби в июне 1917 года стал командующим британской армией на Ближнем Востоке, Аронсон был одним из его близких советников. Это было возможно как благодаря его личным качествам, так и вследствие существования эффективной разведывательной группы, руководимой им и действовавшей в тылу врага.

В конце лета 1917 года появились первые признаки провала организации Нили. В Кесарии был пойман почтовый голубь, направленный из Атлита в

Египет. Турецким контрразведчикам не удалось расшифровать письмо, которое нес голубь, однако в их руках оказалось весомое свидетельство существования разведывательной группы. Слух о перехвате почтового голубя сразу распространился по всей стране, и отношение к Нили резко изменилось. Комитеты колоний предупредили разведчиков, чтобы их ноги не было в поселениях. Незадолго до этого члены группы Нили передали Комитету безопасности ишува вторую денежную посылку в размере 20 тысяч фунтов стерлингов, и Комитет искал пути немедленного возвращения этих денег.

В эти тревожные дни двоюродный брат Авшалома Файнберга, Нааман Белкинд грубо нарушив дисциплину, отправился в Египет. Он попал в руки турецких властей и сказал им, что направлялся на юг, чтобы встретиться со знакомым турецким офицером. Турецкие власти сделали вид, что поверили ему, и такая встреча состоялась. В состоянии опьянения Белкинд разоткровенничался перед своим собеседником. Он был арестован и отправлен в Дамаск. На исходе праздника суккот, 6 октября 1917 г., турки оцепили Зихрон-Яаков. Все находившиеся там члены группы Нили были арестованы, за исключением Иосефа Лишанского, который успел ускользнуть из поселения. Их жестоко избили и подвергли пыткам, чтобы узнать, где скрывается Лишанский. Самым тяжелым пыткам подверглась Сарра. На четвертый день пыток она попросила разрешения помыться и сменить одежду и, когда ей разрешили, покончила с собой. В прощальном письме Лишанскому она писала: "Никогда не сдавайся, лучше погибнуть".

Допрос членов разведывательной группы был передан в руки главного военного врача Галилеи Хасан-бека, известного своим садизмом. По его приказу по всей стране были произведены повальные обыски с целью найти Иосефа Лишанского. Пятьдесят золотых фунтов было обещано тому, кто ука-

жет его местонахождение. Жителям Зихрон-Яакова было приказано выдать Лишанского властям, в противном случае турецкие власти угрожали стереть поселение с лица земли. На собрании руководителей ишува в Петах-Тикве было принято решение осудить членов разведывательной группы и отказаться от всякой ответственности за их действия.

Лишанский после бегства из Зихрон-Яакова направился к группе в Каркур. Здесь он встретился с двумя бывшими товарищами по организации Хашомер, которые перевезли на телегах деньги и оружие группы Нили, переданные им Комитетом безопасности ишува, стремившимся любой ценой избавиться от них после раскрытия разведывательной сети. Товарищи спрятали Лишанского и затем перевели в Тель-Адас. Члены совета Хашомер, обсудив дело Лишанского, решили, что его следует спрятать в поселении Хамара в Верхней Галилее, а потом дать ему возможность бежать из Палестины. Делегации Зихрон-Яакова, прибывшей в Тель-Адас и потребовавшей выдачи Лишанского, было сказано, что он скрылся, и место его пребывания неизвестно. Лишанский был переправлен в Хамару, где находился под неусыпной стражей. При нем было оставлено оружие.

Тем временем обыски распространились и на Верхнюю Галилею. "Мы видели, — говорится в отчете собрания организации Хашомер, написанном через год, — что с помощью евреев его следы вот-вот будут обнаружены. В связи с этим мы решили, покончив с ним, прекратить преследования...". Был разработан план, согласно которому тело Лишанского после убийства будет доставлено властям. Он был передан в руки двух товарищес, которые повели его в направлении Метуллы. Один из них выстрелил в Лишанского, но промахнулся и лишь ранил его в плечо. Лишанский выстрелил в покушавшихся и скрылся. Все попытки членов Хашомер найти его не увенчались успехом. "Наша участь опре-

делена, — говорится далее в отчете, — и мы ждали провала как осужденные на казнь”.

Лишанский нашел убежище в доме одного из поселенцев Метуллы. После короткого пребывания в поселении он отправился на юг, купил коня и добрался до Петах-Тиквы, откуда пытался пробиться к линиям британских войск в Синайской пустыне. Однако неподалеку от Неби-Рубин был схвачен бедуинами, которые узнали в нем человека, разыскиваемого по всей стране, и передали его в руки властей. Дабы отомстить организации Хашомер, члены которой пытались его убить, Лишанский дал показания о своих бывших товарищах.

Вот что рассказывает об этом доктор Моше Найман, член группы Нили, встретившийся с Лишанским в дамасской тюрьме незадолго до его казни. “Лишанского спросили, кого он знает и кто его друзья. На это он ответил, что его друзья — это члены организации Хашомер, а больше он не знает никого. Вину некоторых обвиняемых он полностью отрицал, о других же сообщил весьма немногое. Однако он очень много рассказал об организации Хашомер...”. По стране прокатилась новая волна арестов, которым подверглись сотни людей.

Белкинд и Лишанский были приговорены к смертной казни, двенадцать человек — к тюремному заключению сроком от года до трех лет, тридцать человек были отправлены на принудительные работы в армию, остальные — оправданы.

16 декабря 1917 года на рассвете Белкинд и Лишанский были повешены.

Фактически со смертью Сарры Аронсон и Лишанского группа Нили распалась, однако Аарон Аронсон продолжал общественную деятельность. Он был включен в Комитет делегатов, направленный весной 1918 года от имени сионистских кругов в Палестину. Во главе его стоял Хаим Вейцман. Через год он вошел в состав делегации сионистской организации для участия в Парижской мирной конференции.

Во время очередного перелета из Лондона в Париж 5 мая 1919 года, за несколько дней до того, как ему исполнилось бы сорок три года, Аронсон погиб — самолет, на котором он летел, упал в воды Ла-Манша.

Яффская группа

Начало создания еврейской самообороны в Тель-Авиве было положено осенью 1914 года, когда группа молодежи, решавшая вопросы охраны и безопасности нового молодого поселения, отказалась выполнить указание мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа и сдать то небольшое количество оружия, которое находилось в ее распоряжении, турецким властям. Эта группа объединилась в замкнутую организацию, в которую, в частности, входили Авраам Криници, Саадия Шошани, Давид Свердлов, Дов Хоз, Элияху Голомб и Моше Шерток. Вокруг этого ядра собирались десятки молодых людей, и среди них — выпускники гимназии "Герцлия", которые не допускались на обсуждения и к принятию решений, но полагались на авторитет старших товариществ. Эта группа вошла в историю обороны еврейского ишута под названием "яффской группы".

Основная ее деятельность состояла в сборе оружия. Оно добывалось у лиц, покидающих страну, а также у тех, кто боялся хранить его. В 1916 году Авраам Криници и инженер Нахум Папер были мобилизованы в турецкую армию. Благодаря своим обширным знаниям они быстро заняли там видное положение. Криници был мастером на оружейном заводе в Дамаске, а Папер — ответственным за прокладку военных дорог в Сирии. Они направляли в Тель-Авив небольшие партии оружия, а также взрыв-

чатку и детонаторы, из которых изготавлялись самодельные примитивные бомбы.

Молодые, динамичные члены "яффской группы" не удовлетворялись узкими целями организации и искали иных путей приложения своих сил. Выпускники и учащиеся гимназии "Герцлия" стремились сохранить для себя рамки автономной организации. Бурные споры разгорелись по вопросу призыва выпускников гимназии в армию. Одна группа, во главе с Моше Шертоком и Довом Хозом, считала, что необходимо вступать в ряды турецкой армии. Другая, во главе с Элияху Голомбом, отрицала этот путь, подчеркивая, что европейская молодежь должна оставаться на Земле Израиля для того, чтобы суметь защитить ишув, если турки или арабы попытаются напасть на него.

28 марта 1917 года был издан приказ об изгнании евреев из Тель-Авива и Яффы. Тут же распространялись слухи о том, что это изгнание является ничем иным, как началом общей депортации евреев из южной части страны. Было известно, что резня армян тоже началась с изгнания их со своих земель. Важно было, чтобы изгнание не привело к беспорядочному бегству. "Яффская группа" взяла на себя организацию исхода евреев из Яффы. В колонии Самарии и Галилеи были направлены гонцы, которые должны были провести подготовку к приему беженцев и организовать обозы для перевозки семей и их скарба.

Еще более важным была организация специальной группы, которая оставалась в Тель-Авиве, чтобы сторожить покинутое поселение и не допускать грабежей.

Спустя несколько недель турецкие военные власти признали европейскую охрану покинутого Тель-Авива. Эта охрана продолжалась вплоть до 16 ноября 1917 года, когда к городу подошли передовые части наступающих британских войск.

Зимой 1917 года среди членов яффской организации созрела мысль о необходимости расширить ее

деятельность. Англичане подошли к границам Палестины, и возникли опасения, что в переходный период еврейский ишув станет жертвой грабежей и убийств со стороны арабов, а может быть, и отступающих турецких частей. В это время пришло сообщение о крупном поражении британских сил в секторе Газы. При отступлении англичане бросили много вооружения и боеприпасов; все это досталось бедуинам Негева, готовым продать все по дешевке каждому желающему. Скупка оружия членами группы проводилась очень активно.

После прихода англичан "гимназисты" присоединились к еврейским батальонам.

"Яффская группа" сыграла важную роль в истории обороны еврейского ишуга. Из ее рядов вышли активисты, которые в будущем определили лицо организации Хагана, действовавшей по всей стране, и среди них – Дов Хоз и Элияху Голомб.

Хашомер в годы войны

Годы войны были трудным временем для Хашомера. С самого начала турецкие власти потребовали от еврейского населения, чтобы оно сдало все имеющееся в его распоряжении оружие. Руководители общественных организаций ишуга, и среди них доктор А. Руппин, Меир Дизенгоф и руководители комитетов крупных колоний склонялись к мысли выполнить распоряжения властей. Хашомер, группы молодежи в поселениях и "яффская группа" в Тель-Авиве решительно отказывались сдать оружие.

Отношение турецких властей к Хашомеру ухудшилось, против организации было выдвинуто обвинение, что ее целью является отторжение Палес-

тины от Оттоманской империи и создание сионистского государства. Исаэль Шохат был арестован и весной 1915 года вместе с женой выслан в Анатолию. В это же время из страны были высланы активисты других организаций и партий, считавшихся турецкими властями подрывными. Среди высланных были Ицхак Бен-Цви и Давид Бен-Гурион.

После высылки руководителей Хашомер вынужден был с полулегального положения уйти в подполье. Контракты с поселениями заключались теперь не от имени комитета Хашомер, а от имени местных групп охраны. Члены организации сконцентрировались на севере страны, в Тель-Адасе и других поселениях Нижней Галилеи.

В те дни сторожевая служба в Нижней Галилее была нелегкой. Этот район даже в мирные дни особенно страдал от разбоев. С началом военных действий значительно увеличилось число дезертиров, которые стали настоящим бедствием для страны. Они нападали на отдельных прохожих и на небольшие населенные пункты. На второй год войны усилился голод, и Хашомеру пришлось бороться против голодных банд, зачастую вооруженных новым оружием, которые грабили лишь с одной целью – насытиться.

Жестокое нападение на Милхамию 26 февраля 1915 года показало всю серьезность положения. В столкновении между сторожами поселения и арабами из близлежащей деревни Абудия, которые вышли на поля, чтобы убрать не принадлежавший им урожай, один из жнецов был ранен. Спустя короткое время поселение подверглось нападению разъяренной толпы феллахов. Большая часть мужчин находилась в этот день в Тверии, где они оформляли оттоманское гражданство и воинские документы. В ходе столкновения был убит главарь нападавших, и арабы отступили. Однако они послали за подмогой во все арабские поселения округи. В тот же вечер в Милхамию прибыли десятки молодых людей из Дганий, Кинерета и Явнеэля. Была организована обо-

рона, вырыты траншеи, а въезды на улицу, проходящую через поселение, перекрыты повозками, сельскохозяйственными машинами и каменными барьерами.

Когда поселенцы Милхамии возвращались домой, один из них, Берл Клей, поехал впереди своих товарищ, он торопился к жене, которая была на последних месяцах беременности. Он был убит арабами из засады, и его тело брошено в воды Иордана. В полночь в поселение прибыл губернатор округа с группой полицейских. Многие евреи и арабы были арестованы, и после того как обеим сторонам стало ясно, что от турецких властей нечего ждать справедливости, они договорились о примирении.

Летом 1917 года участились набеги бедуинов из Трансиордании, которые пытались заставить жителей Галилеи, — как евреев, так и арабов, платить им дань. Под влиянием Хашомера комитеты поселений отказались выполнить это требование. Возникла необходимость организовать вооруженную группу, которая была бы в состоянии выступить в случае необходимости, и само существование которой служило бы предупреждением грабителям. Члены Хашомера организовали подвижную районную группу. Патрули состояли из трех-шести всадников, которые проезжали по дорогам и полям вдоль всей линии охраны, проходившей от Мигдала, через Тверию, Кинерет, Дганию, Милхамию, Явнеэль, Бейт-Ган и Месху — вплоть до Мерхавии. В патрулировании принимали участие члены Хашомера и жители поселений. В состав патрульных сил входило всего 18 человек, однако за ними стоял внушительный резерв. Изредка проводились демонстрации силы, в которых принимали участие все всадники со всем имеющимся вооружением и снаряжением, что оказалось должное психологическое воздействие на бедуинские племена.

Значительная часть членов организации находилась в те годы в рабочем поселении Тель-Адас. Положение этой группы было тяжелым. Члены группы рабо-

тали в качестве наемных рабочих Палестинского комитета за очень скромное вознаграждение. Год от года хозяйственный баланс оставался дефицитным. Вода доставлялась издалека в бочках, время от времени рабочий скот реквизировался для военных работ. Отношения внутри коллектива постепенно обострялись. Причиной неурядиц, — сообщают в воспоминаниях Цви Надав, — были разногласия между теми, кто во главу угла ставил интересы хозяйства, и теми, кто продолжал отстаивать задания Хашомера. Вскоре выяснилось, что одной из соперничающих групп придется покинуть поселение. Этот вопрос был обсужден на ежегодном собрании Хашомера, которое состоялось в Явнеэле на еврейский Новый Год в 1915 году. Там было решено, что в Тель-Адасе останется группа Шмуэля Хефтера. Исраэлю Гилади и его товарищам была передана охрана поселения Месхя.

Группе Гилади в Месхе пришлось весьма трудно. Условия сторожевой службы в поселении оказались очень тяжелыми. Значительная часть заработной платы сторожей выдавалась зерном, но, когда цены на хлеб подскочили, крестьяне отказались выдавать зерно сторожам. Гилади и его товарищи стремились организовать новую колонию. "Мы осознали, — писал он в одном из писем, — что нет у нас прочной основы в стране до тех пор, пока мы не создадим свое постоянное поселение и не начнем самостоятельно трудиться на земле".

Гилади связался с остатками "группы пастухов" распавшейся во время войны, и обратился к представителю компании ЕКО в Верхней Галилее Хайму Кальварискому с просьбой оказать обеим группам помощь в поселении на землях Верхней Галилеи. Тот сразу откликнулся на эту просьбу и передал группе Хашомера земли Хамары на берегу Хацбани а "группе пастухов" — земли Талхи, переименованной в Тель-Хай. Согласно программе заселения, члены партии Поалей Цион создали еще две группы

которые поселились в Аелет ха-Шахар и в покинутом поселении Маханаим.

После праздника Суккот (октябрь 1916 года) члены группы с женами и детьми вышли из Месхи и направились в Верхнюю Галилею, причем все их имущество умещалось на одной телеге. Они поселились в Метулле.

Лишь в конце лета 1917 года члены группы сорудили большой барак на холме, где по плану должно было быть построено поселение Кфар-Б-Г (Бар-Гиора). Однако арабы прозвали это место Тахшиба ("Деревянный барак").

На годичном собрании Хашомера в 1916 году было решено, что организация должна распространить свою деятельность на всю страну, организовать постоянные группы обороны и создать склады оружия. Было решено также создать небольшие молодежные группы в различных поселениях. В ходе переговоров с "яффской группой" было принято решение о сотрудничестве между обеими организациями. В то время основным источником оружия был юг страны, где бедуины сумели собрать довольно много английского и турецкого вооружения, которое они продавали всем желающим, — поэтому и было решено возобновить деятельность Хашомера на юге. После длительных переговоров организации удалось вновь добиться права на сторожевую службу в Реховоте. Контракт с поселением от имени Хашомера подписал Цви Надав. Сторожевая служба (три конника и восемь пеших сторожей) распространялась на поселение, посадки, урожай.

В Иудее было слишком мало членов организации для того, чтобы она могла взять на себя ответственность за охрану крупного поселения. Поэтому сторожевая служба выполнялась при помощи местных работников и членов "яффской группы" из Тель-Авива. Весной положение значительно ухудшилось. Приближался фронт, евреи были изгнаны из Яффы, возросла напряженность. Виноградники и орешни-

ки притягивали многочисленных беженцев и дезертиров. "Беженцы, — рассказывает Цви Надав, — заполнили все близлежащие арабские деревни. Они были хорошо вооружены, привыкли к условиям войны и превратили грабеж в главное занятие и основное средство существования". Было необходимо увеличить число сторожей, которые время от времени вступали в стычки с вооруженными бандами. В то лето несколько сторожей были ранены, а один из них, Мордехай Зохар, был убит.

Центром сбора оружия была ферма в Рухаме. На этой ферме в то время работало 14 человек. Сторожем фермы был Яаков Пат, один из людей Второй алии. Он установил контакты с местными бедуинами, они были готовы продать ему оружие. Поскольку у него не было денег, он обратился к членам Хашомера в Реховоте и на полученные деньги приобрел для них оружие. Через некоторое время уже к нему обратились члены "яффской группы", "гимназисты", и Яаков Пат помог им. Так Рухама стала первым пунктом переброски оружия из Негева в поселения Иудеи и Галилеи. Несколько членов Хашомера и "гимназистов" начали работать возчиками в турецких военных обозах и на этих повозках перебрасывать оружие. Важнейшими промежуточными пунктами на пути в Галилею были Реховот, где оружие передавалось представителям Хашомера, и Петах-Тиква, где организация создала группу из местных рабочих и молодежи.

Оружие перевозилось в Галилею на телегах с двойным дном. После того как возчики проходили посты турецкой армии и полиции, они передавали свой груз в группе Кинерет, где был центральный склад оружия для обороны Галилеи. Оттуда оно распределялось по всем поселениям, которые расплачивались за него своими деньгами.

Конец 1918 года проходил под счастливой звездой. В октябре британские силы завершили оккупацию Палестины. Сообщения о еврейских батальонах и о

палестинском батальоне, среди организаторов которого были и члены Хашомера в Иудее, вызвали всеобщий подъем. Через три недели после захвата страны англичанами в Тверии состоялся одиннадцатый съезд Хашомера, обсудивший вопрос о добровольном вступлении в еврейские батальоны. Было принято решение о разделе сил организации для деятельности в трех направлениях: 1) традиционной "шомеровской", 2) в полиции, 3) в еврейском батальоне.

Из Тверии участники съезда направились на собрание сельскохозяйственных рабочих Галилеи в Кинерете. Во главе группы на коне ехал Исраэль Гилади, держа в руках знамя Хашомера с надписью "В крови и огне Иудея пала, в крови и огне она возродится". Это знамя вызвало гнев некоторых участников собрания, которые выступили против такой демонстрации и против Хашомера вообще. Члены партии Хапоэл хацаир во главе с А. Д. Гордоном выступили против добровольного вступления в еврейские батальоны. Элиэзер Шохат, один из старейших работников Галилеи, Ицхак Табенкин и другие выступали за еврейские батальоны. Гилади ответил всем, как обычно, — просто, неторопливо, но энергично и убедительно. Это было его последнее выступление. В ту же ночь он простудился, заболел гриппом ("испанкой"), занесенным солдатами из Европы, и вскоре скончался в больнице в Тверии. Его смерть явилась большим ударом по первопоселенцам в Кфар-Б-Г (с того времени — Кфар-Гилади). Еще большим ударом его смерть явилась для Хашомера.

Ослабленной, но полной надежд на будущее, встретила эта организация начало новой эпохи — период британского правления в Палестине.

IV. ЕВРЕЙСКИЕ ПОЛКИ

Новая идея

Первая мировая война привела к тому, что большинство крупнейших еврейских центров мира оказалось в двух враждующих лагерях.

Один из главных фронтов проходил по еврейским поселениям России и Галиции. Евреи Восточной Европы вдвойне страдали от войны. Сотни тысяч молодых еврейских парней были мобилизованы в чуждые им армии и были вынуждены принимать участие в боях, в которых не видели смысла.

Война поставила под угрозу само существование Всемирной сионистской организации. Различные части этого движения находились по разные стороны фронта.

Большинство членов Всемирной сионистской организации считало, что необходимо занять нейтральную, пассивную позицию, чтобы ни одна страна не смогла обвинить своих граждан-сионистов в недостаточной лояльности. А когда наступит мир, сионисты смогут обратиться к победителям (кем бы они ни были) и поведать им о своих проблемах и чаяниях.

Однако время не давало права на пассивность.

Судьбы стран и народов решались на поле брани. Всемирная бойня с неизбежностью заставляла каждого определить свои национальные и нравственные позиции.

В те дни возникли польские легионы под командованием Пилсудского. Чехи начали создавать свои легионы при армиях Антанты. Время было подходящим для воплощения аналогичных планов и в еврейской среде. Так родилась идея еврейского национального легиона.

Отряд погонщиков мулов

Еврейские полки начали создаваться зимой 1915 года в Египте. Здесь собралось более одиннадцати тысяч евреев, изгнанных из Палестины. Половина из них нашли себе средства к существованию, или, по прошествии какого-то времени, перебрались в другие страны. Около 6 тысяч евреев жили в очень тяжелых условиях на правах беженцев в больших лагерях вблизи Александрии.

Молодежь из среды беженцев стояла перед угрозой мобилизации в армии "их" стран. Особенно чувствовалось давление русского консула, поскольку большинство беженцев были родом из России.

Зеэв (Владимир) Жаботинский, который прибыл в Александрию в декабре 1914 года в качестве корреспондента одной из русских газет, вошел в контакт с молодежью в лагерях беженцев. Он-то и выдвинул первый идею организации еврейских полков.

В своих воспоминаниях Жаботинский отмечает, что пришел к этой идеи, когда получил известие о вступлении в войну Турции (в начале ноября 1914

года). "За одну ночь, — писал он. — я изменил свое мнение и прежнюю позицию... Я задушил в своем сердце все претензии и требования к русскому режиму... Все было зачеркнуто и стерто, кроме самого главного: наша судьба зависит от освобождения Палестины из-под турецкого ига, и в этом освобождении мы должны принимать участие в качестве еврейского военного подразделения".

Жаботинский встретил горячую поддержку со стороны Иосефа Трумпельдора, который был тогда одним из палестинских беженцев в Египте. В свое время он потерял левую руку в русско-японской войне и по возвращении из плена получил звание офицера русской армии — случай в своем роде единственный и исключительный.

Жаботинский и Трумпельдор начали пропагандировать свои идеи среди беженцев. На одном из собраний, созванном ими 3 марта 1915 года, была установлена цель: "Создание полка еврейских добровольцев в Александрии из числа палестинских беженцев, полка, который предоставит себя в распоряжение правительства Великобритании для участия в высадке десанта в Эрец-Исраэль". Был создан временный учредительный комитет.

Однако переговоры с представителями Великобритании в Египте не удовлетворили инициаторов создания Еврейского полка. Когда они встретились с генералом Максвеллом, главнокомандующим британскими войсками в Египте, тот сказал: "По закону нам запрещено брать добровольцев в британскую армию. Я не могу ничего предложить вам, кроме как сделать из этих молодых парней погонщиков мулов, организовать их в транспортную колонну и послать на другой фронт — естественно, турецкий".

Этот ответ поверг членов комитета в уныние. Он уничтожал все шансы на реализацию их идеи. Транспортная колонна — это не боевая часть, а турецкий фронт — не борьба за Эрец-Исраэль.

Однако Трумпельдор придерживался иного мне-

ния. Он говорил: "Не преувеличивайте значение различий между строевой службой и работой по транспортировке армейских грузов. И то и другое – армия, без них невозможно воевать, да и опасность распределяется поровну. Для того, чтобы освободить Эрец-Исраэль, надо прежде всего рубить турок, а откуда их атаковать – с севера или с юга – вопрос тактики, а не существа дела. В такой войне любой фронт – это фронт за Сион".

Жаботинский отправился в Европу, чтобы там способствовать созданию Ерейского полка. Трумпельдор остался в Египте.

19 марта 1915 года было созвано общее собрание добровольцев, на котором присутствовал полковник Джон Паттерсон, занимавшийся мобилизацией добровольцев в интендантские части. Вместе с ним там был британский генерал. "Генерал патетически утверждал, что отныне еврейский народ заключил союз с британским народом", – писал Трумпельдор. За ним выступил Паттерсон, который объяснил, что любой солдат важен, если он исполняет свои обязанности, какими бы они ни были. Молодежь удалось убедить в этом, и мнение Трумпельдора было принято всеми. Так были заложены основы Ерейского полка.

Официальное формирование его произошло в марте 1915 года. Тогда же новой воинской единице было присвоено название "Сионский корпус погонщиков", или "Отряд погонщиков мулов".

В отряде было 650 человек, его возглавлял Паттерсон, прирожденный воин, ирландец.

После 15 дней учений в лагере воинская часть морским путем была отправлена на фронт. Солдатам представлялось, что они плывут к берегам Палестины. Учения продолжались и на бортах кораблей. 20 апреля отряд прибыл на остров Лемнос и был включен в состав ударной группы, которая готовилась к вторжению на полуостров Галлиполи. Не считаясь

с мнением Паттерсона, отряд разделили на две части. Две роты во главе с Паттерсоном и Трумпельдором были присоединены к 29 дивизии, а две другие – к австралийским частям. Эти роты были через некоторое время распущены, и Трумпельдор в одном из своих писем со стыдом и болью говорит об их незавидной судьбе.

Вторжение в Галлиполи, целью которого был захват Дарданелл и открытие дороги на Россию, сопровождалось упорными и кровопролитными боями. Десантникам удалось захватить лишь узкую полосу скалистого побережья. Район высадки отряда и впоследствии место его дислокации находился на южном конце полуострова. В этом горном районе, под непрерывным обстрелом противника погонщики самоотверженно выполняли тяжелую и важную работу по доставке боеприпасов, воды и продовольствия солдатам в окопы.

В конце 1915 года командование Антанты вынуждено было признать провал галлиполийской операции и приказали эвакуировать части с полуострова. Отряд погонщиков мулов перевез снаряжение на корабли и был в числе подразделений, последними покинувших полуостров. Вместе с частями регулярной британской армии, усталые и подавленные, "галлиполийцы" прибыли в Александрию.

Уважительное отношение властей, знаки боевого отличия, выданные многим солдатам отряда за проявленный героизм, – все это доказывает, что Отряд погонщиков мулов в тяжелых, сложных и опасных условиях с честью выдержал все испытания. Трумпельдор говорил в прощальной речи: "Мы закончили свою работу и можем сказать, что сделали ее хорошо... Нам нет причин стыдиться Отряда погонщиков мулов. Благодарю вас от своего имени за все".

Лондонский полк

Первый боевой еврейский полк был создан в Англии при необычайных обстоятельствах. Община еврейских беженцев, проживавших на восточной окраине Лондона, была одной из тех, которой не удалось абсорбироваться в британском обществе. Даже коренные английские евреи и их организации были чужды беженцам. Многие из них – в большинстве портные, ремесленники и мелкие торговцы – придерживались радикальных взглядов в социальных и политических вопросах. Они принципиально отрицали войны. Даже самые умеренные из них не чувствовали себя гражданами Великобритании. В то время, как в стране была проведена всеобщая мобилизация и с улиц исчезли мужчины в гражданской одежде, евреи-иммигранты особенно выделялись и возбуждали среди англичан антисемитские настроения.

“Мы – политические беженцы, – говорили еврейские иммигранты англичанам, – вы не можете отослать нас обратно. И призывать нас в армию за пределами нашей родины тоже нельзя. Только после того, как мы получим английское гражданство, можно будет говорить о мобилизации молодежи”.

В среде беженцев происходили и такие разговоры: “Наш народ проливает кровь, и потери евреев в России ужасны. Мы – спасшиеся остатки уничтоженной нации, и нельзя подвергать опасности тех, кто выжил. Нам незачем и не для кого воевать в этой войне”.

Слухи о разрушениях, которые оставляла за собой армия России – союзница Британии, – проходя через еврейские местечки, лишь усиливали такие настроения. Доходили сюда и слухи о тысячах беженцев из фронтовых районов, о погромах в городах Польши, Галиции и Буковины. Все это удерживало еврейскую молодежь от участия в войне.

Была необходима исключительная гражданская смелость, твердая вера в возможность достижения своих целей, чтобы проповедовать идею еврейского полка в обстановке, царившей в еврейском квартале Лондона – Уайтчепле. Только человек, твердо веривший в справедливость своего дела, мог выстоять под градом насмешек соплеменников и решительно поддержать идею участия в войне за свою древнюю родину в армии той страны, которая стала для них новым местом изгнания. Таким человеком был Зеэв Жаботинский. Он приехал в Лондон, чтобы содействовать созданию еврейского полка в такой форме, которая удовлетворяла бы его в большей степени, чем полк, созданный усилиями Трумпельдора в Александрии. Ему было ясно, что "турки не хотят еврейских поселений в Палестине". Отсюда следовали два вывода: во-первых, "не в наших интересах, чтобы Палестина и дальше оставалась под турецким господством", во-вторых, "если Турция против нас, то нам надо искать других союзников и друзей. В нынешние времена, в 1915 году, принято заявлять о своих политических принципах ясно и открыто. Поэтому и мы вынуждены заявить публично о своем новом союзе". Новым союзником должен стать лагерь врагов Османской империи.

Жаботинский ездил в Лондон, в Копенгаген, где находилась временная резиденция секретариата правления Всемирной сионистской организации, и в Россию. Везде он встречался с резким сопротивлением со стороны официальных сионистских кругов, которые придерживались нейтральной линии – такую политику решило проводить правление сионистской организации с самого начала войны. Однако подлинное испытание идей Жаботинского и его сторонников началось в августе 1915 года, когда они обратились прямо и непосредственно к многочисленным еврейским беженцам, проживавшим в лондонском квартале Уайтчепл.

Инициаторы обращения должны были превратить сотни евреев-беженцев в добровольцев, а также убедить военное министерство Великобритании в том, что ему выгодно создание отдельной еврейской части. Агитация за создание Еврейского полка началась со дня прибытия Жаботинского в Лондон и продолжалась до его отъезда вместе с этим полком в 1918 году. Она проводилась главным образом с помощью листовок, расклеенных на стенах, и выступлений на многочисленных собраниях. В октябре 1916 года Жаботинский с группой помощников-единомышленников решили провести генеральное наступление с целью воздействовать на совесть и мировоззрение евреев-выходцев из России, проживавших в Лондоне. "Наша задача, — писал Жаботинский, — заключалась в сборе тысячи подписей под декларацией, в которой говорилось: "если еврейский полк будет создан для достижения только двух целей — защиты Англии и покорения Палестины, я, нижеподписавшийся, присоединяюсь к этому полку".

Такая формулировка не имела успеха. "Мы не собрали тысячи подписей и даже четверти этого числа". Однако в этот тяжелый момент случилось небольшое событие, которое оказалось поворотным пунктом во всей истории еврейского полка: добровольцы из Отряда погонщиков мулов, который был распущен после завершения его миссии в Галлиполи, прибыли в Лондон. Из них была составлена небольшая боевая часть (около 60 человек). Они были включены в состав одной из бригад, дислоцированных вблизи города. Незадолго до этого в Лондон прибыл Трумпельдор. "Твой приезд, — писал ему Жаботинский, — может стать искрой в стоге сена. Ты и твои товарищи не представляете себе, какое значение придается Галлипольскому полку". Сам Жаботинский в начале 1917 года вступил добровольцем в ряды еврейского подразделения.

Одновременно с пропагандой среди евреев Жаботинский вел энергичную разъяснительную работу

реди общественных и правительственныех кругов Англии. От них зависела реализация его планов. Попадание сторонников полка было тяжелым: они говорили лишь от своего имени — Всемирная сионистская организация была против них. Люди, которые могли бы быть хорошими солдатами в полку, активно сопротивлялись самой мысли о мобилизации. Ассимилированные евреи не желали и слышать о еврейской военной части в составе британской армии.

Летом 1917 года в отношении Великобритании к идею еврейского полка произошла позитивная перемена. Для этого было несколько причин: 1) на Ближнем Востоке британская армия готовилась к вторжению в Палестину; 2) после свержения царя в 1917 году было желательно привлечь к участию в войне евреев-иммигрантов из России; 3) необходимо было активизировать участие евреев Соединенных Штатов в войне.

В июле 1917 года Паттерсон, бывший командующий Отрядом погонщиков мулов, получил приказ начать организацию нового еврейского полка. 23 августа было опубликовано официальное сообщение об обязательной мобилизации русских граждан в Великобритании. Перед "портными из Уайтчепла" стал выбор: вернуться в революционную Россию или пойти на войну. Многие из них были привязаны к России. Около двадцати тысяч призывников решили вернуться. Лишь около тысячи человек пошли добровольцами в Еврейский полк. Даже после принятия решения о его создании не были устранены все трудности. Делегация ассимилированных евреев, видные представители британского еврейства обратились в последнюю минуту в британское военное ведомство и потребовали рассредоточения еврейских солдат среди других частей британской армии. Они не достигли своей цели, но изрядно задержали окончательное формирование новой еврейской боевой единицы.

В казармах и на учениях сразу же выяснились положительные и отрицательные стороны того человеческого материала, из которого был составлен полк. Его командир рассказывает о быстром усвоении военной премудрости и о серьезном отношении к ней, в то время как со стороны физической подготовки были определенные трудности. С удивлением он отмечает тот факт, что "за все время никто из солдат не выпил даже капли пива" и пришлось закрыть полковой ларек. Суббота была узаконена как день отдыха полка. Полковая кухня стала кашерной.

Официально полк назывался "38-й полк королевских стрелков". Тренировочный лагерь был расположен в Плимуте. Учения длились недолго. 2 февраля 1918 года солдаты полка с примкнутыми штыками промаршировали по улицам Уайтчепла и назавтра уже держали путь на фронт. Военный лагерь полка был расположен в Хелмии, вблизи Каира. Лагерные учения длились три месяца. 5 июня полк отправился в путь — в Палестину. В конце июня он был включен в состав армии новозеландского генерала Чейтора и занял позиции на фронте севернее Иерусалима.

Самый трудный экзамен пришлось выдержать полку, когда в середине августа он был переброшен в долину Иордана, на берега Вади-Малха, в 15 км от Мертвого моря. Место оказалось болотистым, не было спасения от комаров. Ночью солдаты патрулировали по окрестности. В патрулях была возможность отличиться, но также была и опасность быть убитым.

Спустя три дня Паттерсон получил от наблюдателей сведения о том, что сопротивление врага в окопах у переправы Умм а-Шарт с каждым часом слабеет. "Я направил туда своих резервистов, — рассказывает он, — помочь майору Нилу, чья задача заключалась в предотвращении продвижения турков и в быстрейшем захвате переправы. По телефо-

ну пришло радостное известие, что мои люди идут вперед: они захватывают окоп за окопом. Когда в четыре часа утра я вышел из штаба, то мог сообщить в ставку генерала Чейтора, что переправа уже почти в наших руках”.

С восходом солнца переправа была захвачена и новозеландская пехота перешла на другой берег Иордана в горы Гилада. Роты американского полка, которые прибыли на фронт за несколько дней до начала атаки, приняли участие в захвате населенного пункта А-Сальта, где был расположен главный турецкий штаб района. На “американцев” была возложена обязанность охранять занятые позиции и окрестности (38 полк охранял дорогу от Иордана до А-Сальта). Через неделю им было поручено охранять германских и турецких военнопленных и сопровождать их в лагерь на западном берегу Иордана.

Отношения между лондонским полком и другими евреями-добровольцами из Америки и Палестины пламенными сионистами, были натянутыми. Жаботинский надеялся, что к Ерейскому полку присоединятся и другие, но этого не случилось.

Добровольческое движение в Америке

В Соединенных Штатах с первых дней войны возникли небольшие группы людей, стремившихся к активной деятельности, считавших необходимым добровольно вступать в ряды еврейского полка, сражавшегося на палестинском фронте. Пинхас Рутенберг видный эсер, ставший сионистским лидером, прибыл туда из Италии, Ицхак Бен-Цви и Давид Бен-Гурион из Палестины. Эти посланцы действовали терпеливс

настойчиво и целеустремленно. В уставе организации Хехалутц отмечалось, что для его членов создаются "клубы для физических упражнений и военных тренировок". Но на закрытых собраниях членам клуба сообщалось, что "возможно, в ближайшее время наступит день, когда им придется отправиться в Палестину для освобождения страны Израиля с мечом в руках" (Давид Бен-Гурион). Деятельность Хехалутца охватила сотни людей.

С течением времени Рутенберг сплотил вокруг себя круг единомышленников, среди которых был Борохов, веривший, что революционная Россия поддержит евреев, а также Нахман Сыркин и Хаим Житловский. Был создан палестинский комитет. По его инициативе еще весной 1916 года членам сионистских организаций были разосланы анкеты с вопросом — кто готов вступить в ряды военных сил и сражаться за еврейскую Палестину. Эта подготовка принесла плоды весной 1917 года, когда Соединенные Штаты вступили в войну. Декларация Бальфура и сообщение о полке, созданном в Англии, вызвали у евреев всего мира новые надежды.

Когда Соединенные Штаты вступили в войну, настало время для реализации планов создания еврейского полка. Сионистский лидер судья Луи Брандайс обратился в этой связи к своему другу, президенту Вильсону. Вильсон выразил поддержку этому плану, однако объяснил, что Соединенные Штаты не объявили войну Турции, поэтому невозможно создать американский военный полк, который будет воевать с ней. В то же время организаторы добровольческого движения в Америке с помощью британского консула в Нью-Йорке обратились к правительству Великобритании с предложением создать еврейские полки в Америке на следующих условиях: а) существование отдельной еврейской части; б) участие в операциях на палестинском фронте; в) иврит — официальный язык приказов; г) еврейские

знаки различия (нашивки на мундирах, флаг и т. д.).

После продолжительных переговоров, в конце 1917 года британское правительство приняло эти условия и программу добровольческого движения.

В конце января 1918 года в Нью-Йорке открылся призывной пункт, а в феврале первые добровольцы отправились в тренировочный лагерь в Канаду. Мобилизация продолжалась 9 месяцев, пока в октябре 1917 года не закрылись британские военкоматы в Соединенных Штатах. Число добровольцев достигло пяти тысяч человек. Около двух тысяч из них прибыло в Палестину до конца войны.

Добровольческое движение возникло также в Канаде и Аргентине. Канада находилась в состоянии войны с Германией с 1914 года. Около трех тысяч евреев, в большинстве своем подданные этой страны, служили в рядах ее армии. В марте 1918 года канадское правительство согласилось на мобилизацию лиц, не имевших канадского подданства, в ряды еврейского полка, который должен был быть дислоцирован в Палестине. Около 300 молодых еврейских парней в Канаде вступили добровольцами в легион. В Аргентине оказалось более 50 добровольцев.

В тренировочном лагере в Виндзоре (Канада) эти люди постигали все премудрости казарменной жизни. Большинство из них были людьми первого поколения поселенцев в "новом свете", которые покрылись лишь легким налетом "американизма". В самом лагере общественная жизнь протекала довольно организованно, существовали даже солдатские комитеты. Бен-Гурион, который вместе с Бен-Цви был одним из первых добровольцев в легионе, рассказывает, что ему предложили нашивки капрала и он вначале отказался от них. Он изменил свое решение, когда майор заявил ему, "что по ту сторону моря уже не будет комитетов, и руководить всем будут армей

ские чины". По завершении учения солдат батальонами отправляли в Англию и оттуда — на Ближний Восток.

Только две роты американцев успели прибыть в Палестину до окончания сражений. Они приняли участие в боях под командованием полковника Элиэзера Марголина и участвовали в захвате перевправы через Иордан в сентябре 1918 года. Подавляющее большинство американцев прибыли в Англию и Египет и были организованы в "39 королевский стрелковый полк". Это были дни перемирия. Все мечтали о геройских подвигах, но еще не было ясно, где и когда смогут они их совершить.

Добровольческое движение в Эрец-Исраэль

С захватом южной части Палестины британской армией осенью 1917 года наступил благоприятный период для еврейских поселений этого района. Среди активных основателей ишува, членов организации Хашомер, учащихся и рабочих, зародилось желание принять участие в освобождении в сей страны. Слухи о еврейских полках, которые должны прибыть в Страну Израиля из стран diáspory, усиливали это желание. В освобожденном Тель-Авиве собралась молодежь, которая считала, что в ответ на Декларацию Бальфура нужно немедленно создать еврейскую армию.

В то время, как еврейская палестинская молодежь искала путей для реализации своих идей, она получила неожиданную помощь. В Тель-Авиве поселился генерал Хиль, командующий шотландской дивизией. Он пригласил к себе представителей группы молодежных активистов (среди них — Рахель Янайт,

Элияху Голомб и Дов Хоз), и призвал их создать полк, который присоединится к еврейским полкам, созданным в диаспоре. Этот призыв был передан Учредительному собранию деятелей еврейских поселений, которое собралось тогда в Тель-Авиве. Предложение встретило сильное сопротивление под тем предлогом, что оно "повредит жителям Галилеи". Однако среди членов собрания инициаторы нашли себе влиятельного союзника в лице Моше Смилянского из Реховота, который вскоре стал одним из лидеров добровольческого движения.

Молодежь создала подготовительный комитет и начала проводить активную агитацию. В феврале 1918 года собралась конференция добровольцев, на которой были сформулированы условия добровольной мобилизации. Конференция представляла пятьсот человек, из которых около трети были женщины. На конференции говорили о необходимости "создать ядро первой еврейской армии в стране".

После конференции "комитет добровольцев" обратился к "временному комитету", который был избран на подготовительном собрании, с предложением начать переговоры с властями о формировании еврейского полка. Однако это предложение было отвергнуто не значительным большинством голосов.

Тех, кто сопротивлялся добровольцам, можно разделить на две категории — временные противники и принципиальные. Сопротивление первых уменьшалось по мере того, как становилось ясно, что значительное большинство в сионистском движении поддерживает организацию полка. Принципиальные противники в большинстве своем были членами организации Хапоэл хацаир. В течение десяти лет Второй алии в стране создалась группа из 1500–2000 человек, которые приняли на себя всю тяжесть жизни наемных рабочих, зарабатывавших на хлеб тяжелым физическим трудом. Члены Хапоэл хацаир боялись, что эти люди, став солдатами, не вернутся после демобилизации к трудовой жизни наемных рабочих, и все

их усилия по созданию рабочего класса пропадут даром.

Большую поддержку добровольцы получили с приездом в страну в 1918 году Зеэва Жаботинского. Они созвали съезд в Реховоте, в котором приняло участие около тысячи человек. Состоялся большой парад, на котором с речью о политическом значении Ерейского полка выступил Жаботинский.

Однако британский штаб не спешил с ответом.

Разрешение начать мобилизацию пришло лишь весной 1918 года. Почти все условия Комитета добровольцев "испарились", будто их и не было: ни еврейского бюджета полков, ни артиллерии и конницы, ни женских частей, ни тренировочных лагерей в Палестине. Осталась лишь надежда на то, что представится возможность организовать кратковременные учения в Египте, и полки примут участие в кампании по освобождению Палестины.

Во главе официальной комиссии по мобилизации добровольцев стоял майор Джеймс Ротшильд, сын известного филантропа барона Ротшильда. На фронтоне призывающего пункта по улице Гершля в Тель-Авиве был прикреплен транспарант со словами: "В крови и огне Иудея пала, в крови и огне она возродится!" Немедленно после мобилизации сержанты начали обучать новобранцев строевым упражнениям и вводить их в распорядок армейской жизни. Однако Жаботинский и Джеймс Ротшильд не желали ограничиваться 460 добровольцами из Яффы и обратились к тысячам евреев, проживавшим в Иерусалиме. 250 человек сразу же откликнулись на призыв, среди них — около сорока учащихся учительской семинарии.

3 июля 1918 года на площади перед Большой синагогой в Тель-Авиве состоялся прощальный парад добровольцев. От имени Комитета делегатов* Хаим Вейц-

* Комитет делегатов состоял из представителей сионистских организаций в странах Антанты и возглавлялся Хаимом Вейцманом. Члены комитета прибыли в Палестину вскоре после того, как юг страны был занят силами британской

ман вручил полку бело-голубое знамя. В один из углов знамени был вставлен миниатюрный британский флаг – напоминание о том, что палестинский полк создан в рамках британской армии. На следующий день добровольцы выехали поездом из Яффы и Иерусалима, а затем эшелоном в составе сорока вагонов на юг.

Первой остановкой на пути в Египет была Кантара, где еврейский полк разбил свои палатки. Оттуда он был переправлен в тренировочный лагерь в Хелмии. 11 июля в этом лагере находилось около 700 добровольцев. Следующая мобилизационная кампания была проведена после освобождения Галилеи и к полку присоединились еще около 150 человек. Примерно столько же бойцов было набрано в кварталах бедноты в Александрии, и более ста – из числа еврейских военнопленных, служивших в турецкой армии. Всего в полку насчитывалось около 1100 бойцов.

В Египте добровольцы встретились с бойцами лондонского полка. Новые силы, энтузиазм и вера прибавились у добровольцев с прибытием американских сионистов, среди которых были также изгнанники из Палестины. Эту группу возглавляли И. Бен-Цви и Д. Бен-Гурион.

Нелегкими были первые шаги палестинского полка. Трудно было привыкнуть к командам на незнакомом английском языке, который знали лишь немногие. Учение стало более продуктивным, когда вернулись добровольцы, направленные на сержантские курсы.

В первые же дни был создан батальонный комитет, в который вошли инициаторы добровольной мобилизации. К ним присоединились руководители рабочего движения, и среди них – Берл Кацнельсон и Леви Школьник (Эшкол). К счастью для бойцов первым полковым командиром был полковник

армии. Комитет служил представительством сионистского движения и заботился о восстановлении экономической и общественной жизни ишува.

Элиэзер Марголин, австралийский офицер, личный друг Моше Смилянского. Он согласился вступить в контакт с комитетом, органом, который был совершенно чужд британской армии. Однако и он при всем желании не смог удовлетворить требования комитета, выходившие за рамки допустимого в британской армии.

Одной из первых проблем было признание иврита языком воинских команд. Марголин считал (и это мнение разделяли Вейцман и Жаботинский), что до тех пор, пока полк является частью британской армии, нет никакой надежды на то, что иврит станет главным языком полка.

В те дни полк жил ожиданием участия в боях за освобождение Земли Израиля. Вейцман, посетивший бойцов полка, вселил в их сердца надежду на то, что дело освобождения северной части страны, и в частности, Тверии и Цфата, будет передано еврейским полкам. 30 июля 1918 года бойцам было раздано оружие, и через несколько недель пришел приказ начать стрельбу боевыми патронами и готовиться к выступлению. Бойцы отказались от отпусков, на которые они имели право после ночной караульной службы, опасаясь, что не успеют изучить воинскую науку: строевые упражнения, полевые учения, стрелковое оружие, штыковой бой, гимнастику. Отдельные группы изучали сигнализацию, саперное дело и пользование пулеметом Льюиса. Мечта об участии в освобождении Галилеи поддерживала высокий моральный настрой и дисциплину, несмотря на горечь всех разочарований.

С прибытием вести о молниеносной атаке британских войск, в ходе которой была освобождена северная часть Палестины, полк охватило глубокое уныние: воины снова остались без дела.

Учения должны были закончиться. В ноябре в полк пришел новый командир, полковник Фредерик Сэмюэл. Он понимал переживания людей этого полка и обещал сохранить за бойцами все права, приобретен-

ные в период командования Марголина. Полк приступил к своей первой активной операции – охране лагерей военнопленных в Тель эль-Кабире, в Египте, в которых находились в те дни турецкие, германские и австрийские солдаты.

Малопочетная обязанность охранять лагеря военнопленных выглядела горькой насмешкой над мечтами полных энтузиазма добровольцев. В полку началось сильное брожение. Несмотря на запрет собраний в армии, солдаты устроили общий митинг. Если полку не удалось претворить в жизнь свою первую цель, участие в захвате страны, то вторая его цель – создание "еврейских сил – будущей еврейской милиции" (Э. Голомб) осталась. Желание возвратиться в Эрец-Исраэль охватило весь лагерь, и английское командование почувствовало это. В декабре 1918 года полк вернулся в Палестину.

Расформирование батальона

На родине еврейские полки исполняли обязанности патрульных и оккупационных войск. Рассеянные по всей стране, они осуществляли операции по охране и сопровождению обозов и пленных, а также проводили полевые учения.

3. Жаботинский полагал, что в 1919 году три полка представляли собой примерно пятнадцать–двадцать процентов численности всех оккупационных войск в Палестине. Весной 1919 года, когда в Египте вспыхнули волнения и в стране развернулась анти-британская и антиеврейская подстрекательская кампания, процент евреев в оккупационных войсках был еще большим, поскольку много британских

частей было переброшено в Египет.

Еврейским бойцам было свойственно чувство национального долга, что нередко вызывало трения между ними, властями и арабами. Кое-где происходили столкновения между добровольцами и арабским населением. Но таких случаев было мало, и они происходили по вине небольших групп экстремистов и добровольцев из Соединенных Штатов.

Противники сионизма среди арабов и англичан хорошо понимали значение Еврейского батальона и мобилизовали против него все силы, выступавшие против Декларации Бальфура. Арабские главари обратились с просьбой вывести палестинский батальон из Хайфы, и их просьба была удовлетворена. "Изгнание из Хайфы" (май 1919 года) и возвращение в Рафиах удручающее подействовали на солдат, отдаленных от центров еврейского ишува и осужденных на бесцельное и тоскливо пребывание в пустыне Негева.

Тяжелым ударом для бойцов явился приказ, изданный военными властями 6 апреля 1919 года, согласно которому еврейским солдатам запрещалось посещать Иерусалим и Яффу в дни Пасхи.

Летом 1919 года пришел приказ о подготовке списка 150 бойцов, которые должны быть направлены на охрану лагерей военнопленных на Кипре и в Египте. Некоторые бойцы согласились уехать. Но одновременно организовалась инициативная группа, принявшая решение, в котором говорилось: "Мы рассматриваем бойцов, уезжающих из страны, как бросающих родину и достойных осуждения". Командование пыталось уговорить солдат, заявляя, что нарушение дисциплины уронит честь полка в глазах британских властей и может привести к его роспуску. Командование поддержал военный раввин, выступивший перед солдатами. Члены Комитета делегатов также пытались уговорить бунтарей, однако активисты сумели увлечь за собой большинство бойцов. В результате приказ был отменен, и инцидент завершился победой бойцов полка.

Однако существовала опасность того, что ввиду демобилизации и отсутствия нового набора бойцов, полк сам собой распадется. Этого и хотели англичане. Среди солдат происходили горячие споры – использовать ли представившуюся возможность и демобилизоваться, или попросить продления срока службы и остаться в армии. В конце концов около 500 человек решили остаться на дополнительный срок, сознавая, что необходимо сохранить организационный хребет полка до тех времен, когда будут возможны другие формы военной организации и прибудут новые люди.

На праздник Хануки 1919 года полк получил почетное право называться "Первым полком Иудеи" (First Judeans). Был также утвержден значок полка – семи-свечник с надписью "Вперед" на подставке. К полку были присоединены остатки полков еврейских добровольцев из-за границы, и его командиром был назначен полковник Элиэзер Марголин. Еврейские знаки различия пришли на смену английским. Полк начал приобретать вид еврейской боевой единицы. Поскольку он получил новое название, к нему относились, как к новосозданной части, обязанной пройти заново весь курс боевых учений. Полковник Марголин приложил много энергии для обучения оставшегося ядра полка. "Никогда еще не существовал наш полк в таком организованном и подтянутом виде, как сейчас, – писал один из солдат. – Похоже, что он полностью соответствует всем военным требованиям". Большое удовлетворение доставил бойцам полка инспекционный визит британского верховного главнокомандующего на Ближнем Востоке, генерала Конгрейва, который состоялся весной 1920 года. Он принял парад полка, осмотрел его лагерь и выразил свое полное удовлетворение.

В письме в военное министерство в Лондоне генерал Конгрейв очень лестно отзывался о полке, однако выразил несогласие с продолжением его отдельного существования. Он писал: "В случае внут-

ренних беспорядков, могущих вспыхнуть в стране на основе расовых противоречий, использование еврейских солдат лишь усилит вражду и умножит опасность..."

В соответствии с этими соображениями генерал посоветовал "в подходящий момент демобилизовать солдат и распустить полк".

Лишь благодаря непрестанным усилиям Х. Вейцмана и его единомышленников в Лондоне роспуск полка все откладывался. В конце марта 1920 года пришел официальный приказ о расформировании полка, но и после этого Вейцману удалось продлить его существование до 31 июля 1920 года. Он надеялся, что к этому моменту удастся решить проблему мобилизации новых добровольцев.

Еще три месяца подавленности и уныния среди солдат... В те дни происходили столкновения в Тель-Хае и Иерусалиме, но связанные военной дисциплиной солдаты не могли сыграть решающую роль в обороне еврейского ищува.

Летом 1920 года армию покинули последние добровольцы. Они сознавали, "что уже нет сил, да и нет необходимости продолжать нести это бремя" (Э. Голомб).

Но и после многих месяцев затянувшейся агонии нашлось тридцать добровольцев, поддерживавших огонек еще более полугода. Они обязались остаться в армии до конца 1921 года, надеясь, что станут ядром нового еврейского военного формирования.

V. ТЕЛЬ-ХАЙ И ИЕРУСАЛИМ

Арабские националисты подымают голову

В начале британского владычества в Эрец-Исраэль насчитывалось лишь около 56 тысяч евреев, которые составляли приблизительно 9 процентов всего населения на западе Иордана. Существовало 57 сельскохозяйственных колоний, в большинстве своем — маленьких; они были изолированными островками в нееврейском океане.

В конце войны возобновилась политическая деятельность арабских лидеров, ранее решительно подавлявшаяся турками. 3 ноября 1918 года, на следующий день после первой годовщины провозглашения Декларации Бальфура (эта дата торжественно отмечалась во всех еврейских поселениях) перед представителями военных властей в Иерусалиме и Яффе представили делегации арабских старейшин и потребовали запрещения депатриации евреев в Палестину. Из этих встреч арабские лидеры вынесли впечатление, что местные власти не поддерживают просионистскую политику Лондона и не будут противиться арабским демонстрациям, протестам и забастовкам.

В сентябре 1919 года в Иерусалиме стала выходить

газета "Сурия аль-Джунубия" ("Южная Сирия"), само название которой было намеком на стремление превратить Палестину в часть арабо-сирийского государства.

Газета сразу превратилась в центр антисионистского и антиеврейского необузданного подстрекательства. За ней последовали и все остальные арабские периодические издания.

После того, как англичане обосновались в Галилее, там воцарилось полное спокойствие. Об ощущении безопасности и беззаботности, царившем в большинстве поселений, свидетельствует следующий факт. Представители новой власти обратились к жителям с обычным для любой оккупационной армии требованием о сдаче имеющегося у населения оружия. Большинство еврейских поселений, которые запаслись оружием во времена оттоманского владычества (видя в этом оружии единственное средство защиты своей жизни, чести и будущего), поторопились удовлетворить требование властей. Возы, полные дорогого оружия, потянулись из поселений Нижней Галилеи и из других колоний к пунктам сдачи, установленным властями. Лишь несколько поселений, а также и Хашомер, сохранили свое вооружение.

Не так поступали феллахи и бедуины. Оружие, которое они собрали, было спрятано в укрытиях, и только незначительная часть сломанных ружей была передана властям. "Арабы в Палестине прекрасно вооружены", — отмечается в британском отчете конца 1919 года.

Спокойствие, однако, продолжалось недолго. Начиная с лета 1919 года положение на севере страны ухудшается в убыстряющемся темпе. Умножаются грабежи, случаи применения огнестрельного оружия и кровопролитные стычки между бедуинскими кланами. Агенты Фейсала в Галилее открыто ведут пропаганду за мобилизацию в его армию. Особенно тяжким было положение поселений в Метулле, Кфар-Гилади, Тель-Хае и Хамаре, находившихся в то время за пределами влияния британской военной администрации. Во фран-

цузско-английском соглашении, подписанном 15 сентября 1919 года, обе стороны определили временную границу между английской и французской областями. По этому соглашению британская армия и полиция отступили с северной части Верхней Галилеи и обосновались к югу от линии Рош ха-Никра – Буазия. Французы, однако, не удалось овладеть оставленной англичанами территорией. Первые французские отряды в ноябре 1919 года высадились в Бейруте и заняли ключевые позиции на морском побережье. Оттуда они начали двигаться на север и на восток. Их легкие самолеты время от времени кружили над местностью, а пехотные части осторожно передвигались со своих баз на юг в Хацбае, Джадейде и Набатие, приближаясь к еврейским поселениям. Французы пытались проникнуть также на восток – в деревни долины Хулы, однако они не создали там баз, и эта территория оставалась практически ничьей, без постоянной власти. Временные отступления частей французской армии толковались арабами как значительные победы и это очень их воодушевляло.

Силы еврейских колоний в этой области были незначительны. Существовало всего четыре колонии, отрезанные друг от друга. Не было даже шоссейной дороги, которая связывала бы их с Рош-Пина. Самое старшее из поселений – Метулла – насчитывало приблизительно двести человек. Но молодых мужчин, которые были бы способны стоять до конца, было мало, а наличие женщин и детей усложняло проблему обороны. В Кфар-Гилади сконцентрировалась часть лучших людей из членов организации Хашомер и их приверженцев, однако трудоспособных мужчин и женщин было лишь 17. В их распоряжении было всего одно каменное здание. Группа в Тель-Хае расположилась станом внутри двора, обнесенного каменной оградой, но и здесь было всего 17 человек (мужчин и женщин). Все отрасли хозяйства находились в зародыше. Поселение Хамара было создано на землях ЕКО группой рабочих ветеранов с целью заложить основу рабочего поселения

(”мошав овдим”). Около 14 человек в октябре 1919 года обосновались там и с большим энтузиазмом приступили к строительству бараков.

Средства обороны у жителей были весьма слабы. Уже в первых столкновениях выявилась нехватка ружей, боеприпасов и отсутствие надежных укреплений. Лишь самые примитивные укрепления были сооружены под давлением все более усложняющихся обстоятельств.

Вечером 12 декабря 1919 года сильному ружейному обстрелу подверглось поселение в Тель-Хае. Жители колонии сразу же погасили свет в комнатах и ответили выстрелами. Один из обороняющихся, Шнеур Шапошник, погиб во время перестрелки. Назавтра северные колонии обратились за помощью к южным. Они просили подмогу, оружие и продовольствие. Первыми отозвались Аелет ха-Шахар и Маханаим. Они послали четырех человек. Пятеро во главе с членом Хашомера – Иосефом Нахмани верхом на конях отправились из Тверии, чтобы ознакомиться с положением. Всадники были одеты в форму британской полиции. Когда они приблизились к Халсе, их обстреляли. Дорога в Тель-Хай была закрыта. Арабы из Халсы вошли в Тель-Хай и потребовали передачи им пятерых французов, якобы прибывших в поселение. Только после многочасовых споров и после того, как они убедились, что французов там нет, арабы вернулись в свою деревню. Представители поселения обсудили ситуацию и решили эвакуировать детей и часть женщин.

С этих пор группы молодежи время от времени выезжали в Верхнюю Галилею. Они были оснащены оружием, взятым в свое время из Ерейского полка и, прибыв в Верхнюю Галилею, передавали поселениям это оружие, а также снабжали их продуктами. Если бы не явная и тайная помощь Ерейского полка, Верхняя Галилея не смогла бы выстоять.

Арабские повстанцы пытались заставить евреев присоединиться к ним в войне против французов, однако колонисты строго соблюдали нейтралитет и категори-

чески отказывались вывесить арабский флаг, несмотря на непрекращающиеся требования повстанцев. Положение ухудшалось с каждым днем. Просьбы администрации ЕКО послать на север британские военные подразделения были безрезультатны. Отказ мотивировался тем, что район принадлежит французам, и английским войскам запрещено туда входить. Осажденные поселения сознавали, что своими весьма немногочисленными силами им не справиться с арабскими повстанцами.

На собраниях, проводившихся в поселениях, мнения жителей разделились. Были такие, которые сомневались в способности поселений выстоять, но большинство сгруппировалось вокруг ядра членов Хашомера, настаивая на том, чтобы организовать сопротивление и послать за подмогой. Просьбы о поддержке, как людьми, так и оружием, продовольствием и деньгами, были направлены в Комитет делегатов, а также во Временный комитет евреев Палестины, в администрацию ЕКО и в профсоюзы. И отклик не замедлил прийти.

В стране был создан Временный комитет обороны, чтобы оказать помощь осажденным поселениям на севере страны.

Иосеф Трумпельдор в Тель-Хае

В конце декабря 1919 года на север страны прибыл Иосеф Трумпельдор, несколько месяцев назад приехавший из России. Он привез с собой обширный план массовой репатриации поселенцев-добровольцев. Когда Трумпельдор узнал о тяжелом положении в Галилее он, не раздумывая, отправился на север. Сразу же после приезда в Тель-Хай он стал командиром Тель-Хая: превратился в центральную фигуру обороны Верхне-

Галилеи. Как солдат и командир он был на голову выше всех свои друзей и соратников по обороне, однако он не был знаком с особенностями поведения арабских налетчиков.

Положение в Верхней Галилее все ухудшалось. Вооруженные налеты на поселения становились все более частыми. 1 января 1920 года была оставлена Хамара, после того как стало ясно, что удерживать отрезанную от всех остальных поселений и не имеющую даже каменных построек колонию больше невозможно. Часть жителей Хамары присоединилась к группам защитников других поселений. Через два дня после этого жители Кфар-Гилади и Тель-Хая увидели, как горят бараки Хамары. Она была уничтожена. Через короткое время была покинута и Метулла, жители ее эвакуировались в Сидон, а оттуда — в Хайфу. Поселение, в котором не осталось ни одного человека, подверглось разграблению. Восемь молодых жителей Метуллы присоединились к защитникам Тель-Хая и Кфар-Гилади. 6 февраля пал Ахарон Шер, член квадрат Кинерет, прибывший на помощь в обороне Тель-Хая.

25 февраля 1920 года Трумпельдор во главе группы бойцов отправился освобождать Метуллу. Захватившие колонию арабы были изгнаны, и бойцы вновь обосновались в ней.

В самом ишуве и его учреждениях, во Временном комитете и Комитете делегатов, росли замешательство и сомнения, следует ли продолжать удерживать Верхнюю Галилею и оказывать ее поселенцам посильную помощь, либо необходимо отступить. В рабочих кругах господствовало мнение о необходимости безусловной и максимальной поддержки защитников Верхней Галилеи. Зеэв Жаботинский вначале колебался, но затем из практических соображений пришел к выводу о необходимости отступления и решительно выражал эту мысль в своих публичных выступлениях.

Спор в очень острой форме разгорелся на заседании Временного комитета 22 февраля 1920 года. Взяли верх Б. Кацнельсон, Д. Бен-Гурион и И. Табенкин, ре-

щительно защищавшие идею обороны Галилеи. Было решено увеличить находящиеся там силы и оказать им помочь значительными поставками вооружения и продовольствия. Была избрана комиссия, которая должна была направиться на север и на месте изучить все практические проблемы обороны.

Но комиссия опоздала. По прибытии в поселение Аелет ха-Шахар ее члены встретились там с бойцами, отступившими с севера, и получили трагическое известие о падении Тель-Хая, Кфар-Гилади и Метуллы.

Незадолго до переломного дня одиннадцатого адара с юга прибыли десятки добровольцев, в большинстве своем — демобилизованные бойцы американского еврейского батальона. Среди них был также опытный врач-хирург, доктор Гери. Накануне падения Тель-Хая в каждом из трех поселений — Тель-Хае, Кфар-Гилади и Метулле — было по 30–35 защитников. У всех бойцов были винтовки, некоторые имели при себе пистолеты. Боеприпасов было мало — по 100–150 патронов на винтовку. Имелись также ручные гранаты и французские ружья с насадкой для стрельбы гранатами.

В день одиннадцатого адара (1 марта 1920) состоялся решительный бой. С самого утра значительное число пеших и конных вооруженных арабов напали на поселение Тель-Хай, и его защитники вынуждены были оброняться своими силами. Главари арабов заявили, что они хотят провести в поселении обыск, чтобы обнаружить скрывающихся в нем французов. Трумпельдор разрешил Камилю аль-Хасану и группе его подчиненных войти в помещение, но в момент, тогда те попытались разоружить одну из участниц обороны, Трумпельдор сделал первый выстрел и приказал всем, находящимся на позициях, открыть огонь и отогнать арабов, со всех сторон окруживших двор поселения. Вспыхнула ожесточенная стрельба. В ходе перестрелки Трумпельдор был смертельно ранен, Яков Токарь (из добровольцев американского батальона) был убит, несколько других защитников поселения ранены. Смертельно раненный Трумпельдор передал командова-

ние одному из членов Хашомера, Пинхасу Шнеурсону, который умело руководил обороной в течение всего дня, напоминая защитникам о необходимости беречь патроны.

Особую опасность представляла группа арабов, проникшая в верхнее помещение здания. Защитники Тель-Хая не знали, что арабы гранатами и выстрелами из винтовок убили Сарпу Чижик, Двору Драхлер, Биньямина Мунтера и Зеэва Шерфа (из добровольцев американского батальона), поэтому они позволили арабским офицерам покинуть двор. Арабы несколько раз пытались атаковать его и здания поселения, однако были вынуждены отступить, потеряв десятки человек убитыми и ранеными. С небольшими перерывами бой продолжался до наступления темноты. К концу дня пол верхнего помещения был пробит, один из защитников поднялся на верхний этаж и нашел там убитых товарищей.

Попытки защитников поселения Кфар-Гилади атаковать с тыла арабов, осадивших Тель-Хай, оказались неудачными. Лишь с наступлением темноты подкрепление из Кфар-Гилади сумело пробиться в Тель-Хай. Прибывший с бойцами доктор Гери потребовал, чтобы все раненые были перенесены в Кфар-Гилади для оказания им необходимой медицинской помощи. На пути в Кфар-Гилади Трумпельдор скончался. Его последними словами были: "Хорошо умереть за нашу Родину".

Было принято решение отступить из Тель-Хая и сосредоточить все силы в Кфар-Гилади и Метулле. Защитники поселения вывели стадо коров и с оружием в руках отступили к северу.

Часть бойцов, считавшая, что дальнейшее ведение боевых действий бесполезно, покинула следующей ночью Кфар-Гилади и через Метуллу направилась в Сидон, увозя с собой раненых. Оставшиеся – их было большинство – решили продолжать борьбу на месте. И все же утром 3 марта им тоже пришлось покинуть Кфар-Гилади и Метуллу, ибо выяснилось, что тысячи пеших и конных арабов намереваются начать общее

наступление на оба поселения. Отступающие взяли с собой все имевшееся оружие и боеприпасы и ушли на запад, в горы. Они были тепло встречены и приняты старейшиной деревни Тайбе Камилем эль-Асадом, который отнесся к ним как к гостям, находящимся под его покровительством. Здесь защитники Верхней Галилеи отдохнули, пополнили запасы продовольствия и получили проводника, который повел их на юг. На следующее утро они благополучно добрались до кибуца Аелет ха-Шахар.

Этим завершился славный и трагический этап обороны Верхней Галилеи. Местные арабы овладели покинутыми поселениями и разрушили их почти до основания.

Примерно через полгода после отступления группа бойцов возвратилась в Кфар-Гилади и Тель-Хай, а несколько дней спустя в Метуллу. Еврейские колонии этого района были восстановлены.

Тем временем продолжались политические переговоры между Великобританией и Францией. В результате этих переговоров 23 декабря 1920 года в Сан-Ремо был подписан договор, согласно которому весь район, включающий Метуллу, Кфар-Гилади и Тель-Хай, перешел под британский контроль.

Волнения в Галилее не ограничивались французской оккупационной зоной, они распространились на юг, на территории, находившиеся под британским контролем. Стада и рабочий скот угонялись с полей поселений Йесуд ха-Маале, Мишмар ха-Ярден, Маханаим и Эйн-Зейтим. Дни сильного страха пережили евреи Цфата, в котором состоялись разрешенные властями демонстрации арабов в знак протesta "против сионистов, стремящихся к захвату страны". В городе была создана организация самообороны, но истинными стражами спокойствия там были 300 индийских солдат британских оккупационных войск.

24 апреля 1920 года был днем тяжелых испытаний, выпавших на долю поселений долины Иордана и Нижней Галилеи. За несколько дней до этого власти полу-

чили достоверные известия о том, что арабы Трансиордании — феллахи и бедуины — готовятся напасть на еврейские поселения Нижней Галилеи. Жители поселений начали готовиться к обороне. Были вырыты траншеи, распределены позиции, установлены заграждения и усиlena охрана. Положениеказалось настолько серьезным, что командование еврейской самообороной, во главе которого стоял Иосеф Нахмани, приняло решение в случае отступления британских войск сосредоточить все силы в Пории и там дать решительный бой. 150 молодых бойцов, хорошо организованных, сконцентрированных в одном месте, смогут нанести противнику серьезный удар. Выбор пал на Порию, так как она расположена в центре Нижней Галилеи и господствует над всем районом.

Однако сражение не состоялось, так как арабы предпочли напасть на индийскую воинскую часть, дислоцированную в Цемахе. В нападении приняли участие более 2 тысяч арабов. Однако индусы хорошо укрепились и создали прочную оборонительную линию с пулеметными точками. Войска дали нападающим возможность приблизиться, а затем открыли ураганный огонь. Окончательный разгром доверили два военных самолета, внесшие панику в ряды нападавших. Арабы бежали, оставляя за собой десятки убитых и раненых. Индийские части потеряли около двадцати человек убитыми.

Во время сражения все участники еврейской самообороны занимали свои боевые позиции.

Паника охватила поселение Милхамия, когда бойцы индийского патруля, расквартированные в поселении, сели на коней и, прихватив пулеметы, в спешке начали отступать. Часть местных жителей решила бежать и прежде всего эвакуировать женщин и детей в поселение Явнеэль. В ходе отступления был убит командир охраны Яаков Шульман и один из основателей Милхамии Арье Цви Кац. Однако около десятка защитников поселения остались на месте. К вечеру в поселение прибыла группа еврейских полицейских из Тверии, наход-

дившихся в ту пору в Дгани-Алеф. Мужчинам, бежавшим в Явнээль, было приказано вернуться. Из Кинерета в помощь Милхамии была послана группа в составе десяти бойцов.

На следующую ночь после нападения на Цемах арабы убили двух жителей поселения Бней-Иехуда, расположенного к востоку от озера Кинерет.

Грабежи и убийства продолжались и после этих событий, и Галилея взывала о помощи. Со всех концов страны туда стали поступать подкрепления.

С окончанием военного режима и назначением сэра Герберта Сэмюэла на пост верховного комиссара Палестины в системе управления страной произошли серьезные изменения. Сильные наряды индийских войск были направлены в поселения и патрулировали по дорогам. Рука властей стала более сильной и ощутимой. Тем временем на север продолжали прибывать подкрепления, направляемые Центром обороны. На полях и дорогах появились молодые люди с ружьями в руках, перепоясанные патронными лентами, носившие на рукавах повязки специальной милиции. И в районе воцарилось спокойствие.

Решающую роль в спасении еврейского населения Галилеи сыграли регулярные воинские части. Но если колонии удержались и не пали духом, то в этом и была заслуга еврейской самообороны, которая получала подкрепления оружием и людьми. Большую роль также сыграли бывшие бойцы еврейских полков. Однако важнее всего был урок, полученный активистами еврейской самообороны. Стало ясно: недостаточно личного героизма или решимости небольших групп защитников, чтобы успешно обеспечить безопасность в изменившихся условиях. Постепенно выкристаллизовалось сознание необходимости постоянной организации обороны, охватывающей широкие массы, обучающей, тренирующей и подготавливающей людей, накапливающей оружие и боеприпасы на случай опасности.

Иной характер имели кровавые события, развернувшиеся в те же дни в самом сердце Эрец-Исраэль, в ее столице – Иерусалиме.

Напряженность в Иерусалиме

В середине февраля 1920 года британский военный губернатор генерал Болс, в соответствии с инструкцией, полученной из Лондона, сообщил, что страны Антанты утвердили предоставление определенных прав евреям в Палестине, а также утвердили Декларацию Бальфура об оказании помощи в создании еврейского национального очага в Эрец-Исраэль. Вместе с тем он подчеркнул, что гарантируются права арабского населения Палестины и что страны Антанты не намереваются содействовать созданию в этой стране еврейского государства.

После выступления Болса арабы, с разрешения властей, провели в ряде городов демонстрации протеста. В демонстрации, прошедшей по улицам Иерусалима, участвовало около 600 арабов; они несли знамя шефифа Фейсала и кричали: "долой сионизм" и "смерть евреям". Подобные демонстрации состоялись также в Яффе, Хайфе и других городах.

7 марта 1920 года, на следующий день после того, как на тайном арабском конгрессе было принято решение провозгласить Фейсала королем Сирии и Палестины, вновь состоялись бурные демонстрации в Иерусалиме и других городах. Выкрикивались лозунги "да здравствует король Фейсал", "долой англичан", "режьте евреев". В те же дни широкое распространение получил лозунг: "Палестина для арабов, а евреи – наши псы". Около 2 тысяч арабов, включая жителей сель-

ских поселений, прошли по улицам Иерусалима. В наэлектризованную толпу бросали пропагандистские листовки, агитаторы произносили подстрекательские речи. В таком же духе выступила арабская пресса.

Положение в стране стало весьма напряженным. В письме из Иерусалима Зеэв Жаботинский писал Хайму Вейцману: "Здесь каждый день может вспыхнуть погром".

Еще в конце 1919 года в Иерусалиме поселились несколько активистов организации Хашомер, а также группа бывших бойцов еврейских батальонов. Тем временем пало поселение Тель-Хай и состоялись первые арабские демонстрации в Иерусалиме. После этих событий было принято решение о массовой мобилизации в отряды самообороны. Была создана организация, объединявшая в своих рядах несколько сот добровольцев. Во главе ее стояли Совет и Штаб, которыми руководили Зеэв Жаботинский, Авиэзер Елин (представитель спортивной организации "Маккаби"), Рахель Янайт и Цви Надав (представители партии Ахдут хаавода), Нехемия Рабин и Иехошуа Чечик (представители ветеранов еврейских батальонов).

Присоединение Жаботинского к руководству организации самообороны вызвало решительное изменение характера и объема ее деятельности. Организация стала крепнуть и расширяться и в течение считанных недель стала массовой, включавшей в себя представителей всех слоев населения.

Количество оружия, находившегося в распоряжении организации, было недостаточным, однако все же довольно значительным по тем временам. На складах самообороны было около 50 ружей. В то же время число пистолетов было незначительным и почти не было гранат, столь необходимых при ведении уличных боев.

Массовые тренировки добровольцев (без оружия) происходили ежедневно, открыто и демонстративно во дворах школ "Альянс" и "Лемель" и на близлежащих улицах. В субботу, накануне Пасхи (27 марта), на глазах у представителей британских властей, состоя-

лись открытые маневры. Они проходили днем на склонах горы Скопус, и представители британской военной администрации, канцелярии которой находились в то время в госпитале имени Августы-Виктории, могли из окон кабинетов наблюдать за их ходом. Затем участники маневров строем прошли по улицам города.

Жаботинский делал упор на политическую деятельность, широко используя посредничество П. Рутенберга, имевшего большие связи в высших кругах администрации. Непрерывно велись переговоры с властями об ухудшающемся положении в области безопасности. Жаботинский настойчиво требовал вооружения отдаленных поселений и городских кварталов и мобилизации специальных полицейских сил, чтобы использовать их при чрезвычайных обстоятельствах. Власти решительно отвергли требование о предоставлении евреям оружия, уверяя, что это может вызвать волнения среди арабов. Вместе с тем были даны неопределенные обещания, что в случае необходимости власти воспользуются группами невооруженной европейской молодежи.

За несколько дней до праздника Пасхи Жаботинский представил штабу обороны план защиты города. Все защитники Иерусалима были разбиты на четыре роты, каждая из них несла ответственность за оборону нескольких кварталов. Роты разбивались на мелкие подразделения, общее число которых достигало десяти. Первая рота отвечала за безопасность северных кварталов, вторая рота — западных, третья — южных, четвертая располагалась в районе улицы Яффо и подчинялась непосредственно штабу, находившемуся в гостинице "Хьюз". Все роты должны были быть дислоцированы вне городской стены. Ни одно подразделение не было назначено на охрану Старого города, не было сделано даже попытки организовать самооборону жителей еврейского квартала Старого города.

Общий план обороны столицы подвергся критике некоторых членов совета и штаба, указавших на отсутствие в нем обороны Старого города. Однако именно

в этом пункте Жаботинский использовал всю силу своего влияния и свои полномочия руководителя организации. Он утверждал, что не следует ждать нападения на евреев в Старом городе. Подстрекательство, в основном, направлено против сионистов, проживающих в новых кварталах Иерусалима; евреев Старого города арабы считают "своими" и не причинят им зла, — заявлял Жаботинский.

Кровавая Пасха в столице

Празднование мусульманского праздника Неби-Муса (пророка Моисея), пришлось на дни пасхальной недели.

В пятницу, накануне Пасхи, никаких происшествий не произошло. Из Шхема в Иерусалим прибыли группы мусульман; в праздновании приняли участие также жители арабских деревень, расположенных к северу и западу от Иерусалима. Кое-где раздавались подстрекательские выступления, выкрики "режьте евреев". Однако, в этот день в столице находился генерал Алленби, и власти приняли особые меры для поддержания порядка. Конные воинские патрули проходили по улицам города, небольшие группы организации еврейской самообороны находились на своих постах, что давало евреям чувство безопасности.

В субботу, в первый день Пасхи (3 апреля) также не было никаких происшествий, что в некоторой мере рассеяло серьезные опасения, господствовавшие среди еврейского населения. В этот день еврейская самообрана провела в городе всеобщую мобилизацию. Защитники собрались на заранее намеченных сборных пунктах и группами разошлись по определенным кварталам. Накануне Пасхи восемь сторожевых постов полу-

чили оружие. Сигнальщики с крыш сообщали о происходящем. Сведения поступали в штаб обороны в гостиницу "Хьюз". На исходе субботы, после того, как день, в течение которого ожидались беспорядки, прошел спокойно, большинству членов самообороны казалось, что опасность миновала.

Однако беспорядки вспыхнули на следующий день, в воскресенье, 4 апреля, после того, как в Иерусалим прибыли мусульмане из Хеврона, известные своим фанатизмом. Колонна численностью в 500–600 человек вступила в город около 9 часов утра. Возле Яффских ворот их встречали члены правления арабской общины Иерусалима, а также жители Шхема и деревень, прибывшие в город накануне. Участники шествия размахивали дубинками, кинжалами и саблями, как это обычно принято на мусульманских праздниках такого рода, а также несли флаги и символы власти шефифа. На балконах "арабского клуба" и здании муниципалитета, расположенного неподалеку от Яффских ворот, были вывешены портреты короля Фейсала. С балконов произносились подстрекательские речи. Участники митингов призывались выступить с требованием предоставления полной независимости и объединения с Сирией. Произносились здравицы в честь короля Фейсала. Муса Казем-паша принял клятву демонстрантов пролить кровь во имя Палестины. Аариф аль-Аариф, редактор газеты "Сурия аль-Джунубия", в своем выступлении сказал: "Если мы не применим против сионистов и евреев силу, мы никогда от них не избавимся". Со всех сторон раздавались крики: "Вера Мухаммеда распространяется мечом" (мусульманский призыв к войне), "Будем пить кровь евреев" и тому подобные. Эти крики послужили сигналом к началу погромов, которые вспыхнули в десять часов утра.

Демонстранты начали нападать на евреев, проходивших по улице Яффо, забрасывать их камнями и врываться в еврейские магазины, главным образом, на участке от Яффских ворот до Русского подворья. На своем

пути они убивали, грабили и уничтожали еврейское имущество.

Погромщики направились по улице Яффо в направлении Дамасских ворот, по маршруту, издавна принятому в дни празднования Неби-Муса. Однако неожиданно шествие повернуло назад, и хевронцы, следовавшие в конце, оказались в узких переулках Старого города. Там они начали нападать на евреев, разрушать и грабить их дома. Позже выяснилось, что беспорядки в Старом городе начались еще до того, как хевронцы ворвались в кварталы, окруженные городской стеной. Начало погрома было положено арабскими жителями города, проживавшими поблизости от еврейского квартала, при участии мусульман из Шхема и деревень. Основным оружием погромщиков были палки, дубинки, камни и кинжалы. Захваченное имущество открыто переносилось в дома грабителей или в специальные заранее определенные места. Арабские лавочники были предупреждены до начала погрома и заблаговременно закрыли свои магазины. Некоторые арабские лавки были помечены бросающимися в глаза знаками. Никакая организованная сила не противостояла погромщикам в первые часы беспорядков. Крики "убивайте евреев" разносились по улочкам Старого города, вызывая ужас и панику.

Арабская полиция с самого начала беспорядков проявила себя враждебно по отношению к евреям. В некоторых случаях арабские полицейские открыто принимали участие в убийствах и грабежах.

Когда слухи о происходящем в Старом городе крепко воролитии проникли в новые кварталы Иерусалима, участники еврейской самообороны собрались во двор школы "Лемель". В полдень группа в несколько сотен молодых и пожилых евреев, вооруженных деревянными палками и железными прутьями, пыталась прорваться в Старый город. Одна часть группы направилась к Яффским воротам, другая — к Дамасским. Однако оба входа в Старый город оказались перекрытым крупными британскими воинскими частями, оруж

которых было направлено против приближающихся евреев. Защитники вынуждены были остановиться, в их рядах ощущалось замешательство. Спустя некоторое время они разошлись, сопровождаемые издевательским смехом наблюдавшей за происходящим арабской толпы.

Те части Старого города, в которых имелось значительное еврейское население, пострадали меньше. Банды погромщиков, пытавшиеся ворваться в еврейский квартал, были отогнаны его жителями — старожилами Иерусалима. В одном из кафе еврейского квартала находилась группа солдат, выходцев из сефардской общины, приехавших в Иерусалим на Пасху. Они успели домой, взяли оружие и сделали несколько выстрелов в направлении погромщиков. Толпа арабов немедленно рассеялась. Погромщики совершали свои преступления в других кварталах Старого города, в которых проживали лишь отдельные еврейские семьи.

За пределами городских стен у британских властей была уйма работы. Они были заняты не защитой еврейских кварталов и арестом подстрекателей погромов, а захватом всех членов еврейской самообороны, не успевших скрыться. Бойцы еврейских батальонов, преднамеренно или случайно прибывшие в Иерусалим с оружием, были отправлены на гауптвахту. Приказ гласил: "Выявить всех бойцов еврейских батальонов". Оружие еврейской молодежи — палки — было отобрано, в то время как арабы беспрепятственно размахивали саблями.

Как только начались беспорядки, Жаботинский и Рутенберг встретились с комендантом города полковником Сторсом и решительно потребовали немедленного создания специальной еврейской полицейской части и выдачи ей оружия. Но Сторс отказался выполнить это требование.

К вечеру, казалось, положение нормализуется. В городе был введен комендантский час. Сторс заявил, что опасность миновала и приказал командиру индийской бригады вывести войска из Старого города, "посколь-

ку их присутствие может воспрепятствовать приезду в Иерусалим крестьян, привозящих на рынки продукты". Командир бригады "очень удивился, но приказ выполнил". Войска покинули город в установленный для этого час.

Однако беспорядки на следующий день возобновились. На этот раз погромщики не осмелились напасть на Еврейский квартал, но направились к отдельным еврейским домам, расположенным в других кварталах. Индийские части вернулись в город после того, как погромщики закончили свое черное дело.

Лишь в середине дня нескольким участникам еврейской самообороны удалось проникнуть в Старый город на автомашинах медицинской организации Хадасса под видом санитаров и медсестер. "Сведения о нашем прибытии распространялись молниеносно, — рассказывает Цви Надав, — и немедленно молодежь еврейского квартала начала активно действовать. Были выставлены посты, вооруженные всем, что попадется под руку. В город были тайно доставлены несколько пистолетов и гранат, которые были распределены по постам. На высоких домах были поставлены наблюдатели, которые должны были предупреждать об опасности. В подходящих местах, кроме небольшого числа оружия, были собраны палки, камни, вода и растительное масло. Были подготовлены чаны для кипячения воды и масла, чтобы ими обливать погромщиков".

С большим опозданием, под давлением еврейской общественности было введено военное положение. Еврейская и арабская полиция были разоружены. Ворота Старого города были перекрыты. На следующий день началась эвакуация еврейских семей, проживающих в арабских кварталах Старого города. Около 300 человек были выведены за пределы городских стен и нашли убежище в домах родственников и в синагогах. Впоследствии выяснилось, что оставленное ими имущество было разграблено и уничтожено.

Было убито 6 евреев и более 200 ранено. Изнасилованные женщины, разграбленное и уничтоженное ев-

рейское имущество, оскверненные синагоги, ешиботы и религиозные школы, разорванные свитки Торы, разбитые надгробные памятники на кладбищах – таковы печальные итоги погрома. В то же время известно несколько отдельных случаев, когда арабы защищали своих еврейских соседей. Пять-шесть человек убитыми потеряли и громили. И среди них были десятки раненых.

Арест и судебная расправа

Серьезным ударом для еврейской общественности явился арест руководителя организации самообороны Жаботинского, последовавший 7 апреля. Накануне в частном доме, одиноко стоявшем неподалеку от квартала Бецалель, прозванном "домом холостяков", были арестованы 19 других членов организации. Во время обыска в доме были обнаружены три винтовки, два пистолета и боеприпасы. Жаботинскому было предъявлено обвинение "в хранении оружия, в заговоре и вооружении населения со злонамеренной целью осуществления грабежей и убийств". Остальные арестованные также обвинялись в подобных действиях.

В середине апреля состоялся суд, на котором главным свидетелем обвинения выступил полковник Сторс. Жаботинский признал, что он "несет ответственность за создание организации еврейской самообороны, цель которой – защита евреев от нападений". В своей блестящей защитительной речи он отверг обвинение в "злонамеренной цели" и представил суду копию секретной телеграммы, направленной властями командованию британской армии, в которой говорилось, что беспорядки в Иерусалиме явились следстви-

ем подстрекательских выступлений арабских агитаторов перед массами мусульманских фанатиков. Этим документом Жаботинский начисто опроверг утверждение обвинения, что причиной беспорядков явилась, якобы, организация еврейской самообороны. Вся деятельность организации, подчеркнул он, осуществлялась с ведома британских властей.

Вечером 19 апреля Жаботинский и его товарищи были переведены в центральную иерусалимскую тюрьму, где им был зачитан приговор. Жаботинский был присужден к 15 годам каторжных работ. В те же дни был опубликован приговор Мордехаю Малка. Он получил 5 лет каторжных работ за то, что, защищая свою жизнь, ранил одного из погромщиков.

Волна возмущения и гнева прокатилась по всему еврейскому ишуву. Евреи почувствовали необходимость проявить солидарность с осужденными. Накануне первых выборов в Собрание представителей, состоявшихся на той же неделе, исполнительный комитет партии Ахдут хаавода распространил листовку, в которой избиратели призывались, независимо от партийной принадлежности, проголосовать за Жаботинского. "Вина Жаботинского, — говорилось в этой листовке, — это вина всех нас".

На следующий день после опубликования приговора еврейский Иерусалим провел всеобщую забастовку протеста. Все учебные заведения были закрыты, в синагогах молящиеся читали псалмы и трубили в рог. 26 апреля Временный комитет и раввинат объявили днем поста и забастовки протеста против ареста членов организации самообороны. Забастовка была всеобщей, однако именно в этот день из Сан-Ремо поступили телеграммы об официальном утверждении Декларации Бальфура, и траур превратился в праздник.

В Сан-Ремо состоялось совещание Высшего совета стран Антанты, и 24 апреля 1920 года было принято решение передать Великобритании право на управление

Палестины в качестве подмандатной территории, что обусловливалось ее ответственностью за воплощение в жизнь Декларации Бальфура.

Британское правительство сознавало, что для выполнения этого условия необходимо произвести перемены в британской администрации в Палестине. Премьер-министр Ллойд-Джордж предложил еврею Герберту Сэмюэлу, одному из крупнейших британских политических деятелей, с первых дней войны выражавшему поддержку делу сионизма, взять на себя обязанности верховного комиссара Палестины и стать во главе гражданской администрации страны, которая должна была сменить военный режим. Вступление Герберта Сэмюэла на новый пост было назначено на 1 июля 1920 года.

Тем временем в свои полномочия вступила гражданская администрация, и Герберт Сэмюэл объявил всеобщую амнистию всем заключенным в связи с беспорядками в Иерусалиме, — как евреям, так и арабам. 8 июля Жаботинский и его товарищи были освобождены.

Вся еврейская общественность страны приветствовала освобожденных как героев. Тысячи восторженных иерусалимцев встречали их на вокзале. Во дворе школы "Лемель" состоялся массовый митинг. На приветственные выступления ответил Зеэв Жаботинский. Он с большой похвалой отозвался об организации самообороны и обратился с призывом к молодежи "от Дана до Беер-Шевы" вступать в ее ряды и навести там железную дисциплину.

VI. ОСНОВАНИЕ ХАГАНЫ

Нужна ли самооборона?

С захватом страны англичанами многим начало казаться, что ишув не нуждается больше в самообороне. Еще в первые дни британского правления Мордехай бен-Хиллел Хакохен, один из выразителей этих настроений, писал: "Мы стоим перед лицом новой власти, британской власти. Грабежи и убийства, злодействия и насилия перестанут быть постоянными явлениями в жизни страны, и на их место придут порядок, суд, закон, дисциплина. Двух-трех полицейских будет достаточно для охраны имущества поселения..."

Растерянность, отсутствие ясного понимания ситуации были характерны в те дни даже для тех кругов, которые признавали необходимость европейской обороны, — и не только для спокойного существования ишуга, но и для политического престижа европейского населения и сионизма.

Однако еще в период "медового месяца" британской оккупации нашлась группа людей, которая почувствовала, что не следует отказываться от тех же больших сил, которые имелись, и собственного опыта, который был накоплен еврейским населением в об

сти обороны. Они полагали, что эта сила, хотя и немногочисленная, имеет особое значение, так как полностью находится под еврейским контролем и действует в соответствии с политическими и оборонными интересами самих евреев. Во главе этой группы стояли члены организации Хашомер и главари легионеров. Они пользовались поддержкой определенных сил ишува.

Летом 1919 года, после того, как еврейский юноша был убит неподалеку от Явнеэля, Ицхак Табенкин писал: "С захватом Галилеи (англичанами) мы сдали то небольшое количество оружия, которое имели. В условиях войны, преследуемые и подозреваемые жестокими турецкими военными властями, мы хранили это оружие и стремились увеличить его количество, ибо видели в нем залог своей безопасности. А вот с освобождением страны мы этого средства лишились. Сегодня ни для кого не секрет, что наши соседи так не поступили".

Уже тогда в рядах бойцов утвердилось мнение, что еврейские батальоны не гарантируют безопасность ишува. "Нам говорят, — писал в те дни Дов Хоз, — что существует угроза резни, опасность беспорядков, и мы должны стоять на страже, быть готовыми. Но кто придет и скажет нам, солдатам батальонов, в час, когда возникнут в стране беспорядки, чтобы мы их подавили? Мы дислоцированы в Рафиахе и Эль-Арише, Саррафенде, Иерихоне и Трансиордании... Но даже если мы находимся в Хайфе, можем ли мы навести здесь порядок до того, как получен приказ? Ведь приказ отдают другие, а не мы, и эти другие имеют свои интересы и ведут свою политику. В стране нам нужна сила для защиты нашей чести и нашего имущества, такая сила, которая будет находиться под нашим командованием и будет нами организована. Нам нужна народная самооборона, а не солдаты, находящиеся под чужим командованием".

Какими же путями можно создать самооборону в

новых исторических условиях? Мнения по данному вопросу разделились.

Разногласия можно свести к следующим трем пунктам:

1. Кто будет назначать командование обороной: политическое руководство сионистским движением или сами участники обороны и ее активисты?

2. Каковы пути организации самообороны? Должна ли она быть широким всенародным объединением, охватывающим всех мужчин и женщин ишува, готовых нести тяготы обороны и военной дисциплины, или узкой замкнутой группой, тщательно и систематически подбирающей новых членов?

3. В том случае, если условия безопасности потребуют создания небольших групп для выполнения специальных заданий, должны ли эти группы подчиняться общему командованию?

Прежние организационные рамки Хашомера не отвечали более требованиям времени, ибо покушения на спокойствие еврейского ишува стали носить явно политический характер. Узкая группа "специалистов-профессионалов" должна была уступить место более широким народным объединениям, черпающим свои силы в сознании, что оборона является обязанностью и правом всех евреев страны. Растущий еврейский ишув требовал полных прав на формальное и действенное руководство обороны. Однако членам организации Хашомер трудно было примириться с этим.

Ахдут хаавода ("Единство Труда")

Решающую роль в переходе ко всенародной обороне сыграла новая партия, созданная в Петах-Тикве зимой 1919 года, партия Ахдут хаавода. Она призывала к пол-

ному объединению всех рабочих Эрец-Исраэль в единых рамках, охватывающих организованную деятельность трудящихся во всех областях общественной жизни. Идеи этой партии зародились в палатках еврейских батальонов, ибо большинство ее основателей — Давид Бен-Гурион, Ицхак Бен-Цви, Берл Кацнельсон, а из молодого поколения — Элияху Голомб и Дов Хоз — были добровольцами батальонов. Партия была создана в предчувствии будущих событий — массовой иммиграции и большого размаха строительства страны. Она была проникнута духом политического, колониционного и социального активизма. К партии присоединились и другие группы, видевшие в ней реальный путь к осуществлению сионистской мечты. Однако намерения основателей Ахдут хаавода осуществились лишь частично. Партия Хапоэл хацаир не присоединилась к новой организации.

На учредительном съезде партии специальная дискуссия была посвящена проблеме еврейских батальонов. Для выступления на эту тему был приглашен Зеэв Жаботинский. Среди принятых на съезде решений была и резолюция о том, что "совет Ахдут хаавода обязан заниматься всеми вопросами национальной обороны". Партия стала притягательным центром для всех активистов еврейской самообороны в Палестине. Еженедельник партии "Кунтрес" стал выразителем идей движения еврейской самообороны.

Роспуск Хашомера и создание Хаганы

18 мая 1920 года, в обстановке беспорядков и политической напряженности, царивших по всей стране, в Тель-Адасе собралось заседание расширенного совета организации Хашомер. Здесь со всей резкостью выяви-

лись разногласия между сторонниками традиционной линии основателей объединения Бар-Гиора, ветеранов организации во главе с Шохатом, и сторонниками позиции, выразителями которой были Ицхак Табенкин и Элияху Голомб.

Табенкин и Голомб требовали от ветеранов приспособления к новым условиям и соответственного изменения работы организации. Они заявили о необходимости реорганизации Хашомера, превращения его в широкую организацию обороны.

Значительное большинство членов совета доказывало, что единственная самооборона невозможна, если организация будет оставаться абсолютно независимой группой, принятие в которую будет производиться по принципу строгого узкого отбора.

Поскольку в совете не было достигнуто единогласия о путях продолжения деятельности Хашомера, Шохат предложил распустить организацию. Табенкин и Голомб решительно воспротивились этому, но они остались в меньшинстве. Было решено, что:

- а) Хашомер распускается;
- б) члены организации как группа могут служить основанием новой организации самообороны;
- в) новая организация самообороны должна быть частью партии Ахдут хаавода.

Через три недели после самороспуска Хашомера, в июне 1920 года, в кибуце Кинерет состоялся съезд партии Ахдут хаавода.

В центре обсуждения был вопрос о характере организации самообороны всего ишува. Исраэль Шохат представил съезду решения организации Хашомер, принятые в Тель-Адасе. Элияху Голомб и Дов Хоз сделали основные доклады.

Было ясно, что в те дни в стране имелась лишь одна общественная организация, готовая принять на себя бремя ответственности за оборону, с тем, чтобы передать ее в подходящий момент другой, более широкой и представительной организации. Именно в этом духе Ахдут хаавода приняла резолюцию по вопросу об об-

роне ишува. В ней говорилось, что Ахдут хаавода, сознавая важность и историческую ответственность дела, принимает на себя инициативу, возлагаемую на нее Хашомером, по обеспечению безопасности и сохранению национального и социального содержания всенародной обороны страны путем объединения преданных делу рабочих, бойцов еврейских батальонов и евреев, служащих в полиции, в организацию Хагана ("Оборона"). Съезд признает, что Хагана должна постоянно быть в распоряжении ее участников и обеспечивать принятие в ее состав каждого подготовленного человека, готового нести взятое на себя бремя.

Влияние Ахдут хаавода на характер Хаганы осуществлялось путем активного участия в ее деятельности всех членов организации — в соответствии с решением партии.

Съезд обязал всех членов Ахдут хаавода безоговорочно подчиняться дисциплине комитета Хаганы и всем ее требованиям.

Было также решено, что первым комитетом новой организации станет последний состав совета Хашомера (Исаэль Шохат, Иосеф Нахмани и Иссахар Ситков) совместно с представителями еврейского батальона (Элияху Голомб и Дов Хоз). Так 15 июня 1920 года родилась Хагана.

VII. ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Основание Рабочего батальона

Новый Комитет Хаганы, состоявший, как и прежде, из людей, несших на себе основное бремя защиты населения, продолжил работу.

Среди олим, прибывших с волнами Третьей алии из стран Европы, выделялась группа воспитанников Иосефа Трумпельдора, приехавших в страну летом 1920 года из Крыма и вдохновленных мечтой своего вождя. Под влиянием Хашомера около тридцати из них решили образовать "батальон" в надежде, что он послужит местом концентрации новых олим-халуцим и в его рамках можно будет осуществить ряд пионерских начинаний. Признанными руководителями батальона были Иехуда Копелевич (Алмог), Ицхак Ландоберг (Садэ) и Мендель Элькинд. Полное наименование новой организации — "Рабочий и оборонительный батальон имени Иосефа Трумпельдора", однако по конспиративным соображениям слово "оборонительный" было опущено.

Основатели батальона, создавая его, пытались решить четыре важных проблемы:

1) Не допустить превращения членов Хаганы в з

крытую военную секту, интересующуюся лишь проблемами безопасности и отгородившуюся от остального населения. Члены батальона были органически связаны с рабочими и земледельцами, создавая новые поселения.

2) Обеспечить независимость сил обороны. Рабочий батальон, в отличие от регулярных еврейских частей и полиции, не был связан с политическими и военными учреждениями чужого государства и мог служить основой для полностью независимых самостоятельных еврейских сил.

3) Обеспечить нужное число резервистов. События 1920 года в Галилее и в Иерусалиме показали, что нельзя надеяться на местные защитные группы. В то же время иногда возникала надобность с максимальной быстротой мобилизовать передвижные ударные группы в помощь атакуемым поселениям. Сотни парней, молодых и смелых, сосредоточенных в Рабочем батальоне, после соответствующей подготовки смогли бы стать при необходимости ядром вспомогательных частей.

4) И, наконец, — проблема бюджета. Содержание армии должно было лечь тяжелым бременем на еврейское население. Батальон, члены которого существуют на свой труд, проводят военные учения в свободное время, — это зародыш армии, окупавшей себя экономически.

25 августа 1920 года, спустя шесть месяцев после гибели Иосефа Трумпельдора в Тель-Хае, было проведено торжественное собрание, посвященное основанию Рабочего батальона. Сотни рабочих прибыли в лагерь, разбитый возле Тивериадского шоссе. Среди них выделялись "халуцим", приехавшие недавно из Крыма, стражи из Хашомера, всадники "специальной полиции", представители Ахдут хаавода. От имени Хаганы выступил Исраэль Шохат. Зеэв Жаботинский прислал приветственное письмо, в котором просил считать его последователем национального героя Иосефа Трумпельдора. Сбор закончился шествием от лагеря по на-

правлению к городу. Во главе процесии гарцевали всадники Хашомера, символизируя преемственность традиций. Воинственный дух халуцианства господствовал в Рабочем батальоне. Военная форма (включавшая широкополые австралийские шляпы, приобретенные по дешевке на военных складах по окончании войны) способствовала поддержанию дисциплины. Лагеря батальона (первоначально у Тверии, а затем на дороге Тверия—Мигдал) служили школой, в которой люди проходили подготовку под руководством бывших членов Хашомера, стремившихся превратить своих бойцов в "еврейских казаков". В лагере сконцентрировали больше оружия, чем было необходимо для его защиты. Оно предназначалось для частей резервистов.

В первый День памяти погибших в Тель-Хае собралось около 250 человек. Почетный караул, вооруженный ружьями, окружил кольцом могилы павших. Пинхас Шнеурсон произнес краткую речь, закончив ее под грохот залпа. Собравшиеся чувствовали себя продолжателями дела Трумпельдора и его товарищей.

В 1920 году была создана рота Рабочего батальона в Рош ха-Аин, недалеко от Петах-Тиквы. Лагерь, размещенный в старой крепости Антипатрос, состоял из палаток и бараков. Таким образом, за одну зиму Рабочий батальон стал фундаментом Хаганы, и это обещало превратить ее в будущем в большую силу в стране.

Хагана на съезде основателей Хистадрута

В декабре 1920 года в Хайфе собрался съезд рабочих страны, на котором была основана "Всеобщая федерация еврейских трудящихся" — Хистадрут. Партия Ахдут хаавода была центральной и вдохновляющей силой на этом съезде. Представители Хапоэл хацаир —

второй по величине рабочей партии — прибыли на съезд с тяжелыми сомнениями, однако новая алия, с нетерпением ожидавшаяся все годы войны обеими партиями, ничего не желала знать о старых разногласиях. Через короткое время Хистадрут превратился в крупнейшее в стране общественное объединение.

Ожесточенные споры на съезде вызвала проблема обороны. Многие делегаты партии Хапоэл хацаир опасались, что невольно способствуют созданию замкнутой организации с военной направленностью типа Хашомер. Поэтому предложение Ахдут хаавода включить охрану и оборону в перечень обязанностей членов Хистадрута и самой организации Хистадрута вызвало многочисленные споры.

Шохат и Голомб были главными докладчиками по этому вопросу.

— Жизнь еврейского трудащегося, — сказал Элияху Голомб, — до такой степени связана с вопросом обороны, что, очевидно, в уставе Хистадрута ей должно быть уделено место. Члены Хапоэл хацаир просили снять этот вопрос с повестки дня съезда, дабы среди делегатов не возникли глубокие разногласия.

— Каждый день моего пребывания в стране, — сказал Шохат, — убеждал меня, что оборона — важная часть нашей работы... Эти вопросы нельзя замалчивать.

А Голомб добавил:

— Мы находимся в стране в начале ее заселения и в состоянии постоянной обороны. Даже когда наступает затишье на час, мы не уверены в завтрашнем дне. Ответственность ложится на нас, и мы ее принимаем...

Предложение Ахдут хаавода было утверждено. Дело обороны передали Хистадруту, и оно находилось в его ведении в течение последующих десяти лет, до событий 1929 года.

Три месяца спустя комиссия Хистадрута учредила Совет Хаганы в составе: Исаэля Шохата, Элияху Голомба, Иосефа Бараца, Хайма Штурмана и Леви Эшколя (Школьника). К ним были присоединены два кандидата: Цви Надав — член Хашомера и Ицхак Садэ из

Рабочего батальона. Первой их заботой стал сбор денег. Небольшие суммы были собраны в ишуве. Моше Шер-току (Шарету), учившемуся в то время в Лондоне, было поручено просить ассигнования из кассы сионистской организации. Но оказалось, что касса пуста, там не нашлось даже 500 фунтов стерлингов, обещанных Дову Хозу.

Кровавые события мая 1921 года в Яффе

В мае 1921 года вспыхнули кровавые события в Яффе, за ними последовали нападения на Петах-Тикву, Реховот и Хадеру. Они явились следствием систематического подстрекательства арабской печати и застали еврейское население фактически неподготовленным. Настроение в ишуве отличалось беззаботностью, и была полная уверенность в желании и способности Верховного комиссара, еврея Герберта Сэмюэла, контролировать положение. В Яффе евреи составляли около 40% от общего числа 42 тысяч жителей. Многие из них проживали среди арабов, в различных уголках города. Другие сконцентрировались в еврейских кварталах Неве-Цедек и Неве-Шалом. Тель-Авив в то время был пригородом Яффы. Число его жителей не превышало 3600; работали они преимущественно в Яффе. Большинство домов были одноэтажными и окружены садами, а в центре города возвышалось здание гимназии "Герцлия".

Утром 1 мая, несмотря на тяжелую жару, в Тель-Авиве состоялась демонстрация рабочих, организованная партией Ахдут хаавода с разрешения полиции. В то же время группа "мопсов" (еврейских коммунстов) решила провести свою демонстрацию, не предупредив полицию. Около 60 человек собралось у

моря и направилось в Тель-Авив, неся революционные лозунги, написанные на идиш. Процессия коммунистов столкнулась с большой колонной легального шествия и между ними возникла легкая схватка. Вмешалась полиция и развела их. Главная процессия продолжала свой путь, а полиция начала разгонять коммунистов, пытавшихся скрыться в узких улочках Неве-Шалома, где арабы проживали совместно с евреями. Впоследствии английские власти пытались доказать, что кровавые события были не более, чем реакцией арабов на пропаганду "еврейских большевиков". Однако анализ фактов показывает, что между двумя этими событиями не было никакой связи.

Арабское нападение началось одновременно в двух местах. Первое — на границе еврейских кварталов Неве-Шалом и Неве-Цедек, второе — в Аджами, в районе "Дома олим". Еще утром арабы, вооруженные дубинками, начали собираться группами, внушившими подозрение, у Неве-Шалом. Многие из них спешили из окрестных сел с палками и железными ломами. Толпа начала кидать камни в евреев и избивать прохожих, а затем громить и грабить еврейские магазины. Евреи пытались защищаться, возможно, это и удалось бы им, так как у нападавших почти не было огнестрельного оружия. Но вмешались арабские полицейские, огнем своих ружей прикрывшие толпу погромщиков. 13 евреев пало в тот день от их пуль. Раненые и убитые были перенесены в Тель-Авив, в здание гимназии "Герцлия".

Половина убитых была из "Дома олим" в Аджами. "Дом олим" располагался в большом двухэтажном здании, невдалеке от французского госпиталя. Около ста безоружных олим находились в нем в день погромов, настолько велика была слепая уверенность евреев в своей безопасности. Толпа напала на здание около часу дня. Жильцы заперли входные ворота, вытащили железные прутья из внутренних перегородок и выстроились для обороны. Они отбили несколько атак. Одна из работниц "Дома олим" Това Черкасская находилась в первом ряду защитников и подбадривала их.

В два часа дня показались несколько полицейских. Осажденные были уверены, что подоспела долгожданная помощь, однако полицейские открыли огонь по ним и бросили две ручные гранаты во двор. Они прорвались в ворота, а за ними толпа погромщиков, и каждый мужчина, встреченный ими, был убит. Большинству удалось скрыться во втором этаже здания и там забаррикадироваться. В половине третьего на место прибыл командующий английским портом с солдатами. Одного выстрела было достаточно, чтобы арабские "герои" разбежались. 11 убитых и 26 раненых остались лежать во дворе, двое из них умерли впоследствии от ран.

Все это время продолжался грабеж еврейского имущества в Яффе. В нем принимали участие женщины и дети, старики и молодые. Кражи и грабежи отвлекли внимание толпы от "национальной задачи" — убивать евреев. Нашли арабы, которые прятали своих еврейских соседей и друзей. Картина в общих чертах напоминала Кишиневский погром.

Только в 3.45 дня начали прибывать английские части в Яффу и очищать главные улицы от людей. Ночь прошла спокойно, но наутро арабы начали собираться в районе Неве-Шалом. Среди них распространялись слухи — и не без основания — о предстоящих ответных действиях евреев.

Этим утром в квартале Абу-Кабир было убито шесть евреев, и среди них писатель Иосеф Хаим Бреннер. Еще накануне вечером Цви Шацу, товарищ Бреннера и бывшему солдату Еврейского легиона, удалось добраться на маленькой машине до уединенного домика семьи Яцкар, где проживал Бреннер. В машине не было места для всех находившихся в доме, и Бреннер не согласился уехать. Цви Шац остался с ним. Машина вернулась в Тель-Авив. Оставшиеся были вооружены ружьем и пистолетом. На следующий вечер была послана грузовая машина в сопровождении шести английских солдат на место. Они обнаружили невдалеке от дома шесть трупов его жителей. Можно предполо-

гать, что Бреннер и его товарищи решили прорваться в Тель-Авив и вышли из дома. В районе арабского квартала они наткнулись на похоронную процессию, несшую мальчика, убитого в Яффе шальной пулей. Сопровождающие накинулись на шестерых евреев, выбили у них из рук оружие и забили их ломами и камнями до смерти.

Убийство Бреннера произвело потрясающее впечатление на еврейское население страны. Кроме глубокой скорби о смерти большого писателя, который был очень почитаем как верный друг и поборник правды, евреи ощутили в свершившемся непростительную слабость ишува, не сумевшего оказать в нужную минуту помощь шестерым евреям, находившимся так близко от еврейского поселения.

На третий день после полудня в городе было объявлено военное положение. Первым действием военных властей было разоружение арабских полицейских. Для "равновесия" было отобрано оружие и у демобилизованных еврейских солдат, ранее розданное им для защиты ишува.

На следующий день английское военное судно спустило своих моряков на берег в порту Яффы. Военная часть перевезла около 150 олим, прибывших в тот день, из Яффы в Тель-Авив, однако военный комендант объявил, что до нового решения Яффский порт закрыт для репатриантов. Арабы могли праздновать свою первую победу, евреи же оплакивали убитых, ухаживали за ранеными и подводили кровавый итог: 43 убитых и 134 раненых, не считая потери имущества, разграбленного и сожженного. Потери арабов составили: 14 убитых и около 50 раненых.

Хагана в майские дни 1921 года в Тель-Авиве

Когда в Тель-Авиве были получены известия о нападениях арабов на Неве-Шалом, неорганизованные группы молодежи и халуцим поспешили к месту происшествия, хватая первое попавшее под руку оружие. В основном это были колья, выдернутые в спешке из деревянных заборов, окружавших сады. Эти группы присоединились к евреям, оборонявшимся в различных местах. Возможно, что не вмешавшись вооруженные арабские полицейские, все ограничилось бы дракой. В первую минуту многими не была понята серьезность положения. Только после того, как стали приносить во двор гимназии первых раненых и убитых, жители Тель-Авива увидели, как велика опасность.

Члены местного Комитета обороны догадались, наконец, открыть склады с оружием для его раздачи. Многие, в том числе демобилизованные солдаты Ерейского полка, знали, что большое количество оружия, — ружья, пули и гранаты были тайно переброшены в Тель-Авив из английских складов. Применение этого оружия против беснующейся толпы могло изменить положение дел с самого начала.

Понемногу прошел слух о том, что припрятанное оружие исчезло. Выяснилось, например, что гранаты были закопаны в дюнах, на берегу моря. С течением времени ветры изменили форму и направление песчаных гряд, так что невозможно было точно указать первоначальное место хранения боеприпасов. Члены Хаганы искали это оружие не один вечер — и не нашли его. Сегодня документы и воспоминания людей дают ясной картины происшедшего. Одно бесспорно: из-за халатности и беспечности лиц, ответственных за оборону Тель-Авива, город остался совершенно беспомощным перед лицом разгоравшегося погрома.

Помощь Тель-Авиву в трудный час пришла от остиков Ерейского легиона. Около 30 сержантов и рядо-

вых из состава проектируемой воинской единицы тренировались в лагере Сарафенд. Шохат, бывший организатором обороны в Тель-Авиве, решил обеспечить безопасность города с помощью еврейских солдат. Решено было скрыть это от командира части полковника Элиэзера Марголина, чтобы на него не пала ответственность. В десятом часу вечера три патрульные группы уже находились на границах Яффы и Тель-Авива, четвертая осталась в резерве. С восходом солнца погромщики пытались прорваться в Тель-Авив со стороны мечети Хасан-Бек и со стороны железнодорожной станции. Солдаты открыли ружейный огонь в воздух и толпа в испуге отступила. Видя, что невозможно покинуть позиции, не подвергая опасности город, солдаты решили остаться, несмотря ни на что. Вскоре они узнали, что сам полковник Марголин прибыл им на помощь. Марголин обратился ко всем демобилизованным солдатам, находившимся в городе, с призывом явиться на призывной пункт. Он лично явился к английскому коменданту в Яффе и потребовал оружие. Примерно через час рота демобилизованных солдат явилась в порт. Здесь командующий портом выдал им 18 турецких ружей, находившихся на складах. Держа наготове ружья с примкнутыми штыками, они прошли по улицам Яффы. Эта демонстрация поколебала уверенность арабов в том, что правительство на их стороне, и готовность продолжать погромы значительно снизилась.

В Тель-Авиве было мобилизовано около 300 человек. Они образовали цепь оборонительных позиций вокруг Тель-Авива, Неве-Цедека и Неве-Шалома. В их распоряжении находились 40 ружей. Остальные были вооружены железными ломами и деревянными палками. Новые части прошли по главным улицам города, и их вид поднял настроение его жителей.

В понедельник прибыл в Тель-Авив Пинхас Рутен-

берг и взял на себя командование обороной города. Первоочередная задача состояла в вывозе евреев, рассеянных по арабским кварталам, и их сосредоточение в Тель-Авиве. Вторая задача заключалась в доставке продовольствия в город, так как арабские феллахи прекратили продажу молока и овощей.

Нападение на Петах-Тикву, Хадеру и Реховот

Как только до Петах-Тиквы дошло известие о событиях в Яффе, в колонии был выбран комитет обороны во главе с руководителем местной стражи Авраамом Шапира. Молодежь колонии была разделена на группы, и оружие — около 30 ружей и некоторое количество пистолетов, — приготовлено к действию. Кузнецы изготавлили заостренные железные ломы, а женщины с детьми собрали кучи больших камней. Подростки стали связными между окопами. Старики были ответственны за порядок внутри поселения.

На третий день событий арабские рабочие покинули работу и вернулись в свои деревни. В тот же день явились поселенцы из Кфар-Савы и Эйн-Хая (Кфар-Малал) и попросили помочь. Комитет обороны приказал им бросить все имущество и перевести жителей в Петах-Тикву.

Нападение на Петах-Тикву началось спустя два дня рано утром. Все арабские деревни и племена бедуинов в окрестности участвовали в нем. Нападавшие разделились на две колонны, одна пришла с севера — из Калькилии, вторая — позднее, с юга. За воинами втолкли женщины с мешками, — складывать добычу. Еще накануне вечером можно было видеть, поднявшись

на крышу одного из домов в колонии, как горят Кфар-Сава и Эйн-Хай. Поджог на следующее утро однокого домика, стоявшего в саду невдалеке от Петах-Тиквы, был воспринят как начало наступления. Был подан сигнал тревоги. На северной, наиболее опасной, стороне были сосредоточены обладатели ружей, с двух сторон колонии находились защитники с кольями, железными прутьями и вилами в руках. Разведчики, посланные к Яркону, вернулись и рассказали, что нападающие, около 400 человек из Абу-Кишека, перешли реку и рассыпались цепью с севера от колонии. Рота всадников под предводительством Шапира вышла на встречу и открыла огонь. Арабы продвигались ползком, и всадники на лошадях являлись открытой мишенью для их пуль. Как только было замечено, что роте грозит опасность быть отрезанной от колонии, она начала в беспорядке отступать. В это время был убит Авшалом Гисин, бывший офицер турецкой армии. Остальным удалось добраться до колонии, и часть из них присоединилась к сидящим в окопах.

Началась перестрелка между защитниками Петах-Тиквы и арабами, которые приблизились к ранее подожженному дому и прятались за его стенами. Существовала серьезная опасность, что арабы обойдут северные позиции и проникнут в колонию с запада. У них имелось оружие в избытке, и к тому же многие давно работали в Петах-Тикве и знали там каждую тропку и каждый закоулок. Арабы достигли уже нескольких крайних домов, находившихся вне линии обороны, и начали, по своему обыкновению, грабеж. Это приостановило наступление, однако защитники знали, что они расходуют свои последние патроны. Оборона колонии могла развалиться каждое мгновение.

Еще ранее был отправлен гонец в Рош ха-Аин просить помочь от находившихся там индийских частей британской армии. Солдаты прибыли в колонию в

последний момент и открыли из пулемета огонь по нападавшим. Арабы тотчас бросились врассыпную. Более 20 из них были убиты. В это время с военного самолета, поднявшегося в воздух в Рамле, было замечено более 400 арабов, готовившихся к нападению с юга. Летчик сбросил четыре бомбы. В атаку на толпу громил пошли солдаты и застрелили семерых. Толпа разбежалась. Так провалилось нападение на Петах-Тикву.

Четверо жителей колонии пало в этот день. И здесь, так же, как в Тель-Авиве, убедились, что недостаточно одной готовности защищаться. Необходимо иметь оружие и обученных людей для того, чтобы с честью выдержать все испытания.

Нападение на Хадеру произошло 6 мая. Командир английской полиции Северного округа Андрюс побывал в течение недели во всех поселениях и подготовил жителей к обороне. В пятницу утром он доставил в Хадеру 14 ружей, обещал вызвать армию и послать самолет в случае нападения. Местный комитет обороны решил сосредоточить все население в одном доме, прорыть траншеи на расстоянии 200 метров от него и защищаться, оставив имущество на произвол судьбы. Руководство обороной было поручено доктору Лейблю, бывшему офицеру австрийской армии, недавно прибывшему в страну.

Арабы первым делом ворвались в покинутые дома и начали их грабить. Некоторые стреляли по еврейским позициям, но не атаковали их. В одиннадцатом часу появился самолет, сбросил бомбы на толпу и обстрелял ее из пулемета. Армейский броневик прибыл в полночь, и нападавшие бросились врассыпную. Только 2 дома сгорели и 14 были разграблены. Из людей никто не пострадал.

В тот же день была совершена попытка напасть на Реховот. Оборона колонии была организована группой бывших солдат во главе с Моше Смилянским. Защи-

ники заняли позиции на четырех окраинах городка. В их распоряжении было всего 42 ружья. В день нападения тысячи арабов собрались в Рамле по случаю праздника Неби-Цалах. Их подстрекали направиться в Реховот и устроить погром. Толпа бросилась к колонии, но с первыми залпами в беспорядке отступила.

Расформирование Еврейского легиона

События мая 1921 года привели к расформированию остатков Еврейского легиона. Командование английской армии отменило план создания воинской обороночной единицы под предлогом того, что десятки сержантов, которые должны были стать ее организаторами, якобы нарушили военную дисциплину. Они встали на защиту Тель-Авива без приказа свыше. Так как командир части полковник Марголин, взял на себя полную ответственность за действия своих солдат, решено было не отдавать их под трибунал, но от службы в армии отстранить.

После смотра, в день расформирования части, солдаты отправились в Лод, на железнодорожную станцию, провожать полковника Марголина, ушедшего в отставку и возвращавшегося в Австралию. Он сказал им: "Власти меня разочаровали, но не страна, поэтому – до свидания".

Расформирование легиона было почетным завершением большого и важного добровольческого национального дела. Труд и жертвы добровольцев не пропали даром. Упразднение еврейской воинской части за то, что она встала на защиту ишува, только укрепило в народе сознание, что жизненно необходимо создать самостоятельную, полностью независимую национальную оборону.

Хагана после майских событий 1921 года

В первые дни и недели после кровавых событий Комитету Хаганы необходимо было позаботиться об охране ишува. Политическое напряжение в стране нарастало, и надо было готовиться к худшему.

После удовлетворения самых неотложных потребностей обороны на повестку дня встал вопрос о постоянном обеспечении безопасности ишува. Евреи в стране понимали, что яффские события — это пролог к новым кровавым взрывам, и необходимо укрепить оборонительную силу ишува, чтобы противостоять опасности еще в зародыше, без помощи английских властей, всегда опаздывающих предотвратить налеты.

Потребности обороны были многочисленны. Необходимо было организовать отряды защитников в каждом поселении, чтобы они регулярно тренировались и готовились к вооруженной борьбе. Еще с первых дней Третьей алии (1919 год) халуцим привыкли тренироваться по пути в Эрец-Исраэль и заранее приобретать оружие, чтобы принимать участие в обороне ишува немедленно после прибытия в страну. Это должно было стать системой. Была осознана необходимость в создании серьезной информационной службы. "Мы ничего не знаем о происходящем у арабов, — писал Элияху Голомб, — мы получаем только случайные сведения от того или иного служащего". Велика была потребность в средствах для развития Хаганы. Руководство решило потребовать от рабочих полугодового взноса в размере одного рабочего дня, однако это решение трудно было претворить в жизнь из-за очень тяжелого экономического положения в стране. Голомб обратился к члену Сионистского руководства Зеэву Жаботинскому и объяснил ему, что нет противоречия между политической борьбой за Еврейский легион и созданием отрядов самообороны. "Оборона Петах-Тиквы и Хадера доказала, — писал он, — что десятки могут противостоять некоторое время сотням и тысячам". Касса Сиона-

стского руководства была пуста, и все-таки тысяча фунтов была вручена Элияху Голомбу и такая же сумма — Организации колоний в Иудее, взявшей на себя ответственность за защиту своих поселений.

Развитие Хаганы в те дни задерживалось не только вследствие нехватки денег, но и из-за внутренних разногласий между группой бывших членов Хашомера во главе с Исраэлем Шохатом и выходцами из Ерейского легиона, сконцентрировавшимися вокруг Элияху Голомба.

Члены Хашомера утверждали, что для обороны необходимо создать узкую и ограниченную группу специально подобранных людей, которая будет заниматься вопросами обороны не только в периоды беспорядков, но и в мирное время. Эта группа должна заниматься постоянной военной учебой, добыванием оружия, подготовкой поселений для обороны. Комитет Хаганы должен, по их мнению, избираться из состава этой узкой группы, а Хистадрут сможет посыпать в Комитет лишь своего представителя, который постоянно будет присутствовать на заседаниях. Иными словами, дело обороны должно было стать достоянием узкой группы профессионалов, а не широкой общественности.

Голомб и его товарищи были уверены в том, что Хагана должна быть открытой для всех, кто хочет к ней присоединиться. Они предложили "создать объединение сотен людей, которые будут связаны друг с другом несколько лет (или даже неограниченное время) дисциплиной, поддерживаемой не только в периоды беспорядков, но и во время подготовки". Эта организация должна находиться под контролем Комитета Хаганы, назначаемого Хистадрутом, и тем самым постоянно оставаться под наблюдением общественности. В своем воображении Голомб видел боевую организацию, которая за пять лет сумеет охватить около 20 тысяч человек, то есть, — почти всех способных носить оружие членов ишува.

Окончательное решение было выработано 26 июня 1921 года на совещании представителей исполкома

Хистадрута и Комитета Хаганы. Предложение Голомба было одобрено. Бывшие члены Хашомера остались в меньшинстве. Они обещали подчиниться решению, но в душе надеялись оказать влияние на деятельность организации в желательном для них направлении в ходе практической работы в ее рядах. Бывшие члены Хашомера были единственной спаянной группой внутри Хаганы и имели большое влияние на Рабочий батальон, который делал лишь свои первые шаги и намеревался отправиться в долину Харода (Эмек-Харод). Рабочий батальон объединял в ту пору около 500 человек – самую активную часть новых олим Третьей алии.

22 сентября 1921 года первая группа Рабочего батальона отправилась в Эйн-Харод, а через несколько месяцев другая группа осела в Тель-Иосефе. Ответственными за безопасность новых поселений были бывшие члены Хашомера. Цви Нисанов поддерживал отношения с бедуинскими племенами и деревнями феллахов в округе. Цви Надав нес ответственность за организацию охраны и подготовку людей. В Тель-Иосефе на вершине холма была построена небольшая каменная крепость, господствовавшая над окрестностью, были прорыты траншеи и установлены сторожевые посты.

Закупка оружия была для Хаганы вопросом жизни. "Если есть оружие без организации – последняя в конце концов возникает, но если есть организация без оружия – ей придется прекратить существование" – эта короткая и острыя формула, выдвинутая Голомбом, характеризовала всю глубину проблемы.

Еще за пару месяцев до возникновения кровавых событий в Вену был направлен Гершон Флейшер, который сумел установить там контакты с торговцами оружием. Была создана группа для тайного сбора денег на покупку оружия, действовавшая среди сионистских кругов в Европе. Но главная трудность заключалась в переброске оружия в Эрец-Исраэль.

Была организована пересылка оружия в холодильниках. Пистолеты разных систем и боеприпасы к ним

закладывались в простенки холодильников, а по прибытии в страну вынимались оттуда. Таким путем в страну было доставлено к ноябрю 1921 года более 200 пистолетов. Для того, чтобы сэкономить деньги на посылках, было решено пересыпать пистолеты в небольших деревянных ульях с двойными стенками. В декабре 1921 года один из таких ульев развалился в Хайфском порту, и таможенники обнаружили оружие. Партия ульев была проверена, и 300 пистолетов и 17 тысяч патронов к ним были конфискованы властями. Элияху Голомб решил тогда взять на себя организацию тайной доставки оружия, что в то время считалось главной задачей руководства Хаганы.

Организация и учеба

Вскоре после майских событий Комитет Хаганы решил создать постоянную группу инструкторов, которые смогли бы заняться тренировкой и обучением членов организации во всех поселениях страны. Организация курса инструкторов была возложена на Ицхака Садэ, члена Рабочего батальона, который набрал 30 человек, имевших боевой опыт. Вначале тренировочные занятия происходили в Тель-Авиве, в здании гимназии "Герцлия", затем они были перенесены в Кфар-Гилади, где можно было действовать более свободно, устраивать полевые учения, маневры и проводить стрельбы. Старые члены Хашомера относились к этим учениям с насмешкой, особенно к строевым упражнениям и маршировке, введенным по настоянию бывших добровольцев европейских полков и называли инструкторов и курсантов "комедиантами". С их легкой руки первый курс так и вошел в историю Хаганы под этим названием.

Курс "комедиантов" был первым всеизраильским курсом инструкторов Хаганы. До 1926 года подобные курсы больше не проводились. Выпускники этого курса стали первым ядром командиров Хаганы, лично знавших друг друга. Среди выпускников выделялись Элимелех Зеликович ("Авнер"), Ицхак Ольшанский (Ольшан), — бывшие сержанты еврейского батальона, и Захария Уриэли — из "крымчаков".

После окончания курса Зеликович собрал в Эйн-Ганим (возле Петах-Тиквы) группу из десяти офицеров и сержантов. На этом слете были заслушаны лекции о тренировках солдат в различных армиях мира, об использовании "малого" стрелкового оружия и винтовок. Кроме того, проводилась дискуссия о разработке единой системы работы Хаганы по всей стране. В конечном итоге было принято решение использовать английскую систему подготовки и разделить страну на десять районов: Иерусалим, Яффа, Юг, Шарон, Самария, Хайфа, Изреэльская долина, Верхняя Галилея, Нижняя Галилея и долина Иордана.

Кровавые столкновения в ноябре 1921 года

Четвертая годовщина Декларации Бальфура, выпавшая на 2 ноября 1921, была избрана арабскими националистами в качестве дня кровавых демонстраций. Основная опасность ожидалась в Иерусалиме, где арабы намеревались провести особенно крупную демонстрацию. Комитет Хаганы направил в Иерусалим Иехошуа Айзика (Эшела), одного из участников слета в Эйн-Ганим, и с ним — группу членов Рабочего батальона. Айзик был в свое время сержантом Еврейского легиона, и после демобилизации вступил в Рабочий батальон. По прибытии в Иерусалим Айзик организовал группу

пу защитников — около 160 человек, состоявшую из новых олим, учащихся учительской семинарии и художественной школы "Бецалель", и начал ее тренировать. Они обучались владению пистолетом и метанию бомб и ручных гранат. Учитывая печальный опыт весны 1920 года, было решено заранее ввести группу самообороны в пределы Старого города Иерусалима.

Накануне 2 ноября члены Хаганы заняли боевые посты. Около 100 человек рассеялись по кварталам Нового города. Рота в составе 36 человек проникла в еврейский квартал Старого города. Оружие было направлено туда в корзинках с овощами.

Неожиданную помощь защитники получили со стороны молодежи сефардской общины еврейского квартала, из которой была составлена группа связных, гонцов и разведчиков.

На следующий день утром тысячи арабов собрались во дворе мечети Омара, слушая призывы руководителей выступить и начать избиение евреев. Около половины двенадцатого толпа вырвалась из ворот мечети. Первыми ее жертвами стали несколько семей сефардских евреев, проживавших в арабском квартале и не видевших причин искать убежища среди единоверцев. Масса погромщиков направилась в еврейский квартал. Возглавлял их бывший офицер турецкой армии. Дойдя до восточного входа, толпа попыталась проникнуть внутрь. Айзик приказал бойцам стрелять в демонстрантов и забросать их гранатами. Первой и единственной жертвой среди арабов был их руководитель, остальные тут же в панике бежали, вымешав свой позор на случайных прохожих-евреях, попадавшихся им по дороге. 5 евреев было убито и около 40 ранено и доставлено в больницы.

Через 40 минут после провала нападения на место прибыли британские и арабские полицейские. Они задержали трех сефардских юношей и обвинили их в стрельбе по арабам.

События 2 ноября доказали, что даже небольшая группа смелых и обученных бойцов может предот-

вратить катастрофу и расстроить планы, намеченные политическими убийцами. Похороны жертв 2 ноября превратились в национальную демонстрацию. Хагана взяла на себя обеспечение порядка во время шествия. Раввин Авраам Ицхак Кук сказал в проповеди, что главный провозвестник возрождения — "готовность евреев защищать свою жизнь и честь, жизнь и честь своего народа".

Арабские погромщики отделались легкими наказаниями, а против трех задержанных сефардских юношей было сфабриковано судебное дело. Они были обвинены в "участии в группе, которая бросила бомбу", и присуждены к долгим годам тюремного заключения. Однако после апелляции, поданной в Верховный суд, где председательствовал сэр Томас Хайкрафт, осужденные были оправданы. Верховный суд, в частности, сделал такое определение: "Действия евреев не были незаконными. Они намеревались защитить себя от нападения арабов. Их обязанностью было выступить на защиту самих себя и своих семей".

Оборона Иерусалима 2 ноября 1921 года подняла престиж Хаганы. Это было важной политической и моральной победой организованной самообороны еврейского ишуга.

Большие надежды и их крах

1922 год был годом больших надежд в истории молодой организации самообороны Хаганы. Кровавые беспорядки и вызванная ими политическая напряженность в стране подготовили общественное мнение к пониманию значения Хаганы для существования и развития ишуга. Казалось, наступил подходящий момент, чтобы вывести еврейскую самооборону из положения

второстепенного фактора и поставить ее в центр сионистского движения.

Комитет по закупке оружия в Вене решил взять это важное дело целиком в свои руки и попытался прекратить неорганизованные закупки, производимые в те дни различными частными лицами в Европе. Он опасался, что партизанские посылки оружия, без какой-либо ответственности и взаимной связи, могут окончиться провалом и нанести политический урон ишуву.

Второй задачей комитета являлась организация постоянной связи со страной. После провала пресловутых ульев власти усилили контроль за портами и тщательно проверяли каждую прибывающую в страну посылку.

Еще до того, как партия ульев прибыла в Хайфу, комитет приобрел 25 пулеметов и боеприпасы к ним. Они были запрятаны в большую бетономешалку и в двух больших контейнерах отправлены в Бейрут через Триест. Из Бейрута члены поселения Кфар-Гилади, при помощи нанятых арабских возниц, на громадных арбах, запряженных мулами, доставили опасный груз по проселочным дорогам до реки Литани. Оттуда он был переброшен к границам страны. Пулеметы были переданы разным отделениям Хаганы во многих городах и поселениях и долгие годы считались "тяжелым" вооружением организации.

С этого момента Бейрутский порт стал транзитным пунктом переброски в Палестину оружия, прибывающего из Вены. Оружие запрятывалось в сельскохозяйственные машины, дорожные катки, жернова и т. д. Например, жернова заполнялись пистолетами (до 60 в каждом камне) и боеприпасами и посыпались через Бейрут в Эрец-Исраэль.

В июле 1922 года в Вене был случайно обнаружен склад оружия и задержаны на месте Элияху Голомб, Давид Хакохен и Леви Школьник (Эшкол). Сионистские активисты Австрии, действуя по инструкциям Исраэля Шохата, сумели доказать, что Голомб и его товарищи не имеют ничего общего со внутриполитиче-

ской борьбой в Австрии. Задержанные даже не были преданы суду, а лишь высланы, после нескольких недель заключения, за пределы страны.

Провалы в переброске оружия и неудача в Вене привели к ухудшению отношений между группой Голомба и группой Шохата. Обе стороны изложили свои позиции на заседании Исполнительного комитета Хистадрута, а также перед Центральным комитетом партии Ахдут хаавода. Споры были острыми, и многие из руководителей Хистадрута не слишком разбирались в их сущности. С одной стороны им была ясна позиция Голомба, доказывавшего необходимость широкой организации, находящейся под полным контролем общественности. С другой стороны, они боялись обидеть бывших членов Хашомера, в которых видели единственную организованную силу, способную решать дела самообороны.

В результате было решено избрать Временный комитет Хаганы, который исполнял бы свои функции до второго съезда Хистадрута (в начале 1923 года). Из бывших членов Хашомера были избраны Шмуэль Хефтер и Хаим Штурман, а от бывших солдат еврейских полков – Элияху Голомб и Иосеф Гехт. К ним были присоединены двое новых членов – Давид Яффе, инструктор Хаганы в Тель-Авиве, и Шаул Мееров (Авигур), член группы Кинерет. Однако конфликт продолжал разрастаться, и потому было принято решение временно прекратить работу конфликтующих товарищей в комитете до выяснения всех обстоятельств в следственной комиссии Хистадрута. Голомб отправился по заданию Хистадрута в Европу, члены Хашомера вернулись в Рабочие батальоны, заседание следственной комиссии не состоялось, и поскольку Давид Яффе с самого начала не принимал участия в работе Временного комитета Хаганы, в нем остались всего два активных работника – Иосеф Гехт и Шаул Мееров.

В конце 1922 года в стране практически действовали две отдельные организации самообороны, хотя формально Рабочий батальон никогда не прерывал свои

связей с Хаганой. Вся тяжесть работы в Хагане легла на плечи двух членов Временного комитета.

Год, начавшийся большими надеждами, закончился большим разочарованием. С уходом членов организации Хашомер и их сторонников в Рабочий батальон Хагана понесла тяжелую утрату. Среди ушедших были лучшие деятели организации, люди с опытом, видевшие в своей работе смысл жизни, обладавшие даром предвидения и широким кругозором. Не было никого, кто бы мог прийти им на смену.

Дополнительным фактором кризиса Хаганы в 1921—1922 годах явилось ухудшение отношений между нею и Правлением Всемирной сионистской организации.

Кровавые столкновения в мае 1921 года вновь подняли на повестку дня вопрос о еврейских батальонах. Зеэв Жаботинский, вступивший в Правление сионистской организации, поставил главным условием участия в ее работе "сохранение и развитие Ерейского легиона на Земле Израиля", и это требование было принято Правлением. На XII сионистском конгрессе, состоявшемся в Карлсбаде (ныне Карловы Вары, Чехословакия), Жаботинский потребовал, чтобы сионистская организация покрыла часть огромных расходов по содержанию еврейских батальонов. В своей пламенной речи Жаботинский сказал, что в новых условиях "сионизм должен стремиться к созданию еврейской армии для еврейского народа на Земле Израиля". После бурных прений программа Жаботинского была утверждена, и в ноябре 1921 года доктор Вейцман представил британскому правительству "Предложение о защите Эрец-Исраэль", в котором говорилось о создании батальонов еврейских добровольцев в составе около тысячи солдат и сержантов, которые были бы набраны среди молодых и неженатых олим. Покрытие расходов на зарплату (кроме стоимости их содержания) в размере 14 тысяч фунтов стерлингов в год Правление Сионистской организации брало на себя. Однако в ходе переговоров выяснилось, что еще нет

условий для восстановления прежних военно-политических рамок. Все предложения Сионистской организации были британским правительством отклонены. Начались поиски других путей сотрудничества с властями для обороны еврейского населения Палестины.

В ходе бурных внутренних споров Жаботинский (излишней резкостью выступил против организации Хаганы, в которой видел опасный со всех точек зрения эрзац. "Еврей всегда ищет подмену, — говорил Жаботинский, — и поэтому сегодня делают ставку на самооборону и вооружение населения. Я предупреждаю против предоставления оружия молодым, недостаточно дисциплинированным людям. Две тысячи еврейских солдат окажут на арабское население большее впечатление, чем 10 тысяч вооруженных жителей. И как попадет оружие в страну? Самооборона и только самооборона — подобна игрушечному пистолету. Однако взвод британской армии, сформированный из евреев — это уже не игрушка".

Жаботинский укрепился в своем мнении после конфискации оружия, спрятанного в ульях. В арабской прессе и британских антисионистских кругах развернулась широкая подстрекательская кампания. Лорд Нортклифф, "король прессы", посетивший Палестину в феврале 1922 года, предупредил евреев, что не стоит испытывать терпение британских властей, "путем продолжения переброски оружия для борьбы против 700 тысяч арабов". В свете этой кампании Герберт Сэмюэл счел нужным начать переговоры с Правлением сионистской организации и потребовать ликвидации Хаганы. Власти предоставили поселениям определенное количество оружия в запечатанных ящиках, их было разрешено вскрывать и использовать оружие лишь в чрезвычайных условиях. Власти сообщили также о своей готовности предоставить дополнительное оружие и организовать легальные еврейские оборонительные силы при условии, что нелегальная Хагана будет распущена.

В октябре 1922 года Жаботинский встретился с сек-

ретарем британского правительства Дидсом и предложил ему "предоставить законное разрешение на проведение тренировок и организационной работы в городах и поселениях. Взамен этого мы попытаемся повлиять на население и предложить ему сдать оружие — при условии, что оно будет передано на хранение верным людям". 5 декабря 1922 года в Лондоне состоялось заседание Правления сионистской организации, посвященное проблемам самообороны. От Хаганы на нем присутствовали Моше Новомейский и Моше Шерток. Жаботинский изложил перед собравшимися свою программу и рассказал о деятельности Хаганы в Палестине, которая произвела на него жалкое впечатление неудачами и провалами. В полемическом задоре он утверждал, что в этих условиях организация представляет собой не защиту ишуга, а опасность для него. Он намекнул и на то, что легальная самооборона может явиться началом возрождения еврейских батальонов.

Моше Шерток заявил на этом совещании в самой категорической форме: "Они (члены Хаганы) не сдадут оружие". Он сказал также: "Мы не согласимся пожертвовать реальной силой, хотя и малочисленной, ради иллюзий Жаботинского".

Правление сионистской организации решило потребовать от британского правительства легализации Хаганы. Это решение было продиктовано пониманием того, что Хагана не прекратит своей подпольной деятельности.

В результате споров о легализации Хаганы отношения между Правлением сионистской организации и Хаганой ухудшились. Неофициальная поддержка Хаганы деньгами, советом и политическими мерами прекратилась. Сионистское движение на данном этапе отказалось от независимой деятельности по обороне ишуга, понадеявшись на союзника — Великобританию.

Хагана, перенесшая глубокий внутренний кризис, была как бы отодвинута на задний план, ее крылья — подрезаны. Она продолжала изолированное существование.

вание без существенной помощи со стороны сионистских организаций, ведя непрерывную борьбу с всеобщим равнодушием, охватившим еврейский ишув.

VIII. БУДНИ ХАГАНЫ

Центр Хаганы в двадцатые годы

Деятельность Хаганы в двадцатые годы продолжалась при полном равнодушии и безразличии со стороны общественности. Большие колонии почти не входили в сферу влияния организации; лагеря Рабочего батальона очень мало руководствовались инструкциями Хаганы и действовали, в основном, по указаниям Исаэля Шохата и его товарищей. Местные комитеты Хаганы в поселениях партии Хапоэл хацаир относились к Центру организации равнодушно, а иногда и пренебрежительно. В то же время Хагана нашла поддержку в таких крупных городских центрах, как Тель-Авив, Хайфа и Иерусалим.

Организационно Хагана была связана с Хистадрутом, который тоже переживал в это время глубокий кризис.

Центр Хаганы в двадцатые годы был анонимным, во главе его стоял Иосеф Гехт – единственный из членов Центра, получавший плату за свою работу и посвящавший Хагане все свое время.

Гехт был уроженцем России. Он приехал в Палестину в 1913 году, тогда ему было двадцать лет. Запи-

савшись добровольцем в Еврейский батальон, он принимал участие в переброске оружия из британских военных лагерей на склады Хаганы. После кровавых беспорядков в мае 1921 года Элияху Голомб и Дов Хоз привлекли его к работе в организации. В конце 1922 года Гехт был поставлен во главе Центра Хаганы и продолжал возглавлять его на протяжении девяти лет. Военные знания Иосефа Гехта ограничивались тренировками, пройденными в Еврейском батальоне, и более или менее соответствовали уровню остальных руководителей организации в двадцатые годы. Но настоящим руководителем Хаганы сделали Гехта его преданность делу, твердый характер, терпение и последовательность, реалистический взгляд на вещи и конспиративность. Он избегал популярности и считал необходимой постоянную бдительность. В двадцатые годы рядом с ним постоянно работал его товарищ Шаул Мееров (Авигур), сфера деятельности которого распространялась, в основном, на север страны.

Время от времени Гехт представлял отчет о деятельности Хаганы секретарю Хистадрута Давиду Бен-Гуриону. Руководители Хистадрута не вмешивались в повседневную работу Хаганы, и она продолжала действовать совершенно самостоятельно.

Центральное место в работе организации в те годы занимали городские филиалы. Регулярными стали встречи командиров городских филиалов, которые происходили несколько раз в году, чаще всего в Тель-Авиве. На них присутствовали командиры трех крупнейших городских организаций, представители городского командования и, в большинстве случаев, Иосеф Гехт и Шаул Мееров. Командиры отчитывались о текущей деятельности, затем обсуждались различные предложения по улучшению работы, тренировок, но главным образом изыскивались пути внедрения единой системы подготовки во всех трех городах. В частности, на этих встречах были утверждены текст присяги членов организации и ее устав, разработанные тель-авивским отделением.

Время от времени собирались также "Советы городов", состав участников которых был более широким. Известно о созыве трех таких Советов — в ноябре 1923 года, в октябре 1924 года и в конце 1927 года. Совет 1923 года принял решение о порядке распределения оружия со складов Хаганы и "концентрации однотипного оружия в каждом месте". Второй совет утвердил решение о существовании единой и объединенной Хаганы и о противодействии любой сепаратистской деятельности. Было также решено увеличить число членов организации в городских отделениях до 300—400 человек (в сельских поселениях все способные носить оружие принимали участие в охране и обороне). Любопытна резолюция, отражающая внутреннюю борьбу между Центром и отделениями: она требовала, чтобы все оружие, приобретенное тем или иным отделением, оставалось собственностью данного отделения. На третьем Совете было принято решение усилить конспирацию и уничтожить списки членов организации, создать высший суд и разработать кодекс наказаний.

Специальные операции

Система управления организацией через Центр привела в те годы к тому, что практически единственным высшим авторитетом в ней был один человек. Конспирация и устав давали возможность Центру Хаганы осуществлять по своему усмотрению операции, которые нередко вызывали далеко идущие политические и моральные последствия. Эти операции чаще всего осуществлялись узкой группой людей, и нередко об осуществлении операции знали не более 3—4 человек.

Такой операцией, например, явилось покушение на

жизнь уроженца Голландии доктора Исраэля Яакова де-Хаана. Он был одной из самых странных и трагических личностей в истории еврейского ишдува. Известный поэт, писавший на языке своей страны, по образованию — юрист, он проявил себя как журналист социалистического направления. Неожиданно почувствовав тягу к своему народу, доктор де-Хаан начал изучать иврит, присоединился к сионистскому движению и репатриировался в Эрец-Исраэль. Но здесь вновь произошел резкий поворот в его взглядах. Он проклял сионизм и сдружился с крайне ортодоксальными кругами в Иерусалиме, последователями раввина Зоненфельда. По инициативе и под руководством де-Хаана сторонники халукки (сбора пожертвований за границей на нужды старой еврейской общины Эрец-Исраэль) развернули активную антисионистскую политическую кампанию. Де-Хаан выступил с предложением создать единый фронт старого ишдува и арабского исполнительного комитета против нового ишдува и сионистского движения. Используя свой опыт журналиста, он направлял в мировую прессу статьи о "большевистующих" олим, стремящихся навязать свою власть ортодоксальным жителям Иерусалима. Он организовал делегацию во главе с раввином Зоненфельдом, которого он полностью подчинил своей воле; эту делегацию он направил на встречу с королем Хиджаза Хуссейном когда тот находился в Трансиордании. Делегация заявила, что евреи-уроженцы страны выступают против сионизма.

Еврейская общественность страны избегала его. Де-Хаана презирали и ненавидели. Его издевательства над соплеменниками перешли все границы и стали носить патологический характер. Иосеф Гехт решил казнить де-Хаана. Некоторые командиры Хаганы вызвались добровольно осуществить казнь. В конце концов эту миссию взяли на себя два добровольца, незадолго до этого прибывшие в Палестину из России. В июне 1924 года в один из вечеров доктор де-Хаан вышел из синагоги при больнице "Шаарей Цедек" и был застрелен.

лен. Полиция искала убивших его, но безуспешно. Были задержаны несколько подозреваемых, и среди них — Маня Шохат. Полиция пыталась также допросить арабов — друзей убитого. Но тайна этого убийства так и не была раскрыта.

Еврейская общественность, принявшая известие о смерти де-Хаана с удовлетворением, воздерживалась от публичного проявления своего отношения к этому событию.

Резкая статья в связи с убийством де-Хаана появилась в органе партии Ахдут хаавода — "Кунтрес". "Политическое чутье, забота о чистоте нашего движения, моральная ответственность заставляют нас, — писал Моше Бейлинсон, — невзирая на личность де-Хаана и на причины, приведшие к этому — решительно осудить его убийство".

Подобного рода операцией явилась и закладка бомбы в жилом квартале, расположенном неподалеку от Стены Плача. Летом 1927 года арабы, проживавшие неподалеку от Стены Плача, начали осуществлять провокации против евреев, приходивших молиться к своей святыне. Иосеф Гехт разработал операцию, целью которой было предсторечь арабов против продолжения провокаций. По его приказу двое командиров Хаганы отправились в Старый город и подложили жестянку с взрывчаткой в дом араба-муграби, проживавшего напротив Стены Плача. После того, как самодельная бомба взорвалась, и дом был почти полностью уничтожен, "возникла страшная паника и началось повальное бегство жителей близлежащих домов во все стороны", — сообщала газета "Давар". Пострадавших не было, так как жители взорванного дома не находились в нем в момент взрыва, — как и предусматривалось планом акции.

Деятельность Центра

Операции подобного типа были, однако, исключением. Значительная часть работы Центра Хаганы носила тогда ограниченный характер. В те годы еще не сошел с повестки дня вопрос о средствах.

Большая часть средств добывалась при посредничестве полковника Киша, представителя Правления сионистской организации в Палестине. Так, например, в 1923—1925 гг. было получено 400 фунтов стерлингов на строительство четырех центральных складов оружия. Главный склад оружия был создан во дворе учителя Авраама Алдема, в Шхунат-Борохов. Ответственным за него был назначен Яаков Файнберг, местный командир Хаганы. Он поставлял оружие более мелким складам, находящимся в поселениях. Другой центральный склад оружия был устроен в конюшне сельскохозяйственного поселения Гева. Здесь был оборудован бетонированный подвал, вход в который был замаскирован кормушками для скота. Два других более крупных склада были устроены в Кинерете и в Аелет ха-Шахар.

Все эти склады были весьма примитивны. Стены протекали, оружие ржавело, деревянные стойки гнили, патроны впитывали сырость и портились. Ответственные за склады принимали различные меры для сохранения сухости в помещениях, но безуспешно. Прошло много лет, пока не был найден способ избавляться от сырости с помощью вентиляции.

Согласно отчету, переданному Иосефом Гехтом летом 1924 года Давиду Бен-Гуриону, в распоряжении Хаганы имелось 27 пулеметов (из них 16 — на складах), 750 ружей (из них 250 — в городах, а остальные — в поселениях), около 1050 пистолетов и 750 гранат.

Летом 1925 года Иосеф Гехт организовал всеизраильский курс командиров, главной целью которого было повышение уровня подготовки и унификации

е. Курс проходил в горах Кармела и продолжался около десяти недель. Иосеф Гехт добился финансирования этого курса из кассы полковника Киша. Общее число курсантов достигло 20 человек. Организатором и командиром группы был "Зелик" (Элимелех Авнер), бывший сержант Еврейского батальона, организовавший за четыре года до этого первый курс Хаганы в Кфар-Гилади.

Сбор, получивший название "курс Кармела" или "итальянский курс" (его участникам было запрещено сообщать о месте проведения учений и на вопросы любопытных следовал, обычно, шутливый ответ: "Мы отправились в Италию"), имел большое значение для общей подготовки инструкторов Хаганы. По его окончании накопленный материал о тренировках и строевых упражнениях был собран в специальной брошюре, долгое время служившей основным инструктивным материалом для командиров.

В период экономического кризиса 1926–1929 годов в деятельности Хаганы произошел спад. Лишь небольшая группа командиров и общественных деятелей, да несколько сот "помешавшихся на деле" членов организации поддерживали существование Хаганы, подвергаясь, по свидетельству Шаула Меерова (Авигура), "насмешкам со стороны "умников" и презрительно-му отношению со стороны циников". Иосеф Гехт продолжал оставаться во главе Хаганы, он был связующим звеном между различными отделениями и отдельными членами организации, разбросанными по различным поселениям.

"Кибуц" – тайная организация бывших членов Хашомера

Как уже упоминалось, бывшие члены Хашомера вышли в конце 1922 года из состава Центра Хаганы. Они продолжали деятельность в особых рамках, создав новую подпольную организацию, получившую название "Кибуц" ("Коллектив").

"Кибуц" связался с Рабочим батальоном имени Иосефа Трумпельдора и использовал его поселения в качестве баз и источника мобилизации новых членов.

Даже после формального распуска организации Хашомер Исраэль Шохат сохранил, так сказать, положение главаря. Он сумел объединить группу верных сторонников, которым поручал выполнение ответственных заданий, часто связанных с опасностью. Он был главой организации "Кибуц", его жена – Мания Шохат продолжала оставаться душой группы и матерью всех членов организации. Число активистов "Кибуца" никогда не превышало 60–70 человек.

Деятельность "Кибуца" осуществлялась в обстановке строгой секретности. Даже ведущие руководители Рабочего батальона не знали о планах членов организации.

Исраэль Шохат всегда утверждал, что "небольшая группа, ... которая верит в свой путь и готова идти по нему, может совершить великие и блестящие дела и повести за собой массы".

"Кибуц" считал себя не конкурентом Хаганы, а лишь дополняющей ее группой. В особенности это касалось сферы приобретения оружия, его хранения и подготовки командиров.

Однако наиболее активная часть членов организации требовала действий. В январе 1923 года "Кибуц" совершил террористический акт, в ходе которого двое его членов убили начальника полиции Яффы Туфик-бэя, считавшегося ответственным за резню в этом городе в мае 1921 года. Вскоре Шохат понял, что

еврейское общественное мнение не готово к террористическим актам, и поэтому организация вернулась к прежней традиционной деятельности по приобретению оружия и боевой подготовке. И здесь Шохат столкнулся с той же проблемой, которая заботила и руководителей Хаганы – нехваткой денег.

Было выдвинуто предложение осуществить "экс" (экспроприацию), то есть крупное ограбление с целью добыть средства на политическую деятельность. "Экс" был осуществлен в ноябре 1923 года. Группа молодых членов организации, переодетых в форму британских полицейских, остановила на дороге между Кфар-Гилади и Аелет ха-Шахар автомашину еврейских контрабандистов, занимавшихся незаконной торговлей золотом и тайной его перевозкой из Бейрута в Палестину. Около 15 тысяч золотых фунтов, сумма по тем временам фантастическая, стали добычей организации.

Захваченные деньги были использованы, в первую очередь, на приобретение вооружения в Эрец-Исраэль и в Европе. Тяжело, изнурительно работая по ночам в продолжение круглого года, члены организации оборудовали в Кфар-Гилади подземный центральный склад оружия. Лишь немногие посвященные знали о его существовании и месте нахождения. В период волнений августа 1929 года из этого склада в распоряжение Хаганы было передано около 300 ружей, десятки пистолетов, 6 автоматов и несколько тысяч патронов – количество вооружения огромное по понятиям того времени.

Небольшая часть оружия, доставленного в Кфар-Гилади, была передана в Тель-Иосеф, а остальное – ротам Рабочего батальона, действовавшим по всей стране и имевшим свои небольшие склады.

"Кибуц" организовал школу инструкторов и военных командиров. Начало ей было положено курсом командиров, проводившемся в Тель-Иосефе летом 1924 года под руководством бывших австрийских офицеров (доктора З. фон Вайзеля и доктора Отто Гана). После этого один из самых способных молодых

членов организации, Иерахмиэль Лукачер, был направлен в Германию, где он брал частные уроки у бывших офицеров кайзеровской армии. По возвращении зимой 1926 года в Эрец-Исраэль Лукачер открыл в Тель-Иосифе школу, слушатели которой — члены Рабочего батальона — проходили трехмесячный курс обучения. Половину дня они работали в хозяйстве поселения, а вторую половину посвящали военной науке. В общей сложности через школу прошли три группы курсантов общей численностью около 50 человек.

Кульминацией деятельности Шохата была его поездка в Советский Союз, состоявшаяся весной 1926 года. После долгих ходатайств Шохат и двое его товарищ — Мендель Элькинд и Дов Мехонаи, представлявшие Рабочий батальон, — были приглашены посетить "коммунальные хозяйства в России". В ходе своего визита они установили контакты с внешним отделом ГПУ. Шохат хотел добиться от Советского Союза заявления, которое включало бы обещание поддержать создание еврейского коммунистического государства в Палестине. Кроме того, Шохат просил представить членам его организации возможность военного обучения в Советском Союзе, и, в частности, пройти курсы пилотов. Однако вскоре Исраэль Шохат почувствовал, что его партнеры не доверяют ему. Он возвратился в страну в надежде на продолжение переговоров. Возвратился в Палестину и Элькинд, ведший переговоры с представителями других кругов. Он привез с собой план борьбы против сионистского и социалистического влияния Хистадрута и укрепления влияния коммунистов, а также создания в стране демократической арабской партии.

Все эти планы были перечеркнуты расколом, произошедшим в Рабочих батальонах в конце года. Кризис был вызван вопросом о будущем поселении Тель-Хай.

Поселение Тель-Хай присоединилось к Рабочему батальону летом 1924 года. Совет батальона решил, что хозяйственным соображением, присоединить его к поселению Кфар-Гилади. Около трети членов поселения

Тель-Хай, и среди них ветераны и его основатели, воспротивились объединению. Начался длительный конфликт, потрясший до основания и Хистадрут. Местный конфликт явился отражением давнего соперничества между бывшими членами Хашомера и партией Ахдут хаавода. Кфар-Гилади был крепостью организации "Кибуц" и базой ее деятельности, Тель-Хай же являлся единственной точкой опоры Исполкома Хистадрута в этом районе. Слияние поселений означало передачу монополии на весь район организации "Кибуц".

На закрытом заседании Хистадрута Бен-Гурион заявил о существовании "постоянного органа, занимающегося вопросами обороны, исполняющего специальные операции и имеющего оружейные склады, закрытые для Хистадрута". Он предупредил, что вследствие полевения Рабочего батальона переговоры, проводившиеся его делегатами в Москве, представляют большую политическую опасность. Члены Хашомера всячески отвергали эти утверждения. В конце концов было принято решение избрать специальную комиссию, которая рассудит это дело. Комиссия установила, что существует организованная группа, занимающаяся сепаратной деятельностью в области обороны. Группе было предложено самораспуститься и сдать оружие Хагане.

В этот момент Рабочий батальон уже был разделен на правое и левое крыло. "Правые" приняли решение комиссии, и к Хагане перешли небольшие склады оружия в Тель-Иосифе и Тель-Авиве. Однако, члены поселения Кфар-Гилади отказались сдать оружие. В конечном итоге было достигнуто соглашение о том, что Иосеф Гехт как руководитель Хаганы посетит склады оружия при условии неразглашения того, что он увидит.

Но этим история организации "Кибуц" закончилась. Это была первая организация, отколовшаяся от Хаганы. Окончательная ее ликвидация с передачей оружия, хранившегося в Кфар-Гилади, в распоряжение Хаганы состоялась в августе 1929 года.

Хагана в сельских районах и городах

В двадцатые годы Хагана представляла собой зыбкую конфедерацию десятков ячеек и трех более крупных филиалов (в Тель-Авиве, Хайфе и Иерусалиме). От Центра Хаганы ячейки и филиалы требовали помощи в приобретении оружия и посылки инструкторов для военного обучения.

В таких важных местах, как Хеврон, Тверия, Цфат организаций самообороны не существовало. В небольших рабочих и сельских поселках не было организованных групп самообороны, но каждый способный носить оружие обязан был участвовать в несении сторожевой службы.

Почти в каждом поселении имелся специальный "хранитель" оружия или группа "хранителей оружия" из числа имеющих боевой опыт или более основательную военную подготовку. Эти люди занимались проблемами обороны и безопасности, вели переговоры с арабскими соседями и заботились о приобретении оружия и его хранении.

В каждом поселении с разрешения властей имелись охотничьи и боевые ружья, а также так называемые "запечатанные ящики", где хранили оружие на случай чрезвычайного положения. Нелегальное оружие хранилось обычно у частных лиц. Лишь в единичных местах, главным образом, в кибуцах, имелись склады оружия, находившиеся в распоряжении комитета поселений. В момент опасности все мужчины призывались к несению сторожевой службы.

Организованная и поддерживающая крепкие связи с Центром Хаганы ячейка возникла в Шхунат-Борохов, где проживал Иосеф Гехт. Здесь был главный склад оружия организации. Инструктором в этот пригород Тель-Авива был направлен Элияху Кохен (Бен-Хур). "Официально" он работал пастухом, и лишь немногие знали о его работе в качестве инструктора Хаганы. Ячейка пригорода поддерживала постоянные контакты

с отделением Хаганы в Тель-Авиве, часто проводившим учения в пустынных и пересеченных оврагами окрестностях пригорода.

В конце двадцатых годов организованные ячейки Хаганы возникли в поселениях Шарона. В Раанане были созданы две различные боевые группы из фермеров и рабочих, поскольку фермеры отказывались вести сторожевую службу в поселении вместе с рабочими. Организатором этой ячейки был Хаим Кремер (Керем). Лишь впоследствии, после сильного давления со стороны командира, обе группы объединились. В Герцлии отделение Хаганы возникло осенью 1928 года, после того, как между жителями поселения и их арабскими соседями начались трения. Организовать ячейки в Герцлии был послан Исаэль Заблудовский (Амир).

В крупных старых поселениях вопросы охраны решались местными комитетами. До 1926 года они располагали большим количеством легального оружия (в запечатанных ящиках) и не нуждались в помощи Хаганы. В Петах-Тикве сторожевая служба находилась в полном распоряжении Авраама Шапира, действовавшего методами, "проверенными и испытанными" со времен турецкого режима, при которых спокойствие обеспечивалось арабскими и еврейскими сторожами. Но наряду с этим в поселении была и ячейка Хаганы, созданная местными рабочими. Центр ячейки находился в кибуце Гиват ха-Шлоша. Таким образом, в поселении существовали две отдельные оборонные организации, которые почти не поддерживали связей между собой.

В Ришон ле-Ционе и Реховоте местные советы действовали в полулегальных рамках "специальной полиции" и охраны, носимой сторожами (*габирами*).

Натянутые отношения между фермерами и рабочими очень тормозили организацию единой и эффективной обороны в ряде селений.

Основная работа Хаганы была сконцентрирована в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе. Здесь возникли

крупные филиалы организации, в состав каждого из которых входили сотни членов.

Эти города были центрами политической деятельности. В них находились главные подстрекатели антиеврейских кампаний. Кровавые события 1920–1921 годов происходили главным образом в городах. В них постоянно существовало антиеврейское брожение, проявлявшееся особенно сильно по таким датам, как день провозглашения Декларации Бальфура (2 ноября), праздник Неби-Муса в Иерусалиме и праздник Неби-Цалах в Рамле.

В поселении или деревне можно было за короткое время мобилизовать всю местную молодежь и отправить ее на сторожевые посты. В городе это невозможно было сделать без предварительной подготовки и без четкого плана действий на случай опасности. Поэтому Хагана направила лучшие силы на создание в городах групп инструкторов и командиров и на проведение с членами организации систематической тренировочной работы.

В каждом городе имелся общественный комитет Хагана. И, конечно, командир и его помощники изучали местные проблемы безопасности и топографию города. Были определены постоянные посты и принципы обороны; создан механизм созыва добровольцев с тем, чтобы в случае необходимости иметь возможность в считанные минуты создать оборонительную стену вокруг еврейского населения города.

Особую важность приобрел тот факт, что в городах имелись сотни юношей, с огромным уважением относившихся к "Шеренге" ("Ха-шура" — так с целью конспирации называлась Хагана) и готовых посвятить ей все свободное время. Они были проникнуты духом самопожертвования и безгранично преданы Хагане, не требуя ни вознаграждения, ни почести. Дисциплина в организации была сознательной и твердой.

С течением времени порядок приема новых членов в Хагану изменился. До 1924 года каждый командир из

бирал людей из круга своих знакомых и друзей, тренировал их и после испытательного периода включал в состав организации. Каждый филиал выделял кандидатов на курсы и командиров. Лишь на межгородском совещании в сентябре 1924 года был установлен новый порядок приема, который больше соответствовал условиям конспирации. Было решено, что каждый, кто хочет стать членом Хаганы, должен представить письменные гарантии двух членов организации. После этого командир городского отделения производит расследование и сообщает о кандидате всем командирам групп в городе. Если последние не выдвигают возражений, то новичок проходит месячный испытательный срок и получает статус "временного члена" организации. После успешного прохождения испытательного срока он дает письменное обязательство хранить верность Хагане. Двое его товарищей должны подписьаться под обязательством как свидетели, и лишь после этого он становится активным членом Хаганы. В обязательстве, которое кандидат должен был прочесть вслух на торжественной церемонии приема, говорилось о верности и преданности делу, о послушании и дисциплине, готовности безоговорочно выполнять приказы. Он обязывался также "хранить полную тайну о всех делах организации, при всех условиях, вечно".

После приема в ряды организации начинались тренировки. В те годы уровень подготовки был невысок. Большая часть тренировок производилась в темных закрытых комнатах. Основная часть учений состояла в строевой подготовке и обучению владению "малым оружием" (пистолетом). При изучении пистолета большое число уроков посвящалось правилам хранения оружия, различным положениям при стрельбе и правилам безопасности.

Тремя основными видами пистолетов были "Пар" (Парабеллум), "Шор" (Штейер) и "Масор" (Маузер). Обучение строилось так, чтобы боец Хаганы мог в момент необходимости воспользоваться любым оружием, которое попадется ему в руки. Знакомство с

оружием достигалось путем досконального изучения сборки и разборки пистолета и изучения принципа работы механизма оружия.

После изучения пистолета переходили к нескольким урокам по "бочонку" (гранате) системы Миллса (английского военного производства), однако без практического метания боевой гранаты.

Частью подготовки членов организации были также экскурсии и походы по стране с целью ознакомления с нею и с топографией местности. Такие экскурсии осуществлялись под разными безобидными предлогами для маскировки истинных целей.

Обычные тренировочные занятия прерывались днями повышенной готовности, когда командир объявлял о полной или частичной мобилизации всех бойцов. Такими днями были: 2 ноября – по всей стране, два дня мусульманского праздника Неби Муса и канун дня девятого Ава – в Иерусалиме, дни праздника Пурим и Первое мая – в Тель-Авиве и день праздника Элияху ха-Нави (Ильи-пророка) – в Хайфе. В эти дни все члены Хаганы собирались в заранее установленных местах ("точках"). Кладовщики открывали склады и раздавали оружие.

В 1925 году был возобновлен прием женщин в ряды организации. На них были возложены две важные задачи: оказание первой помощи и перенос оружия. Женщины занимались транспортировкой пистолетов, боеприпасов и гранат и зачастую являлись своего рода "подвижными складами". Закон и традиции в стране не позволяли производить личный обыск женщин (это умели использовать и арабы). При приеме женщин в ряды организации принимались еще более строгие меры предосторожности. Женские группы Хаганы отличались большой преданностью делу и готовностью к самопожертвованию.

Группы связных набирались из подростков. Они должны были передавать приказы, дежурить возле телефонов. Эти подростки тоже были преданы организации всем сердцем. Будучи связными, они прекрас-

но знали любое место в городе, всех членов организации, точки охраны и склады. Они придали работе организации Хаганы дух жертвенности. Дни вступления в организацию, первой встречи с членами Хаганы, получения первого задания и вручения "инструмента" ("ха-кли" — оружия) — навсегда запечатлевались в их сердцах.

Поскольку вся работа Хаганы производилась на добровольных началах, бюджет организации был весьма ограниченным. Лишь командир города, отдававший все силы работе в организации, получал какую-то небольшую плату. В середине двадцатых годов командир Хайфы Яаков Пат получал 12 фунтов в месяц. Еще три фунта расходовались на другие нужды. Но и эта скромная сумма добывалась тогда с трудом.

* * *

После майских событий 1921 года Ицхак Ольшанский (Ольшан) был назначен командиром Хаганы в Тель-Авиве. Но через год он выехал за границу для продолжения учебы и вместо него командиром был назначен Дов Гефен, получивший военную подготовку во время службы в полиции в Нижней Галилее и Зихрон-Яакове. Его заместителем и старшим инструктором стал Давид Яффе, редактор сельскохозяйственного журнала "Ха-садэ" ("Поле"), в прошлом один из лучших сержантов Ерейского батальона и прекрасный военный инструктор.

Комитет Хаганы в Тель-Авиве, первыми членами которого были Саадья Шошани, Шалом Пахтер и Авраам Криницы, считал себя, в отличие от комитета других городов, своего рода высшим органом, а командира города — как бы начальником отдела тель-авивского муниципалитета. В городе в то время существовали рабочие группы, объединявшиеся на основе совместной работы или землячества. Некоторые из этих групп жили коммунами. Они брали на себя обязанности по охране одного из кварталов на границе Тель-Авива и

Яффы. Первой задачей командования организации было вовлечение этих групп в рамки Хаганы.

Командиры занялись разработкой плана обороны Тель-Авива и Яффы. На схематической карте были отмечены слабые места отдаленных районов, определены позиции боевых групп, а также пути осуществления связи между ними.

В годы правления Верховного комиссара лорда Плюмера в Тель-Авиве царило спокойствие. Чтобы держать членов Хаганы в состоянии напряженности, проводились усиленные строевые занятия и тренировки, экскурсии и организация летних лагерей. Выпускалась устная газета, в которой участвовал выдающийся поэт Ури Цви Гринберг.

В 1926 году число членов Хаганы в Тель-Авиве достигло 350 человек.

В 1927–1931 годах командиром города был Авраам Икар. Он завоевал большой авторитет среди членов организации своей простотой в обращении и знаниями. Число членов организации продолжало увеличиваться.

Конспирация в тот период была особенно строгой. Все члены организации имели клички, места учений хранились в глубокой тайне, подходы к ним были скрытыми. Члены семьи и друзья долгое время не знали, чем занимается юноша по субботам утром (строевая подготовка) и чем он заполняет свои вечера (изучение оружия). Вместе с тем, атмосфера там была легкой и жизнерадостной. Тон задавала молодежь – веселая, задорная, боевая.

Первым командиром Хаганы в Хайфе был в 1919 году доктор Артур Бирам. Через год к нему присоединились Роза Кохен, Зелиг Вейцман и Берл Репетор, которые образовали Совет Хаганы и ее командование в городе. Вначале организация базировалась всего на двух десятках парней, организованных по месту работы (строительство, железнодорожные мастерские, фабрики "Шемен", большие мельницы, порт). Каждая группа имела свои "точки", однако, не существовало

общего плана, и между группами не было связи, не проводилась систематическая тренировочная работа. В конце 1922 года в Хайфе от имени Центра Хаганы был направлен Яаков Пат. Он был назначен командиром города, и на этом посту оставался до 1931 года.

Первым шагом Яакова Пата было создание группы командиров, которых он подготовил и обучил по единой системе, разработанной на слете в Эйн-Ганим. Шесть первых командиров начали обучать и готовить рядовых членов организации. Две комнаты в подвалах Техниона были оборудованы для проведения учебных занятий.

В зданиях Техниона хранился центральный склад оружия. Были созданы районные склады, ответственность за хранение оружия в которых возлагалась на местных командиров.

Крупным поставщиком кадров для Хаганы стал с 1925 года Технион. Студенты внесли новый дух в хайфское отделение организации, и многие из городских командиров вышли из их рядов. Вместе с ними в организацию вошел Иоханан Ратнер, первый из членов организации, обладавший высшим военным образованием. Профессор архитектуры, служивший штабным офицером в русской армии, он настоял на том, чтобы вступить в организацию на правах рядового члена и пройти все этапы с тем, чтобы познакомиться с Хаганой и более подробно изучить методы ее работы. Лишь после прохождения обычного тренировочного курса и курса командиров И. Ратнер был включен в штаб Хаганы в Хайфе. В том же году в Хайфу возвратился и Яаков Достровский (Дори), который был сержантом в Еврейском батальоне и закончил инженерный факультет в одном из бельгийских университетов. Он ввел усиленные систематические тренировки и строевые упражнения.

Накануне кровавых беспорядков 1929 года число членов организации в Хайфе превышало 350 человек. Почти все они были моложе тридцати лет. Из студентов хайфского Техниона к концу двадцатых годов

были сформированы два отличных взвода, которые составляли роту под командованием Нахума Левина. На складах хайфского филиала было 125 пистолетов, 50 винтовок, 2 пулемета и 40 гранат.

Хагана была одним из самых почитаемых учреждений в городе, а не пасынком ишува, как во многих других местах.

* * *

Особые условия Иерусалима наложили свой отпечаток на оборону города. Еврейское население города не было единым. Каждый квартал населялся в основном отдельной еврейской общиной, которая имела своих руководителей. Значительная часть евреев города, представители старого ишува и выходцы из стран Востока, была отсталой, очень далекой от понимания задач Хаганы и идеи защиты национальной части. И это — несмотря на то, что положение в городе было постоянно напряженным.

В Совете Хаганы в Иерусалиме особо выделялись Ицхак Бен-Цви и Рахель Янаит. Бен-Цви поддерживал тесные связи между Хаганой и национальными учреждениями в городе. Рахель Янаит проводила разъяснительную работу и занималась сбором денег. Ее лекции и беседы об организации Хашомер и об истории Хаганы, ее выступления на парадах Хаганы и в другие памятные дни производили сильное впечатление и укрепляли моральный дух бойцов. Командиром города был Зхария Уриэли (по прозвищу "Захар", из "крымчаков" Трумпельдора и выпускник курса "комедиантов"). Он был назначен на этот пост после событий 2 ноября 1921 года и продолжал оставаться командиром города 7 лет подряд. "Захар" был атлетического сложения, смел, честен, однако слегка флегматичен и тяжел на подъем. Постепенно инициатива в работе организации перешла к низшим командирам, среди которых выделялись Авраам Зильберг (Техо

ми) и Авраам Кричевский ("Гиора"), выходцы с Украины. Оба были большими фантазерами и исследователями приключений. Вскоре они стали душой иерусалимского филиала Хаганы.

В конце двадцатых годов в организацию начали вступать жители Старого города и учащиеся ешибота раввина Кука.

Одной из досадных неудач организации был провал попыток обосноваться в Старом городе. Вопреки распространенному мнению далеко не все его жители занимались исключительно изучением Талмуда. Жили там и выходцы из стран Востока, многие из которых были известны своей отвагой, особенно выходцы из Курдистана и сирийского города Халеба. Время от времени члены Хаганы покидали Иерусалим — либо закончив учебу, либо в поисках работы. В 1925 году в Хагане оставалось всего 60 членов — катастрофически мало для такого города.

К концу двадцатых годов в Иерусалиме были четыре роты Хаганы, объединявшие около 300 человек. На складах было 20 винтовок, 125 пистолетов, 40 ручных гранат и один двуствольный пулемет.

Важное место в программе обучения занимало знакомство со сложной топографией города, многие улицы которого оставались непоименованными, а дома на них — непронумерованными. Особое внимание уделялось изучению улочек и переулков Старого города и подходов к отмеченным там постам. Еврейское население Старого города постепенно привыкало к "Захару" и его товарищам и принимало их благосклонно и сердечно.

Как и в Тель-Авиве, в Иерусалиме большое внимание уделялось экскурсиям и походам, считавшимися неотъемлемой частью тренировки бойцов. Широко известна экскурсия группы инструкторов в составе 15 человек, совершивших в 1928 году поездку на велосипедах из Иерусалима в Нижнюю Галилею и обратно через долину Иордана. В том же году состоялся совместный поход инструкторов из Тель-Авива и Иерусалима

к вершине Масады. В этом походе принимал участие поэт Ури Цви Гринберг. На вершине горы перед участниками похода была прочитана речь Яира бен Элазара последнего командира Масады. Это было незабываемое событие для всех участников похода.

В моменты напряженности в городе организация мобилизовывала всех своих членов. Большинство посыпалось в еврейский квартал Старого города, где они проводили дни, а зачастую и недели, пока напряженность не спадала. Вместе с тем Новый город нередко оставался без охраны.

Трудно предугадать, как развивались бы события 1929 года, если бы на посту оставались старые командиры. Однако слепой случай сыграл свою роль – "Захар" и Авраам Техоми были ранены в дорожной катастрофе и отправлены на лечение за границу. Авраам Кричевский уехал изучать медицину в Берлин. Рот Рабочего батальона распалась после раскола "батальона", потеряла почти все оружие, часть людей отправилась на поселение к югу от города в Рамат-Рахель. Бессорядки 1929 года застигли иерусалимское отделение Хаганы в момент его слабости.

Заключение

Относительно спокойные годы (1922–1929) усыпили бдительность Хаганы и сузили горизонты ее деятельности. В особенности это коснулось закупок оружия за границей. Уровень подготовки и командования был элементарным, количество оружия – ограничено.

Несмотря на это, Хагана сумела сплотить сотни членов и воспитать их в духе стойкости и преданности национальному делу. Над организацией витал дух Тру

пельдора и его товарищей. Распри партий в стране не оказывали никакого влияния на Хагану.

После семи лет затишья в августе 1929 года пришла волна трагических событий.

IX. КРОВАВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В АВГУСТЕ 1929 ГОДА

Конфликт вокруг Стены Плача

В августе 1929 года в Эрец-Исраэль произошли большие по своему размаху кровавые беспорядки. Толпы возбужденных подстрекателями арабов нападали на еврейские поселения, убивая и грабя все на своем пути.

Основной причиной беспорядков явилось ослабление британского режима в стране. После трех лет пребывания на посту Верховного комиссара Палестины лорд Плюмер вернулся в Великобританию. Его сменил сэр Джон Ченслер, серый и посредственный колониальный чиновник. Горстка арабских националистов сумела воспользоваться слабостью режима и начать подстрекательство арабских масс. Главным зачинщиком беспорядков был иерусалимский муфтий хадж Амин аль-Хуссейни.

Британские власти взяли на себя обязательство охранять права всех религий и общин на их святые места на основе принципа сохранения "статус-кво". Главная святыня евреев в Палестине – Стена Плача в Иерусалиме. Право евреев в любое время приходить к ней молиться никогда не ставилось под сомнение.

Накануне Судного дня (23 сентября 1928 года) сотни евреев собрались на молитву на площади возле Стены Плача. Служка установил перегородку, отделяющую мужскую и женскую половины площади. Заместитель губернатора Иерусалима Китроч, прибывший к Стене Плача в ходе обзора Храмовой горы, удивился, увидев перегородку. За разъяснениями он обратился к арабским шейхам, заседавшим в находившемся неподалеку мусульманском религиозном суде. "Хитрые старики, — рассказывал впоследствии полицейский офицер, сопровождавший Китроча, — немедленно приняли позу обиженных праведников и начали толковать перегородку на площади у Стены Плача, как открытое покушение евреев на мусульманские святыни". Китроч приказал убрать перегородку. На следующий день к Стене Плача прибыл полицейский наряд с офицером во главе и приступил к исполнению приказа. Гневные протесты молящихся не помогли.

Этот акт полицейского произвола, осуществленный в грубой форме в Судный день возле Стены Плача, вызвал гнев и возмущение европейской общественности в Эрец-Исраэль и во всем мире. Учреждения европейского ишува обратились с жалобой к британскому правительству и мандатной комиссии Лиги Наций. В то же время арабская печать и подстрекатели немедленно распустили слухи, будто евреи стремятся завладеть святыми местами мусульманства. Во многих арабских городах и деревнях были созданы Комитеты защиты "Бурака" (арабское название площади перед Стеной Плача). Иерусалимский муфтий созвал в Иерусалиме митинг, на котором было выдвинуто требование запретить евреям приносить предметы религиозного культа на площадь перед Стеной Плача и запретить им громко молиться. И тут же арабы начали ряд открытых провокаций, вроде проведения шумных сборищ с криками и плясками под грохот барабанов и цимбал в зданиях, расположенных неподалеку от Стены Плача. Эти сборища под названием "Зикр" никогда до того времени вблизи Стены Плача не проводились. Пляски, шумная му-

зыка и пение были организованы именно тогда, когда массы молящихся собирались возле Стены.

Терпение еврейского ишува истощалось. В городах и поселениях были созданы "Комитеты в защиту Стены Плача", объединившиеся под руководством доктора Иосефа Клаузнера. Ревизионисты, которые именно в тот период появились на общественной арене, призывали к проведению массовых демонстраций.

* * *

Летом 1929 года арабы все усиливали свою подстрекательства против евреев. Решения сионистского конгресса, который состоялся в том же году в Цюрихе, несмотря на их осторожные формулировки, послужили подстрекателям материалом для выступлений. Осудив акт осквернения Стены Плача в канун Судного дня, Конгресс вновь заявил, что право евреев соблюдать религиозные обряды возле Стены Плача не подлежит сомнению. Эта безобидная резолюция Конгресса была злостно фальсифицирована и послужила причиной широкой пропагандистской кампании, развернутой муфтием и его помощниками.

В день девятого Авва (15 августа 1929 года) в Иерусалиме с разрешения властей состоялась демонстрация молодежи, значительная часть которой представляла организацию Бетар ("Союз имени Трумпельдора") и ревизионистское движение. Многие специально прибыли для этого в Иерусалим из Тель-Авива и других городов и поселений. Демонстрантам было разрешено направиться к Стене Плача при условии, что они не пройдут через арабские кварталы с поднятыми национальными флагами. Демонстранты направились к Стене Плача через Дамасские ворота. На площади перед Стеной был поднят национальный флаг и произнесена короткая речь. Затем демонстранты отправились в обратный путь через Яффские ворота и улицу Царя Давида, выкрикивая на ходу лозунг: "Стена Плача — наша, по зор правительству!" Национальный флаг вновь был

поднят на площади Сиона в Новом городе. После пения национального гимна демонстранты разошлись.

На следующий день состоялась значительно более крупная ответная демонстрация арабов, которая прошла мимо Стены Плача с криками: "Аллах велик", "Суд Мухаммеда осуществляется мечом", "Долой сионизм!"

В ближайшую субботу был заколот в драке еврейский юноша. Предлогом для драки послужил футбольный мяч, невзначай попавший в арабский огород. Юноша умер от полученных им ножевых ран, и его похороны превратились в демонстрацию, которая сопровождалась столкновениями между демонстрантами и полицией.

В этот период арабская подстрекательская кампания достигла апогея. По всем арабским селениям распространялись слухи, что муфтий приказал всем мусульманам собраться в ближайшую пятницу в Иерусалиме и начать избиение евреев.

Вспышка беспорядков в Иерусалиме

В пятницу утром, 23 августа 1929 г. толпы феллахов из окрестностей Иерусалима и бедуины из Иудейской пустыни устремились в город, во двор мечети (Омара). В отличие от обычного, они были без жен и детей. Большинство было вооружено палками, дубинками, ножами и кинжалами. Многие специально заказали себе дубинки в столярных мастерских Старого города.

В половине первого толпа, размахивающая палками и ножами и выкрикивающая воинственные лозунги, вырвалась в двух направлениях за границы Старого города. Одна часть направилась к Яффским воротам,

другая – к Дамасским. Возле Яффских ворот толпе преградил путь полицейский кордон, вооруженный винтовками. Короткой демонстрации силы полиции было бы достаточно для того, чтобы закончить всю игру. Однако полицейские огонь не открыли. Евреи, случайно оказавшиеся поблизости, были избиты, получили ножевые ранения, братья Ротенберг были убиты на глазах полиции. Лишь в половине третьего полиция открыла огонь, и, как по мановению волшебной палочки, погромщики исчезли. Во всех кварталах, прилегающих к Яффским воротам, воцарилось спокойствие.

Погромщики, вышедшие из Дамасских ворот, направились к кварталу Меа Шеарим. У входа в квартал, неподалеку от итальянского госпиталя, им навстречу вышли сотни евреев. Полицейские встали между толпами, пытаясь уговорить арабов прекратить беспорядки. В четверть второго еврейские защитники бросили в арабов бомбу и сделали несколько пистолетных выстрелов. Два араба были убиты и несколько ранены, это нагнало на толпу страх, и она с криками ужаса побежала обратно к Дамасским воротам.

Немного успокоившись, толпа стала искать жертву для мести. В половине третьего арабы окружили небольшой двор, в котором проживало несколько бедных еврейских семей. Им удалось сбить железные ворота, отбросить британского офицера и нескольких полицейских и убить четырех человек (среди них женщину и ребенка), разграбив все, что попалось под руки. Многие жители квартала нашли убежище в близлежащих домах христиан.

В тот же час начались организованные нападения на окраинные кварталы Нового города. В этих нападениях, в которых чувствовалась направляющая рука, принимали участие жители соседних с Иерусалимом арабских поселений и бедуины, вооруженные винтовками. В час, когда почти все правительственные силы безопасности и силы еврейской самообороны были сконцентрированы в Старом городе и его окрестностях, арабы нанесли удар по окраинам, лишенным поч-

всякой защиты. Лишь ценой огромных усилий членов Хаганы и полиции удалось предотвратить погром.

В северной части города, в Санхедрии, небольшая горстка защитников остановила толпы арабов, стремившихся прорваться в этот еврейский квартал и кварталы, расположенные поблизости. Ряд поселений к западу — от Ромемы до Байт ва-Гана — стали мишенью арабских атак, начавшихся в половине второго. Феллахи из деревни Дир-Ясин атаковали Бейт ха-Керем, Кирьят-Моше, Гиват-Шаул. Жители поселений Эйн-Карем и Малха "занялись" кварталом Байт ва-Ган, а жители Лифты — Ромемой. Особо ожесточенные атаки выдержали южные кварталы Иерусалима — Рамат-Рахель, Талпиот и Мекор-Хаим, находившиеся на значительном расстоянии от центра города и отделенные от него арабскими кварталами. В этих нападениях принимали участие жители арабских деревень Бейт-Цафада и Цур-Бахир, к которым присоединились арабы из более отдаленных деревень и бедуины. Погромщикам удалось овладеть поселением Рамат-Рахель и разрушить его, а также нанести некоторый ущерб кварталу Талпиот.

Атаки на кварталы города продолжались в течение нескольких дней. Время от времени на месте событий появлялись машины полиции, которые, сделав несколько выстрелов, немедленно удалялись. Было очевидно, что полиция не в состоянии овладеть положением на окраинах города. Основные силы полиции были направлены в северо-западную часть Иерусалима, через которую проходила дорога, связывающая город с Тель-Авивом и Яффой.

Когда начальник иерусалимской полиции убедился, что находящихся в его распоряжении сил недостаточно для восстановления порядка, он обратился к британским гражданам, проживавшим в городе, с призывом добровольно вступать в ряды полиции в качестве специальных полицейских. К четырем часам пополудни в добровольцы записалось около 70 человек, среди них 28 студентов Теологического колледжа в Оксфорде,

находившихся в стране с экскурсией. В течение следующего дня число добровольцев возросло до 170, многие из них прибыли на своих автомашинах. Эти автомашины были присоединены к небольшому автопарку полиции. В каждую были посажены несколько вооруженных человек, которые осуществляли патрулирование улиц, отдаленных кварталов города и шоссейных дорог в направлении Кирьят-Анавим, Бейт-Лехема и Рамаллы с тем, чтобы рассеять банды погромщиков, направлявшихся к Иерусалиму и оказать срочную помощь отдаленным кварталам и поселениям. Эти специальные полицейские сделали многое для обороны города.

В первый день беспорядков оружие было выдано и группе евреев, численностью в 40 человек, часть которых имела британское подданство, а другая часть являлась ветеранами войны. Делегация арабского исполнительного комитета выразила по этому поводу протест секретарю мандатных властей Гарри Локку, еврею-выкресту венгерского происхождения, который сыграл фатальную роль во всех событиях, предшествовавших беспорядкам того года. Под давлением арабской делегации все еврейские полицейские были разоружены на пятый день беспорядков.

Мандатное правительство обратилось за помощью к командованию британскими силами на Ближнем Востоке. Еще на исходе субботы воздушным путем в Палестину были переброшены 50 британских солдат из Египта. На следующий день поездом прибыли еще 600 солдат. К 27 августа у берегов Палестины и на пути к ней находились 5 военных судов, 3 батальона пехоты и рота бронемашин военно-воздушных сил. Постепенно армия начала устанавливать контроль над Иерусалимом, однако к тому времени беспорядки распространились по всей стране.

Резня в Хевроне

В субботу утром в Иерусалим поступило сообщение о резне в Хевроне. Еврейская община в этом городе насчитывала тогда около 600 человек, все принадлежали к "старому ишуву". Хевронские евреи хорошо знали язык арабов и их обычаи. В 1924 году в Хеврон был переведен знаменитый слободкинский ешибот из Литвы со 150 учащимися, которые оживили атмосферу в еврейской общине города.

За несколько дней до беспорядков в Хеврон прибыли двое представителей Хаганы из Иерусалима. Они предложили главе общины А. Д. Слониму (предки которого на протяжении нескольких поколений проживали в Хевроне), — руководителю местного отделения Англо-Палестинского банка и члену муниципалитета, — направить в город группу защитников (10 человек при оружии), или переправить всех евреев Хеврона в Иерусалим до тех пор, пока не улягутся страсти. Посовещавшись со старейшинами города, Слоним ответил, что евреям Хеврона не грозит опасность, и они полагаются на хорошее отношение к ним арабов и дружеские связи со старейшинами арабской общины.

В пятницу около половины третьего в Хеврон из Иерусалима прибыло несколько автомашин с арабами. Они начали распространять слухи о том, что в Иерусалиме евреи, якобы, избивают арабов. Глава мусульманско-христианского комитета города, шейх Талиб Марка, произнес перед толпой, собравшейся на улице, речь, в которой призывал убивать евреев. Толпа начала бить окна в еврейских домах, затем ворвалась в здание ешибота, где в пятницу после обеда было пусто. Лишь один ученик сидел в классе и изучал Тору. Он был тут же убит, и тело его оставлено в пустом здании до воскресенья. Евреи немедленно заперлись в своих домах и по приказу начальника полиции Кафаратта не выходили наружу.

Под командой Кафаратта находилась лишь неболь-

шая горстка арабских полицейских. Его призывы о помощи из Иерусалима остались без ответа.

В субботу, около девяти часов утра арабы — жители Хеврона и близлежащих деревень — вновь собрались на улицах города. Вновь стали раздаваться призывы к убийству евреев. Толпа переходила от дома к дому и, не встречая сопротивления, убивала всех без разбора — старииков, женщин и детей. Кафаратта пытался сдержать толпу, стрелял в нее, ему даже удалось убить двух погромщиков, однако толпа забросала его камнями, сбила с коня. Арабские полицейские, которым был отдан приказ стрелять в толпу, стреляли в воздух, стараясь не попасть в своих соплеменников. Погромщики подожгли синагогу "Хадасса" и другие здания, принадлежащие еврейской общине. От кварталов нового города толпа направилась к старому гетто, и, легко преодолев сопротивление небольшой группки полицейских, стоявших у ворот гетто, продолжила свое кровавое дело. Сам Кафаратта и единственный еврейский полицейский в городе Ханох Бружинский убили восемь погромщиков.

В Хевроне по сути повторился страшный кишиневский погром 1903 года. Люди прятались в туалетах, подвалах, ванных комнатах. Многие спаслись благодаря помощи соседей-арабов, защищавших своих друзей. "Если бы не арабские семьи, защищавшие евреев, — говорится в памятной записке евреев Хеврона, поданной Верховному комиссару, — в городе не осталось бы в живых ни одной еврейской души".

Лишь около половины одиннадцатого толпа начала расходитьсяся. Кафаратта приказал всем евреям собраться в здании полицейского участка. Во второй половине дня в Хеврон прибыли двадцать британских полицейских и солдат. Около 500 евреев сидели на полу полицейского участка, забрызганные кровью. Это были вдовы и сироты, в течение часа потерявшие своих близких. 59 человек были убиты, еще 7 умерли от ран после того, как были перевезены в Иерусалим.

В понедельник в Иерусалим были переправлены

женщины и дети, во вторник прибыли машины, чтобы забрать остальных. Машины тронулись, оставляя за собой Хеврон "юденрейн": в этом старейшем еврейском городе времен патриархов не осталось ни одного еврея.

Распространение беспорядков по всей стране

Из Иерусалима дух разрушения распространился по всей стране. Подстрекатели появлялись повсюду, призывая арабов следовать указаниям своих руководителей и приступить к убийству евреев и грабежу их имущества.

Нападали арабы чаще всего на небольшие, одиноко стоящие поселения, и главной целью этих нападений были грабежи и погромы. В большинстве случаев полиция прибывала с большим опозданием. Основным методом ее действий была эвакуация жителей еврейских поселений в более безопасное место, без заботы о целостности и сохранности имущества, становившегося легкой добычей погромщиков.

На небольшое поселение Моца жители близлежащих поселений напали в субботу, 24 августа. Поселение Моца существовало в соседстве с арабами десятки лет и не ожидало с их стороны ничего дурного. Моца расположена на главном шоссе, ведущем в Иерусалим. Полицейский патруль, совершивший объезд местности, задерживался там на несколько минут и возвращался в столицу. В тот день 30 арабов ворвались в крайний дом Моцы, где жила семья Маклеф, убили всех, кто попался им под руку, совершили акты насилия над женщинами и подожгли дом. Через два часа прибыли три полицейские бронемашины и вывезли большинство жителей поселения. Оставшиеся жители, отказавшиеся покинуть поселение, собрались в одном из домов.

Остальные дома были разграблены арабами. В это же время старейшины поселения Абу-Гош, находящегося по соседству с Кирьят-Анавим, заявили, что они хотят мира и стремятся предотвратить нападение на евреев.

Поселение Хартув, насчитывавшее всего 130 жителей, подверглось нападению арабов из деревень Дир-Абан, Цер'а и Эштаул. Все жители поселения Хартув собрались в одном из домов. В их распоряжении имелось семь винтовок, выданных властями. В ночь на субботу арабская толпа атаковала поселения. В пределах поселения находилась частная ферма И. Л. Гольдберга, жителя Тель-Авива. Феллахи напали на ферму, увезли коров, лошадей, вывезли зерно, мебель, а затем начали грабеж домов еврейских крестьян. После полуночи к месту событий на двух бронемашинах прибыли солдаты. Несколько выстрелов спугнули грабителей, однако солдаты не могли оставаться на месте, и жители Хартува наутро выехали в Тель-Авив. Поселение было оставлено во власти погромщиков, которые разрушили его до основания.

Шейх арабской деревни Бейт-Фар собрал в своем доме шесть еврейских семей из селения Кфар-Урия, расположенного неподалеку от Хартува. Сотни погромщиков прибыли на исходе субботы в Кфар-Урия, разграбили имущество поселенцев и сожгли дома.

Нападения были совершены на Атарот и Неве-Яаков, однако англичане охраняли главную дорогу, ведущую на Шхем и Хайфу, проходившую неподалеку от этих поселений и от аэродрома, и рассеяли все банды арабов, собирающиеся в окрестности. Еврейская организованная самооборона сумела предотвратить события, подобные тем, что произошли в Моце.

В воскресенье, 25 августа 1929 года пришел черед Тель-Авива. В большой мечети в центре Яффы утром собрались как мусульмане, так и христиане. Толпа в 2 тысячи человек, выйдя из мечети, направилась в расположенный неподалеку квартал Офек-Ям (Картун), покинутый жителями еще в утренние часы. Извозчик Барух Розин с сыновьями, приехавшие на место, чтобы

вывезти вещи, стали первыми жертвами толпы. Они были избиты и получили ножевые ранения. Барух Розин умер от ран. К месту происшествия устремились члены Хаганы. В то же время туда были стянуты и десятки полицейских. Британский офицер Риггс требовал, чтобы арабы возвратились в Яффу, но толпа с возгласами "Смерть Риггсу" напала на полицию. Из толпы стреляли в полицейских, но те открыли ответный огонь. Шестеро погромщиков были убиты, десятки — ранены, остальные в панике бежали.

Попытка арабов устроить демонстрацию на Часовой площади Яффы была предотвращена прибывшей на место полицейской бронемашиной, из которой было произведено несколько выстрелов в воздух.

Опасавшиеся выступить открыто, арабы прятались за домами и заборами и вели стрельбу из пистолетов и ружей. Однако везде они натыкались на патрули Хаганы, не дававшие им возможности проникнуть в еврейские кварталы.

Непрерывные перестрелки между защитниками города, засевшими в конце улицы Герцля, и арабами, нападавшими со стороны квартала Абу-Кабир и плантаций цитрусовых, продолжались всю вторую половину дня. В этом районе в тот день произошел один из самых печальных случаев за всю историю беспорядков.

Автомашина с группой членов Хаганы была направлена к Абу-Кабиру, — вывезти двух еврейских рабочих, задержавшихся на спиртзаводе неподалеку от него. По дороге они натолкнулись на толпу арабов, которая атаковала автомашину. В результате столкновения четверо членов организации (Иосеф Беркович, Биньямин Зеэв Гольдберг, Моше Харари и Айзик Файнгольд) были убиты, а пятеро — ранены. Через несколько часов после этого столкновения группа евреев, и среди них полицейский Симха Хинкис, ворвалась в один из домов в Абу-Кабире и убила находившихся там четырех арабов, и среди них — женщину и ребенка. Это был безрассудный акт мести, последовавший за известиями

о резне в Хевроне и гибели членов Хаганы, спешивших спасти жизнь своих товарищей.

* * *

В пятницу, 23 августа 1929 г. в хайфских мечетях состоялись митинги, на которых раздавались провокационные призывы отомстить евреям, якобы оскверняющим святые места мусульманства в Иерусалиме. На следующий день в городе появились листовки, призывавшие арабов к кровавой мести за своих соплеменников в Иерусалиме. На исходе субботы сотни арабов вышли на демонстрацию на Назаретской улице, откуда они направились громить квартал Нахала, расположенный на восточном склоне горы Кармел. Нападение легко было отбито участниками еврейской самообороны и полицейскими, охранявшими квартал.

В воскресенье, 25 августа 1929 года напряженность в городе возросла. Евреи, жители Нижнего города, начали собираться в больших зданиях. Арабы их атаковали, евреи защищались. Спустя некоторое время женщины и дети были переведены в центральный еврейский квартал Хадар ха-Кармел, а мужчины остались охранять дома и имущество.

К вечеру неподалеку от центрального полицейского участка вновь состоялась демонстрация арабов. Часть демонстрантов пыталась проникнуть в квартал Хадар через переулки, но и там наткнулась на еврейскую самооборону и полицию.

В понедельник утром беспорядки достигли высшей точки; толпы арабов атаковали Хадар ха-Кармел. Арабские полицейские присоединились к толпе и открыли огонь по еврейским защитникам. В восточной части города евреи-прохожие подвергались нападению, были разграблены еврейские магазины. Десятки людей нашли убежище в центральном полицейском участке, откуда они переправлялись в Хадар под конвоем британских солдат, отряды которых начали прибывать в

Хайфу. В тот же день толпы арабов атаковали и торговый центр города.

Хагана действовала в тот день энергично. Слухи об автомашинах с евреями, которые стреляли в толпу погромщиков, внесли панику в ряды арабов. Одна такая автомашина была остановлена полицейским патрулем и 7 ее пассажиров арестованы.

В тот же день в городе был введен комендантский час. В среду в Хайфском порту появилось британское военное судно; 400 моряков спустились на берег и заняли позиции в различных районах города. Моряки, проинструктированные арабскими полицейскими, начали с ареста защитников элеватора. В здании Больших мельниц нашли убежище около 30 мужчин и 50 женщин и детей. Арабы осаждали их в течение четырех дней, уничтожив дома и имущество беженцев, а затем явились в полицию с жалобой на стреляющих в них евреев... Солдаты провели на мельницах обыск и нашли несколько пистолетов. Их владельцы были арестованы и в течение четырех недель содержались в тюрьме.

Беспорядки прекратились после того, как армия и моряки установили наблюдение над порядком в Нижнем городе.

Погром в Цфате

Во вторник, на пятый день беспорядков, казалось, что власти сосредоточили достаточно сил, чтобы суметь поддержать порядок в стране. Поэтому еврейский ишув был потрясен известием о кровавом погроме в Цфате, который произошел в четверг вечером, 29 августа 1929 года.

В городе проживало около 3 тысяч евреев. М-

лодежь покидала Цфат, не видя в нем перспектив на будущее. Большая часть евреев Цфата занималась торговлей или существовала на средства от "халукки". Арабское население города насчитывало около 10 тысяч человек.

В субботу до Цфата дошли слухи о происходящем в Иерусалиме. Арабы объявили трехдневную забастовку. По совету начальника местной британской полиции Фарадея евреи также закрыли свои магазины. В распоряжении Фарадея, который отвечал за порядок во всем районе Цфата и Тверии, было всего 15 арабских и 9 британских полицейских. Он был вынужден также отрядить патрули в поселения Верхней Галилеи. Его просьбы о помощи, направленные центральным властям, не были удовлетворены.

В четверг, 29 августа, забастовка закончилась, и в городе распространились слухи о том, что в Цфат прибудет армейское подразделение. По всей стране беспорядки уже прекратились, но арабские националисты в Цфате не хотели отставать от своих соплеменников. После провокационных выступлений, в пятом часу вечера в еврейский квартал ворвалась толпа погромщиков. Один из ее главарей – Фуад Хиджази, девятнадцатилетний чиновник отдела здравоохранения, торопил свою банду завершить резню евреев до прихода в город британских войск. Он носился между погромщиками с пистолетом в руке и призывал их: "Входите и убивайте, а нет – я убью вас". Вооруженные палками и ножами, арабы врывались в дома, резали и убивали всех, кто попадался под руку. Еврейский квартал был подожжен с разных сторон, и ветер раздул сильный пожар. Нападение продолжалось минут двадцать, пока полиция не пришла в себя и не остановила толпу. Фарадей собственноручно убил двух громил. 15 убитых евреев и 80 раненых были отправлены в больницу "Хадаса". Еще три человека умерли от ран. Большинство убитых были женщины и старики, уроженцы Цфа-

та, которые лично знали убийц и молили их о пощаде.

В тот же вечер арабские крестьяне, жители соседних деревень, уничтожили небольшое поселение Эйн-Зейтим, расположенное неподалеку от Цфата. Трои жителей этого поселения были убиты, остальные бежали в Цфат.

Вечером в город прибыли 10 автомашин с солдатами. По приказу военного коменданта все евреи города были собраны во дворе резиденции властей. Власти не позаботились даже о снабжении их водой и пищей. Армия получила приказ стрелять только в воздух. Погромщики скоро это раскусили и продолжали свое подлое дело. Мертвые несколько дней оставались на улицах.

29 августа Верховный комиссар Ченслер вернулся из отпуска и спустя несколько дней опубликовал меморандум, в котором выразил возмущение "жестокими действиями банд кровожадных и злобных преступников, дикими насилиями, которым подверглось беззащитное еврейское население".

Хагана в дни беспорядков

Кровавые беспорядки 1929 года оказались поворотным пунктом в истории Хаганы. Они вывели организацию из относительного спокойствия, в котором она пребывала. Уроки этих беспорядков послужили основой для разработки планов Хаганы на будущее. Начнем наш обзор с Иерусалима.

Летом 1929 года командование Хаганы в Иерусалиме было передано командиру тель-авивского филиала. В середине августа Авраам Икар провел на горе Машхит смотр сил Хаганы, в котором приняло участие около 250 человек.

С начала августа каждый вечер бойцы отправлялись на охрану опасных мест, главным образом, в Старом городе, а по утрам приступали к своей обычной работе. На наблюдательных постах оставались лишь 2–3 человека. Неделя, на которую приходился день девятого Ава, была объявлена неделей полной мобилизации, и Хагана взяла на себя охрану порядка во время традиционного шествия евреев Иерусалима к площади перед Стеной Плача в день поста.

Командир Хаганы Иосеф Гехт прибыл в Иерусалим и принял командование обороной города. В четверг, накануне начала беспорядков, руководители Хаганы – Иосеф Гехт, Ицхак Бен-Цви и Рахель Янайт – находились в здании Еврейского совета Иерусалима. Они посетили пункты Хаганы и поднимали боевой дух защитников, находящихся на постах. В Совете города и в школе "Лемель" была сконцентрирована "летучая группа" в задачи которой входила и срочная отправка подкреплений в места наибольшей опасности. Основные силы Хаганы, как обычно, были сосредоточены в Старом городе. Туда направились Авраам Икар и Иосеф Рохел (Авидар) с 50 бойцами, вооруженными новейшим оружием. С ними были также несколько женщин – одна или две на каждый пост. Бойцы распределились по шести постам. Командование группы находилось в Талмуд-Торе* Шаарей шамаим ("Врата небес"). Границы еврейского квартала охраняли патрули. Один из членов организации, Хаим Аарон Кохен, выходец из Ирана, восемнадцатилетний юноша, свободно владевший арабским, ежедневно, переодевшись арабом, отправлялся во двор мечети Омара, наблюдая за происходящим и прислушиваясь к разговорам.

Посты в Новом городе были малочисленными, и оружия было немного. В таком квартале, как Ромема, который был расположен против арабской деревни Лифта и господствовал над главной дорогой, ведущей

* Талмуд-Тора – начальная религиозная школа.

в Тель-Авив, находилось всего 5 защитников, вооруженных только пистолетами. Трое из них были новичками, лишь за неделю до событий вступившими в организацию и не видевшими до этого пистолета в глаза. Моше Левин, назначенный командиром обороны кварталов Талпиот, Мекор-Хаим и их окрестностей, отправился на задание с пятью товарищами, пятью пистолетами и гранатой. В Моцу были посланы четыре человека. По прибытии на место члены организации старались выяснить, кто из жителей имеет оружие и умеет им пользоваться, а затем попытались создать самооборону из жителей кварталов.

Еврейский квартал Старого города в дни беспорядков почти не пострадал. Попытки небольших групп погромщиков прорваться в него через Сионские ворота были отбиты выстрелами из пистолетов. Жители еврейского квартала тепло приняли своих защитников, выполняли их приказы и помогали доставлять оружие в минуты необходимости.

Толпа, вышедшая в пятницу из мечети, прошла мимо еврейского квартала и направилась к Новому городу. В то же время часть арабов напала на квартал Иемин-Моше, расположенный против стен Старого города. В этом квартале с самого утра находился Шмуэль Топорик (Тавори) и с ним 5 бойцов Хаганы. В их распоряжении было 6 пистолетов, 3 самодельных гранаты, 2 гранаты марки Миллса и 500 патронов.

Когда первые погромщики достигли домов квартала и начали стучать в двери, сопровождая удары криками и стрельбой, Топорик бросил в них гранату Миллса, и толпа отступила. Другая атака с южной стороны квартала была отбита после нескольких выстрелов. На место немедленно прибыла полиция для проведения среди евреев обыска. Оружие было спрятано в кроватях и среди детских игрушек. Когда полицейские ушли, защитники вернулись на свои посты. Во время третьей атаки на место прибыл отряд "летучей группы", который разогнал нападавших выстрелами и гранатами. К вечеру, когда в квартал прибыли новые

группы защитников, жители квартала принесли на посты субботнюю еду, а некоторые присоединились к членам Хаганы и помогали им нести сторожевую службу и поддерживать связь между постами. Суббота и следующие дни прошли спокойно.

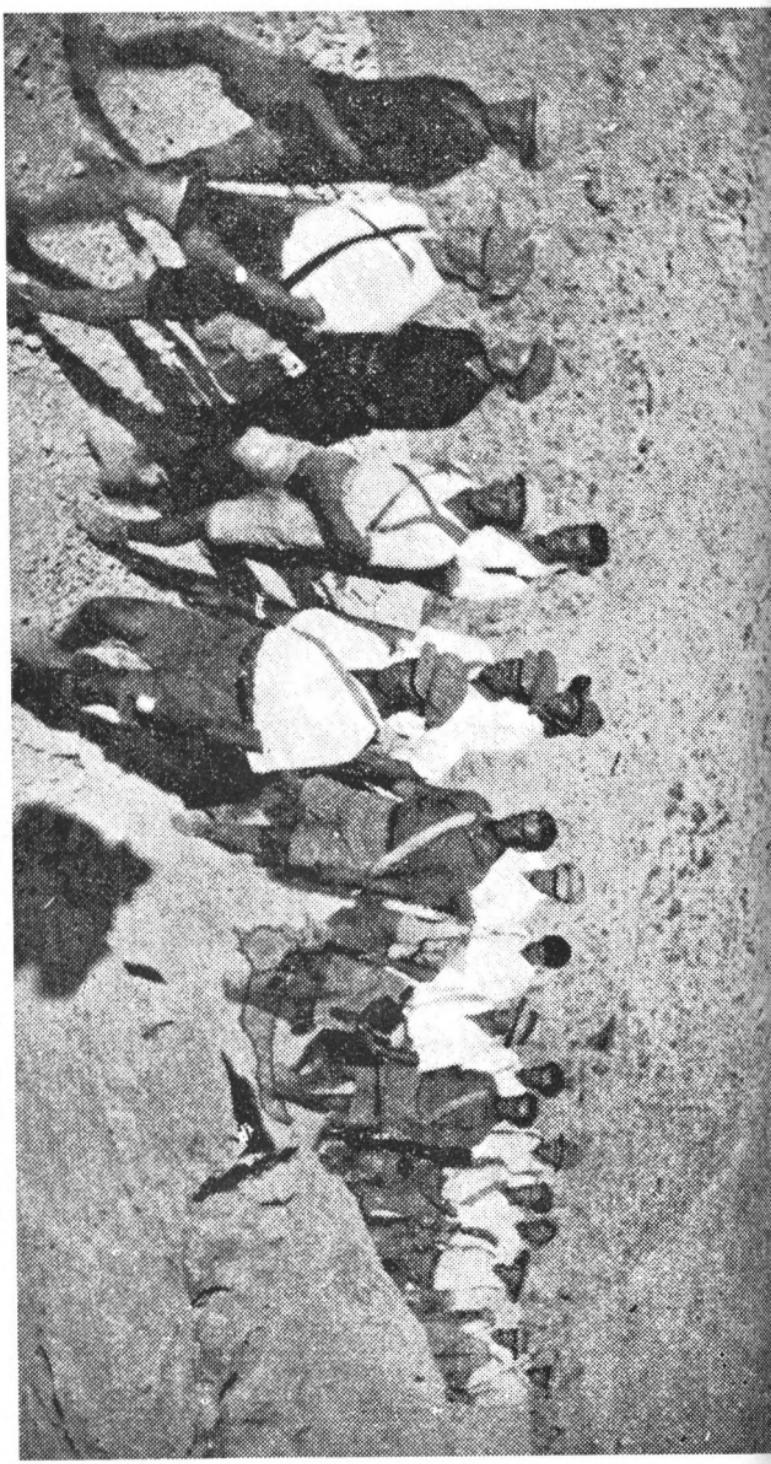
Наиболее серьезная попытка прорваться в Новый город была осуществлена в пятницу в районе Меа Шеарим. Туда прибыла дикая, жаждущая крови, толпа. Небольшие силы полиции, вооруженные дубинками, не смогли удержать ее. Сообщение о создавшемся положении было передано в Совет города. В квартал была немедленно отправлена машина с пятью членами "летучей группы". Они прибыли в район итальянского госпиталя в момент, когда толпа прорвала цепь полицейских и собиралась ворваться в еврейский квартал. Бойцы открыли огонь по толпе и бросили 3 гранаты. Два араба были убиты на месте. Толпа в панике отступила, а защитники укрылись в одном из переулков для того, чтобы перезарядить оружие. Нападение возобновилось с еще большей силой. На сей раз во главе толпы были верховые арабские полицейские. Члены Хаганы открыли огонь. Арабские полицейские тут же исчезли, несколько арабов было ранено, и толпа вновь бежала. Лишь тогда на место происшествия прибыли британские и арабские полицейские, которые, в свою очередь, намеревались атаковать защитников квартала. Однако те успели скрыться в еврейских домах.

После этого арабы решили излить свою злобу на немногом квартале возле Дамасских ворот, который со всех сторон был окружен арабскими домами. Неподалеку от квартала, в Пастеровском институте, находились 5 защитников, имевших при себе 4 пистолета и 2 гранаты. Когда командир этой группы увидел, что арабы напали на квартал и его жители защищаются палками и камнями, он приказал своим подчиненным ждать подкрепления. Бойцы не подчинились приказу и отправились на помочь жителям квартала. Командир не пошел с ними. По прибытии на место они нашли немногих убитых и раненых. Бойцы вместе с группой

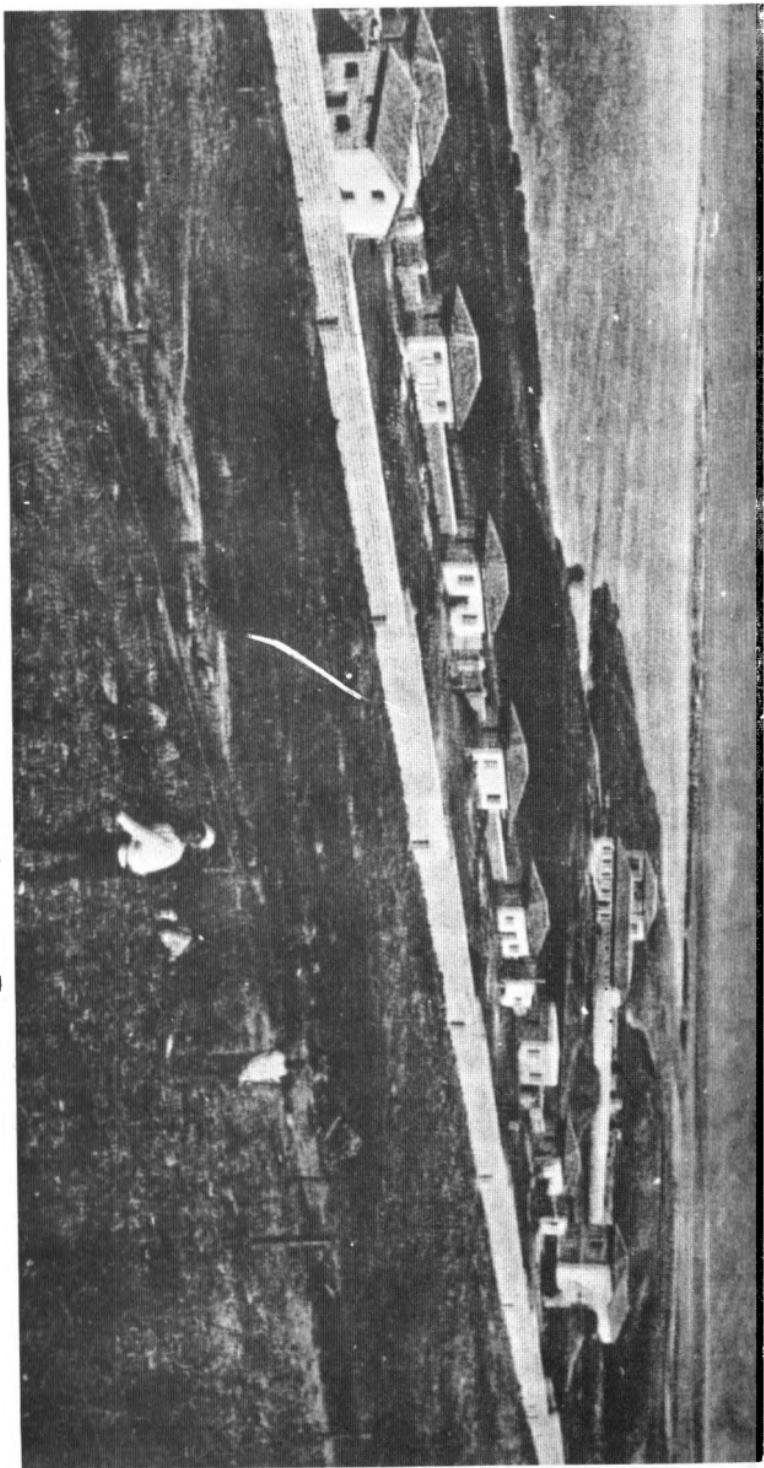
Члены Рабочего батальона при защите Петах-Тиквы (1921).

Экскурсия командиров Хаганы в Иудейской пустыне в двадцатых годах.

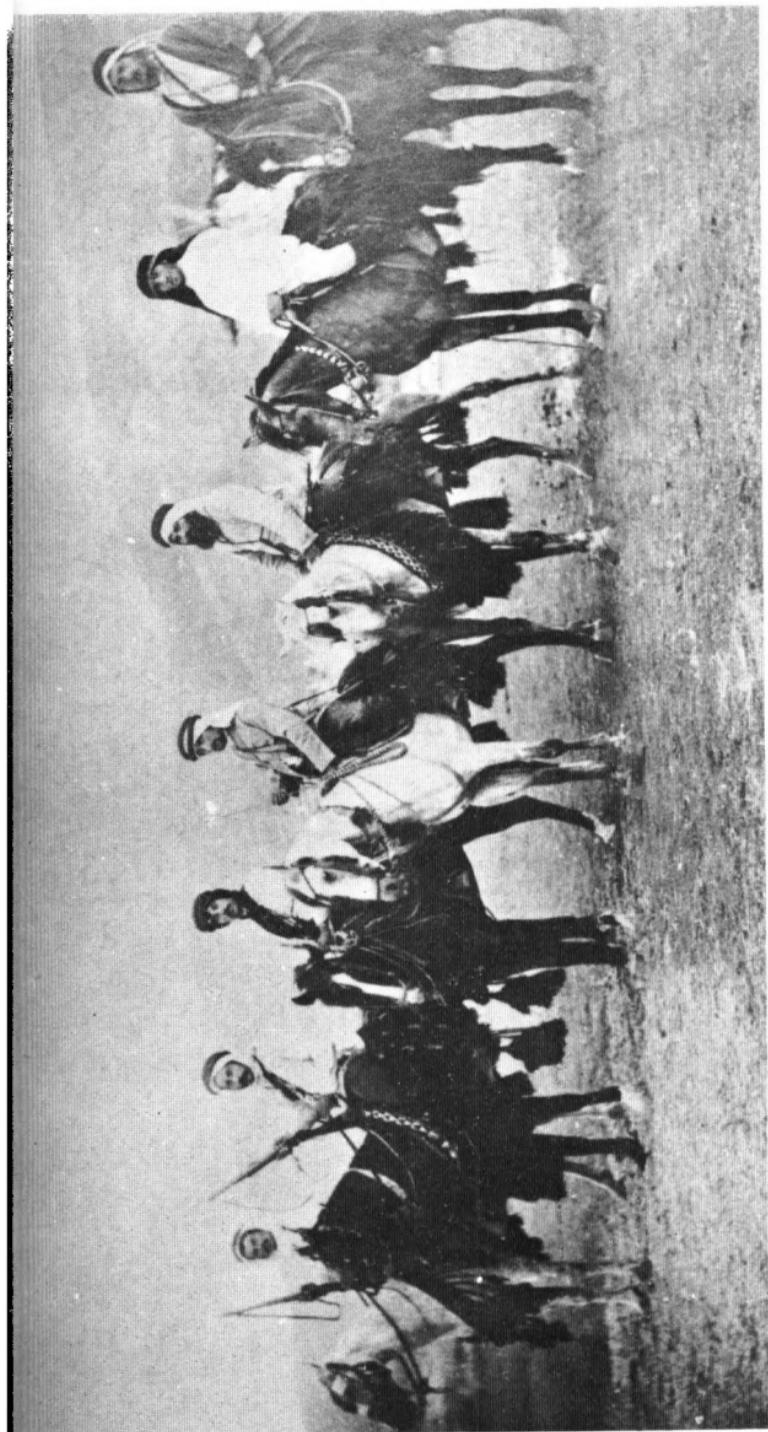

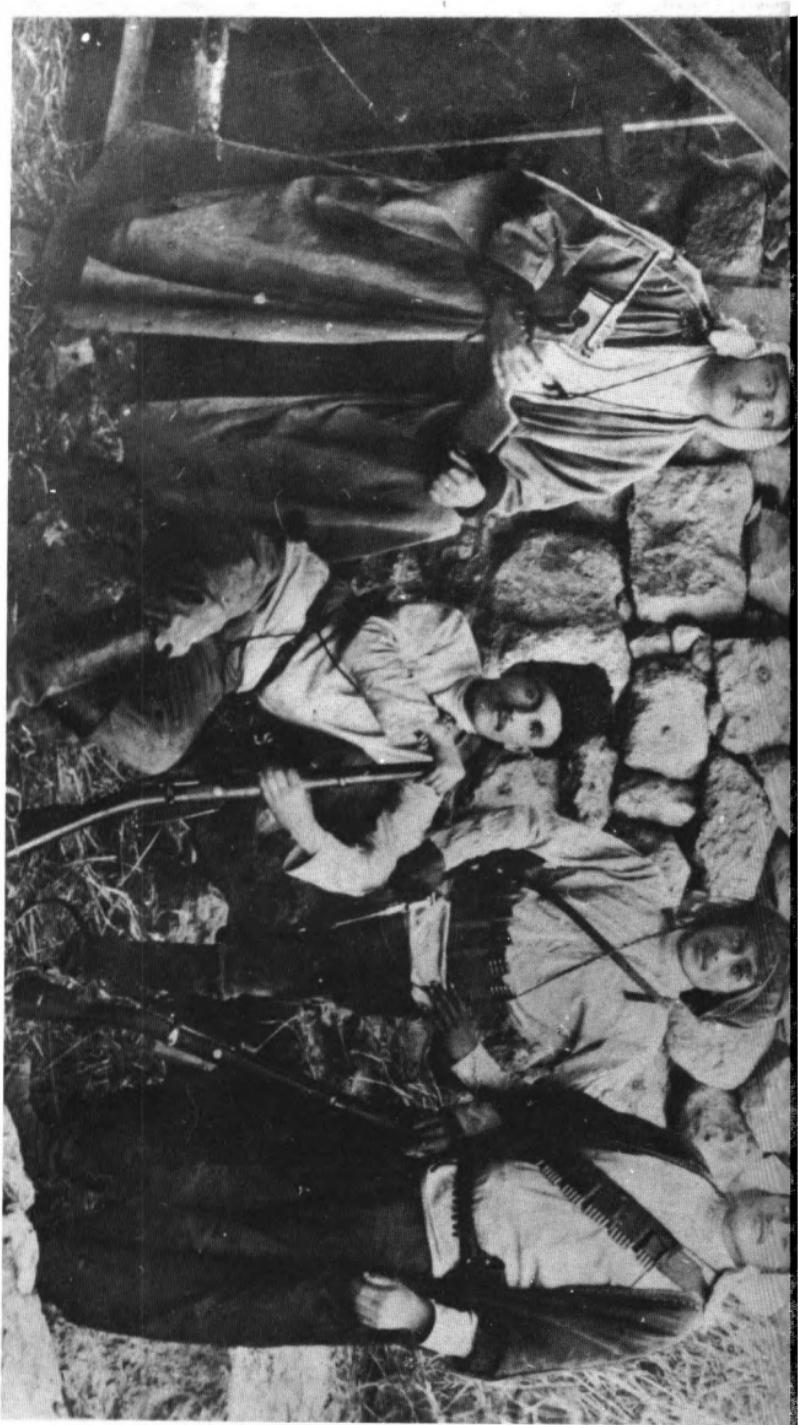
Авраам Шапира, глава шомрим в Петах-Тикве.

Моисава, окруженная оградой. Кинерет. Галилея.

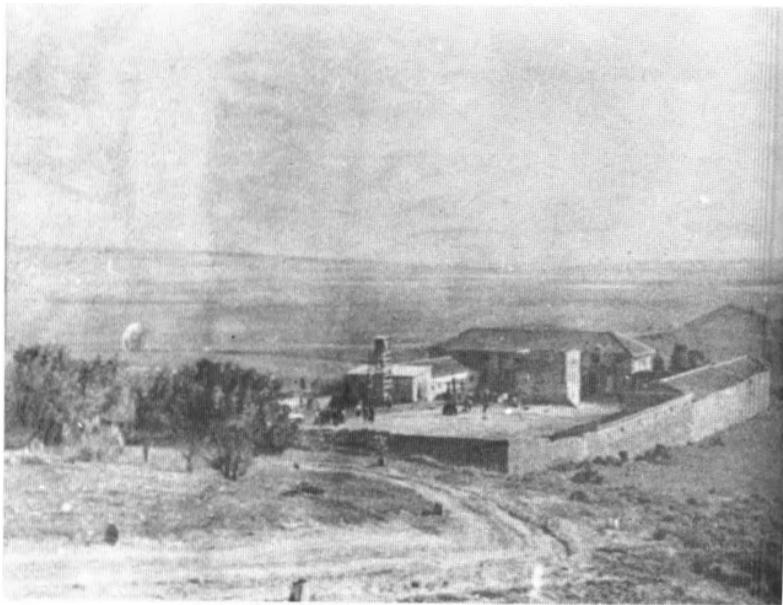
Всадники-шомрим в Галилее.

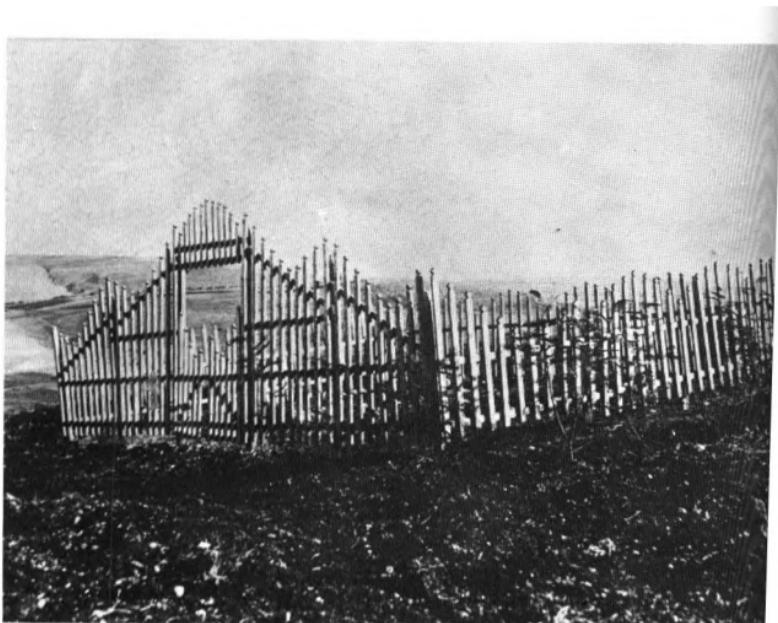
Вооруженная группа стражей (шомоним).

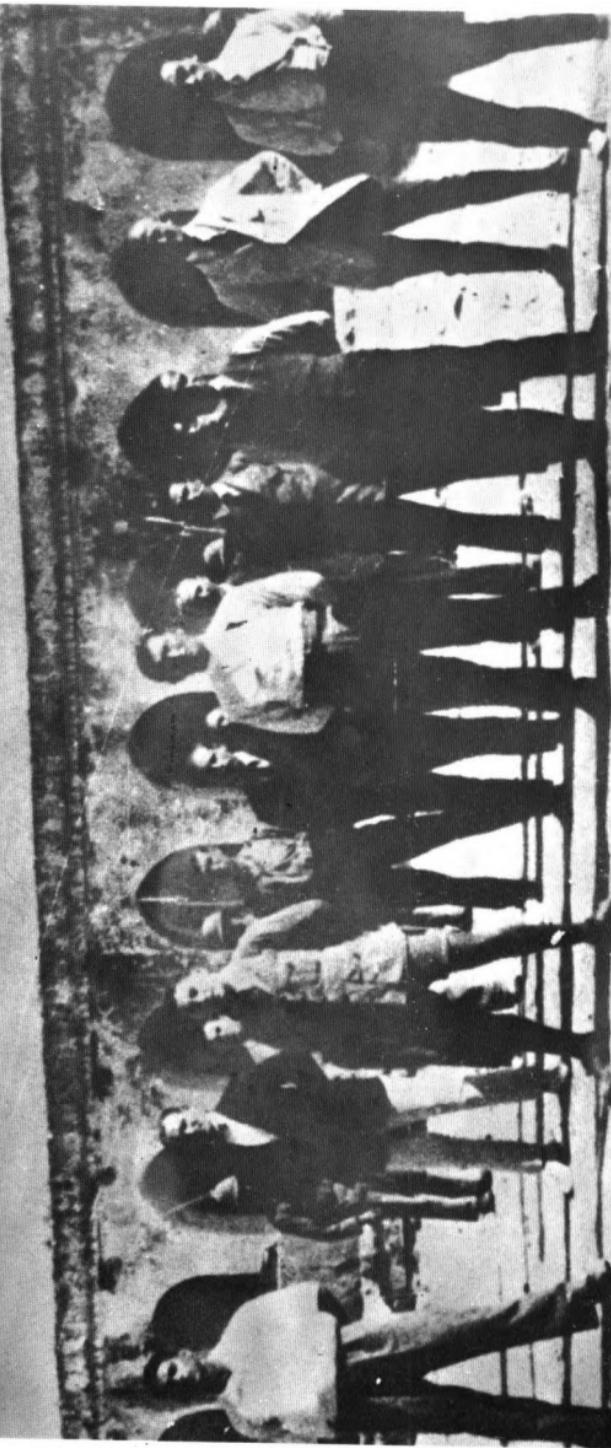
Х. Вейцман вручает знамя добровольцам в Еврейский полк.

Тель-Хай (1920).

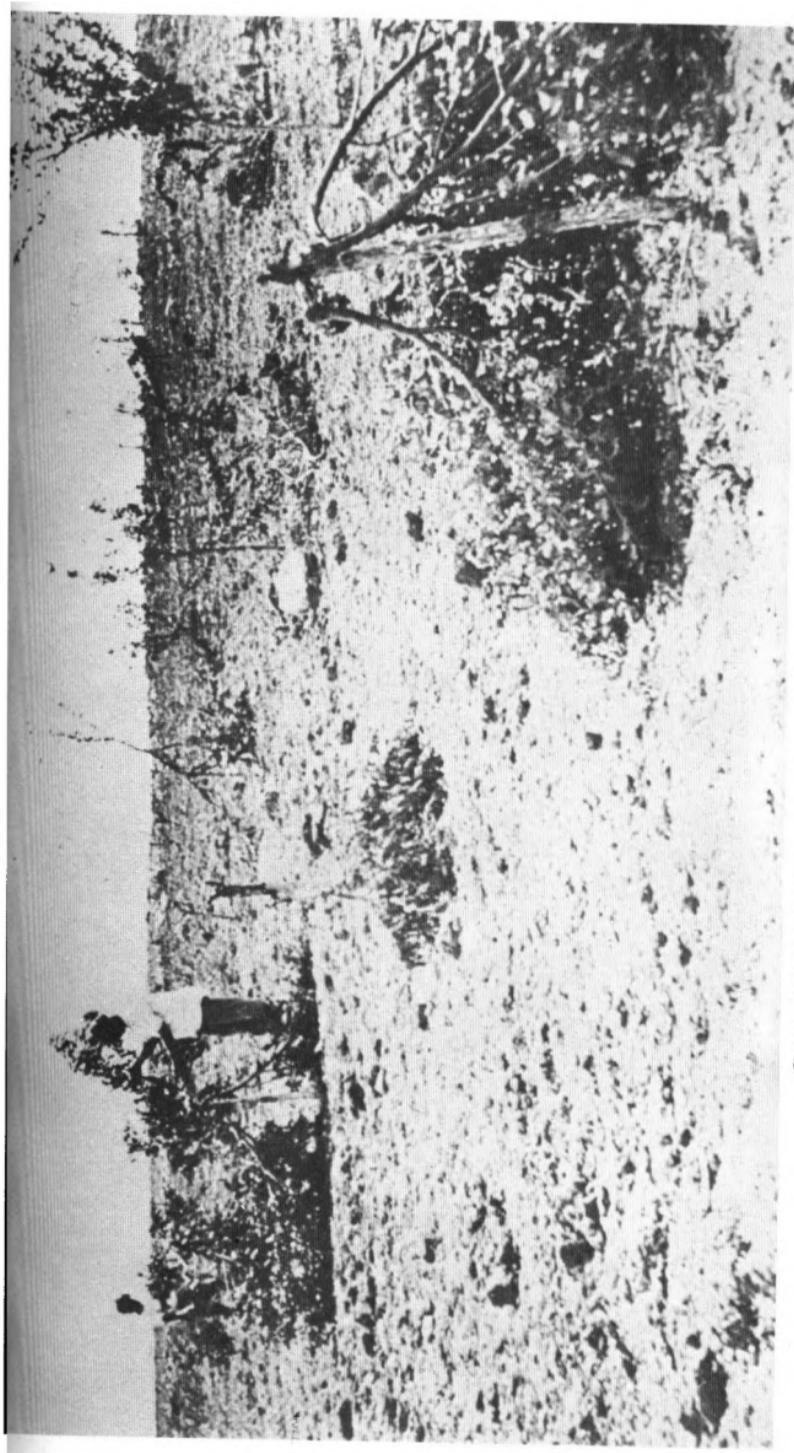
Временная братская могила павших в Тель-Хае.

Жаботинский и его сподвижники – арестованные члены Хаганы в Акко.

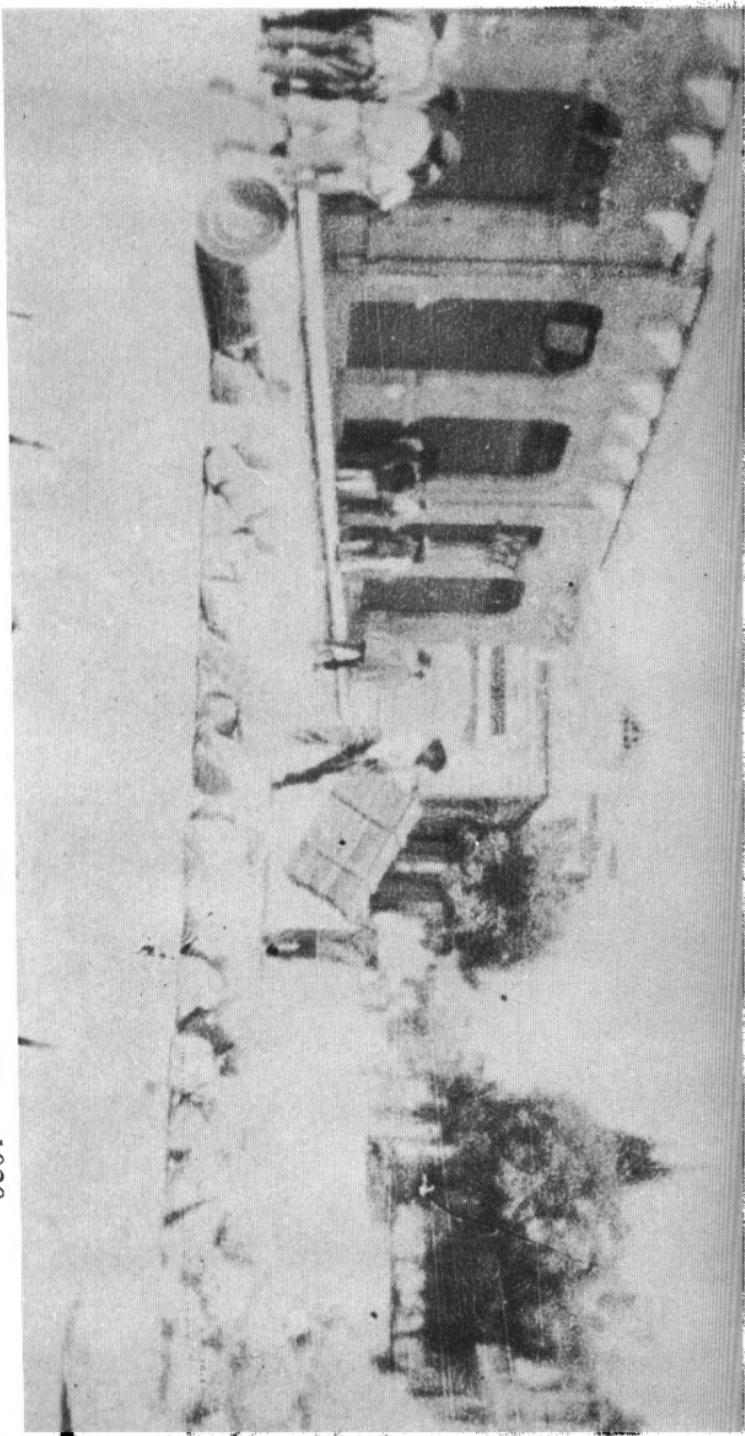

Здание Тель-Авивского городского комитета.
Штаб Хаганы (май 1921).

Срезанные деревья в Рамат-Рахель, август 1929.

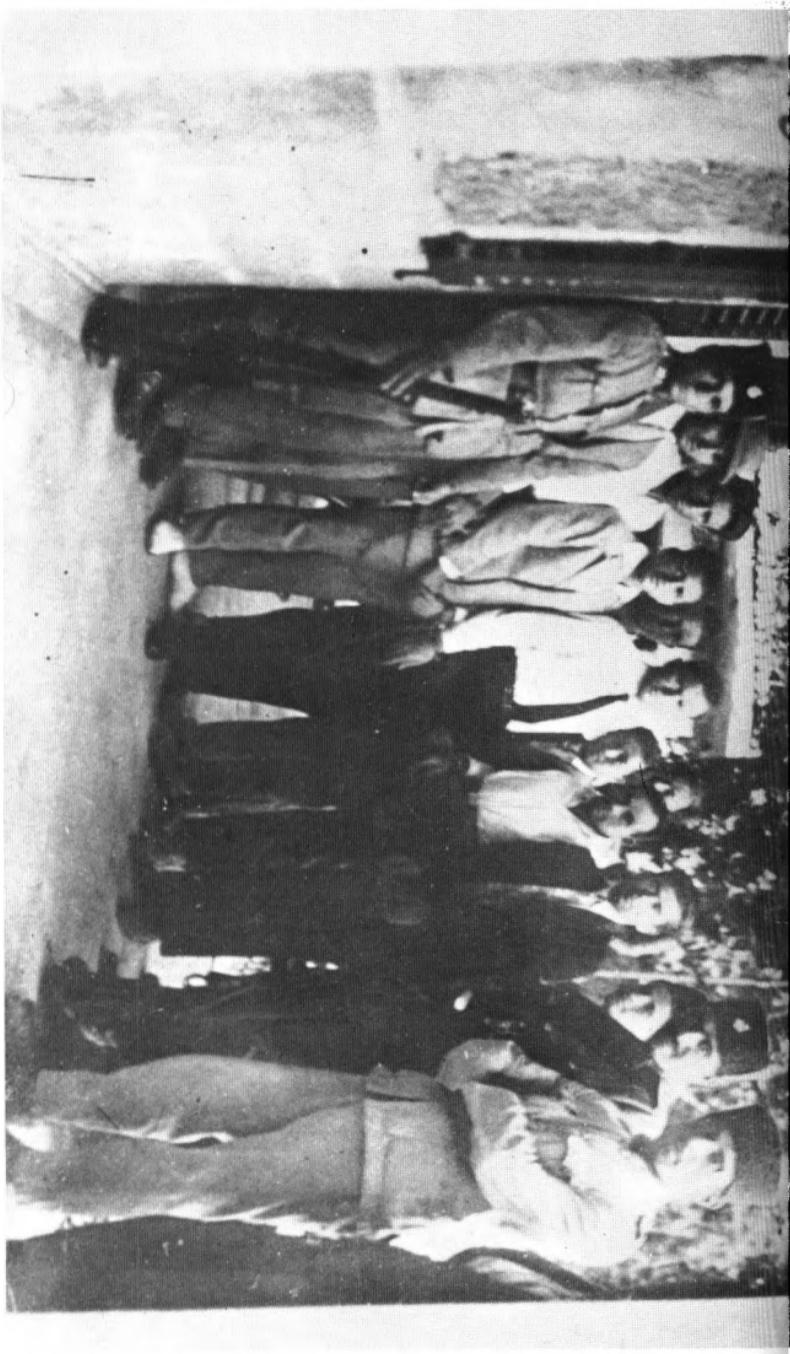
Сооружение баррикад на одной из улиц Иерусалима, август 1929.

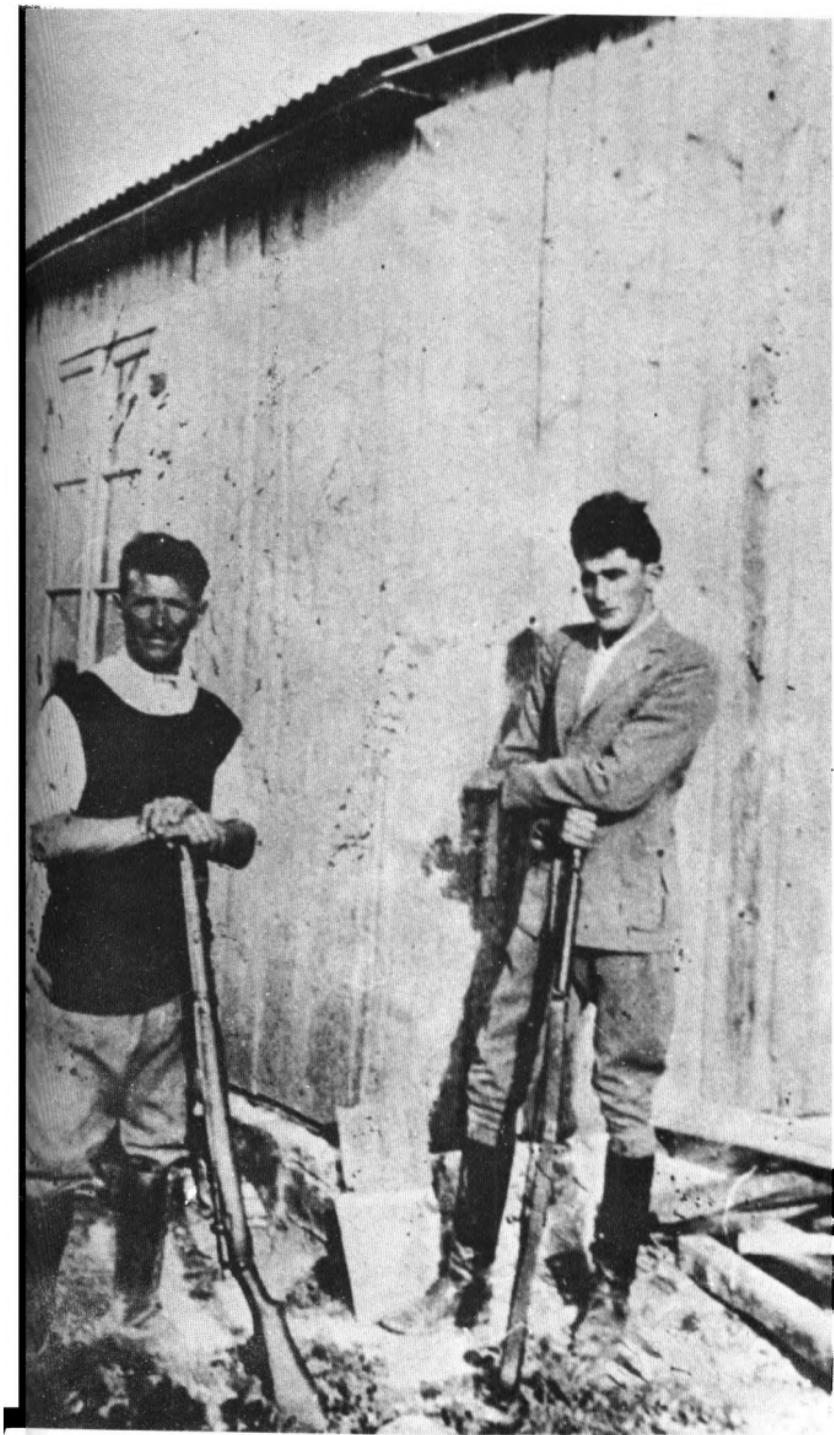

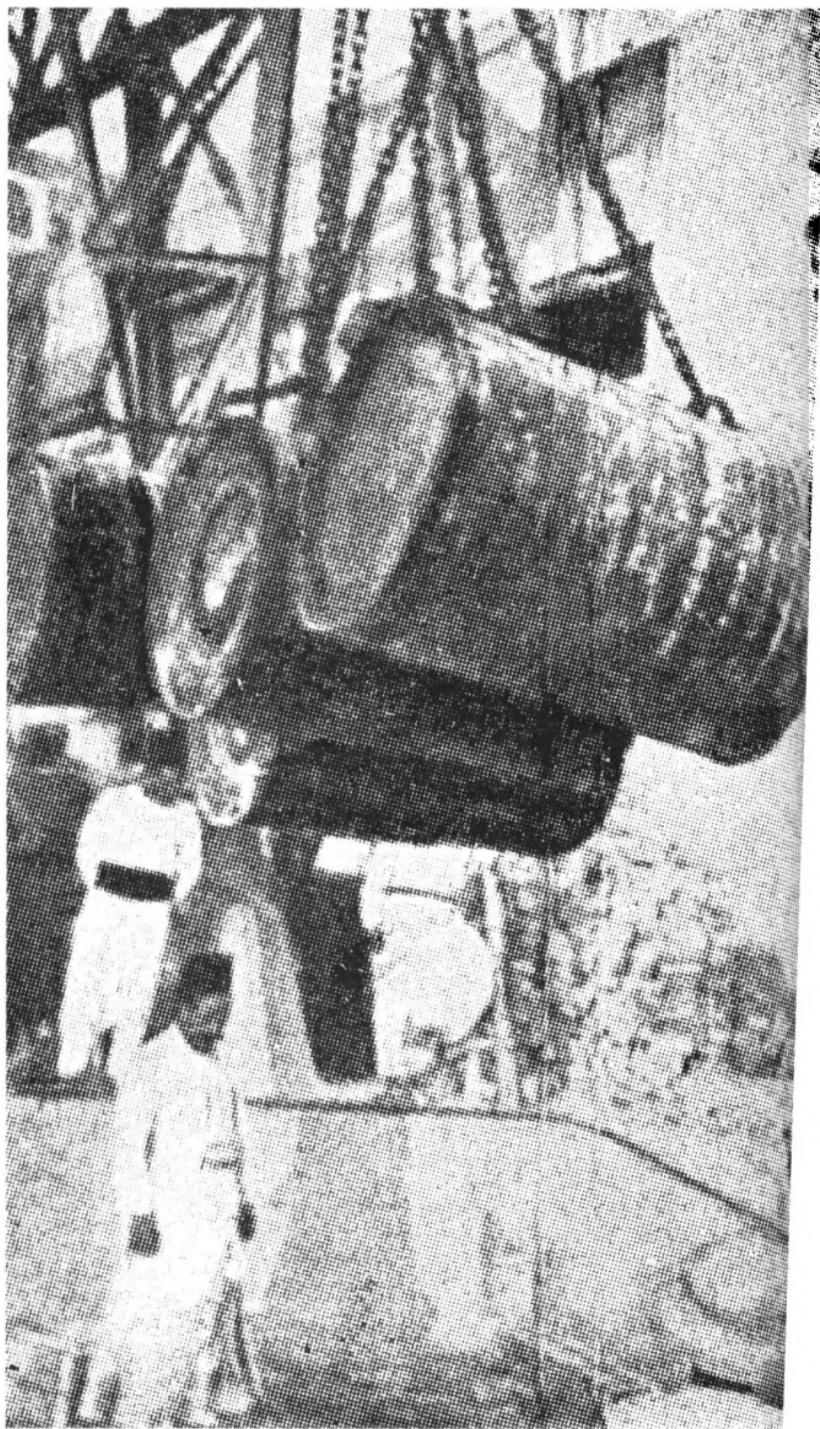
Тель-Авив, август 1929: раздача дубинок специальным полицейским.

Хайфа, август 1929: арестованные члены Хаганы по дороге в суд.

На страже в Шейх-Абреk (Александр Зайд и Иона Расин).

*Разгрузка бочек с цементом и спрятанным
в них оружием. Яффский порт.*

молодых жителей квартала заняли посты. В Совет города был направлен гонец с просьбой о подкреплении. К вечеру в квартал прибыли еще 9 человек. На рассвете арабы вновь атаковали двор квартала. Первый же араб, который прорвался внутрь, был застрелен, остальные разбежались. Через несколько часов на место явилась британская полиция и арестовала двух членов Хаганы за стрельбу. На следующий день полиция вывезла всех жителей квартала в еврейскую часть города. Однако бойцы Хаганы оставались на местах для охраны имущества эвакуированных, продолжая вести перестрелку с арабами, которые пытались прорваться к еврейским домам и разграбить их. В конце концов британская полиция решила "очистить" район. На место прибыли крупные полицейские силы, после чего защитники квартала вернулись в город.

Командование Хаганы начало готовиться к обороне Нового города. Общее число бойцов в Новом городе не достигало и 100 человек. Многие из членов Хаганы носили нарукавные повязки "специальной полиции", по большей части подложные. Но это давало им возможность выходить на операции и в ночное время, когда действовал комендантский час. Раввин А. И. Кук разрешил для обороны города ездить и по субботам. В ближайшую субботу 15 бойцов были выведены из Старого города и направлены на посты в отдаленные и окраинные кварталы Иерусалима.

Иосеф Гехт проявил в эти трудные часы хладнокровие, самообладание, смелость и большие способности к быстрым решениям. В первый день беспорядков поступило телефонное сообщение о том, что толпа, задержанная полицией возле Яффских ворот, пытается прорваться в город через улицу Короля Георга. Гехт и несколько бойцов отправились на автомашине к месту событий. Доехав до района "Терра Санта", они издали увидели, что по направлению к еврейским кварталам движется толпа арабов; они шли туда после неудачных попыток прорваться в Иемин-Моше. Гехт и его товарищи бросили в толпу несколько само-

дедыных бомб и обстреляли ее из пистолетов. Толпа, решившая, по-видимому, что перед ней крупные еврейские силы, отступила.

Когда нападения арабов на Иерусалим участились, Гехт направил в Тель-Авив просьбу прислать единственный, находившийся в распоряжении тель-авивского отделения, пулемет. На следующий день бойцы из Тель-Авива отправились в Иерусалим на автомашине, груженной перевязочным материалом, среди которого был спрятан пулемет. Автомашина прибыла в Иерусалим в субботу во второй половине дня. Авраам Икар – единственный, кто умел пользоваться пулеметом, был отзван из Старого города. Пулемет спрятали в одном из гаражей в Рехавии и время от времени посыпали в один из окраинных кварталов на помощь защитникам. Психологический эффект появления в различных районах города автомашины с пулеметом был огромен. Значительную часть усилий полиция посвятила поискам таинственного автомобиля с пулеметом, вид которого повергал в ужас толпу арабских погромщиков.

Чтобы дополнить картину, расскажем и о нескольких операциях Хаганы в окраинных районах Иерусалима.

Квартал Санхедрия в северной части города стал объектом нападения в ночь на субботу, когда начались беспорядки. На посту в квартале в течение двух недель находилась группа из пяти парней и девушки. Командиром группы был Авраам Богушевский (Ярдени). Группа была вооружена пистолетами и имела также одну ручную гранату. Кроме того, в квартале находилось подразделение арабских полицейских, от которого членам Хаганы приходилось скрываться. В пятницу во второй половине дня арабы – жители деревни Лифта пытались прорваться в квартал. Защитники отогнали их стрельбой из пистолетов. К вечеру в Санхедрии прибыло подкрепление, и число защитников достигло 30 человек. Жители квартала также приняли участия в обороне, однако их невозможно было использовать должным образом из-за недостатка оружия. Защитни-

ки квартала отрыли траншеи и обложили их камнями и жестянками с песком.

С девяти вечера и до полуночи арабы вели сильный огонь по кварталу. Наутро огонь усилился, и около 100 арабов, вооруженные винтовками и ведущие непрерывный огонь, приблизились к кварталу цепью. В то же время снайперы противника вели прицельный огонь, и никто не мог показаться на улицах. Однако ответный огонь защитников не дал арабам приблизиться. Еще до полудня атака прекратилась.

В тот же день на место прибыли дополнительные наряды полиции под командованием двух сержантов — евреев. Они поддерживали связь с членами Хаганы, однако им постоянно приходилось наблюдать за действиями арабских полицейских, чтобы последние не выступили против евреев. Ночью арабская атака, сопровождаемая обычными воинственными криками, возобновилась. Перестрелка продолжалась до полуночи, и арабы, по-видимому, отказались от попыток прорваться в Санхедрию, а через нее в густонаселенный Бухарский квартал. С этого момента велась лишь редкая стрельба. В среду ночью усталых защитников и полицейских сменили 7 британских солдат с пулеметом.

Зашита западных кварталов города — Гиват-Шаул, Кирьят-Моше, Бейт ха-Керем и Байт ва-Ган — была возложена на группу в составе 5 человек во главе с Яаковом Шлитиным. Каждому был выдан пистолет и 25 патронов. Ячейка Хаганы имелась только в Бейт ха-Керем. В пятницу во второй половине дня наблюдали, расположившиеся на крыше учительской семинарии в Бейт ха-Керем, сообщили, что арабская толпа вышла из деревни Дир-Ясин и направляется к Гиват-Шаул. Командир группы остановил автобус, шедший из Байт ва-Ган, высадил пассажиров и заставил водителя отвезти бойцов в направлении Гиват-Шаул. Здесь бойцы заняли позиции за каменными оградами и открыли огонь по приближающимся арабам, которые отступили в направлении Иемин-Моше. Члены группы

остались в Гиват-Шаул. К вечеру к ним присоединились трое полицейских — евреев, которые подчинились командованию Шлита. Группа разделилась на две и повела ответный огонь по противнику, пытавшемуся прорваться в квартал.

В здании учительской семинарии были собраны женщины и дети из квартала Бейт ха-Керем и Байт ва-Ган. Последний был почти полностью оставлен. К вечеру в квартал прибыли 10 полицейских, большей частью евреи, которые укрепились в зданиях, расположенных поблизости от шоссе. Остальные дома были разграблены феллахами из соседних деревень (Эйн-Карем, Малха и Валаджа), некоторые дома подожжены. Двое защитников квартала и один еврейский полицейский погибли во время перестрелки.

Наутро атаки на Гиват-Шаул возобновились. На сей раз члены Хаганы действовали вместе с группой "специальной полиции", состоявшей, в основном, из оxfordских студентов. В перестрелке командир англичан А. Бест был убит, когда он пытался вынести из-под огня одного из раненых студентов. После этого на место прибыл полицейский патруль, открывший пулеметный огонь по деревням Дир-Ясин и Лифта. Огонь арабов прекратился. В самые критические моменты Гиват-Шаул был спасен благодаря малочисленной и плохо вооруженной группе самообороны.

Тяжелые испытания выпали в пятницу и субботу на долю южных кварталов Иерусалима. Во второй половине дня в пятницу небольшая учебная ферма, расположенная неподалеку от Талпиота, была оставлена, и арабы разрушили и разграбили ее. В тот же час началось нападение на лагерь Рабочего батальона в Рамат-Рахель, где в то время имелось лишь одно одноэтажное здание и несколько деревянных бараков, окруженных плодовыми деревьями. Оружейный склад роты остался после раскола батальона в распоряжении "левых". У защитников Рамат-Рахель имелось одно ружье армейского образца, одно охотничье ружье, ручная граната и несколько пистолетов. Член поселения Имману-

эль Бар-Хаим был послан к начальнику иерусалимской полиции с требованием предоставить оружие для защиты поселения. В этом ему было отказано. Ночью нападение возобновилось, и 15 защитников поселения отбивались до тех пор, пока не кончились патроны. После этого они ушли в Талпиот и присоединились к его защитникам. Наутро арабы ворвались в Рамат-Рахель и разрушили поселение до основания.

От имени командования Хаганы в южные кварталы Иерусалима был направлен М. Левин с шестью бойцами. Наиболее опасным местом считался квартал Мекор-Хаим, находившийся против арабской деревни Бейт-Цафафа. Из этой деревни атака осуществлялась организованно, нападающие двигались цепью с винтовками наперевес. Они продвигались в военном порядке, в то время, как снайперы, засевшие на расположенных сзади позициях, вели прицельный огонь по домам квартала. Две такие организованные атаки были отбиты в течение пятницы. В субботу утром в Мекор-Хаим прибыли 5 "оксфордцев". В десятом часу сотни арабов окружили квартал и открыли по нему огонь, сопровождая это дикими воинственными криками. Защитникам пришлось отступить к синагоге квартала; за ней находилось укрытие, где были женщины и дети. Им удалось продержаться в течение часа, пока не прибыли бронемашины британской армии, разогнавшие арабов огнем пулеметов. К концу дня англичане ушли, выведя из квартала всех женщин и детей. В Мекор-Хаиме остались лишь 17 боеспособных мужчин. Затем и они покинули Мекор-Хаим и присоединились к защитникам Талпиота. Арабы, не знаяшие о том, что квартал брошен, даже не попытались ворваться в него ночью, а утром вновь прибыла бронемашина британской армии и квартал был спасен от разрушения.

Нападение на Талпиот началось в пятницу, после того, как погромщики завершили разрушение учебной фермы. Жители квартала оставили несколько крайних домов, и арабы приступили к грабежу. Как обычно, это задержало их дальнейшее продвижение. Время от

времени появлялась полицейская бронемашина, обстреливала нападающих и отправлялась в другие районы города. Приход защитников Мекор-Хаим поднял дух обороняющихся. Но по мере сокращения запаса патронов положение ухудшалось. В два часа ночи командир группы позвонил в Совет города и получил приказ "не покидать места, воевать до последнего патрона, помочь придет". И действительно, через час прибыли 4 машины с 20 бойцами, вооруженными пистолетами и 20 гранатами Миллса. Но главной ударной силой подкрепления была автомашина Авраама Икара с присланным из Тель-Авива пулеметом. В этот же час на место прибыли наряды полиции и армии, так что Хагана не смогла применить свое оружие. Армия решила эвакуировать квартал. Члены Хаганы хотели остаться и охранять покинутые дома, однако, командир военного отряда потребовал, чтобы они отправились с ним в качестве военнопленных на следствие. При въезде на улицу Короля Георга автомашины Хаганы сумели оторваться от колонны и вернуться на свою базу при Совете города.

Спустя неделю после кровавых событий евреи Иерусалима могли сделать первые выводы. В конечном итоге беспорядки были подавлены полицией и армией, ибо нескольких сот организованных членов Хаганы было недостаточно для обороны города. И оружия было catastrofically мало. Несмотря на это, каждый житель Иерусалима знал, что, если бы не усилия членов Хаганы и их мужество, трагедия Хеврона и Цфата разыгралась бы в еще больших масштабах в Старом городе, Меа Шеарим и окраинных кварталах, и арабская толпа громил победоносно прошла бы по улицам города. Британская армия, которая через день-два взяла бы Иерусалим под свой контроль, нашла бы в нем сотни убитых, тысячи раненых, десятки тысяч беженцев, скрывающихся о смерти своих близких в то время, как их дома были бы окутаны дымом пожарищ. Еще более серьезными были бы политические последствия такого погрома. Британские власти могли бы потребовать

под предлогом защиты человеческих жизней, полной капитуляции сионистского движения или его согласия на уступки и ограничения.

* * *

Немедленно после поступления известий о беспорядках в Иерусалиме все 230 членов тель-авивского филиала "Хаганы" отправились на самый важный участок города — границу с Яффой. Поскольку командир городской организации Авраам Икар находился в Иерусалиме, командование обратилось к Ш. Д. Яффе, который уже несколько лет был вне организации, и попросило его временно стать во главе обороны Тель-Авива.

Самыми опасными участками обороны города были кварталы Геула, Бреннер и Неве-Шалом. Командиром этих участков был назначен Давид Лейбович, который установил штаб в одном из домов на улице Геула. Группы бойцов во главе с командирами собирались в школах и различных домах района. Около 50 человек были рассеяны по постам вдоль границ кварталов. Эти посты не являлись подготовленными оборонительными позициями, то были просто дома и здания, считавшиеся годными для обороны. Основное оружие составляли пистолеты и гранаты, а также винтовка-гранатомет — весьма эффективное оружие при ведении боя в узких улочках и переулках.

Однако с самого начала беспорядков выяснилось, что арабские атаки охватывают весь город. Кварталы Восточной Маккаби, Неве-Шаанан и Шапира подвергались не меньшей опасности, чем Неве-Шалом. Паника охватила жителей северного Тель-Авива, границы которого находились тогда в районе нынешней улицы Бен-Гуриона. Группы защитников были направлены и в эти кварталы, где, как оказалось, имелись и самостоятельные отряды, организовавшиеся вне Хаганы. Важную роль в обороне Тель-Авива сыграли три так называемые "летучие группы", которые были непосредственно подчинены командиру города. Каждая группа

состояла из 12 человек, которые передвигались на грузовиках. В случае необходимости они посыпались на места событий.

Беспорядки в Тель-Авиве не принесли больших масштабов, лишь в одном месте произошло серьезное столкновение, которое было отбито полицией. Только в Неве-Шаломе члены Хаганы столкнулись лицом к лицу с арабами. Было сделано 36 выстрелов, за что командир участка получил порицание, ибо ему предлагалось беречь патроны и использовать гранаты.

За неделю до беспорядков вся организация Хагана в Хайфе была приведена в состояние готовности. В каждом районе города был назначен командир. Местом штаба Хаганы было избрано здание канцелярии общины. Яаков Пат и его заместитель Яаков Достровский (Дори) ночевали в штабе. Защитники города были распределены по постоянным постам, часть которых находилась на границе горы Кармел, часть же в отдаленных кварталах (Неве-Шаанан, Бат-Галим и др.) или в определенных зданиях Нижнего города, таких, как электростанция, элеваторы, фабрика "Шемен" и старый торговый центр.

Неподалеку от командного пункта находилась группа связных, молодых велосипедистов. Основной проблемой был недостаток оружия. Патруль в составе 10 человек имел при себе всего два—три пистолета. На помощь были призваны бывшие члены организации Хашомер, которые находились в Кфар-Гилади. В воскресенье первые вооруженные члены Хашомера прибыли в Хайфу. С этого момента оружие непрерывно начало поступать из Кфар-Гилади и передаваться на склады Хаганы, расположенные в Технионе.

В начале столкновений инициатива была в руках арабов. После того как первые нападения на Кармел были отбиты, арабы стали нападать на одиноких прохожих и грабить их; грабили они также еврейское имущество в Нижнем городе. Командование Хаганы направило группы бойцов в покинутые еврейские кварталы для охраны оставленного там имущества.

Понедельник был самым тяжелым днем для жителей Хайфы. С самого утра началось организованное нападение на Хадар ха-Кармел. Командир города решил провести несколько актов мести, — доказать арабам, что евреи могут причинить им много бед и заставить арабов оттянуть часть сил для защиты собственных районов. Сразу после того, как атака была отбита совместными силами Хаганы и полиции, во дворе Техниона собрались 10 человек, которые были отобраны из большой группы добровольцев. Каждый из них получил новый пистолет и 25 патронов, а также гранаты Миллса. Им было приказано прорваться на автомашине в арабские улочки Нижнего города и везде, где им встретится противник, открывать по нему огонь.

Добровольцы получили автобус, вход в который был сзади; они расселись вдоль обоих бортов машины. Автобус на большой скорости проехал через Бурж к улице Назарета и далее к улице Стентон, время от времени стреляя в собирающиеся толпы. Среди арабов распространился слух о том, что "три машины, полные вооруженных евреев, ездят по городу и стреляют в арабов".

Неподалеку от Вади-Рушмия машина натолкнулась на толпу, вооруженную палками и камнями. Бойцы Хаганы немедленно открыли сильный огонь, а когда опустели магазины пистолетов, в ход были пущены гранаты. Падали убитые и раненые, но прежде, чем банда сумела опомниться, автобус повернул в направлении Хадар ха-Кармел. Полицейские машины устремились в погоню. Члены группы передали оружие двум товарищам, которые сошли с автобуса и бросились в первый попавшийся им на пути барак. Две женщины, обитательницы барака, спрятали оружие в своих постелях.

Беспорядки в городе прекратились после прибытия в Хайфу отряда британских моряков. 6 евреев было убито, десятки ранено, еврейскому имуществу был нанесен значительный ущерб. Однако общее чувство было таково, что еврейское население города выдер-

жало испытание, нанесло серьезный удар противнику и удержалось собственными силами до прихода британских солдат и моряков.

Хулда

Самооборона Хулды в дни августовских беспорядков 1929 года являла собою пример высокого проявления самоотверженности и героизма.

В те дни Хулда была небольшим поселением, состоявшим из укрепленного двора, наподобие тех, что строились во времена Первой и Второй алии. В пятницу приехал в Тель-Авив один из членов поселения и потребовал помощи. Командование направило в Хулду бывшего члена Хашомера Яакова Абрамзона и Эфраима Чижика, брата Сарры Чижик, погибшей при обороне Тель-Хая. Оба они прибыли в Хулду в субботу. В поселении находились 16 мужчин, 2 женщины и двое детей. В их распоряжении имелся запечатанный ящик, в котором было 12 винтовок и еще несколько винтовок и ручных гранат, приобретенных в свое время через солдат Еврейского полка.

В течение ночи и следующего утра в поселение прибыли более десятка членов Хаганы из Тель-Авива и Реховота. Они укрепили двор и вырыли траншеи. Было решено, что если придется отступить со двора, то все защитники сберутся в двухэтажном доме, расположеннем неподалеку.

Нападение на Хулду началось в понедельник вечером. Сотни жителей соседних арабских деревень, включая женщин, на ослах и верблюдах, предназначенных для перевоза добычи, прибыли и основались вблизи поселения. Арабы подожгли гумно, и в свете пламени

легко можно было увидеть атакующих, окруживших поселение со всех сторон. Был отдан приказ ползком отступить со двора к большому дому. Эфраим Чижик, руководивший отступлением со двора, погиб от арабской пули.

Началась осада дома. Защитники заняли позиции возле окон второго этажа. Арабы ворвались во двор поселения, открыли курятники и хлев и вывели оттуда коров и мулов. В пылу грабежа многие арабы были убиты или ранены защитниками Хулды.

В 11 часов вечера на место прибыл патруль полицейских и британских солдат. Полицейские потребовали от арабов, чтобы они прекратили нападение, но у тех в ходе боя погибло несколько десятков человек, и они стремились отомстить за это. Они начали атаку с еще большей яростью. К еврейским защитникам присоединились полицейские.

В час ночи на место событий явился британский броневик, сопровождаемый пятью автомашинами. Британский офицер запаса, который командовал колонной, потребовал, чтобы евреи немедленно покинули место. Он разъяснил, что согласно военному уставу, он нуждается, по крайней мере, в батальоне солдат, чтобы противостоять тысячам арабов.

С тяжелым сердцем покинули еврейские защитники Хулду. Они были доставлены на полицейский участок в Наане, там разоружены и утром отправлены в Тель-Авив. Четыре дня спустя защитники поселения возвратились в Хулду и предали тело Эфраима Чижика земле. Поселение было сожжено и уничтожено до основания.

Оборона Галилеи

К началу беспорядков в Эрец-Исраэль было около 100 небольших еврейских поселений. Каждое из них делало все, что в его силах, чтобы защититься самостоятельно. Слабость Хаганы вне городов особо проявилась именно в эти дни. В больших поселениях проблема не стояла так остро, ибо арабы боялись нападать на них. В Петах-Тикве оборона была организована при сотрудничестве совета охраны поселения и командира местной ячейки Хаганы. В Реховоте все дела безопасности поселения были сосредоточены в руках Моше Смилянского. Небольшие поселения были брошены, и их жители прибыли в относительно большие поселения. В Беэр-Тувии все жители собрались в коровнике одного из крестьян. Толпа арабов напала на поселение и уничтожила его до основания. Однако у входа в коровник стояли несколько молодых парней с винтовками, взятыми из "запечатанного ящика", и не дали возможности погромщикам приблизиться. В Изреэльской долине были организованы групповые комитеты обороны. Все мужчины и подростки старше 15 лет принимали в ней участие.

Самые серьезные нападения были совершены поселения Бейт-Альфа и Хефци-Ба. Около 400 бедуинов напали на Бейт-Альфа в первый день беспорядков. За день до этого женщины и дети были переведены в поселение Гева, и пулемет был установлен на крыше детского сада. Через некоторое время на место прибыли полицейские. Защитникам пришлось прежде всего спрятать свое нелегальное оружие. После того как полицейские открыли пулеметный огонь, бедуины бежали, ограничившись лишь одиночными выстрелами и поджогом гумов и стогов соломы на полях Бейт-Альфы и других поселений долины.

После того как армия взяла города под свой ком

роль, Иосеф Гехт решил бросить основные силы Хаганы на защиту Галилеи, где особая опасность угрожала небольшим поселениям. Он приказал Яакову Пату направить 250 вооруженных бойцов из Хайфы на укрепление всех отдаленных пунктов Изреэльской долины и Восточной Галилеи, так как начали поступать сообщения о том, что арабы пограничных селений Ливана, Сирии и Трансиордании намереваются осуществить нападения и уничтожить еврейские колонии. Пат отобрал 25 лучших командиров Хайфского отделения Хаганы и направился с ними в Дганию-Алеф, где было решено устроить штаб. Неподалеку от штаба находился склад оружия, куда было доставлено около 100 ружей из Кфар-Гилади.

Командиры были распределены по поселениям округи. Каждое было подкреплено членами Хаганы или Хашомера, которые возглавили оборону, а местные командиры были назначены их заместителями. В скором времени в поселения прибыли подкрепления из Тель-Авива и Иерусалима. Особенно выделялась группа учеников сельскохозяйственной школы в Микве-Исраэль. В мастерских электрической компании инженер Хаим Славин начал изготовление самодельных бомб, используя для этой цели обрезки труб. 500 таких бомб было раздано в поселениях. В некоторых из них были организованы для бойцов общественные кухни. 250 мобилизованных воинов были распределены по всем поселениям – от Гешера до Аелет ха-Шахар и от Дгании до Кфар-Тавора.

Целый месяц продолжали члены Хаганы охранять Галилею. Для постороннего наблюдателя все добровольцы были еврейскими рабочими, посланными в поселения Галилеи, "чтобы не прекращались полевые работы, поскольку многие поселенцы должны охранять свои дома от грабежа и поджогов".

Недели, проведенные членами Хаганы в Восточной Галилее, были важным периодом в ее истории. В сельских поселениях поняли значение и возмож-

ности этой организации. Произошел психологический перелом в отношении к ней. Во многих поселениях члены Хаганы обучили местных жителей пользоваться оружием.

В стране постепенно устанавливалось относительное спокойствие. Еврейский ишув, наученный уроками августа 1929 года, приступил к обновлению всей системы обороны.

X. ПЕРЕДЫШКА И НАПРЯЖЕННОСТЬ

Положение Хаганы в еврейском ишуве

“Камень, который отвергли строители, стал краеугольным” – эти слова из Псалмов можно вполне отнести к организации Хагана после событий августа 1929 года. Старый профессиональный офицер, осторожный в суждениях человек, полковник Киш писал в те дни: “Нет сомнения, что лишь присутствие хорошо организованной самообороны спасло целые районы Иерусалима, и главным образом – Старый город, от большой опасности... Это верно относительно Яффы, Хайфы и ряда поселений. Сейчас существует всеобщее понимание того, что Хагану необходимо поддерживать и развивать”. “Всем известно, – заявил на митинге в Париже В. Жаботинский, – кто спас еврейский ишув на Земле Израиля тогда, когда правительство оставило его без вооруженной охраны. Мы должны пасть ниц перед нашими героями из Хаганы, склониться перед теми, кто погиб, и перед теми, кто живет среди нас, ибо именно Хагана спасла ишув в эти четыре страшных дня, до того момента, когда появились английские солдаты”.

На некоторое время Хагана оказалась в центре вни-

мания широких кругов общественности. В Хистадруте, Ваад леуми (Национальном комитете) и Еврейском агентстве со всей серьезностью обсуждались проблемы организации и ее руководства. Вместе со словами гордости и восхищения в ее адрес раздавалась и критика. Указывалось на слабую военную подготовку членов организации. Было немало жалоб на недостаток оружия. Многие спрашивали, куда же делось то большое количество оружия, которое было закуплено в двадцатые годы. Часть его стала негодной из-за плохих условий хранения. Отмечалось, что планы организации обороны оказались устаревшими.

Правление Еврейского агентства возложило на своего представителя в стране полковника Киша обязанность заботиться о расширении Хаганы. Иосефу Гехту было предложено представить проект минимального бюджета организации. Бюджет, достигший 2448 палестинских фунтов в год, включал в себя плату командирам трех больших городов и членам организации, ответственным за склады оружия. Кроме того, предусматривалась оплата двух работников Центра и шести инструкторов, работавших по всей стране. Однако эти деньги так и не были предоставлены Кишу, и отсутствие средств с самого начала парализовало деятельность Хаганы.

В рядах организации выявились разногласия, которые в конечном итоге привели к выводу Иосефа Гехта из Центра Хаганы. В течение многих лет правление Хистадрута не интересовалось делами организации, и теперь пришел час расплаты. Иосеф Гехт считал себя единственным во всем ишуве человеком, имеющим право стоять во главе Хаганы. Самое большое, на что он был согласен, это – фиктивный Центр с участием представителей общественности, которые не смогли бы отдаваться работе из-за своих повседневных дел. После того, как предложение Иосефа Гехта не было принято, он сообщил, что не нуждается ни в Центре, ни в самом Хистадруте, который назначил его членом Центра организации. После девяти лет

преданной работы, завоевав роль главы Хаганы, Гехт считал, что нет больше необходимости в подтверждении его полномочий со стороны Хистадрута. Он не собирался уступать завоеванного положения.

Несомненно, в столкновении между Гехтом и Хистадрутом немалую роль сыграли и личные трения, которые затем перешли в серьезный конфликт. Гехт считал, что позиция Элияху Голомба и его сторонников вызвана личным соперничеством и попыткой подорвать его позицию внутри организации. С принципиальной точки зрения это был тот же старый спор о Хагане, который велся между Хашомером и Голомбом и его товарищами: является ли Хагана самостоятельной организацией, командиры которой действуют по собственному усмотрению, или это орган, подчиненный авторитету высших учреждений ишува.

Недовольство Хистадрутом распространялось в те дни и среди "гражданских" кругов. Особенно оно возросло, когда Бен-Гурион заявил, что в августе 1929 года ишув защитили рабочие. Эти слова вызвали опасения относительно "левых", желающих подчинить организацию своему контролю.

Летом 1930 года Совет безопасности Национального комитета, назначенный сразу после беспорядков и возглавлявшийся Пинхасом Рутенбергом, принял решение передать управление делами Хаганы паритетной комиссии, в которую вошло бы одинаковое число представителей Хистадрута и представителей "гражданских" кругов. Был создан временный Центр в составе пяти человек: Элияху Голомба, Дова Хоза – от Хистадрута, Саади Шошани – от муниципалитета Тель-Авива, Цви Бутковского – от еврейских поселений и Гершона Агронского (Агриона) – от Ерейского агентства.

Для группы командиров, поддерживавших Иосефа Гехта, его вывод из Центра явился большим ударом. Они организовали протесты общественности, обращались в Исполнительный комитет Хистадрута. Лишь после беседы между Голомбом и Гехтом, в ходе ко-

торой последний согласился работать коллегиально, было решено вновь ввести его в Центр. Однако вскоре выяснилось, что Гехт не в состоянии приспособиться к новым условиям. Он вновь принялся действовать единолично, без согласования с Центром. Летом 1931 года он предстал перед специальной следственной комиссией Хистадрута. После длительного обсуждения было решено отстранить Гехта от работы в Центре Хаганы на год. Так завершился целый период в истории этой организации – период Иосефа Гехта.

Раскол в Иерусалиме

Еще более острые разногласия возникли между другой группой командиров Хаганы и Центром организации.

Еще в двадцатые годы среди командиров иерусалимского отделения организации выделялась сплоченная группа, которая считала себя ответственной за безопасность города и его окрестностей. Ее возглавляли Авраам Зильберг (Техоми) и Авраам Кричевский. В августе 1929 года они оба находились вне Палестины, и по возвращении резко критиковали методы обороны города во время беспорядков.

Поскольку Уриэли, командир Иерусалима, не мог возвратиться в Палестину, так как он был связан с закупкой и переброской оружия для Хаганы, то Техоми был назначен на его место. В ту пору ощущался большой подъем во всем, что касалось Хаганы. За несколько месяцев число ее членов достигло 1000 человек. Были организованы курсы подготовки новых инструкторов. Началась закупка оружия, главным образом, у арабов Иерусалима и близлежащих деревень. Техоми организовал информационную служ-

бу, которая следила за происходящим как среди арабов, так и в органах власти. Велось также "внутреннее наблюдение", дабы в ряды организации не проникли сыщики британской полиции и коммунисты.

Влияние Техоми на командный состав было очень большим. Он противопоставлял дисциплине, основанной на взаимопонимании и товарищеских отношениях, железную дисциплину военных законов. В этот период в ишуве развернулась борьба между рабочим движением и ревизионизмом. Руководители Хистадрута косо смотрели на командование Хаганы в Иерусалиме, полагая, что взгляды Техоми на внутреннюю структуру организации определяются ревизионистскими идеями. Отношение к нему было подозрительным. Сразу после появления "Белой Книги" британского лейбористского правительства (октябрь 1930 года), в которой провозглашались прекращение алии и запрет на покупку земель евреями, Техоми выступил с речью на слете командиров на горе Скопус (Хар ха-Цофим). Он очень резко отозвался об английском правительстве, назвав его министров "социалистическими иезуитами". Эти слова были истолкованы как выпад против гегемонии Хистадрута в организации. Верные Хистадруту командиры начали группироваться вокруг одного из старших командиров города Иосефа Рохела (Авидара) и заговорили об "опасности ревизионизма". Эта группа вступила в контакт с Элияху Голомбом, который возложил на нее обязанность проследить за связями Техоми с ревизионистами. В это время Техоми сообщил Центру о своем намерении взять полугодовой отпуск, чтобы посетить своих родственников в США. На его место на время отсутствия был назначен Авраам Икар. Тем временем распространились слухи о том, что целью поездки Техоми является сбор денег для создания независимой организации самообороны, которая была бы связана с ревизионистами и их молодежной организацией Бетар.

В этой обстановке подозрительности, в канун праздника Пурим, весной 1931 года, произошел первый взрыв. Командир района Старого города из сторонников Иосефа Рохела получил приказ передать район и находящийся там склад оружия другому командиру из группы Техоми. Как командир города Техоми имел право отдать такой приказ, однако Рохел увидел в нем стремление группы Техоми овладеть организацией и оружием. По его совету командир Старого города поспешил перепрятать оружие в другое место в том же здании. Благодаря "внутреннему наблюдению" это стало известно Техоми. Он приказал отстранить Рохела и его товарища от работы в организации и предать их внутреннему суду. Оба командира, перепрятавшие оружие Хаганы без разрешения командира, были временно выведены из организации. После суда на собрании всех командиров города (около 60 человек) было зачитано решение суда. 17 человек из числа присутствующих заявили, что в знак протesta они покидают собрание.

Спустя некоторое время Техоми выехал за границу. Однако американский консул отказался выдать ему разрешение на въезд в Америку. Техоми вернулся в Иерусалим и сообщил Центру Хаганы о своем намерении вернуться к прежним обязанностям командира города. Однако из Центра пришло извещение, что в Иерусалиме имеется новый командир, Авраам Икар.

С этого момента между группами Техоми и Рохела началась открытая борьба. Центр Хаганы поддерживал группу Рохела, которая утверждала, что Техоми обманул товарищей и отправился не в Америку, а в Париж для встречи с Жаботинским, стремящимся установить свой контроль над организацией. Однако командиры рот в городе заявили, что они целиком поддерживают Техоми в его борьбе против Центра.

В это время была объявлена всеобщая мобилизация по случаю мусульманского праздника Неби-Муса. По окончании мобилизации (10 апреля 1931 г.) Авраам Икар приказал возвратить оружие на склады. Техоми дал указание своим сторонникам собрать оружие в назначенных им укрытиях. Кроме того, поддерживающие его командиры овладели главным складом оружия в городе. В течение нескольких часов оно было передано "восставшим", которые сообщили представителям национальных учреждений, что оружие не будет возвращено до тех пор, пока Техоми не будет восстановлен на посту командаира города.

После долгих переговоров и сильного общественного давления Техоми и его сторонники решили, что нет иного выхода, как выйти из состава организации. Они решили возвратить оружие, "желая пойти на раскол с чистым именем" (А. Техоми), и направили письмо правлению Национального комитета, в котором провозглашалось, что они решили "оставить работу в организации", так как пришли к выводу, что "работать нет никакой возможности". В конце письма Техоми и те, кто его поддерживал (около 20 человек) заявили о своей верности и претерпимости идеям организации, "которой мы готовы посвятить свои жизни".

Раскол стал фактом. Отколовшаяся группа Техоми стала основой новой организации, которая впоследствии назвала себя "Национальной военной организацией" ("Иргун цваи леумми" – сокращенно Эцел). После потрясений, вызванных отстранением Гехта, это был второй удар за короткое время, и удар значительной более сильный. Раскололось ядро будущей европейской военной силы.

Паритет

В то время как конфликты и расколы разъедали Хагану изнутри, продолжались долгие и изнурительные переговоры об участии в управлении этой организацией. "Гражданские" круги требовали большего представительства, больших полномочий в Центре Хаганы и большего влияния на происходящее в рядах организации.

В конечном итоге ответственность перед нацией пересилила узкопартийные интересы. Все стороны поняли элементарную истину, что лишь общая организация, объединяющая все слои населения, может устоять в минуту опасности.

После длительных обсуждений и переговоров впервые было создано Общее командование ("Миф-када арцит"). Оно объединяло все круги ишува на основе паритетного представительства. В первый состав командования вошли Элияху Голомб, Дов Хоз и Меир Рутберг от Хистадрута (в 1933 году Дова Хоза заменил Шаул Мееров) и Дов Гефен, Исахар Ситков и Саадья Шошани (которого затем заменил Шмуэль Толковский) от "гражданских" кругов.

С того времени и до провозглашения Государства Израиль сохранялся паритетный принцип управления организацией. Он наложил свой отпечаток на все развитие Хаганы. Разумеется, этот принцип имел немало недостатков. Все вопросы организации, ее бюджет и назначение командиров выносились на обсуждение, которое проводилось в соответствии с партийными установками. Много бесплодных споров, вызванных беспочвенными подозрениями, разгоралось во время заседаний паритетного командования. Нередко руководители и активисты Хаганы восставали против пут, наложенных на их деятельность "паритетом". Но такая форма управления была неизбежна в условиях ишува того времени. Она

символизировала дух общности и привела к сотрудничеству круги, которые раньше не находили себе места в организации. Следует помнить, что Еврейское агентство и Национальный комитет не имели в то время полномочий государственных учреждений. "Гражданские" круги в Тель-Авиве и еврейских поселениях не слишком благосклонно принимали их авторитет, поскольку в правлениях этих учреждений они не имели сильного представительства. Рамки "паритета" были единственными, которые более или менее удовлетворяли их.

Трудные дни потрясений остались позади, и Хагана начала восстанавливать силы и готовиться к грядущим испытаниям.

Командование Хаганы после августовских событий.

Кризис Хаганы после августовских событий 1929 года наиболее сильно отразился на авторитете Общего командования организации. Создание Национальной военной организации (известной под названием "Иргун Бет") и отстранение И. Гехта подрывало авторитет командования Хаганы в ишуве. Финансовое положение ее также было тяжелым. Когда напряженность спала, национальные организации не сочли нужным дальше финансировать Хагану. Командование не имело постоянного бюджета, перебиваясь на случайные ассигнования или пожертвования. Все члены командования работали безвозмездно, на добровольных началах. Душа организации Э. Голомб был очень занят делами в Исполнительном комитете Хистадрута и в партии. Именно его авторитет и влияние определяли путь Хаганы. Эта организация летом 1933 года не имела своей

канцелярии, постоянного секретариата, ведение счетов организации осуществлялось эпизодически на добровольных началах. Совещания командования происходили на частных квартирах членов Центра или на местах их работы. Единственным постоянным центральным учреждением, унаследованным еще от времен И. Гехта, оставался склад оружия в Шхунат-Борохов. Еврейские колонии жили обособленной жизнью. Их отношение к Общему командованию зависело от положения в округе. Связь с командованием определялась личным авторитетом его членов и, в частности, авторитетом Элияху Голомба.

Непрерывное усиление арабского национализма и террористических шаек в Хайфе под руководством шейха Эль-Касама привели членов Центра к необходимости назначить людей, всецело отдающихся работе в организации, получая за это хотя бы минимальную плату. Было решено назначить двух координаторов — Дова Гефена и Дова Хоза, которого затем сменил Шаул Мееров. Так как Д. Геффен продолжал работать в муниципалитете Тель-Авива, вся организационная работа в Хагане перешла в руки Шаула Меерова, мало тогда известного.

С самого начала своей работы Мееров взял четкий курс на укрепление полномочий и расширение деятельности и сферы влияния Центра, вопреки сепаратизму местных ячеек и отделений. Это была работа, требовавшая большой выдержки, настойчивости и терпения, ибо традиции автономизма и независимости глубоко укоренились в организации еще с первых дней Хаганы. И эта повседневная кропотливая работа, которая настойчиво и целеустремленно велась в течение ряда лет, увенчалась успехом.

Шаул Мееров (Авигур) родился в 1899 году в Двинске (ныне — Даугавпилс). В 1912 году он прибыл в Палестину и получил образование в гимназии "Герцлия". В конце Первой мировой войны Мееров присоединился к кибуцу Кинерет, где научил-

ся пользоваться оружием и приобрел навыки сторожевой службы. Под командованием Трумпельдора он вместе с другими принимал участие в обороне Тель-Хая. В 1922 году Ш. Мееров впервые был избран в состав Центра Хаганы и с тех пор неизменно работал в организации, постоянно занимаясь вопросами безопасности ишува.

В тот период укрепились связи между Хаганой и национальными учреждениями. "С еще большей остротой, — писал Д. Бен-Гурион, — встает перед нами проблема безопасности. Все, что по этому вопросу делалось до сих пор, не идет ни в какое сравнение с насущной необходимостью". Тесные контакты установились с Политическим отделом Ерейского агентства, во главе которого стоял Моше Шерлок, родственник Элияху Голомба, Дова Хоза и Шаула Меерова. Эти контакты нашли свое выражение в частых встречах для обмена информацией, в консультациях в периоды напряженности в стране и тесном сотрудничестве с работниками Арабского отдела Агентства. Оно подняло авторитет Хаганы и ее политический вес в ишуве и превратило организацию в основную военную силу, заботящуюся о безопасности "еврейского государства в пути".

Первым действием Шаула Меерова было создание специального постоянного бюро Хаганы. Местом этого бюро была избрана одна из комнат здания Исполнительного комитета Хистадрута на улице Алленби в Тель-Авиве. Необходимо было утаить, что за обычной канцелярией скрывается центральное командование военной организации. Среди десятков бюро и канцелярий, среди многочисленных чиновников и сотен посетителей легче было замаскировать командование, так как его работникисливались с общим потоком служащих.

Шаул Мееров привлек к работе в Хагане Исаэля Галили, одного из основателей движения Ханоар хаовед ("Трудовая молодежь") и члена кибуца Наан, работавшего под руководством Берла Кацнель-

сона в Молодежном центре Хистадрута. Вскоре он стал одним из постоянных работников Центра.

С первых дней работы Шаул Мееров добился постоянного бюджета организации, который обеспечивался центральными учреждениями ишува. Этот бюджет, предназначавшийся на организационную работу в Хагане, был вначале чисто символическим. В конце 1933 года Еврейское агентство выплачивало Хагане 25 палестинских фунтов в месяц. В 1935 году эта сумма была повышена до ста фунтов, и такой она оставалась до 1937 года.

Важным шагом на пути к преодолению политизации Хаганы было создание Технического отдела, который начал действовать в 1934 году. Во главе его был поставлен Зхария Уриэли, в прошлом командир Хаганы в Иерусалиме. Вначале отдел занимался сбором и изготовлением карт, а также планами обороны отдельных поселений. Этот отдел начал быстро расти и развиваться после возникновения беспорядков в 1936 году.

Особое значение придавал Шаул Мееров созданию эффективной службы информации Хаганы. Организация нуждалась в сведениях о происходящем в лагере арабов, чтобы суметь сорвать вовремя намерения врага. Она должна была знать планы англичан, которые могли в любой момент лишить евреев оружия. Кроме того, в еврейском лагере действовали различные отколовшиеся группы, которые могли своими провокационными действиями нанести ущерб безопасности ишува. Надо было обезопасить организацию от платных осведомителей и провокаторов. Хорошо наложенная служба информации могла предотвратить многие несчастья и беды, однако имевшиеся в распоряжении Хаганы мизерные средства не позволяли до сих пор осуществлять систематическую работу, и сбор информации производился на местной основе, случайно и беспорядочно.

Шаул Мееров предложил Реувену Заслани (Ши-

лоаху), который уже несколько лет занимался разведывательной деятельностью по заданию национальных учреждений, сосредоточить в своих руках и систематизировать всю информацию, поступающую в Центр Хаганы из различных источников со всех концов страны.

Развитие отдела связи

В 1924 году член тель-авивского филиала Залман Кохен начал обучать группу подростков сигнализации при помощи флагков и фонариков. В дни беспорядков 1929 года отсутствие автономной системы связи, не зависящей от правительственной телефонной сети, ощущалось особенно сильно. После беспорядков Фальк Кампф (Иоав Пелег), в прошлом один из преданных полицейских, организовал группу сигнальщиков, которая прошла тренировки по сигнализации при помощи фонарей и гелиографов. Высшим достижением этой группы была передача сведений из Бен-Шемена в Тель-Авив.

В конце 1933 года вопросам связи было придано особое значение. Шаул Мееров призвал трех инструкторов связи в Тель-Авиве и возложил на них обязанность создавать повсюду группы по обучению технике связи. Инструкторы разъезжали по стране, от поселения к поселению, вербуя подростков в группы связи. В сентябре 1934 года состоялись первые всеизраильские маневры по сигнализации. Два взвода сигнальщиков из Тель-Авива со своими командирами и инструкторами отправились в различные еврейские поселения. Линия связи была проложена от Беэр-Тувии к Гиват-Бреннер и далее на Ришон ле-Цион, через Тель-Авив к Герцлии, Зихрон-Яакову, водонапорной башне в квартале Гербер-

та Сэмюэла на горе Кармел, Кфар ха-Хореш и Цфату вплоть до Кфар-Гилади. В ходе маневров выяснилось, что из Цфата невозможно связаться с Кфар-Гилади из-за находящейся между ними горы Кнаан. Поэтому пришлось создать промежуточную станцию. В результате маневров удалось передать телеграмму из Беэр-Тувии к Метулле за три с четвертью часа.

В 1934 году в Тель-Авиве состоялся первый всеизраильский курс связи, в котором приняли участие около 40 юношей и девушек со всех концов страны. Сознание необходимости оперативной и надежной связи постепенно проникло повсюду. Когда в Реховоте было начато строительство водонапорной башни, члены группы связи обратились к комитету поселения с просьбой поднять фундамент сооружения так, чтобы оттуда можно было связаться с постом, находящимся в Кирьят-Анавим; эта просьба была удовлетворена. В то же время вплоть до беспорядков 1937 года система связи не выходила за рамки оптических методов (флажков, фонариков и гелиографов). Лишь в 1937 году были сделаны первые попытки осуществить радиосвязь.

Хагана и судно "Велос"

От ограниченных рамок обеспечения безопасности ишува Хагана постепенно переходит к другим сферам деятельности. В этом плане поучительна история с судном "Велос", доставившим летом 1934 года партию нелегальных репатриантов к берегам Эрец-Исраэль.

Нелегальная алия евреев существовала столько, сколько существовал еврейский ишув в Палестине.

Однако лишь в 1934 году была предпринята первая попытка организовать нелегальную доставку репатриантов в широких масштабах на специальном судне.

Квота сертификатов, выдаваемых на въезд в Эрец-Исраэль британскими властями, стала значительным препятствием на путях массовой алии. Решено было предпринять попытку переправить часть членов организации Хехалуц ("Пионер") в Палестину на нелегальном судне. Иосеф Барпал (Кадмон), член кибуца Аянон, отправился за границу с целью найти судно. После нескольких неудачных попыток ему удалось зафрахтовать греческое пассажирское судно "Велос", которое могло взять на борт 180 человек. На этом судне из одного греческого порта к берегам Палестины направились 350 молодых олим из Польши, Литвы и Латвии. Рейс проходил под названием "экскурсия студентов по Средиземному морю".

Самым трудным была тайная высадка олим на берег. Требовалась большая организационная работа: осуществить высадку так, чтобы никто ее не видел, обеспечить охрану ее места от полиции и арабов и быстро переправить новых олим в различные поселения, где они должны были раствориться в общей массе. Единственной организацией, способной осуществить такую операцию, была Хагана. К ней и обратились инициаторы нелегальной алии, несмотря на сопротивление представителей Еврейского агентства.

Элияху Голомб и его товарищи решили, минуя Центральное командование, привести в действие ячейки организации, действующие на побережье. В конечном итоге члены Центра также приветствовали это дело, близкое сердцу каждого еврея, и не выступили с какими-либо претензиями.

Судно "Велос" впервые прибыло к берегам страны в июле 1934 года. Недостаток опыта морских операций отрицательно сказался на действиях ответственных лиц. Не было беспроволочной связи между судном и берегом. Первые высадки были осуществлены ночью в районе Кфар-Виткин и Нетании. Они проходили слиш-

ком медленно, и с рассветом судну пришлось удалиться в море. Операция продолжалась несколько ночей, и каждую ночь место высадки менялось. В последний раз на берегу Тель-Авива одна из лодок перевернулась, и двое олим утонули.

В сентябре 1934 года "Велос" вышел во второй рейс из Варны (Болгария). На борту находились 360 олим. На сей раз полиция была наготове, и судну пришлось много дней блуждать возле берегов страны. Лишь один раз ему удалось высадить группу в 50 человек на берегу возле Кфар-Виткин. После того как был сожжен почти весь уголь, "Велосу" пришлось возвратиться в Европу. Здесь нелегальные олим столкнулись с отказом властей средиземноморских стран помочь им. С большим трудом они вернулись в Польшу. Лишь в январе 1935 года им удалось прибыть в Палестину по официальным сертификатам.

Неудача второй операции "Велос", которая стоила ее организаторам астрономических (по понятиям того времени) средств, и противодействие Еврейского агентства привели к прекращению организованной нелегальной алии вплоть до 1937 года.

Закупки оружия в начале тридцатых годов

В ходе беспорядков 1929 года ишув понял, сколько малое количество оружия имеется в его распоряжении. Каждое поселение искало способы увеличить свои арсеналы. 600 полу военных ружей для сторожевой службы, распределенные властями между поселениями в начале 1930 года, не давали ощущения безопасности. Каждое поселение пыталось разрешить эту проблему собственными средствами, однако это было выше их сил, вело к нежелательной конкуренции, росту цен и увеличивало опасность провалов.

Центр Хаганы возложил на Иосефа Файн, предприимчивого члена Дганий-Алеф, обязанности по закупке оружия для поселений Галилеи. Иосеф Файн, уроженец Метуллы, был "своим человеком" среди жителей арабских деревень и бедуинов и пользовался их уважением. Бедуины доставляли оружие на одну из цитрусовых плантаций, а затем приходили за платой. По-степенно связи расширились, и Иосеф Файн неоднократно пересекал границу и встречался с торговцами оружием в Дамаске и Бейруте. Шофер организации Александр Штейнберг ("Алек") водил машину со спрятанным в ней оружием и боеприпасами. Иосеф Файн продолжал свою деятельность в течение нескольких лет. Ему удалось приобрести и распределить среди поселений около 1000 винтовок и пистолетов, несколько пулеметов и боеприпасы к ним.

Однако было ясно, что источником надежного и унифицированного оружия может быть только Европа. Еще в сентябре 1929 года Иосеф Гехт направил двух агентов в Антверпен для организации закупок оружия для Хаганы. Денег они не имели, и с большим трудом посланцам удалось найти двух евреев-сионистов, которые оказывали им помочь советом и деньгами. После того как оружие было приобретено, было решено отправить его в страну в двойных стенках больших железных ящиков. Однако 15 марта 1930 года, когда три первых ящика прибыли в Хайфу, их уже ждала полиция. Были конфискованы 148 винтовок типа "Маузер" без прикладов, 60 тысяч патронов, 2500 магазинов для патронов. Полиция напала на след отправителя — Зхария Уриэли, и он вынужден был остаться в Антверпене.

Весной 1933 года в Италию был послан Катриэль Кац, член квущат Ха-хугим (вблизи Эйн-Харода), который получил задание создать в Триесте базу по закупке оружия. Для конспирации он поступил в местный университет и связался с торговым домом братьев Анджелино, которые имели контакты с большими оружей-

ными заводами на севере Италии. Основным товаром были итальянские пистолеты и боеприпасы к ним. Оружие аккуратно упаковывалось в чемоданы, на которые наклеивались этикетки различных европейских отелей, и эти чемоданы вместе с багажом новых олим, тысячами выезжавших из Триеста в Палестину, грузились на пароход. Необходимо было найти людей, которые взяли бы на себя ответственность за эти чемоданы. По большей части на это соглашались члены молодежных движений, отправлявшиеся в Эрец-Исраэль и с радостью готовые идти на риск. После возвращения Каца некоторое время его замещал Авраам Рохел. Летом 1935 года итальянская полиция приказала ему покинуть Триест. С началом военных действий в Абиссинии Италия заняла проарабскую ориентацию и не намеревалась мириться с присутствием агентов Хаганы на своей территории.

Зхария Уриэли, после того как поселился в Антверпене, сумел завязать контакты со старым бельгийским торговцем оружием, который обещал ему доставить свой товар в любом количестве. На помошь Уриэли прибыл в Бельгию Давид Хакохен. Старый бельгиец имел склад оружия в районе порта, где работали несколько надежных грузчиков. Винтовки вначале переправлялись в длинных ящиках, в которых из Бельгии импортировались изоляционные трубы для электрокабелей. Однако вскоре агенты организовали отправку оружия в бочках с цементом, вес каждой из которых достигал 180 кг. Первая партия из 400 бочек, половина которых была заполнена оружием и боеприпасами, благополучно прибыла в Яффский порт. Еврейские таможенники, связанные с Хаганой, по заранее проставленным пометкам распознали "годные" и "негодные" бочки и постарались, чтобы последние были пропущены таможенным надзором. Члены кооператива "Ханамал" получили задание доставить их во двор братьев Тайбер в Нахалат-Ицхак. До того дня Хагана ни разу не

получала столь крупной партии оружия. Около 20 верных людей, и среди них Яаков Файнберг, главный кладовщик Хаганы, за одну ночь перевезли все оружие на центральный склад в Шхунат-Борохов. В начале июля 1934 года прибыла вторая партия весом около 200 тонн. В тот же день в Тель-Авив был доставлен гроб с телом покойного поэта Х. Н. Бялика, и в городе был объявлен траур. Однако члены кооператива "Ханамал" добровольно явились на работу, чтобы вывезти груз с территории арабского порта.

В октябре 1935 года прибыла третья партия цемента, и в ней 537 бочек. Все проходило по обычному расписанию, но на второй день операции одна из бочек упала, и ее крышка, которая, по-видимому, была плохо заколочена, отскочила. На причал посыпались патроны, и вызванная на место происшествия полиция узнала об оружии. Хагане пришлось приложить значительные усилия, чтобы замести следы.

Раскрытие оружия, пересыпавшегося в бочках из-под цемента, послужило арабам поводом для раздувания антиеврейских настроений. В больших городах арабские националисты организовали забастовки протesta и напряженность в стране возросла. Отправка оружия в Палестину была временно приостановлена, однако уже зимой 1936 года было решено ее возобновить через порт Хайфы, где еврейские портовые рабочие, табельщики и грузчики пользовались большой свободой действия.

Начало самостоятельного производства оружия

Командование Хаганы, не ограничиваясь закупкой оружия, начало устраивать собственные мастерские. Условий для этого не было, отсутствовали нужные технические средства, а "специалисты"-оружейники были любителями, обладавшими скучными знаниями. Однако несколько факторов заставили Центр разывать эти мастерские. Во-первых, недостаток оружия в критические моменты, когда всего несколько бомб могли бы решить судьбы целого поселения; во-вторых, необходимость чинить оружие, закупленное в плохом состоянии (в частности, оружие, приобретенное у арабов), либо ставшее негодным при хранении в складах организации.

Как-то в штаб Хаганы в Тель-Авиве обратился один из бойцов, Менахем Бен-Гури, с предложением изготавливать ручные бомбы. Владельцы печного завода "Петер и Фрэйзер" дали Бен-Гури возможность работать в своих мастерских и даже предоставили в его распоряжение нескольких рабочих. Первые бомбы были изготовлены из пустых банок из-под спирта, множество которых имелось на заводе. Затем начали применяться бутылки со взрывчаткой в смеси с железными осколками. Потом было решено начать изготавление настоящих металлических бомб. Литейщик Исраэль Иошпе отлил оболочки бомб. Давид Лейбович, командир группы квартала Неве-Шалом усовершенствовал метод зажигания бомбы, предложив фитиль, смоченный химической смесью, содержащей растворенные головки спичек. Эта бомба была представлена командирам тель-авивского филиала и получила название "Менахемия". Она была на вооружении Хаганы в течение многих лет, до тех пор, пока не были получены более усовершенствованные виды ручных гранат.

Способный изобретатель Давид Лейбович, начальник мастерских в Микве-Исраэль, посвятил мног

времени проблемам производства и усовершенствования оружия. По образцу русской винтовочной гранаты, чертеж которой он нашел в одной из книг, Давид Лейбович создал гранату своего образца, которая в марте 1930 года прошла испытания в дюнах неподалеку от Тель-Монда. Граната была усовершенствована Лейбовичем и Иошпе и получила название "Даиш" или вкратце граната "Ди". Она заменила "Менахемию". Затем была введена винтовочная граната, которая выстреливалась при помощи патрона с вынутой пулей. Эта граната была создана по американским чертежам и получила название "американский бочонок". Для того, чтобы обмануть власти, на корпусе гранаты были выбиты буквы U.S.A.

Подобные попытки осуществлялись также группой техников и химиков в Иерусалиме, под руководством Иехезкеля Обервейгера и Элияху Сохачевера. В 1934 году был создан "производственный комитет", в который вошли вышеупомянутые мастера и Элияху Голомб, Дов Хоз и Шаул Мееров. Испытания были расширены и начали производиться в пустынных местах на берегу Мертвого моря, иногда у подножия Масады.

Основной продукцией мастерской были ручные и винтовочные гранаты. В 1935 году мастерская изготавлияла уже 350 гранат в сутки. Опасная работа со взрывчаткой производилась в примитивных условиях, и лишь осторожность рабочих помогла избежать серьезных несчастных случаев.

Развитие Хаганы в городах

После двух лет кризисов и расколов работа в городских отделениях Хаганы вошла в нормальное русло. Командование тремя городами было передано в верные руки ветеранов: Элимелеха Зеликовича (Авнера) – в Тель-Авиве, Яакова Пата – в Иерусалиме и Яакова Достровского (Дори) – в Хайфе. Из организации, охватившей сотни бойцов, Хагана выросла в многотысячную организацию. Значительно возрос уровень подготовки – главным образом за счет объема тренировок.

Командиры Хаганы предвидели беспорядки наподобие тех, что имели место в 1929 году: нападения неорганизованной толпы, грабежи и убийства везде, куда доходят руки, и бегство этой толпы при первом проявлении стойкости и при приближении армии и полиции. Но подготовка к такого рода беспорядкам была недальновидна. Еще в 1930 году Даубигин, начальник цейлонской полиции, посланный министерством по делам колонии в Палестину, ожидая ознакомления с проблемами безопасности страны, отметил, что "если что-нибудь сможет в будущем поднять население на беспорядки, то следует ожидать распространения деятельности вооруженных банд в районах Назарета, Тверии, Бейт-Шеана, Яффы, Хайфы и Иерусалима". И действительно, такие вооруженные банды появились уже в 1931 году. Начало было положено бандой шейха Эль-Касама в Хайфе.

Руководители Хаганы, несмотря на преданность делу, были слабо подготовлены с военной точки зрения. Не имея должного военного образования и не обладая творческой фантазией, они не могли содействовать революционным преобразованиям в рамках организации. Строевая подготовка и упражнения в сборке и разборке оружия оставались главным занятием рядового члена Хаганы. Так, словно в тихой заводи, продолжалась работа в организации, пока

не вспыхнули новые беспорядки и в огне арабского восстания не начались поиски совершенно новых путей деятельности Хаганы.

19 августа 1931 года Элимелех Зеликович (Авнер) принял на себя командование тель-авивским филиалом Хаганы. Вскоре он завоевал уважение всех членов организации. В то время в Тель-Авиве было 480 бойцов, разбитых на взводы, каждый из которых нес ответственность за безопасность одного из десяти районов города. Новые кандидаты отбирались очень осторожно, и лишь через год число членов организации достигло 1000 бойцов.

Авнер сумел завоевать популярность и мог оказывать повседневное влияние на товарищей главным образом благодаря постоянным совещаниям, проводившимся каждый вторник. В них принимали участие все командиры, начиная от командира взвода и выше. Целью этих совещаний был не только инструктаж и представление отчетов, но и обмен информацией о происходящем в организации и во всей стране в области безопасности. Кроме того, здесь же разбирались различные проблемы, заботившие и беспокоившие командиров.

Значительную часть своего времени и энергии Авнер посвящал подготовке командиров. Он лично проводил с ними занятия, на которых изучалось пользование винтовкой. Кроме того, были проведены курсы по строевой подготовке, полевые учения, курсы по метанию гранат, стрельбе гранатами и из пулемета для инструкторов. Большое внимание уделялось тренировкам в стрельбе из пистолета в цель.

Место обучения рядовых членов организации по субботам было перенесено из Шхунат-Борохов на поля за рекой Яркон, между Тель-Авивом и Герцлией. Жители Тель-Авива, которым в субботу рано утром не спалось, могли видеть юношей, пешком или на велосипедах, спешащих со всех концов на север. Авнер стремился к тому, чтобы ни одна группа новобранцев не кончала курса подготовки без стрельб

военными патронами. Организация таких стрельб в подпольных условиях была делом трудным. Вначале они проводились в дюнах, неподалеку от Микве-Исраэль, а затем были перенесены в тренировочные лагеря в Микве-Исраэль, Бен-Шемен, Кфар-Виткин и в другие места. В 1935 году был создан постоянный летний лагерь тель-авивского филиала в детском селе Шфея, на склонах горы Кармел. Лагерь предназначался для 40 человек и организован был по военному образцу. Горная местность была разнообразной и удобной для проведения полевых учений. Этот лагерь продолжал действовать и в период беспорядков 1936–1939 годов; в нем прошли подготовку сотни рядовых членов организации.

Авнер разработал общий план обороны быстро растущего города. Были установлены новые посты на границах кварталов, город был разбит на 12 боевых участков, с первой и второй линиями обороны и общим резервом. Были утверждены также названия различных ситуаций: "бдительность", "готовность", "частичная мобилизация", "полная мобилизация" – и определены обязанности каждого в любой из этих ситуаций.

Для оказания помощи и посыпки подкреплений в опасные места были выделены два "подвижных взвода", куда были отобраны самые смелые бойцы. Многие из них имели велосипеды, некоторые – автомобили, и все эти транспортные средства были предоставлены в распоряжение взвода, получившего благодаря этому высокую подвижность. В период командования Авнера Зеликовича вырос также и взвод связи, сформированный из подростков, учащихся средних школ. В скором времени он достиг размеров роты. Окончив учебу в школах, эти подростки сформировали подвижный молодежный взвод.

В 1933 году к тель-авивскому филиалу были присоединены некоторые пригороды, которые не могли обеспечить свою безопасность самостоятельно. Это были поселения Моледет, Холон. Укрепились также

связи с Микве-Исраэль и Бен-Шемен, командиры которых были присоединены к командному совету Тель-Авива.

* * *

Больше всех других филиалов и ячеек в результате потрясений, выпавших на долю Хаганы после беспорядков 1929 года, пострадало иерусалимское отделение.

Полковник Киш и Д. Бен-Гурион попросили Яакова Пата, командира хайфского отделения, взять на себя командование иерусалимским отделением. Вначале Пат считал это назначение временным и сообщил Центру, что первую половину недели он будет проводить в Иерусалиме, а вторую – в Хайфе, пока иерусалимская ячейка не восстановится.

По прибытии в Иерусалим Пат нашел картину полного запустения. "Горстка рядовых членов, не более 120 человек, растерянная и сомневающаяся. Несколько десятков командиров, мизерное количество оружия, всего около 65 пистолетов, в конечном итоге – состояние развала и агонии". Пат понял, что все это можно изменить лишь постоянной и усиленной работой. Он приказал всем членам организации прервать какие-либо связи и контакты с теми, кто ушел в Иргун-Бет. Помощником Пата был назначен Иосеф Рохел (Авидар), который замещал Пата в то время, когда тот возвращался в Хайфу. Была возобновлена вербовка новых членов. Вступление в ряды организации, которое было столь трудным и строгим ранее, стало более легким, доступным для всех. Хагана начала создавать комитеты обороны в различных кварталах города. В каждом квартале был ответственный представитель организации, который назначал сторожей из местных жителей и определял порядок несения сторожевой службы. Сторожа проходили короткую подготовку и считались не членами организации,

а лишь "вспомогательными силами". Из них командиры через некоторое время выбирали подходящих людей и готовили их к работе в Хагане.

Летом 1931 года Иосеф Рохел был тяжело ранен. Во время тренировки группы бойцов на горе Скопус в его руках взорвалась граната. После того, как ему ампутировали кисть, он отправился на лечение за границу. Яаков Пат был вынужден прекратить свою работу в Хайфе и полностью отаться работе в иерусалимском филиале. Его помощниками стали Моше (Миша) Плоткин, ветеран Хаганы в Иерусалиме, который вернулся в 1930 году после службы в пограничной полиции, и Зеэв (Воля) Фельдман, вернувшийся в 1931 году из Дании, где закончил высшую физкультурную школу.

Расширение рядов Хаганы нашло свое выражение в присоединении к ней новых слоев общества. В Иерусалиме было много религиозных людей, которые ранее отказывались принимать участие в организации из опасения нарушить святость субботы. Кровавые беспорядки августа 1929 года изменили настроение этих кругов. Вербовкой религиозной молодежи занялся Шимон Агаси, житель Старого города, раввин и учитель, закончивший курс командиров Хаганы. Так была создана "районная" группа в еврейском квартале Старого города. После беседы между Яаковым Патом и верховным раввином страны А. И. Куком было достигнуто соглашение, по которому учащиеся ешиботов и другие представители религиозной общественности организуются в отдельные группы и будут проходить подготовку по пятницам. Число религиозных членов организации продолжало расти. В Иерусалиме было принято накануне праздника Лаг ба-Омер проводить всеобщий поход религиозных рот в поселение Хартув, где зажигался костер и проводилась трапеза. На следующий день проводились учения и стрельбы в пещере Близнецов.

Систематическая работа проводилась и по привлечению подростков, чего не было раньше. Созданием

Иргун-Бет началась борьба за души подростков. Не было более преданных и верных членов Хаганы, чем воспитанники молодежных рот. При вступлении в Хагану они начали трудную работу связных: дежурства у телефонов, связь между командирами, охрана учебных пунктов, переноска оружия. Они проходили строевую подготовку, обучались владению "малым оружием" и сигнализации. Особо выделялись подростки, приходившие в организацию Хагана из скаутов. Многочисленные походы скаутов лучше содействовали военному обучению, чем скучные занятия. Из этих групп молодежи затем вышли многие командиры Хаганы.

В течение двух лет командование города разрабатывало подробный план обороны Иерусалима. Город был разбит на шесть секторов. Накануне беспорядков 1936 года с Хаганой было связано около двух тысяч человек.

На командира Иерусалима возлагалась также обязанность обеспечить оборону окрестных еврейских поселений: Атарот, Неве-Яаков, Моца, Арза, Кирьят-Анавим и Хартув. К ним прибавился в 1933 году и район Мертвого моря.

Кирьят-Анавим сыграл важную роль в истории развития Хаганы. С одной стороны, — это поселение находилось неподалеку от Иерусалима и на главной дороге в Тель-Авив, с другой — оно было заброшено в горах, покрытых сосновым лесом. Все члены этого поселения были верными бойцами Хаганы. Там была создана первая в иерусалимском отделении химическая лаборатория для производства оружия, там проводились курсы инструкторов, испытывались новые виды оружия, новые методы строительства укреплений и ведения боя.

Особое положение существовало на поташных заводах Мертвого моря, где были сконцентрированы сотни рабочих из Иерусалима. Большинство их возвращалось домой только на субботу или в дни отпуска. Директор заводов Моше Новомейский воспротивился созданию отделения Хаганы на пред-

приятия. Он утверждал, что власти сделают все, что в их силах, для обороны заводов, для охраны капиталов британских акционеров. Рабочие же утверждали, что, учитывая близость заводов к границам Трансиордании, надо иметь местные оборонительные силы для защиты предприятия до того момента, пока прибудут войска. В результате этих споров на месте возникла ячейка Хаганы, находившаяся в двойном или даже в тройном подполье, ибо надо было скрываться от полиции, от арабских рабочих и от администрации заводов. Лишь в 1933 году под угрозой забастовки Новомейский согласился на создание местной ячейки Хаганы. Командиром района Мертвого моря был назначен Моше Лангоцкий ("Мося"). Компания предоставила рабочим легальное оружие при условии, что его не будут выносить за пределы территории предприятия.

Вскоре ячейка Мертвого моря стала одной из важнейших в стране. Мося Лангоцкий был ответственным за перевозки в районе Мертвого моря. Берега Иордана и моря стали центром закупок оружия, которое приобреталось у арабов Трансиордании. Группы бойцов Хаганы из Иерусалима приезжали по субботам на тренировки в находящийся поблизости оазис Эйн-Фешха и в другие места. Район Мертвого моря и склоны горы Масада стали также испытательным полигоном военных мастерских Хаганы.

С созданием предприятий в южной части побережья Мертвого моря (май 1934 года) Хагана проникла в район, который раньше был отрезан от всей страны. В согласии с руководством поташной компании член кибуца Рамат-Рахель Иммануэль Бар-Хаим был назначен командиром этого района, и Мося Лангоцкий передал ему значительную партию оружия.

* * *

Внутренний кризис Хаганы в 1930—1931 годах не

коснулся хайфского филиала. Ревизионистам не удалось завоевать здесь прочных позиций.

И в Хайфе после беспорядков 1929 года наблюдался заметный рост рядов организации. В 1935 году число платных работников Хаганы достигло шести человек. Для обеспечения быстрой связи между отдаленными кварталами была приобретена автомашина, которая использовалась и для переброски оружия.

Яаков Достровский (Дори), командир города в 1931—1939 годах, придавал особое значение жесткой дисциплине. Он начал разработку плана обороны Хайфы и ее окрестностей. Вместе с ним в штабе работали Александр (Саша) Кисельгоф и Менаше Эрман. Со временем в штаб были введены также Рафаэль Шапира, ответственный за инструктаж. Моше Плоткин и Мордехай Нимца-Би, отвечавший за организацию "гражданских рот", в которых состояли люди средних лет, торговцы и представители свободных профессий. Он смог привлечь к организации круги, имевшие большое общественное влияние и значительные денежные средства.

Одной из особенностей работы в Хайфе было создание легальных объединений и обществ, служивших прикрытием деятельности Хаганы. Морские клубы "Дельфин" и "Хапоэл" ("Рабочий") занимались постоянной переброской оружия и нелегальных ре-патриантов. "Команда пожарников" также служила вывеской для деятельности Хаганы. Даже "Охотни-чий клуб" служил легальным местом тренировок в стрельбе для членов организации.

В начале 1934 года членами Хаганы было создано в Хайфе объединение "Красный щит Давида". Комитет объединения во главе с доктором Ниснбойром состоял из рядовых членов Хаганы. Женщины, вошедшие в организацию и прошедшие курс первой медицинской помощи, работали определенное время по "белым карточкам". Лишь после того, как они могли доказать высокую степень подготовки и верность

делу, их принимали в ряды организации и выдавали "зеленую карточку". Машины "Скорой помощи" в дни опасности служили для переброски людей и вооружения в отдаленные пункты, отрезанные от города.

Сердцем Хаганы, как и в двадцатые годы, оставался Технион, расположенный на горе Кармел. Он служил местом тренировок и главным источником кадров. Его студенты и преподаватели составляли основную массу командиров городской организации. Многие из них были активными членами Хаганы. Испытания по производству взрывчатки, средств связи и т. п. производились в лабораториях Техниона.

В начале тридцатых годов в Хайфе была создана молодежная рота. Ее базой была реальная средняя школа, директор которой Артур Бирам был одним из основателей организации в Хайфе. Он всегда проявлял глубокий интерес к делам Хаганы. В школе он ввел предварительное обучение самообороне в рамках уроков физкультуры. Молодежные роты, как и в других городах, дали в дальнейшем многих отличных солдат и офицеров.

После беспорядков 1929 года командование Хаганы в Хайфе сделало упор на создание ячеек организации в окрестностях города, включая поселения Ягур, Нешер, Кфар-Хасидим, Кфар-Ата, Акко, Кирьят-Хаим, который тогда еще только строился, Аглит и находящиеся там каменоломни. Центром деятельности в округе был кибуц Ягур. Здесь Кисельгоф и Цви Лещинер (Эйлон) организовали первый курс инструкторов для жителей поселений. На этом курсе были проведены полевые учения и изучалось практическое владение оружием. Среди курсантов был человек, который в дальнейшем сыграл значительную роль в поднятии уровня подготовки бойцов Хаганы — член кибуца Ягур Иехошуа Глоберман.

Сильная ячейка Хаганы имелась на заводе "Нешер", который считался важной ключевой позицией. На каменоломнях "Нешер" работало много арабских

рабочих, зачастую имевших доступ ко взрывчатке. Неподалеку от "Нешера" находилось арабское поселение Балад эль-Шейх, снискавшее печальную славу разбойниччьего гнезда. В местной ячейке Хаганы состояло более 100 человек под командованием Калмана Радина. Аналогичные проблемы существовали и на солевом заводе в Атлите, где имелась горстка еврейских рабочих среди множества арабов. Некоторое время командиром ячейки в Атлите был Ицхак Ландоберг (Садэ).

В 1934 году командование окрестностями Хайфы перешло к Моше Плоткину. Район был разделен на четыре сектора: а) "Нешер", Ягур, Кирьят-Харошет и Кфар-Хасидим; б) Рамат-Иоханан, Кфар-Ата и Нахария; в) пригороды Кирьят-Хаим, Кирьят-Моцкин и другие; г) Атлит и поселения на Кармеле. Самым большим сектором стал Кирьят-Хаим, где организация поддерживалась всей местной общественностью и комитетом квартала. Здесь были устроены хорошие склады и закуплено дополнительное количество оружия. Любопытно, что, когда командир сектора хотел ознакомиться со складами, местные члены Хаганы отказали ему в этом, опасаясь, что тот заберет у них часть оружия для других ячеек. Лишь после того как туда прибыли Яаков Достровский и Берл Репетор и провели переговоры с руководством местной ячейки, было дано указание показать командиру запасы оружия. Этот инцидент типичен для проявлений местничества, которое было характерно для Хаганы в течение многих лет, вплоть до Войны за Независимость.

Хагана в сельских местностях

Несколько месяцев спустя после беспорядков августа 1929 года в Дганий-Алеф состоялась встреча, на которую были созваны активисты организации из Изреэльской долины и долины Иордана. На этой встрече разбирались уроки событий и было подчеркнуто, что ишув в целом отстает от требований жизни, и беспорядки застигли его врасплох. Было выдвинуто решительное требование к Центру Хаганы увеличить поставку оружия и организовать оборону в сельской местности так, как это делается в городах. Решено было начать деятельность в четырех секторах: Нахалале, Эйн-Хароде, долине Иордана и Галилее. Работа во всей северной части страны проводилась под руководством нового члена Центра Меира Рутберга, который был помощником и советником местных групп самозащиты в различных поселениях. В большинстве случаев нуждающиеся в помощи всегда находили его на месте работы, на предприятии "Намлит" в Хайфе, где встречали его в запыленной спецодежде, работающим возле машины, производящей кирпичи или черепицу. Он отвечал на все вопросы, не отрываясь от работы, — чтобы не терять времени. По субботам Рутберг разъезжал по селениям, собирал и инструктировал членов Хаганы.

Центральное командование пришло к выводу, что без основательной военной подготовки, которая обеспечила бы командирам определенный уровень знаний и умения, невозможно продолжать работу в сельских ячейках организации. Зимой 1933 года Меир Рутберг поручил Аврааму Икару провести в Хулде курс для сельских командиров. Курс продолжался около пяти недель. Основная часть времени была посвящена строевой подготовке, пользованию оружием и полевым учениям. Вечерами и по субботам читались лекции. Лекторами были Элияху Голомб, Дов Хоз и Моше Шертох. Работники ору-

жейных мастерских Давид Лейбович и Исаэль Иошпе рассказывали об использовании взрывчатки и мин и показывали курсантам в оливковой роще Хулды, как применяется винтовка-гранатомет. Из-за дождей последние дни курса проходили в "Доме олим" в Тель-Авиве. В день завершения учебы курсантам было показано, как создается *слик* (укрытие для оружия), как объявляется тревога и подается сигнал с просьбой о помощи. Затем состоялись учебные маневры, на которых присутствовали члены Центрального командования.

Весной 1933 года в Хулде по той же программе занималось 30 человек, главным образом из южных районов страны.

В 1934 году в Нижнем Гвате состоялся второй за этот период всеизраильский курс. Он явился новым этапом в истории Хаганы. Впервые во всеизраильском масштабе встретились командиры городов и инструкторы городских отделений с командирами сельских поселений. Курс продолжался три месяца, и в нем приняли участие более 30 человек. Руководил курсом Авнер, командир тель-авивской организации. Среди инструкторов были трое командиров городов и Иоханан Ратнер из Хайфы. Проф. Б. Динабург (Динур) прочел лекцию о самообороне в истории еврейского народа. Шаул Мееров рассказал об организационной структуре Хаганы.

Участие трех командиров городов и лучших инструкторов подчеркивало важность курса и необходимость обобщения опыта, накопленного в течение многих лет, и передачи его новому поколению. Большой прогресс знаменовало собой решение командования сделать такие курсы постоянными. И действительно, через год вновь был проведен подобный курс под командованием Яакова Дори.

Хагана в районах (блоках)

Вскоре после беспорядков 1929 года почти все поселения страны были объединены в районы (блоки), число которых достигло 20. Сюда входили три городских отделения, которые вместе с близлежащими поселениями представляли собой три отдельных "округа". В каждом районе имелся командир, получавший, чаще всего, плату за свою работу. Он руководил работой Хаганы на своей территории. Обычно командир являлся также старшим инструктором, и в его задачу входила организация людей, их инструктаж, забота о складах оружия и контроль над ними. Каждый командир организовывал курсы местных инструкторов и следил за их работой.

Командир стремился обычно разработать план обороны подчиненных ему поселений. В те времена не предполагался выход за их пределы или включение целых районов в оборонительную систему. Каждый командир сектора косвенно был связан с Центральным командованием, либо при помощи Меира Рутберга на севере, либо при помощи Шаула Меерова или другого члена Центра на юге. На встречах с ними давались отчеты о ходе работы, тренировок, числе членов, но главным образом выдвигались требования о предоставлении оружия. Требования были весьма скромными: "еще одна винтовка для поселения, еще один пистолет или граната". В 1935 году поселения получили при помощи Центрального командования долгосрочный заем на покупку оружия. Предоставленный банком АПАК, он фигурировал в банковых документах как "заем на ограждения".

В 1936 году в стране существовали следующие районы Хаганы: на севера страны – Верхняя Галилея, Нижняя Галилея, долина Иордана, Харод, Афула, Нахалал. В Шароне было семь районов: Самария, Эмек-Хефер, Тель-Монд, Герцлия, Кфар-Сава, Петах-

Тиква, Нахалат Дан. Поселения к югу от Тель-Ави-ва представляли тогда собой южный район. Лишь в разгар беспорядков 1936—1939 годов он был разбит на четыре района: Ришон-ле-Цион, Нес-Циона, Реховот и Беэр-Тувия. К ним следует прибавить три городских отделения ("округа"), каждое из которых считалось независимым. Это были внешние рамки организации.

Контакты между районами были весьма слабыми и основывались лишь на личных дружеских связях и доброй воле.

Если подвести итог работы Хаганы в сельских местностях в 1929—1936 годах, то следует отметить, что за весьма короткое время все еврейские поселения организовались и могли защитить себя от нападений арабских громил. Вместе с отделениями Хаганы в городах районы стали крепкой стеной, защищающей весь ишув.

XI. "АРАБСКИЙ БУНТ"

Начало борьбы. Арабская забастовка

Кровавые события, развязанные арабами и проходившие в Эрец-Исраэль с апреля 1936 года до весны 1939 года, имели целью определить будущее страны. Арабские руководители поняли, что дальнейшая алия и продолжение заселения страны евреями могли бы уже в ближайшем будущем изменить национальный облик Эрец-Исраэль.

Искрой, от которой произошел взрыв, явилось провокационное убийство еврея. 15 апреля 1936 года арабы обогнали несколько еврейских автомашин на шоссе, ведущем в Шхем, неподалеку от Кфар-Анабта. Они открыли огонь по пассажирам, убив одного и ранив двух евреев.

На следующий день двое командиров организации Эцел ("Национальной военной организации") явились в барак неподалеку от Яркона, где поселились двое арабов, и застрелили одного из них на месте.

В пятницу утром, 17 апреля 1936 года в Тель-Авиве состоялись похороны убитого еврея — Исаэля Хазана. Похороны превратились в бурную массовую демонст-

рацию. В толпе раздавались выкрики: "Идем на Яффу!" Волнения продолжались и в субботу. К вечеру напряженность спала, и командование Хаганы в Тель-Авиве отменило состояние готовности, объявленное за несколько дней до этого.

В воскресенье 19 апреля сотни евреев отправились по своим делам и на работу в Яффу. Чиновники явились в свои канцелярии, торговцы и ремесленники — в свои магазины и мастерские. Многие направились в административные учреждения и таможню в порту, который обслуживал оба города. Шоферы продолжали перевозить пассажиров и грузы.

Однако неожиданно в Яффе начались беспорядки. Жители Яффы отнюдь не горели желанием напасть на своих еврейских соседей. Провал нападения на Тель-Авив в августе 1929 года прочно запечатлелся в их памяти. С того времени Тель-Авив вырос в несколько раз и по числу жителей намного пре-восходил Яффу. Но подстрекатели, не сумевшие возбудить своих соплеменников в Яффе, обратились к сотням хоранцев (ницих сирийских крестьян, нелегально прибывших в страну в поисках работы), которые скопились в районе порта, и распространяли среди них ложный слух о том, что евреи убили трех их соплеменников и одну женщину в Тель-Авиве. Возбужденная толпа начала нападать на евреев, которые, к своему несчастью, оказались в пределах Яффы.

Среди бандитских шаек хоранцев и городской черни встречались молодые люди в европейской одежде, которые натравливали толпу и направляли ее действия. На евреев нападали с ножами, кинжалами, палками, забрасывали их камнями. Следует отметить, что многие евреи нашли убежище не только в учреждениях британской администрации и полицейских участках, но и в домах знакомых арабов. Лодочники яффского порта, к примеру, переправили в Тель-Авив на своих лодках еврейских чиновников и рабочих порта.

Во второй половине дня армия и полиция начали овладевать положением. В обоих городах ночью был введен комендантский час, и по всей стране объявлено осадное положение. Однако на следующий день столкновения возобновились и перекинулись из Яффы, которую покинуло все еврейское население, на отдаленные еврейские кварталы. На этот раз, еще больше, чем в первый день, чувствовалась направляющая рука организаторов погрома. Одним из самых опасных районов был Керем ха-Тейманим – Маншие. Этот район, находившийся в нескольких шагах от центра Тель-Авива, в тот день с самого утра стал фронтовой полосой. Беспорядки в течение всего дня усиливались и продолжались и на следующий день, во вторник. Десятки мелких предприятий, складов, столярных мастерских, частных домов были сожжены в этом и других кварталах.

Полиция всячески содействовала успокоению обеих сторон. Евреи применяли тактику строгого возмещения от ответных действий и актов мести. Несмотря на 16 убитых и десятки раненых на их стороне, ни один араб не был убит руками евреев. 6 арабов были убиты полицией в ходе ее операций. Кроме того, полиция задержала сотни хоранцев и выслала их из страны. Однако все это было сделано с большим опозданием. Сигнал был дан, и беспорядки распространились по всей стране.

25 апреля на совещании арабских общественных деятелей в Шхеме был создан Высший арабский совет, в котором были представлены все арабские партии и круги в Палестине. Председателем Совета был избран иерусалимский муфтий хадж Амин аль-Хусейни.

Высший арабский совет провозгласил всеобщую забастовку, которая должна была продолжаться до тех пор, как власти не выполнят трех требований арабов: а) запрет алии; б) запрет передачи земель евреям; в) создание правительства, ответственного перед народными избранниками. Вместе с забастов-

кой был объявлен также бойкот евреев. В том случае, если требования арабов не будут удовлетворены до 15 мая, Совет провозглашал гражданское сопротивление и начало террористических и диверсионных актов против властей и евреев.

Всеобщая забастовка была кульминацией арабского национального движения в 1936 году. Никто из организаторов забастовки вначале не предполагал, что она будет продолжаться 175 дней, до 12 октября 1936 года. Вместе с тем все это время забастовка не была всеобщей. Феллахи — подавляющая часть арабского населения страны — не прекращали сельскохозяйственных работ. Даже в городах приходилось держать целый штат подстрекателей и платных бандитов, которые следили за тем, чтобы торговцы, ремесленники, шоферы продолжали забастовку. Вместе с тем забастовка явилась впечатляющим проявлением национальных сил арабов. Яффский порт был парализован. Вид опустевших улиц арабских городов с закрытыми магазинами и мастерскими производил большое впечатление на сторонних наблюдателей.

Однако забастовка своей цели не достигла, поскольку ей не удалось парализовать экономическую жизнь страны. И главным фактором ее провала было наличие в стране еврейского ишуга, представлявшего собой 30% населения вообще и значительное большинство населения городов, в частности. Этот ишув видел в провале арабской забастовки необходимое условие независимого национального существования и своего будущего и был готов мобилизовать все силы, чтобы заменить забастовщиков на любом жизненно важном участке, что вынудило в конечном счете многих арабских рабочих и чиновников отказаться от забастовки.

В начале мая, к примеру, возникла опасность того, что завод "Нешер" (возле Хайфы) прекратит работу из-за недостатка сырья, поскольку арабы, работавшие в каменоломнях, присоединились к за-

бастовке. Работа на каменоломнях была немедленно возобновлена группой еврейских рабочих, посланной туда Хистадрутом. Тогда и арабские рабочие изъявили готовность возобновить работу. Было достигнуто соглашение, согласно которому работа велась силами 50 еврейских и 250 арабских рабочих, и каменоломни продолжали действовать без перебоев.

В ответ на закрытие Яффского порта 19 мая 1936 года был открыт причал в Тель-Авиве, пропускная способность которого была достаточной для того, чтобы обеспечить необходимый для города и его окрестностей импорт.

Все усилия Высшего арабского совета парализовать экономическую жизнь в Хайфе, главном порту страны, закончились провалом. Забастовочный комитет предложил портовым рабочим выплату полной заработной платы в течение всего времени забастовки и обещал применить силу против всех, кто попытается нарушить забастовку. Однако портовые рабочие отказались бастовать.

Административные учреждения продолжали функционировать по всей стране, ибо арабские чиновники боялись, что евреи займут их места, и они не смогут вернуться к работе по окончании забастовки. В результате забастовки в определенной мере укрепилась еврейская экономика страны. Тысячи еврейских рабочих нашли работу на цитрусовых плантациях, где раньше применялся арабский труд. Еврейское село, избавившееся от арабской конкуренции, увеличило вывоз овощей и фруктов. К концу забастовки Еврейское агентство потребовало увеличить квоту на алию, основываясь на необходимости значительного числа рабочих рук в еврейской экономике.

Террор

Террор против евреев носил фанатический, расистский характер и был направлен против самого существования евреев в стране.

Террор начался с волны поджогов. Сотни дунаров пшеницы, принадлежащей евреям, были сожжены в Галилее, в долинах, в Шароне и центральной части страны. Еще одним объектом поджогов были леса и рощи, с большим трудом посаженные евреями на склонах каменистых гор. Лес имени Бальфура неподалеку от Ганигара и лес возле Мишмар ха-Эмек понесли значительный ущерб.

Другим ощутимым ударом явилась вырубка деревьев. За одну ночь уничтожались плоды многолетнего труда. Вырубались плантации цитрусовых и виноградники. Особенно пострадал сектор Эйн-Харод, куда легко проникали бедуинские племена долины Бейт-Шеана и крестьяне гор Гилбоа. Волна поджогов и уничтожения еврейского имущества захватила и города. Заводы и склады на границах еврейских поселений грабились и уничтожались. В частности, были разрушены еврейские каменоломни в арабском селе Мигдал-Цедек, что нанесло серьезный удар по еврейскому строительству в районе Тель-Авива.

Была сделана попытка парализовать еврейский транспорт на дорогах. Небольшие вооруженные группы арабов уходили в горы и, прячась за скалами, вели обстрел машин, проезжавших по дорогам. В городах со смешанным населением и неподалеку от деревень арабы бросали в автомашины самодельные бомбы. Это побудило евреев начать обшивку автомашин металлическими листами и окна — металлической сеткой.

Наибольшее значение имели для еврейского ишува две шоссейные дороги: Яффа — Иерусалим и Яффа — Хайфа, которые проходили через густонаселенные арабами горные местности.

Арабам не удалось перерезать нити еврейского транспортного сообщения в этих горных районах лишь потому, что еврейские шоферы храбро продолжали выполнять свою работу и тем самым вписали славную страницу в историю еврейского сопротивления. Их упорство и смелость заставили власти предоставить через некоторое время вооруженную охрану пассажирскому и грузовому транспорту, который продолжал непрерывно двигаться по дорогам. Сообщение было организовано в форме транспортных колонн, которые выходили в путь один-два раза в день, сопровождаемые полицейскими или военными машинами.

Объектом нападений служила и железная дорога. Диверсанты, портившие железнодорожные пути, приходили с гор или из соседних деревень. 25 июня с рельсов был спущен поезд неподалеку от Лода. Двое британских солдат и араб-машинист были убиты. Тогда в Лоде была проведена англичанами первая карательная акция, включавшая обыски и разрушения домов диверсантов. На город был наложен коллективный штраф в размере 5000 палестинских фунтов. Несмотря на диверсионные акты, движение по железной дороге продолжалось с небольшими перерывами весь период беспорядков, что имело большое экономическое, политическое и психологическое значение.

Самым неожиданным для многих было отсутствие попыток захватить и разрушить еврейские поселения, как это делалось во время беспорядков 1921 и 1929 годов. Причиной сдержанности арабов был страх, который они испытывали перед силами еврейской самообороны. Арабы ограничивались стрельбой издалека с целью запугивания.

Спустя некоторое время возобновился индивидуальный террор. После того как двое евреев-прохожих были убиты в Иерусалиме, в переулках Старого города, была обстреляна публика, вышедшая из кинотеатра "Эдисон", в результате чего погибли три человека.

Террористам удалось скрыться. В августе террор достиг своей высшей точки. Охотники за людьми перекрыли все дороги, ведущие в еврейские поселения и кварталы, и искали своих жертв: молодого еврейского парня, который вышел погулять с женой, рабочих, отправившихся утром на работу, крестьянина, который возвращался домой с базара... В пригородах больших городов в еврейские автобусы подкладывалась взрывчатка. 13 мая вооруженная банды ворвалась в еврейский квартал Цфата, ведя стрельбу и бросая бомбы. Еврейская семья — отец и трое детей — были убиты почти в упор на расстоянии нескольких метров от городского полицейского участка. На следующий день банды, пришедшие из деревни Тира, уничтожила еврейскую автомашину с четырьмя пассажирами, которая направлялась из Хайфы в новое поселение Яарот ха-Кармел. 21 августа были убиты четверо рабочих, возвращавшиеся с плантации цитрусовых возле Кфар-Савы.

Убийство медсестер Марты Финк и Нехамы Цедек потрясло всю страну. Оно было совершено 17 августа (1936) вечером, когда обе медсестры направлялись на ночное дежурство в больницу в Яффе, где ухаживали за больными арабами. Вначале создалось впечатление, что сами арабы потрясены этим преступлением. Однако на следующий день арабские газеты заявили, что "неизвестно, кто стрелял в еврейских медсестер" и "возможно, что причины убийства были личного характера".

Всего во время забастовки было убито 80 евреев и около 400 ранено, было уничтожено 1700 дунамов пшеницы и более 200 тысяч деревьев, совершило более 380 нападений на автобусы и поезда. Все эти действия имели целью сломить дух еврейского населения, запугать людей. Но эта цель не была достигнута.

Восстание против британских властей

Некоторое время арабы надеялись на то, что британские власти дрогнут перед "мирной" забастовкой. В памятной записке, поданной Верховному комиссару Палестины в ответ на его требование прекратить забастовку, было единственное условие: прекращение алии. Ответом Верховного комиссара Артура Уокопа явилось установление 18 мая 1936 года новой квоты на въезд и открытие на следующий день тель-авивского порта. Эти два действия британских властей послужили арабам сигналом к восстанию.

Вначале центры его находились в городах. В Яффе по вечерам вооруженные группы арабов обстреливали и забрасывали бомбами здание полиции, полицейские патрули и солдат. Армия отвечала пулеметами и гранатами. Нападавшие находили укрытие в Старом городе с его узкими и кривыми улочками, которые становились ловушкой для каждого, кто пытался туда прорваться. В конце концов власти решили положить этому конец и объявили о своем намерении "разрушить скученные и антисанитарные жилища" в Старом городе и проложить через него две центральные шоссейные дороги. 18 июня 1936 года в городе было сконцентрировано около 1200 солдат и полицейских. Жители домов, обреченных на снос, были выдворены силой, и армейские саперы начали проводить свою работу, которая продолжалась три недели. Эта мера властей произвела большое впечатление и помогла успокоить страсти в городах.

Для наведения порядка в страну были введены крупные воинские контингенты. В конце июля в Палестину были переброшены три пехотные бригады. Солдаты были распределены по городам и заменили полицию.

Когда армия установила свой контроль над городами, активизировалась деятельность вооружен-

ных банд на дорогах и в сельской местности. В них участвовали наряду с религиозными фанатиками и националистами уголовники и бандиты.

Одна из таких банд во главе с сирийцем Саидом эль-Аасом действовала в горах возле Хеврона до тех пор, пока армия не окружила ее и убила главаря, а остальных членов банды захватила в плен. Отпетые уголовники, состоявшие в этих бандах, пользовались националистическими лозунгами для прикрытия разбоя. Характерной фигурой такого рода был главарь банды Фахри Абд аль-Хади из деревни Араба, который действовал в районе Дженина. Деревни района Шхема активно поддерживали эти банды. Время от времени, когда они отправлялись на крупные операции против армии, деревенская молодежь присоединялась к ним, а после операции расходилась по домам. Район между Дженином, Шхемом и Туль-Каремом был назван британскими солдатами "опасным треугольником".

Вначале инициатива принадлежала бандам. Армия со своими транспортными средствами была привязана к шоссейным дорогам, и банды, легко уходящие от преследования, всегда могли укрыться в лесах или горных деревнях, где им была известна каждая тропа. Жители повстанческих районов, включая арабских чиновников и полицейских, действовали совместно не только с националистами, но и с бандитами и уголовниками.

Армия, не находившая поддержки в административном аппарате, находилась в тяжелом положении. Но постепенно военные меняли тактику. В начале августа в стране находилось 7 тысяч солдат. Роты начали отправляться в горы и вести преследование банд, нагружив оружие и снаряжение на ослов или мулов. Были введены в действие легкие танки, которые свободно передвигались в горной местности. Особо сильные потери наносили бандам минометные обстрелы. Вскоре выяснилось, что миномет является здесь самым эффективным оружи-

ем. Время от времени армия занимала горные вершины, господствующие над дорогой, за несколько часов до того, как по ней проходила колонна автомашин. Самолеты осуществляли патрульные облеты местности для того, чтобы предотвратить неожиданное нападение. Обыски, которые проводились в деревнях, приняли характер карательных операций.

Для того, чтобы объединить банды в военную силу и направить их деятельность, Высший арабский Совет пригласил Фаузи аль-Каукджи, офицера и преподавателя военной академии в Багдаде. В августе 1936 года он выехал в Палестину, чтобы встать во главе "арабского восстания". Одновременно в страну направились группы добровольцев из Ирака, Сирии и других стран. "Национальный блок" в Дамаске направил в страну большие партии оружия, включая также несколько зенитных пулеметов.

По прибытии в Эрец-Исраэль Каукджи распространял листовку, в которой призывал арабскую молодежь присоединиться к нему "во имя спасения Палестины". Свой командный пункт он разместил в горах и перемещал его с места на место, опасаясь доночников.

Основной ударной силой в его распоряжении были добровольцы, организованные в три роты — иракскую, сирийскую и друзскую с присоединенными к ним местными бандами, которые признали его верховным главнокомандующим.

Содержание повстанческой армии было возложено на близлежащие арабские деревни, которые предоставляли ей готовую еду. Из города она получала рис, кофе и табак, а также деньги, лошадей и драгоценности. Каукджи обучал своих людей ведению военных действий, ввел строгую дисциплину и сформировал "суд восстания". Если бы это зависело только от него, он воздерживался бы от начала военных действий против британской армии до окончания подготовки своих людей. Однако движение нуждалось в успехах для поднятия духа ара-

бов, которые после месяцев бесплодной забастовки, конца которой не предвиделось, были близки к отчаянию.

3 сентября Каукджи начал атаку против британских подразделений, занявших позиции возле дороги, ведущей из Туль-Карема в Шхем. Сражение продолжалось до захода солнца. В бой были введены самолеты, которые бомбардировали арабов и рассеяли их по горам. Три самолета совершили вынужденную посадку, поврежденные пулями повстанцев. Один из самолетов сгорел. Англичане потеряли убитыми одного пилота и одного солдата.

В это же время в Эрец-Исраэль начали прибывать крупные британские воинские контингенты. Каукджи решил атаковать военные колонны, которые следовали из Хайфы в Иерусалим. 24 сентября его люди напали на крупный военный конвой неподалеку от Шхема. Армия начала общее наступление против банд, которое продолжалось пять дней. В ходе боев арабы потеряли более 100 человек убитыми.

Армия продолжала наносить жестокие удары по арабам. 8 октября британские танки добрались до командного пункта Каукджи в Бейт-Цуре и захватили деревню, которую члены банд успели покинуть.

11 октября Высший арабский совет призвал арабов прекратить забастовку. Очень скоро жизнь вернулась в нормальное русло. Каукджи также заявил о прекращении враждебной деятельности и обратился к своим людям с призывом разойтись по домам и хранить оружие до того момента, когда они вновь будут призваны. Под давлением Высшего арабского совета, который угрожал вновь объявить забастовку, британские власти приказали армии дать Каукджи возможность беспрепятственно покинуть страну. Вместе с ним Палестину покинули многие зарубежные добровольцы.

Комиссия Пиля и план раздела страны

Еще 19 мая 1936 года британское правительство объявило о своем намерении направить в Палестину "королевскую комиссию", обладающую широкими полномочиями, "для расследования причин неспокойного положения в стране и жалоб евреев и арабов". Комиссия направилась в Эрец-Исраэль осенью 1936 года после прекращения забастовки и активности банд.

Королевская комиссия (или как ее называли по имени председателя — комиссия Пиля) пыталась расследовать, в чем корни и причины беспорядков. Вначале перед ней предстали высшие представители администрации. Большой вес имело свидетельство Луиса Андриуса, правительенного чиновника по делам развития, который полностью разоблачил легенду об "изгоняемых", служившую материалом для ядовитой арабской пропаганды. Он сообщил, что, несмотря на все усилия правительенных чиновников и арабских руководителей "мобилизовать" многочисленных "изгоняемых", удалось найти лишь 664 феллаха, которые утверждали, что они когда-то арендовали земли, проданные затем евреям. 347 из них обрабатывали земли, находящиеся во владении правительства. Остальные отказались от помощи, поскольку сумели устроиться в других местах.

Требования евреев изложили перед комиссией Х. Вейцман, Д. Бен-Гурион и М. Шарет. Вейцман рассказал о серьезном положении евреев во всем мире, об исторической связи еврейского народа с Землей Израиля и заявил, что если Великобритания прекратит поддержку дела создания еврейского национального очага, то евреи продолжат борьбу и "каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок будут воевать за свое существование на этой земле...".

Арабские представители заявили открыто, что они воюют не только против алии, но и против 400 тысяч евреев, уже прибывших в страну.

Около полугода продолжала королевская комиссия изучать представленные ей материалы. 7 июля 1937 года были опубликованы ее выводы.

Основной вывод, к которому пришла комиссия, сводился к тому, что вспыхнул "непреодолимый конфликт между двумя национальными общинами в границах небольшой страны. Около миллиона арабов вступили на путь открытой и тайной войны против 400 тысяч евреев". Поэтому комиссия пришла к выводу, что раздел страны между обоими народами и создание арабского и еврейского государств принесет стране мир. Комиссия предложила разделить Эрец-Исраэль на три части: а) еврейское государство, которое включало бы прибрежную полосу от района к югу от Беэр-Тувии до Кармела, Изреэльскую долину и Галилею; б) промежуточный сектор, который будет находиться под британским контролем и включит Иерусалим, Бейт-Лехем и коридор к Яффе; в) арабское государство, которое включало бы в себя остальные территории (Самарию, Иудейские горы и Негев) и было бы присоединено к Трансиордании.

Британское правительство сообщило, что "план раздела является наилучшим решением, которое дает надежду на разрешение конфликта, и что в скором времени будет направлена комиссия по разделу для определения точных границ трех политических частей...".

Среди евреев решение комиссии было встречено со смешанным чувством. Хаим Вейцман и Давид Бен-Гурион видели в идее создания еврейского государства большой политический успех. Достоинства этого плана, по их мнению, превосходили его недостатки, и могли бы решить неотложные проблемы миллионов евреев в Европе. Противники раздела — М. Усышкин, Б. Кацнельсон и И. Т. Бенкин, а вне ра-

мок Сионистской организации — З. Жаботинский, решительно выступали против этого плана. Принятие его, считали они, — будет означать отказ евреев от части своей исторической родины, которая и так была урезана с отторжением Трансиордании в 1922 году.

Мнения среди арабов также разделились. Более умеренные, во главе с эмиром Абдаллой приняли план с удовлетворением, однако опасались публично заявить свое согласие с ним. Экстремисты видели в нем серьезный удар по правам арабов в Палестине.

* * *

В сентябре 1937 года в курортном городке Блудан неподалеку от Дамаска состоялась панарабская конференция, посвященная Палестине. Британские власти запретили ее проведение на подмандатной территории, поэтому конференция состоялась в Сирии. Председательствовал иерусалимский муфтий. Конференция выразила решительный протест против планов раздела Палестины и создания еврейского государства. В дни работы конференции муфтий создал в Дамаске Комитет защиты Палестины, который должен был стать политическим и военным руководителем восстания. Этот комитет активно приступил к проведению антиеврейской пропаганды и к организации новых беспорядков. Он занимался сбором денег, переброской оружия и вербовкой в Сирии и Ираке добровольцев для банд, действующих в Эрец-Исраэль.

28 сентября 1937 года вся страна была потрясена известием об убийстве Луиса Андрюса, незадолго до этого назначенного губернатором Галилеи, когда он в воскресенье вечером направлялся в церковь в Назарете. Это был прямой вызов британским властям, и они приступили к немедленным и решительным действиям. Через пять дней после этого убийства Высший арабский совет был распущен, и все национальные ко-

митеты были объявлены вне закона. Муфтий был снят со своей должности. Сотни арабских общественных деятелей были арестованы, и пятеро наиболее влиятельных из них были сосланы на Сейшельские острова в Индийском океане. Сам муфтий нашел убежище в мечети Омара, а через две недели ему удалось бежать и укрыться в Ливане. С этого момента он стал главным руководителем арабского национального движения в Палестине. В своей резиденции в Ливане он постоянно был окружен вооруженными телохранителями. Оттуда он руководил действиями банд в Эрец-Исраэль.

Бегство муфтия за границу явилось сигналом для возобновления активности банд. На сей раз острье их удара было направлено не только против еврейского населения, но главным образом против британских властей. Начался второй круг борьбы. Каждый гла-варь крупной банды имел свое командование, свой военный трибунал, он собирал "налоги" с деревень его района для покрытия расходов. К концу 1938 года в бандах насчитывалось около 15 тысяч вооруженных бойцов. Примерно десятая часть этого числа была организована в подразделения, которые перемещались из деревни в деревню. Остальные находились в своих деревнях и присоединялись к операциям по первому призыву. Согласно официальным данным, которые проверить трудно, только в 1938 году было убито 1138 бандитов. В том же году было казнено более 50 человек, захваченных в плен.

Источником финансирования боевых действий были пожертвования, которые сторонники муфтия собирали в соседних арабских странах и деньги, добываемые путем вымогательства и шантажа у населения деревень.

Операции британской армии

Вскоре после возобновления активности арабских банд британские власти объявили о создании военных трибуналов, которые получили право вынесения смертного приговора каждому, кто будет пойман с оружием в руках или в момент осуществления диверсии. Был повешен семидесятилетний главарь банды шейх Фархан аль-Саади, проливший много крови евреев и арабов в районе гор Гилбоа. Он был схвачен в деревне Мазар при помощи родственников его жертв — арабов.

В ответ на это главари арабских банд объявили о создании своего военного трибунала для суда над "предателями, доносчиками и шпионами". Осужденных на смерть этим трибуналом арабов обычно находили мертвыми на обочинах дороги, связанных по рукам и ногам с приложенной к трупу запиской, в которой сообщалось, что убитый обвиняется в предательстве.

Власти призвали в страну сэра Чарльза Теггарта, начальника полиции Индии, который был известен своей успешной борьбой с террористами в Бенгалии. Он восстановил тайную полицию и расширил ее функции. Однако больше всего он прославился своим предложением создать прочные проволочные заграждения вдоль всей северной и северо-восточной границы страны для того, чтобы затруднить связь между бандами и их сторонниками в Сирии и Ливане.

Армия начала систематическое преследование банд, получая помощь от разведки и придерживаясь тактики быстрых перемещений. Во всех столкновениях с ними армия выходила победительницей. Банды неоднократно окружались армейскими подразделениями, которые вели их поиск при помощи самолетов. 3 марта 1938 года разгорелось крупное сражение неподалеку от деревни Ямун, между Дженином и Умм эль-Фахом. В бою принимали участие около двух тысяч английских солдат под командованием генерал-майора Вейвела. Десятки членов банд были убиты, и среди

них один из главарей, — шейх Атие. В результате этих крупных поражений многие повстанцы разбежались по домам, а "добровольцы" вернулись в Сирию и Ливан.

Бои показали, что банды не имеют никаких шансов на успех при открытом столкновении с регулярной армией. Поэтому они вернулись к тактике "малой войны", разбились на небольшие группы, хорошо знающие местность, более легкие в передвижениях, чем воинские части. Большая часть их нападений осуществлялась под покровом ночи.

Армия начала приспосабливаться к новой тактике. В горных районах Галилеи и "опасного треугольника" были проложены многочисленные стратегические дороги, среди них — шоссе Дженин — Хайфа и шоссе через Вади-Ара, которые сделали район Кармела доступным для воинских частей.

На молодого энергичного и предприимчивого капитана Вингейта была возложена обязанность изыскать пути борьбы с нелегальной переброской оружия в страну и с диверсиями на нефтепроводе из Ирака в Хайфу. Результатом его предложений явилось создание "специальныхочных подразделений", которые сыграли важную роль в развитии сил еврейской самообороны.

Высшая точка арабского восстания и его подавление

Летом 1938 года в Европе возник чехословацкий кризис. Отправка британских воинских контингентов в Палестину прекратилась. На определенном этапе часть войск была даже переброшена в Египет, Великобританию и Европу. Армия была вынуждена сократить свои операции. Бомбы, заложенные членами ор-

ганизации Эцел в Хайфе, Яффе и Иерусалиме, привели к тому, что широкие слои арабской общественности, ранее выступавшей против иерусалимского муфтия, теперь объединились вокруг банд. С окончанием сбора урожая массы крестьян освободились от полевых работ, и значительная часть их вновь начала принимать участие в военных действиях. Это стечние обстоятельств на короткое время увеличило силы арабского восстания, достигшего своей наивысшей точки.

В августе 1938 года банды начали контролировать дороги и некоторые населенные пункты страны. "Все железнодорожные станции между Иерусалимом и Лодом были сожжены, — говорится в отчете военного командования, — а также станции между Лодом и египетской границей. Совершены нападения на Беэр-Шеву, Хеврон, Бейт-Лехем и Рамаллу, в ходе которых были подожжены почтовые отделения, здания муниципалитетов, полицейские участки. За исключением главных дорог и мест, в которых дислоцированы армейские части, власти практически потеряли контроль над широкими районами страны".

Главари банд приказали арабам-горожанам носить на голове *куфию*, как это принято в деревнях, чтобы сельские жители, проникающие в города, не выделялись и не привлекали внимания армии и полиции. Сообщения и приказы главарей банд появлялись в виде листовок на стенах домов. Тела "предателей" валялись на улицах и не предавались земле. В Яффе городским жителям было запрещено пользоваться "еврейским" электричеством, и город возвратился ко временам керосиновой коптилки и свечей. Бандам удалось также захватить Старый город Иерусалима, за исключением еврейского квартала. Арабский флаг был поднят над Дамасскими воротами, напротив здания британской администрации. Арабское население страны почувствовало, что в стране нет твердой власти, и все зависит от воли главарей банд, которые немедленно приступили к убийствам своих противников среди арабов. Ни одна арабская газета не

осмеливалась сообщить или даже намекнуть об этих убийствах.

Однако победа арабских банд оказалась кратковременной. С заключением печально известных "Мюнхенских соглашений" в мире на год установилась видимость спокойствия. Британское правительство решило использовать политическую передышку и любой ценой завершить подавление восстания в Палестине, которое ставило под угрозу престиж и безопасность Британской империи. Было решено действовать одновременно в двух направлениях: подавить арабские банды и начать процесс политического умиротворения арабских руководителей.

В Эрец-Исраэль вновь начали прибывать воинские части. Прежде всего командованием отдан был приказ изгнать банды из Старого города Иерусалима. 18 октября 1938 года армия приступила к действию. Многие ожидали ожесточенного сопротивления арабов там, где это было удобно с военной точки зрения и важно с точки зрения политической. Однако ко всеобщему удивлению банды не представляли тогда реальной силы, способной противостоять англичанам. Два батальона установили осаду Старого города, прорвались в ворота и начали захватывать дом за домом. Повстанцы собирались во дворе большой мечети, куда армейские части не вошли, не желая давать повода подстрекателям. Ночью члены банд ускользнули, тайком перебравшись через городскую стену.

Военный режим был распространен на всю страну. Города и деревни, бывшие центрами восстания и его гнездами, войска прочесали и очистили от бандитов. 1 ноября армия взяла под свой контроль движение по дорогам страны. Каждый, кто намеревался ехать, должен был получить специальное разрешение.

В этот момент британское правительство сделало первый шаг в сторону примирения с арабами. 9 ноября 1938 года был опубликован отчет "комиссии по раздели", которая пришла к выводу, что план, предложенный комиссией Пиля, неприемлем. Несколько членов

комиссии предложили создать еврейское государство, которое находилось бы в прибрежной полосе между Зихрон-Яаковом и Реховотом и включало бы Тель-Авив и его окрестности. Одновременно с опубликованием отчета британское правительство отказалось от плана раздела и создания еврейского государства. Оно объявило о своем намерении пригласить представителей арабов Палестины и соседних стран вместе с представителями Еврейского агентства за "круглый стол" переговоров в Лондоне. Это совещание, по мысли англичан, должно было обсудить будущее Палестины, пытаясь найти решение, приемлемое как для евреев, так и для арабов.

Отмена плана раздела Палестины и удары, нанесенные армией бандам, способствовали укреплению умеренных тенденций в арабской общественности. 15 ноября лидер умеренных Нашашиби опубликовал письмо Верховному комиссару, в котором заявил, что арабы удовлетворены отменой плана раздела. Муфтий не представлял больше мнения арабской общественности, которая ожидала успеха совещания, объявленного британским правительством. При открытой поддержке властей Нашашиби начал организовывать "Отряды мира" для борьбы с бандами муфтия. Во главе этих сил встал Абд аль-Хади, в прошлом один из главарей повстанцев. Террористы, отколовшиеся от банд, были одеты в военную форму и вместе с солдатами отправлялись подавлять гнезда грабителей в горах. На террор сторонников муфтия "отряды мира" отвечали контртеррором и жестокой братоубийственной войной, которая разъедала силы арабов изнутри.

В то же время армия активизировала операции по прочесыванию гор и долин, используя при этом патрульные самолеты. В сотрудничестве с ней действовали также еврейские вооруженные группы. Весной 1939 года арабы сообщили о месте укрытия Абд аль-Рахима аль-Хаджа Мухаммада, "командира палестинского восстания". Он был убит при попытке скрыться.

До начала Второй мировой войны имели место лишь отдельные террористические акты, — отголоски восстания, продолжавшегося три года. Центр тяжести политических акций был перенесен в Лондон. Там начались переговоры между представителями британского правительства и представителями евреев и арабов.

"Белая книга" Британского правительства (май 1939)

В этой конференции со стороны арабов принимали участие члены Высшего арабского совета во главе с кузеном муфтия Джамалем эль-Хуссейни и представители пяти арабских государств. Евреи были представлены большой делегацией, которая включала как сионистские, так и несионистские круги, однако выступала в качестве единого органа, возглавляемого Х. Вейцманом и Д. Бен-Гурионом.

С самого начала конференции (7 февраля 1939 года) арабы отказались вступить в прямые контакты с представителями евреев. Каждая сторона проводила отдельные заседания с представителями британского правительства, которое стало тем самым посредником в переговорах.

Вейцман потребовал от британского правительства возвращения к принципу экономической абсорбции и активной помощи еврейской алии в широком объеме; действенной помощи еврейским поселенцам и, в частности, передачи им земель, отмеченных как "негодные для обработки"; создания постоянных и соответствующих условиям страны сил еврейской самообороны.

Арабы потребовали независимости арабского населения Палестины, немедленного запрета депатриации и запрета покупки земель евреями. При выполнении

этих условий арабы были готовы заключить союз с Великобританией, который обеспечил бы ее интересы, и обязались уважать права еврейского меньшинства.

Никакого прогресса в переговорах не было достигнуто, и правительство Великобритании выдвинуло свой план. Он предусматривал создание палестинского государства, которое должно было возникнуть через десять лет, после переходного периода. Предполагалось, что это государство будет разделено на еврейские и арабские автономные кантоны. Еврейская алия ограничивалась 75 тысячами в течение пяти лет. Такой размер алии привел бы к тому, что евреи составили бы только треть населения страны. В большинстве районов вводились запреты или ограничения на покупку земель.

Еврейские представители отвергли этот план. Арабы были готовы изучить его при немедленном прекращении еврейской алии и выполнении англичанами ряда других условий.

17 мая 1939 года была опубликована "Белая Книга", в которой британское правительство объявило, что, по его мнению, оно уже выполнило свои обязательства по Декларации Бальфура и мандату о создании еврейского национального очага в Палестине, и "и теперь наступил час создать независимое палестинское государство, в котором оба народа этой страны, арабский и еврейский, будут сотрудничать с властью таким образом, что будут обеспечены жизненно важные интересы каждого из них". Правительство вновь обратилось к предложениям, выдвинутым за несколько месяцев до этого, и добавило, что оно примет все меры для предотвращения нелегальной алии и что "число тех нелегальных олим, которым, несмотря на все меры, удастся проникнуть в страну и невозможно будет их выслать, будет вычтено из ежегодной квоты".

Двадцать лет сотрудничества и союза с Великобританией подошли к концу. Теперь на его место пришла политика закрытия границ и прекращения развития еврейского национального очага в Эрец-Исраэль. Ев-

рейское население не имело иного выхода, как бороться за свое существование и за свое будущее. Начался этап решительной борьбы и еврейского сопротивления.

XII. ХАГАНА В ПЕРВЫЙ ГОД БЕСПОРЯДКОВ

Кровавые дни в Яффе

События 1936 года поставили Хагану перед серьезными проблемами, с которыми еврейский ишув раньше не сталкивался. На сей раз напряженность продолжалась месяцами. Нападения происходили по всей стране и переросли в арабское восстание. К такому повороту событий Хагана не была готова. Надо было найти новые пути, новые рамки деятельности.

Срочные проблемы безопасности требовали быстрых решений. В буре событий выкристаллизовались новые формы работы, которые в последующие годы закрепились и изменили весь облик Хаганы. Из местной милиции она превратилась во всеизраильскую организацию.

Первые шаги Хаганы на новом пути станут ясны, если мы обратимся к ее деятельности летом 1936 года.

Первым серьезным испытанием была оборона Тель-Авива. После убийства Хазана командование Хаганы в Тель-Авиве объявило в пятницу 17 апреля состояние боевой готовности во всем городе. Сотни рядовых членов организации покинули места работы и явились на свои постоянные посты. Служба первой помощи была

готова начать действовать по первому зову. Это была обычная операция, в которой каждый командир знал свои обязанности и каждый рядовой член организации — свое место. На исходе субботы командование решило, что напряженность спала, и члены организации разошлись по домам. Это было серьезной ошибкой, которая показала отсутствие эффективно действующей службы информации.

На следующий день утром командование Хаганы получило известие о первых нападениях. Немедленно был объявлен приказ о мобилизации. Связные на велосипедах разъехались во все концы города для того, чтобы призвать командиров и бойцов вернуться на свои места. Подвижная рота в составе 70 человек под командованием Саадии Киршенбойма собралась в течение часа. Небольшие группы бойцов были направлены для спасения евреев, проживающих в арабских или смешанных кварталах. Больницы менее, чем за час, были предоставлены в распоряжение "службы медицинской помощи", которая самоотверженно оказывала помощь десяткам раненых. Сигнальщики заняли наблюдательные посты. Было распределено оружие. Патрули направились на окраинные улицы, резервные группы были приведены в состояние готовности. На четвертый день беспорядков на позиции были доставлены гранатометы.

Одной из важнейших задач Хаганы в те дни было предотвращение бегства жителей из окраинных кварталов. Если бы не члены организации, число беженцев достигло бы тысяч, целые кварталы были бы брошены и центр Тель-Авива открыт для погромщиков.

Арабы почувствовали, что Хагана стоит на страже, поэтому ни одна серьезная попытка напасть в те дни на Тель-Авив так и не была предпринята. Не совершились такие попытки и в последующие дни.

Хагана в Тель-Авиве

Командование Хаганы убедилось, что на сей раз дни напряженности не пройдут столь быстро, как это было в 1921 и 1929 годах. Городу предстояли недели и месяцы состояния боевой готовности. Надо было перестроить сторожевую службу. Большая часть членов организации днем расходилась по домам. На страже оставались лишь небольшие группы наблюдателей и патрули. Ночью к ним присоединялись дополнительные силы, которые каждые несколько дней менялись. В ночном Тель-Авиве сторожевую службу несли около 250 человек. Чтобы облегчить бремя охраны, был объявлен набор новых членов организации, которые проходили ускоренные тренировки. На отдаленные участки были посланы врачи и медсестры.

Очень скоро командование Хаганы стало одним из центральных учреждений Тель-Авива. Вначале формы деятельности организации оставались прежними. "В плантациях цитрусовых засели арабы, и мы не выходили на прочесывание этих плантаций, ограничиваясь стрельбой в их направлении", — рассказывал командир участка Неве-Шаанан Меир Шарвит. Наиболее трудными районами были южные, граничащие с Яффой, участки Керем ха-Тейманим, кварталы Бреннер, Аарон и Неве-Шалом. По дороге в квартал Ха-Тиква в прохожих стреляли даже днем, и двое еврейских рабочих были убиты по дороге туда. В квартале не было ни одного члена Хаганы, и первая группа самозащиты, прибывшая на место, под командованием Михаэля Бен-Гала считала своей главной задачей подбодрить большинство жителей, отговорить от намерения покинуть квартал и затем научить их нести охрану. Сюда были направлены выпускники инструкторских курсов, которые были организованы в Тель-Авиве. В течение шести месяцев обороныли члены Хаганы этот квартал от непрерывных атак соседей из Саламе. Особые

условия привели к тому, что в квартале Ха-Тиква впервые вспыхнули искры активной обороны: были организованы засады в плантациях цитрусовых и в вади. В момент арабской атаки люди не ограничивались ответным огнем, а атаковали арабов с флангов и с тыла.

В квартале Бреннер, частично окруженному проволочным заграждением, в иные ночи чувствовалось большое напряжение. А на расстоянии нескольких десятков метров, на улице Алленби или Нахалат-Биньямин сотни и тысячи гуляющих заполняли тротуары, сидели в кафе, посещали кинотеатры и театральные постановки.

Члены Хаганы так успешно охраняли границы города, что в течение полугода в нем была лишь одна жертва. Однако на окраинах Тель-Авива не прекращались стрельба, индивидуальный террор и грабежи.

Горячие головы в Хагане не находили удовлетворения в однообразной сторожевой службе и постоянно на нее жаловались. Но вскоре и для таких нашли подходящее дело. Часть была отправлена в окраинные районы, в Моледет и Ха-Тикву, другие же добровольно отправились на защиту поселений Галилеи.

Ответные действия летом 1936 года

Параллельное существование Хаганы и Национальной военной организации (Эцел), которые действовали в крупных городах и главным образом в Тель-Авиве, Иерусалиме и Рамат-Гане, приводило к несогласованным действиям в системе городской обороны. Боевые позиции Эцела находились подчас неподалеку от позиций Хаганы, но связи между командованиями обеих

организаций не существовало. Каждый командир самостоятельно пытался найти общий язык со своим соседом. В большинстве случаев обе стороны ограничивались обменом информацией или передачей сведений о расположении позиций, чтобы в случае столкновений с арабами не произошло ошибки и не началась стрельба по своим. Практически не было большой разницы между методами обороны, применяемыми обеими организациями. Обе придерживались тактики пассивной обороны. В эти дни особенно ярко проявлялась бессмысличество разъединения сил обороны ишува.

Лишь однажды обе организации нарушили линию воздержания от ответных акций. Это произошло после убийства двух медсестер в Яффе. 17 августа ночью все командиры участков Хаганы были вызваны в городской штаб, где им был дан приказ открыть огонь по арабам, находящимся по ту сторону боевых позиций. После четырех месяцев вынужденного воздержания людям была дана возможность ответить убийцам за все их злодеяния.

20 августа в Хайфе была проведена акция мести за убийство четырех еврейских рабочих, направлявшихся в Яарот ха-Кармел. Целью операции было нанесение удара по арабам деревни Тира, откуда пришли убийцы.

Сохранение линии воздержания было одним из самых больших тактических достижений Хаганы как военно-политической организации. "Мы трудились много лет, — писал один из руководителей Хаганы Шаул Мееров, — пока нам не удалось добиться полного подчинения сионистским учреждениям во всем, что касается безопасности ишува. Можно спорить о том была ли официальная политическая линия верной или нет, однако в самом факте полного подчинения высшему сионистскому органу следует видеть общественно-политический успех первостепенной важности".

Особый характер Иерусалима и Хайфы, как городов со смешанным населением, привел к изменению методов обороны этих городов. В Иерусалиме существовал большой блок еврейских кварталов, на границах которых в укрепленных домах установили свои позиции члены самообороны. Рамат-Рахель прикрывал путь арабским бандам с юга. Большое здание столовой этого поселения служило защитной крепостью для района Талпиот и его окрестностей. К северо-востоку от Талпиот, на учебной ферме, руководимой Рахель Янайт, несмотря на обстрел, продолжались работа и учеба. Учащиеся фермы вели непрерывную охрану, которая поддерживалась членами Хаганы. В северной части города, в Санхедрии, находился кооперативный дом. К западу располагалась учительская семинария в Бейт ха-Кереме, которая являлась центром самообороны, а в северо-восточной части города находились здания университета. Иерусалим также оказывал помощь в обороне таким небольшим населенным пунктам, как Атарот, Неве-Яаков, Кирьят-Анавим, каменоломни Нахалат-Ицхак, Арза, Верхняя и Нижняя Моца и Хартув. Около 300 рядовых членов организации каждую ночь занимали позиции вокруг города, и более 120 отправлялись в поселения Иудейских гор.

Чтобы облегчить бремя сторожевой службы, был расширен прием новых членов в Хагану. Это привело к заметному усилению организации.

Особую проблему представляла забота о безопасности еврейского населения в Старом городе Иерусалима, которое после беспорядков 1929 года резко скратилось и насчитывало всего около 4 тысяч человек. Со вспышкой арабского террора в Старом городе (13 мая 1936 года) оттуда началось бегство евреев в Новый город, и возникли опасения, что еврейский квартал Старого города полностью опустеет. Национальные учреждения и Совет еврейской общины

Иерусалима приложили значительные усилия для поддержки этого квартала. Беженцы вернулись в свои дома. Было достигнуто согласие властей открыть в еврейском квартале специальный полицейский участок.

В Хайфе арабы еще хорошо помнили удары, полученные ими во время беспорядков 1929 года. Несмотря на это, Хагана приняла на себя большую нагрузку. Прежде всего, возникла насущная необходимость пополнить организацию. Новый набор за короткое время превратил хайфский филиал в самый крупный в стране. Число членов Хаганы достигло там летом 1936 года 2400 человек. Основным источником новых кадров был Технион, все студенты которого вступили в организацию.

Новые члены организации прошли ускоренное обучение. Тренировки групп продолжались непрерывно по 7–8 дней.

На Хайфу легло тяжелое бремя обеспечения безопасности окрестных поселений. Ягур, Нешер и Кирьят-Хаим справлялись с охраной собственными силами. Однако имелись слабые, плохо защищенные поселения (Кфар-Ата, Яарот ха-Кармел и другие), которые нуждались в заботе и помощи. Везде велась лихорадочная работа по созданию проволочных заграждений, установке прожекторов, рытью траншей. В целом Хагана сумела с честью выполнить возложенную на нее задачу.

Три города, в которых проживало более 70% еврейского населения страны, были источником резервов и помощи для десятков небольших поселений, расположенных в их окрестности, и удаленных районов, которые по разным причинам не могли самостоятельно обеспечить свою безопасность.

Хагана вне городской черты

Вопреки ожиданиям, в 1936 году арабы не осуществляли атак на еврейские поселения. Центр тяжести арабской активности был перенесен на транспортные артерии. Это тактическое изменение застало Хагану врасплох, и в результате создалось странное положение: организованные еврейские вооруженные силы сидели в укрепленных поселениях почти без дела, а арабы наносили ущерб посевам и плантациям и хозяйничали на дорогах.

Система укреплений того периода включала устройство проволочных заграждений военного типа вокруг поселения с установленным в центре прожектором и огневыми точками вдоль линии заграждения. Когда выяснилось, что беспорядки затягиваются, началось строительство бетонированных укрепленных постов. Вместо нападений на еврейские поселения арабы занялись налетами на их поля. Первое такое нападение состоялось в Изреэльской долине, и на него не последовало ответа. Когда бедуины из долины Бейт-Шеана начали поджигать поля евреев, феллахи окрестных арабских деревень дрожали от страха. Они были уверены, что евреи в отместку ответят поджогом их посевов. Арабы сотнями выходили на поля и спешили убрать урожай даже там, где злаки были еще зелеными. Но вскоре они убедились, что их страхи были напрасными. Евреи не только не поджигали поля арабов, но покинули свои поля и плантации на произвол судьбы.

Первый поджог в долине произошел на землях Тель-Шок, расположенного между Бейт-Альфа и Бейт-Шеаном, которые обрабатывались членами кибуца Тель-Амал. Молодые поселенцы жили еще в Бейт-Альфа и ежедневно отправлялись оттуда обрабатывать поля Тель-Шок. Охрана земель осуществлялась арабским сторожем. В ночь на 21 апреля арабы подожгли

поля, и весь труд молодых кибуцников пошел прахом.

Ночью 22 апреля были подожжены поля Гуш-Харод в районе Бейт ха-Шита. Из Бейт-Шеана прибыла полиция, которая потушила пожар и приказала жителям поселений оставаться на своих местах.

Вокруг вопроса, следует ли выходить на охрану полей, плантаций и лесов, или ограничиваться вызовом полиции, разгорелись ожесточенные споры. Было несколько причин такого пассивного поведения: а) люди опасались, что поджоги — всего лишь попытки выманить силы обороныющихся, чтобы потом атаковать и уничтожить само поселение; б) отсутствовал опыт ночных операций.

Противники выхода в поле утверждали, что ответные действия против поджигателей могут "разжечь страсти" в округе, а это таит в себе опасность нарушения линии воздержания.

Многие руководители Хаганы и члены поселений не могли согласиться с таким подходом и видели в нем большую опасность для всего ишува.

Через три недели после начала беспорядков Центр Хаганы и Исполнительный комитет Хистадрута созвали представителей поселений со всех концов страны на разъяснительное совещание в Тель-Авиве "То, что перенесли мы за эти три недели, пятнает всю тридцатилетнюю историю нашего пребывания в стране, — этими словами открыл совещание Шломо Лави член кибуца Эйн-Харод. — Если бы мы были вернь нашей традиции, не был бы сожжен ни один дунам не было бы вырублено ни одно дерево". Ицхак Табенкин, также член кибуца Эйн-Харод, подчеркнул что прошедшие 20 дней "заставили феллахов усомниться в нашей решимости. Если поля будут оставлены и поджигатели останутся безнаказанными, нам вскоре придется защищать поселения".

“Выйти за заграждения!” – таков был лозунг всех молодых и отважных защитников ишува летом 1936 года. Первые недели беспорядков поставили еврейское население в сложное и опасное положение. В этой обстановке лозунг воздержания получил смысл некоего прикрытия трусости и беспомощности.

Первым шагом была охрана полей группами, ночевавшими в полях и имевшими в своем распоряжении пожарные принадлежности. Часть бойцов с оружием в руках рассеивалась по всей округе и обеспечивала безопасность пожарников.

В северной части долины Хефер были районы частных плантаций цитрусовых (Хадария, Мерец, Хибат-Цион), владельцы которых согласились платить за их охрану. Был куплен грузовой пикап и нанят постоянный водитель. Охрана была набрана из жителей поселений округи и ежедневно менялась. Пикап проносился по песчаным дорогам окрестностей и охранял еврейских рабочих, занятых на плантациях, и сами плантации. Это был один из первых подвижных еврейских патрулей в Эрец-Исраэль.

Одной из наиболее трудных задач, возложенных на иерусалимский филиал Хаганы, было обеспечение безопасности небольших поселений в Иудейских горах и отдаленных городских кварталов. Элияху Кохен, заместитель командира города, создал для этой цели специальную группу, куда вошли, главным образом, молодые члены организации и подростки, воспитанники иерусалимских групп связи, которые не были обременены заботами о заработке. Их можно было мобилизовать на длительное время без денежной компенсации. Отдельные группы были посланы в поселения Иудейских гор: Атарот, Кирьят-Анавим, Моцу и каменоломни, расположенные вдоль шоссейной дороги Иерусалим–Яффа. Эта мобильная группа

послужила основой развития активной обороны в данном районе, и на нее опирался Ицхак Садэ в своих первых операциях, ознаменовавших целую революцию в тактике Хаганы.

Ицхак Садэ летом 1936 года был назначен командиром обороны западных кварталов Иерусалима, граничащих с Малхой и Эйн-Каремом, которые не давали евреям покоя весь период беспорядков. По прибытии в Байт ва-Ган он обнаружил обычную и общепринятую в те дни систему обороны. Защитники сидели в крайних домах квартала и отвечали огнем на стрельбу арабов. Единственной целью обороны было предотвращение проникновения арабов в квартал. Почти каждую ночь арабы забирались на противоположный холм (ныне – гора Герцля) и беспрепятственно обстреливали дома квартала. Ицхак Садэ организовал специальное отделение защитников квартала и с наступлением вечера отправил их на холм. Ночью, когда арабы приблизились, они были отогнаны огнем защитников. Вдобавок он скомандовал: "Огонь по Эйн-Карему". На следующее утро иерусалимская полиция была потрясена. Впервые с начала беспорядков жители Эйн-Карема пожаловались, что их обстреливают со стороны Байт ва-Гана.

В мае И. Садэ отправился в Кирьят-Анавим. Здесь он встретился с Цви Спектором и Исраэлем Бен-Иехудой ("Абду"), молодыми иерусалимскими парнями, которые охраняли местных поселенцев, сидя в бетонированном укреплении, установленном на вершине горы к северу от поселения. Вместе с ними Ицхак отправился ночью в горы. Во время патрулирования они наткнулись на группу вооруженных арабов. В завязавшейся перестрелке Абду получил легкое ранение в ногу. Ицхак отогнал нападающих двумя ручными гранатами.

Слух о действиях Ицхака Садэ дошел до Элияху Кохена. В согласии с Яаковом Патом, командиром города, Элияху Кохен начал организовывать мобильные отделения в Иерусалиме и его окрестностях.

И. Садэ стал их инструктором. Постепенно была изменена вся система обороны. Вместо пассивной охраны, требовавшей концентрации крупных сил, которые на позициях изнывали от безделья, в середине июня было решено ввести в действие мобильную роту, в которую с течением времени вошли 75 самых смелых и молодых защитников Иерусалима.

Со временем И. Садэ начал посыпать своих бойцов в засады возле деревень, откуда выходили арабские банды. В это время другое отделение гнало бандитов и передавало их в руки тех, кто сидел в засаде. "Молот" (кочующая группа) наносил удар по противнику, прижатому к "наковальне" (группе, сидевшей в засаде возле деревни). "Кочующие" действовали в двух крупных районах: Кирьят-Анавим, Моца, Арза, каменоломни Солел-Боне (неподалеку от Йуба), и Атарот, Неве-Яаков.

Кочующая группа с течением времени воспитала большой отряд умелых и закаленных рядовых и командиров. Они накопили бесценный боевой опыт.

Операция Мигдал-Цедек

Важным этапом развития Хаганы и упрочения новой тактики — выхода за пределы еврейских поселений — стал поход на каменоломни Мигдал-Цедек.

К востоку от Петах-Тиквы, на расстоянии около 10 километров от нее, в районе Рош ха-Аин и неподалеку от арабской деревни Мигдал-Цедек находились многочисленные каменные карьеры, поставлявшие камень, щебенку и известь большим стройкам района Тель-Авива. До беспорядков на этих каменоломнях работали сотни арабов и несколько десятков еврейских рабочих.

В разгар беспорядков национальные учреждения приняли решение возобновить работу в каменоломнях Мигдал-Цедек. Для этой цели была начата прокладка дороги, связывающей их с Петах-Тиквой. В августе 1936 года еврейские рабочие приступили к работе. Днем арабы не осмеливались нападать на рабочих, однако по ночам осуществляли крупные диверсионные акты. Особенно пострадала каменоломня Слонима-Барлеви, где были разрушены бараки и взорваны новые электрические печи для обжига известняка.

Центр Хаганы поручил Ицхаку Садэ обеспечение безопасности этого места. Группа добровольцев из Петах-Тиквы, Рамат-Гана и Гиватайма отправились 13 января 1937 года на карьер Слонима-Барлеви. Поскольку власти по-прежнему отказывались допускать в Мигдал-Цедек охрану и оружие, бойцы Хаганы явились туда под видом членов "союза сторожей". Первые дни сторожевой службы, в самый разгар сильных дождей, были очень трудными. В лагере не было ни одного помещения, которое предохраняло бы от ливней и холода. Лишь после того, как повреждения были исправлены, положение улучшилось. Вскоре там поселились десятки рабочих, были построены новые жилые помещения и столовая. Власти приняли на официальную службу 50 человек охраны и даже предоставили им форму и оружие. Английский сержант был направлен для того, чтобы осуществлять командование охраной, но бойцы Хаганы сумели его обезвредить. С течением времени были устроены хорошо укрепленные позиции и налажена внутренняя телефонная связь между позициями.

Душой Мигдал-Цедека был в ту пору Ицхак Садэ. Он превратил лагерь охраны в базу военной подготовки и усиленных тренировок. "Из группы бойцов были отобраны 6 человек, которые представляли собой патрульное отделение, — вспоминают ветераны. — Ицхак выходил с нами на арабскую территорию. Мы патрулировали, кружили по округе и даже заходили в арабские деревни, заворачивали в местное кафе и заказы-

вали воду или кофе. Столкновений не было, ибо арабы были потрясены. Они не представляли себе, что мы вообще высунемся из лагеря”.

Мигдал-Цедек сделал свое дело. Он доказал, что небольшими организованными силами можно проникнуть в чисто арабские местности, укрепиться там и обеспечить безопасную работу сотен еврейских рабочих.

Боевые тренировки

Важное место в деятельности Хаганы в 1937 году занимали боевые тренировки. В дни беспорядков выявилось, что прежние методы подготовки были отсталыми и малоэффективными. Были случаи неудач при выполнении боевых заданий, так как люди не привыкли быстро и уверенно обращаться с оружием.

В сельских местностях методы подготовки были немедленно изменены. Проводились учения с боевыми стрельбами в полевых условиях. На курсах по охране, проводившихся в сотрудничестве с британскими войсками, командиры Хаганы знакомились с современными методами боевой подготовки, применяемыми в британской армии. Широкий круг членов организации получил возможность тренироваться с настоящим учебным ружьем в условиях, максимально приближенных к боевым. Организация сторожевой службы стала легальным прикрытием выпуска учебной литературы для Хаганы. Брошюры начали выходить в Хайфе в середине 1937 года; это были главным образом переводы с английского.

Целую серию подобных курсов открыл краткосрочный курс для офицеров, длившийся три недели и проходивший в Кфар-Виткин в ноябре–декабре.

ре 1936 года. Им руководил Яаков Достровский (Дори). Программа включала упражнения по ведению атаки, окапывание на местности, патрули отделениями и взводами, лекции по тактике, укреплениям и топографии.

Весной 1937 года Иосеф Рохел (Авидар) организовал всеизраильские курсы командиров. Со временем они превратились в постояннодействующие и заняли видное место во всей деятельности Хаганы.

В 1937 году в Нижнем Гвате были проведены три таких курса: центральный курс взводных командиров, курс командиров поселений (районов) и первый всеизраильский курс для женщин командиров. На этих курсах был тщательно проанализирован боевой опыт, накопленный за время беспорядков. Большое внимание, в частности, было уделено таким вопросам, как тушение пожаров под огнем противника, круговая и личная оборона и взаимопомощь между поселениями и командование отделением и взводом при атаке. Впервые были проведены маневры подвижных патрулей. Значительная часть тренировок была посвящена ночным операциям.

Инструкторы и лекторы курсов набирались как из ветеранов организации (Иоханан Ратнер, Яаков Дори), так и из молодых командиров (Иехошуа Глоберман, Рафаэль Атлас и другие). Впервые бойцы учились обращаться и с пулеметом типа "Рекем", доставленным из Польши.

Объединение с Эцел

Одним из важных событий в истории Хаганы, последовавшим за беспорядками 1936 года, было возвращение Авраама Техоми и его товарищей и части членов Национальной военной организации (Эцел) в ряды Хаганы. Это объединение имело бы большее историческое значение, если бы было всеобщим. Но даже в неполном виде оно явилось весьма положительным фактором.

По мере того, как Хагана приобретала облик государственно-общественного института, все абсурднее становилось существование параллельных организаций обороны, двух армий одного ишуга.

Еще в начале беспорядков 1936 года Д. Бен-Гурион от имени правления Еврейского агентства заявил о необходимости объединения организаций самообороны в стране при двух условиях: во-первых, "действительное объединение, а не легализация террора под маской объединения; во-вторых, политическое подчинение правлению Еврейского агентства по вопросам безопасности".

Национальные учреждения назначили Комиссию по вопросам объединения организаций безопасности, которая поручила Б. Кацнельсону и раввину М. Берлину "разработать платформу объединения". В этой платформе был определен принцип, согласно которому "оборона ишуга будет единой и всеобщей, под контролем и при полном подчинении Национальному комитету и Правлению сионистской организации". Партии обязались "использовать все свое влияние и авторитет для того, чтобы поддержать единую организацию обороны".

Платформа объединения была подписана 6 августа 1936 года, однако прошло еще много месяцев, пока она была воплощена в жизнь. Объединению противились ревизионисты и их руководитель Зеэв Жаботинский, находившийся тогда за границей.

В конце декабря 1936 года Элияху Голомб встретился с Жаботинским в Лондоне и пытался добиться его согласия на объединение. Однако Жаботинский утверждал, что он не может поставить своих сторонников в подчинение Еврейскому агентству. Он заявил, что не согласится на объединение до тех пор, пока не будет найдено такое решение политических разногласий, которое удовлетворит его партию.

На встрече представителей гражданского блока, Хистадрута и Национальных учреждений было достигнуто соглашение о восстановлении паритетного командования объединенной Хаганы. Во главе предполагалось поставить Центр в составе 16 членов и Командный комитет в составе шести членов с двумя координаторами, одним – от "правых", другим – от "левых".

Новым в этом соглашении было то, что принцип паритета, который ранее распространялся только на состав высших институтов организации, должен был теперь распространиться и на командование городов и секторов. Члены Национальной военной организации обязались объединить все: кадры, командование, склады оружия и источники его поступления. Согласно их требованию было принято решение о том, что процесс объединения будет продолжаться 9 месяцев.

Эти условия были переданы на обсуждение всеизраильского командования Эцел, которое приняло их подавляющим большинством голосов против небольшого числа голосов ревизионистов.

Когда объединение вступило в практическую стадию, его противники ответили на него активным сопротивлением. Во главе этого меньшинства стояли Моше Розенберг, Давид Разиэль, Ханох Стрелиц (Калаи) и Авраам Штерн. Эта группа откололась от организации, и, в соответствии с соглашением, получила часть складов оружия, принадлежавшего Эцел. Она присвоила себе старое название – "Национальная военная организация". Около 1500 человек из

общего числа в 3 тысячи членов Эцела возвратились в ряды объединенной Хаганы.

28 апреля объединение вступило в силу. Шаул Мерров (Авигур) и Авраам Техоми были назначены координаторами. Оружие, хранившееся на складах отколовшейся организации (более 400 единиц) постепенно было передано на склады Хаганы.

В день объединения в Хагане насчитывалось более 21 тысячи членов, рассеянных по 270 поселениям. Они имели 230 пулеметов, 4500 винтовок и около 10 тысяч пистолетов. В составе организации было 4 тысячи женщин.

Этим закончился болезненный этап раскола, продолжавшийся шесть лет, бесплодного и бессмысленного, который нанес значительный ущерб общему делу.

Объединение, однако, не достигло главной цели — полной ликвидации раскола в ишуве. Ревизионисты теперь окончательно освободились от бремени дисциплины ишува и стали независимой организацией, обладавшей своей политической линией. Проклятие раскола не было искоренено, и он продолжал разъедать ишув вплоть до самого образования Государства и создания Армии Обороны Израиля.

ХIII. ЛЕГАЛЬНЫЕ ЧАСТИ

Сотрудничество с властями

Характер беспорядков, чинимых арабами в те годы, поставил еврейское население и британские власти перед общей задачей: создать легальные охраняющие еврейские части, связанные с властями и сотрудничающие с англичанами.

Обе стороны не слишком были рады этому сотрудничеству. В лагере англичан многие отрицательно относились к усилению еврейских вооруженных сил. Вследствие этого право носить оружие и пользоваться им давалось властями евреям неохотно, в небольшом объеме и с опозданием. Лишь непрерывная политическая борьба и усиление беспорядков заставляли власти время от времени расширять сотрудничество с евреями.

За годы британского мандата евреи потеряли веру в добрые намерения властей. Даже в период тесного сотрудничества с англичанами они чувствовали, что партнеры готовы предать их в любой момент, когда им это будет выгодно. Вместе с тем, это сотрудничество имело очень большое значение для обеспечения существования еврейского ишбува и развития

Хаганы. "Трудно себе представить, как бы мы пережили беспорядки, если бы не охранные силы и не использование легальных возможностей, предоставленных нам", — сказал некоторое время спустя один из руководителей Хаганы Шаул Авигур.

Это сотрудничество открыло перед Хаганой широкое поле деятельности. Стало возможно проводить открытые учения и боевые операции, которые в нелегальных рамках были неосуществимы. Высшим этапом этой деятельности было активное сотрудничество Хаганы с капитаном Вингейтом.

Начало охранной службы

В июне 1936 года сделала свои первые шаги легальная охранная служба. Активный толчок ее возникновению был дан Центром Хаганы, который считал необходимым использовать любую возможность легального применения оружия. По его инициативе Еврейское агентство предложило властям укрепить полицию еврейскими добровольцами.

"Приказ полиции", изданный в ту пору, определял два рода вооруженной охраны: "дополнительные полицейские" и *гафиры*. Каждый районный комиссар полиции имел право в случае необходимости набирать "дополнительных полицейских", на что был выделен специальный бюджет. Они получали винтовку военного образца, форму и плату от полиции. *Гафиры* являлись институтом, унаследованным еще со времен турецкой империи, когда отдельные учреждения и лица могли с ведома полиции вербовать "личную" охрану (называвшуюся по-арабски *гафирами*). Эти охранники носили форму, похожую на полицейскую, были вооружены охотничими ружьями и получали плату от своих работодателей.

После долгих переговоров с Еврейским агентством власти начали выдавать евреям разрешения носить оружие в тех районах, в которых была опасность нападения и грабежа имущества.

Первые еврейские охранники появились весной 1936 года. Часть из них была одета в рабочую одежду и носила на рукавах повязки дополнительных полицейских, другие же получили форму желтого цвета или пятнистую. Головной убор представлял собой темный берет или *колпак* с эмблемой полиции, окруженной словом *гафир* на английском языке. В мае 1936 года дополнительным полицейским из жителей Галилеи и долин начали раздавать охотничьи ружья.

Политический отдел Еврейского агентства и Хагана стремились вывести *гафиров* из местных ограниченных рамок и сделать их силой, охватывающей всю страну. Иехошуа Гордон, в прошлом доброволец американского еврейского батальона, с 1929 года бывший связным между Еврейским агентством и полицией, начал заниматься вопросами охранной службы. С этого момента и вплоть до смерти в октябре 1941 года он целиком отдавался этому делу и добился очень многого.

В июне 1936 года Еврейское агентство предложило властям мобилизовать *гафиров* в различных поселениях страны. В предложении перечислялось 180 поселений и предлагалось набрать 750 охранников за счет британских властей и 1800 охранников за счет поселений. К присяге было приведено 600 дополнительных полицейских. Власти снабдили их формой, оружием и боеприпасами и согласились трети из них платить плату из своего бюджета. Их обязанности были определены как "охрана жизни поселенцев внутри самих поселений". Им не было разрешено выходить на поля и плантации. На первом этапе на поля могли выходить лишь *гафиры*, вооруженные охотничьями ружьями.

Быстро нараставшая волна насилия и беспоряд-

ков заставила власти резко увеличить число еврейских охранников. В конце июня было дано разрешение на набор еще 1240 охранников. К 1 сентября 1936 года их число достигло 2863 человек. Тогда же власти согласились на введение единой формы для охранников и вооружили их винтовками военного образца. Им было разрешено выходить за пределы границ поселений и нести охрану полей, виноградников и цитрусовых плантаций. Власти взяли даже на себя обязательство оплачивать около половины месячной платы охранников.

Появление тысяч евреев, вооруженных легальным оружием, изменило к лучшему положение в области безопасности и с политической точки зрения было очень важным фактором. Уже в то время рамки охранной службы использовались для обучения членов Хаганы в сельских местностях и вербовки новых членов.

Так как беспорядки продолжались, *гафиры* стали своего рода постоянным институтом, центральное управление которого было создано в том же году. Страна была разбита на пять районов, в которых делами охраны занимались британские офицеры. Были созданы четыре "пункта связи" — в Иерусалиме, Тель-Авиве, Афуле и Тверии. Каждый пункт возглавлялся "офицером связи" из евреев, в обязанности которого входило осуществление контактов с британскими офицерами, действовавшими в данном районе, решение различных вопросов, включая вербовку новых охранников. "Офицеры связи" находились в постоянной связи с Центром Хаганы и командирами секторов и советовались с ними по всем вопросам.

* * *

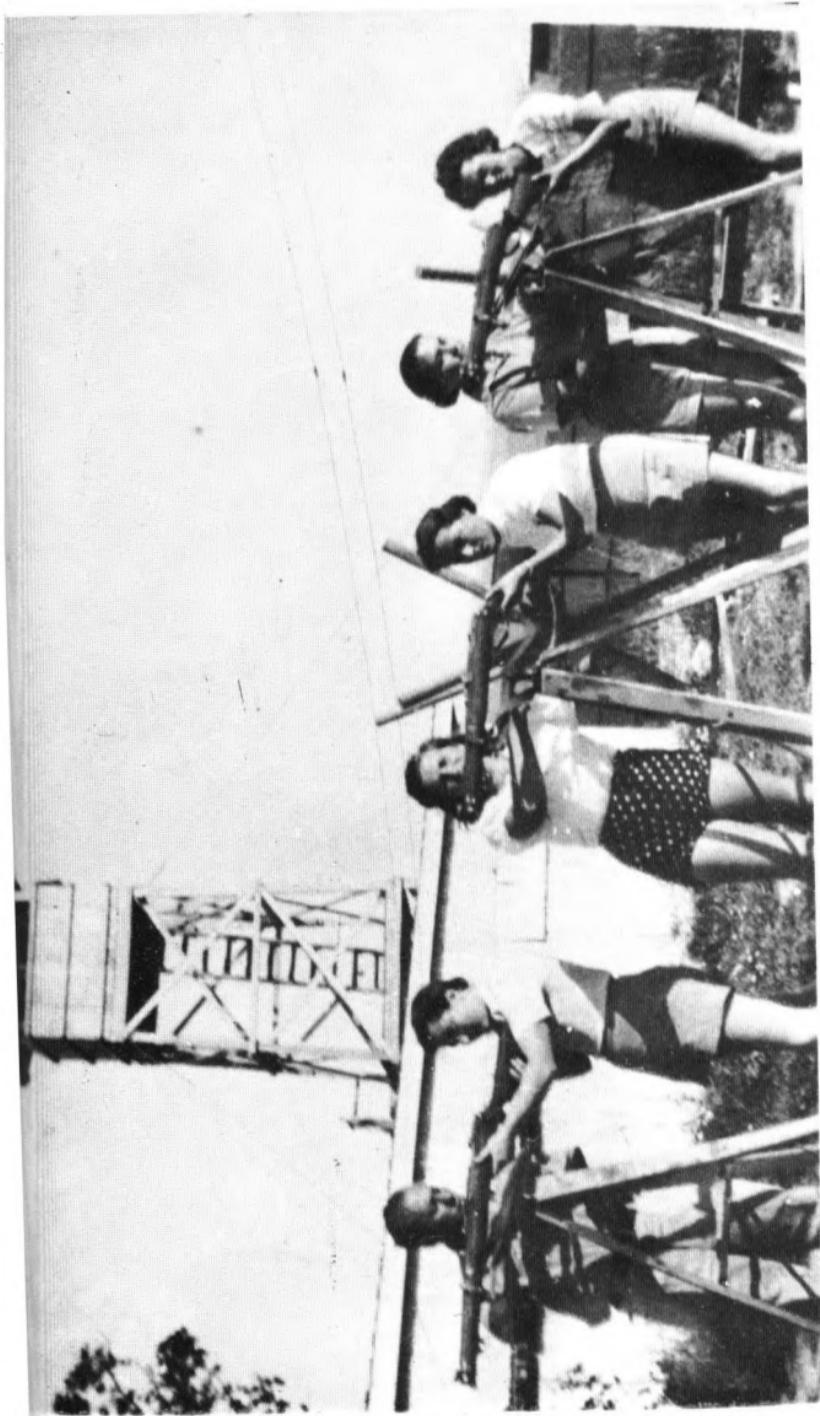
Легализация охраны открыла новые возможности для обучения еврейской молодежи пользованию оружием. Были организованы центральные курсы,

на которых в легальных условиях проводились занятия с боевым оружием. Весной 1937 года в Бат-Галим (возле Хайфы), в Нетании и Тель-Авиве состоялись три курса для капралов, в которых принимали участие 150 человек. Инструкторами были британские сержанты и ветераны-сверхсрочники, которые весьма основательно "муштровали" еврейских парней, посланцев Хаганы. Инструкторы были очень довольны курсантами, приходившими в тренировочные лагери, и подчеркивали, что их ученики быстро схватывают материал и занимаются с воодушевлением.

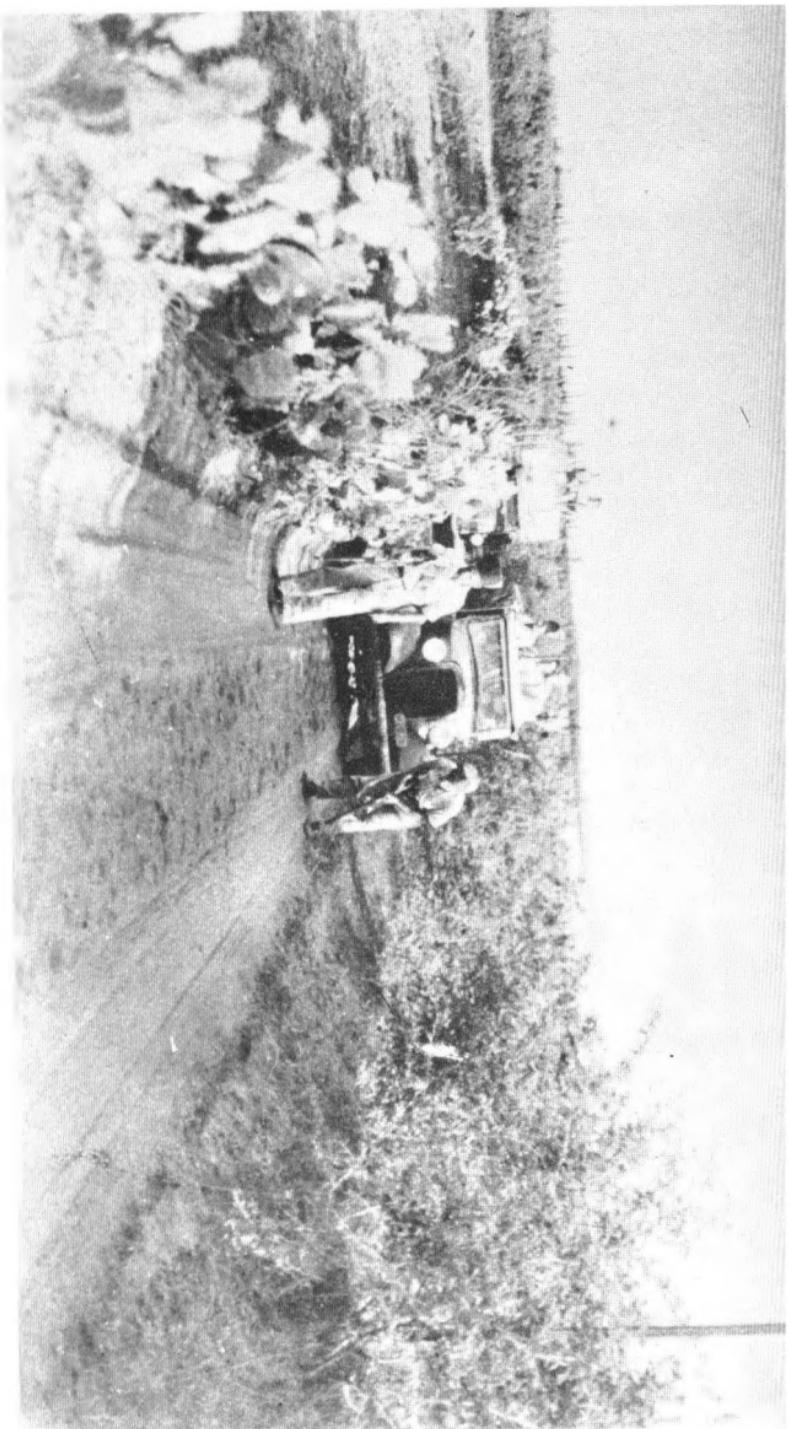
По окончании курсов 7 апреля 1937 года в Гиват-Хаиме состоялся парад, на котором присутствовали высшие офицеры британской полиции.

Усиление беспорядков привело весной 1938 года к реорганизации охранных войск. 1 апреля 1938 года около половины платных охранников (635 человек) были произведены в сержанты и капралы. Сержанты стали ответственными за целые районы. Они, разумеется, выбирались командованием Хаганы, а затем их кандидатуры утверждались британскими офицерами при посредничестве связных Еврейского агентства. В каждом пункте охраны находился сержант или капрал, имевший право набирать резервистов в соответствии с требованиями безопасности данного места. Это был важный шаг вперед. Сержант имел полномочия организовать охрану во всем секторе, концентрировать людей из разных мест, устанавливать засады. Полевые роты (Фош), организованные в 1938 году, получали большую помощь.

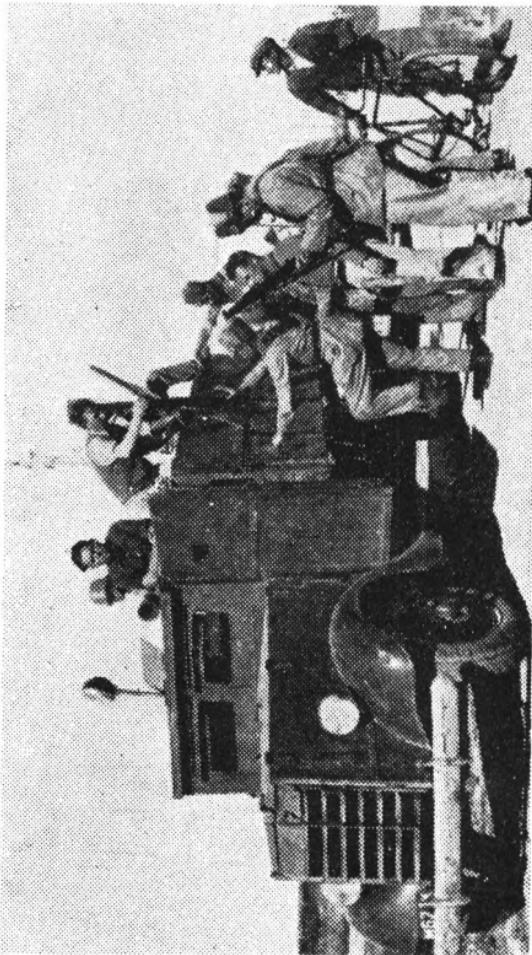
В июле 1938 года было решено превратить охранные части в полицейскую формацию, сформированную и организованную по военному образцу. Согласно этому плану была создана "полиция еврейских поселений" в составе 10 батальонов, которые более или менее соответствовали районному делению Хаганы. Им были даны еврейские наименования:

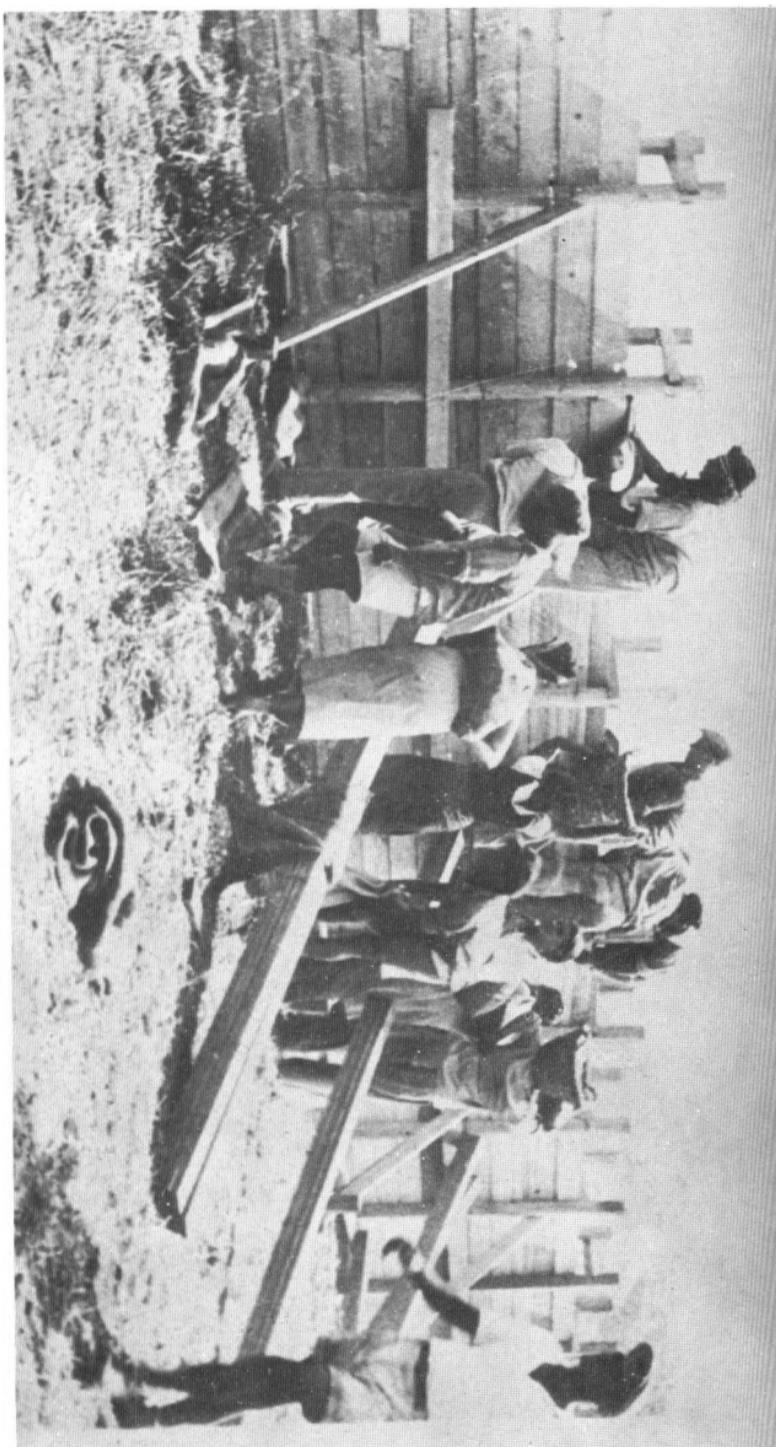
Курс членов Хаганы-женичин в Ханите (1938).

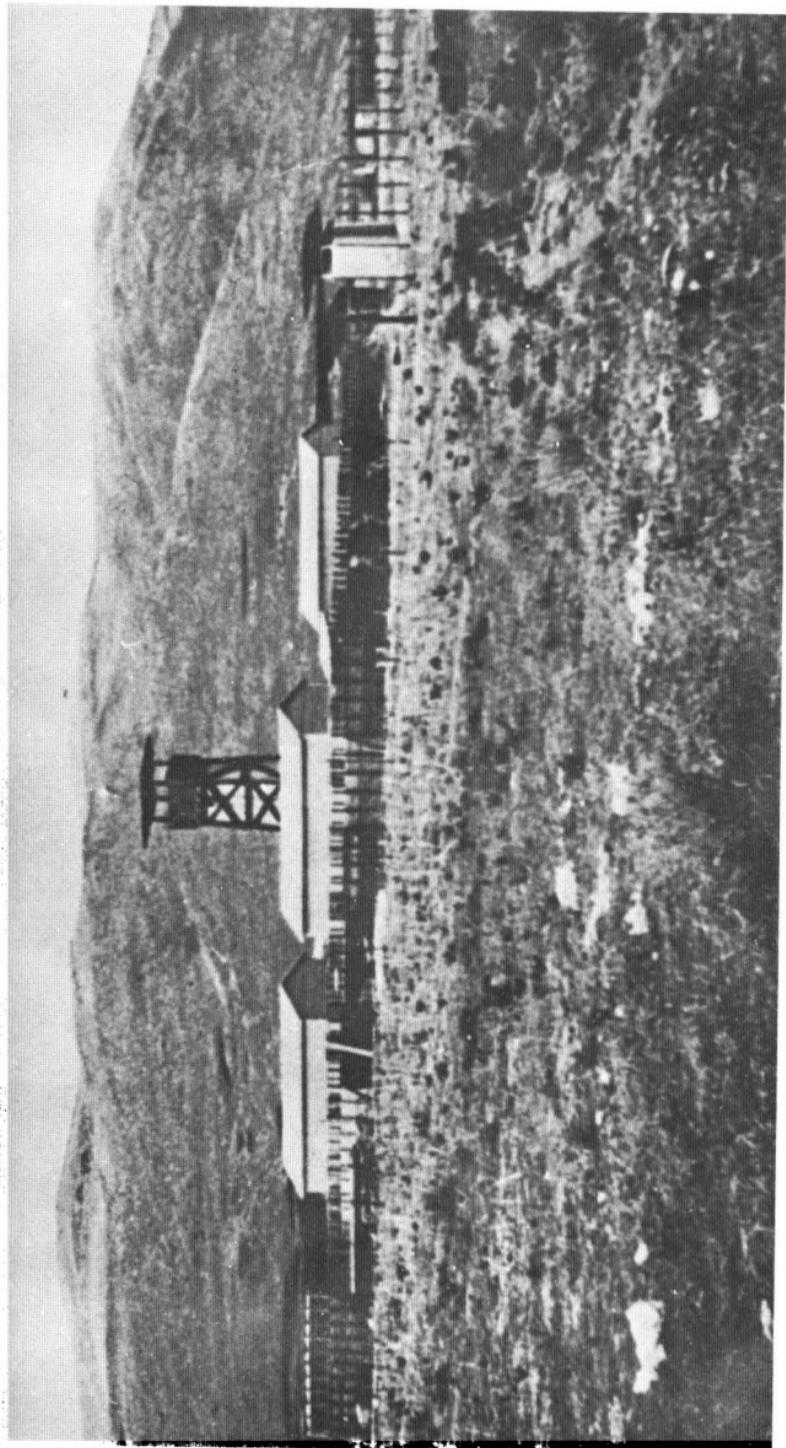
Обследование дороги перед автоколонной в Шароне.

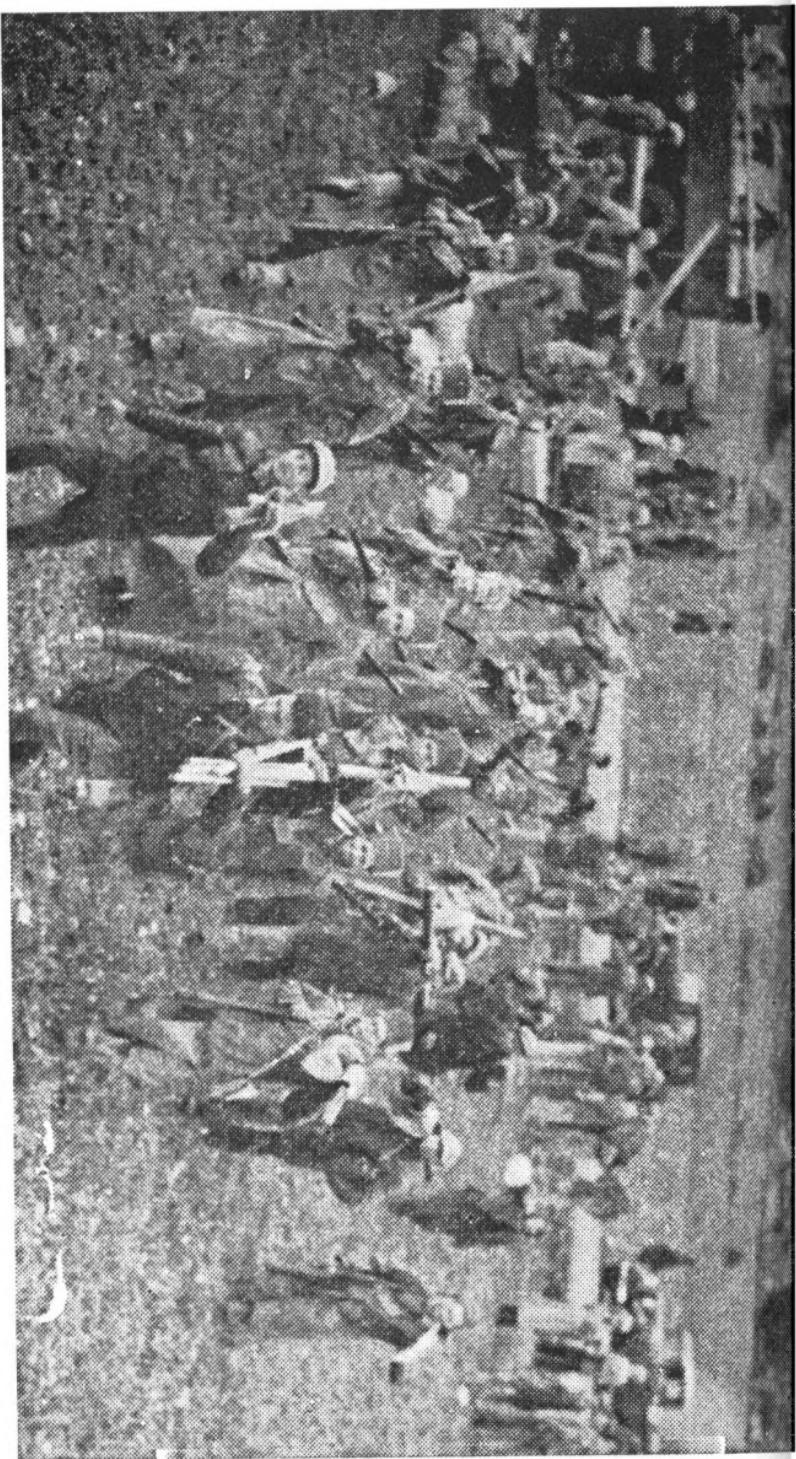
Мобильная охрана (1939).

Ограда и башня: сооружение ограды.

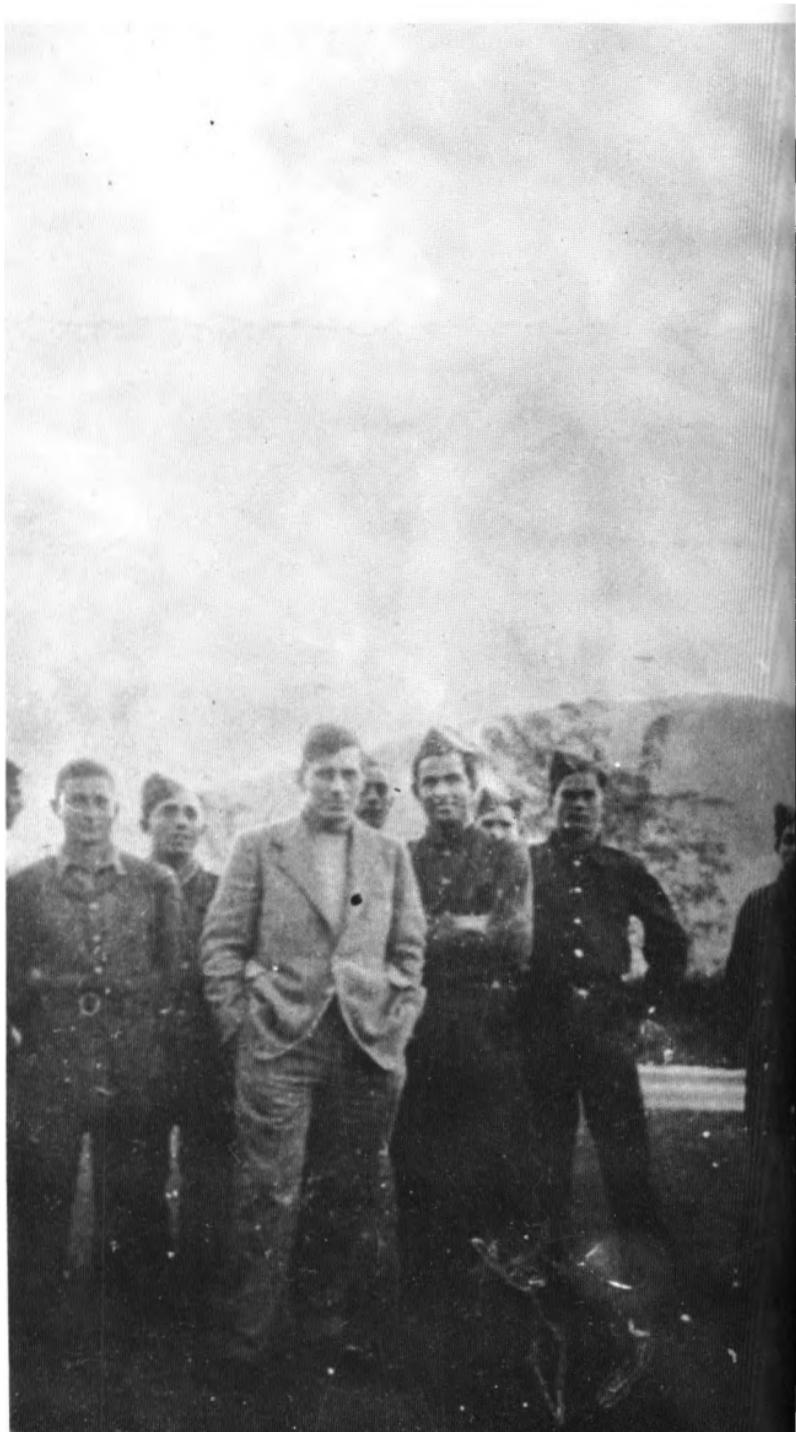
Тель-Амал – первое селение типа "Ограда и башня".

Начало заселения Нижней Чанты.

Арабская вооруженная банды

Чарльз-Орд Вингейт активно сотрудничал с Хаганой.

батальоны Иерусалима, Юга, Шарона, Эмек-Хефер, Кармела, Изреэля, Звулун, Гилбоа, Иордана, Верхней Галилеи. Каждый батальон имел свой цвет значка, который в виде треугольника прикреплялся к форме, к головному убору и изображался на автомашинах. Батальонам была выдана военная форма. Широкополые австралийские шляпы заменили восточные колпаки. Каждый, кто знает о влиянии красивой военной формы на настроение и мораль воина, может понять важность этих перемен; они подняли престиж охранников как среди евреев, так и среди арабов. Кроме дополнительного числа винтовок охранным отрядам были предоставлены 50 легких пулеметов и 40 гранатометов. Было увеличено число резервистов, и оно практически охватило большинство членов Хаганы (около 15 тысяч человек).

Во главе каждого батальона стоял британский полицейский офицер, а к нему был приставлен комиссар от имени Еврейского агентства.

Подвижные патрули

Особое место в охранных отрядах занимали так называемые подвижные патрули. Подвижной патруль, известный в различных чрезвычайных условиях под разными наименованиями ("кочующая рота"), возник, развился и стал постоянным подразделением в связи с распространением беспорядков по всей стране.

Уже в 1936 году члены "кочующей роты" в горах в районе Иерусалима, одетые в форму охраны, стали производить обходы. В 1937 году такие обходы участились. Власти молча согласились, например,

на проведение засад в период сбора урожая. На втором этапе появился небронированный "тандер" (автопикап), который начал действовать без предварительного согласия властей. Теперь появилась возможность за короткое время прибыть в любое место, где требовалась срочная помощь.

Еврейское агентство предоставило подвижным ротам "тандеры", и на службу в этом подразделении призывались самые смелые из молодежи. Вскоре эти патрули вышли в своей деятельности далеко за рамки, установленные британскими властями. Со временем был найден способ покрывать борта "тандеров" листами стали, и на дорогах страны появились полубронированные "тандеры".

Для того, чтобы тандеры могли в любой момент поспешить к месту событий, бойцы этих отрядов были сконцентрированы в особых палаточных лагерях.

Уже осенью 1937 года подвижные патрули, по указанию Центра Хаганы, были присоединены к "половым ротам" различных поселений. С реорганизацией охранной службы осенью 1938 года подвижные патрули были укреплены кадрами и оружием. Число бойцов подвижных патрулей достигло 400 человек, и они были разбиты на 60 групп. Патрули были вооружены пулеметами типа Льюис и гранатометами и стали основной ударной силой "полиции еврейских поселений".

Заграждения на севере

Одним из важнейших предприятий, осуществленных летом 1938 года, было строительство проволочной ограды вдоль северной и северо-восточной границ страны, получившей название "стены Теггар-

та", по имени сэра Чарльза Теггарта, опытного полицейского из Бенгалии, инициатора строительства этой ограды.

Северная граница служила перевалочным пунктом для арабских банд и контрабандистов, проникавших из Ливана в Эрец-Исраэль. Целью Теггарта являлось ограничить в какой-то мере движение банд при помощи ограды, вдоль которой предполагалось осуществить патрульную службу полицейских сил.

Строительные работы, на которые было мобилизовано более 1000 рабочих, вела фирма "Солел-Боне". Большой палаточный лагерь шесть раз переносился с места на место: из Шаар ха-Голан в Мигдал, Аелет ха-Шахар, Малкию, Сасу и Басу, каждое из которых расположено на расстоянии около 30 км одно от другого. На Хагану была возложена обязанность обеспечить безопасность лагерей и всех рабочих, занятых на строительстве в дикой горной местности, куда еще не ступала нога еврейского поселенца.

300 членов Хаганы принесли присягу в качестве охранников. 200 из них получали зарплату из бюджета властей, 100 были оформлены как *гафиры* на службе компании "Солел-Боне". Кроме того, 65 прорабов получили пистолеты.

Лагерь был окружен колючей проволокой и освещался прожекторами. За оградой находились позиции, устроенные из мешков с песком и снабженные полевым телефоном. Палатки охраны окружали жилище рабочих, так что "палатки взводов, находящихся ночью на посту, были расположены рядом с позициями" (из отчета об охране ограды). Палатки лагеря также защищали от обстрела мешками с песком.

В обязанность охранной службы "Солел-Боне", состоявшей из 10 взводов, входило сопровождение автоколонн, которые перевозили людей и строительные материалы через десятки километров враждеб-

ной территории. Эта охрана являлась также резервом рот, несущих охрану ограды.

Во главе всей операции стоял офицер связи, назначенный Центром Хаганы, Иехошуа Айзик (Эшел), а его помощником был Иосеф Гехт. Кроме легального оружия охрана имела при себе и оружие из складов Хаганы – около 1000 гранат и 10 пулеметов.

Три месяца, до конца июля, продолжалось строительство ограды. Все попытки банд помешать строительству закончились провалом. За три месяца погибли два строителя и трое были ранены. За то же время банды потеряли десятки человек убитыми и ранеными.

Железнодорожные части

Еще в марте 1937 года полиция сообщила о желании обучить группу еврейских охранников, которые обязуются в нужный момент вступить в специальные части по охране железной дороги. Для этой цели было мобилизовано 732 человека, главным образом из рядов Хаганы. Обучение этой группы бойцов происходило весной 1937 года на специальных курсах в Иерусалиме, Тель-Авиве, кибуцах Афиким и Алоним.

С усилением арабского террора железнодорожные части были мобилизованы, и в июне 1938 года на службу было призвано 434 бойца. На них была возложена охрана железной дороги, связывающей Хайфу с Лодом, – она была объектом постоянных террористических актов. Власти назначили на пост командира этого подразделения британского офицера Дентона, начальника полиции поселений района Иерусалима, человека смелого и инициативно-

го. В первые месяцы вопросами нового формирования от имени Хаганы занимался Иосеф Рохел (Авидар). Перед властями он выступал в роли офицера по социальным проблемам. Вначале охрана занималась обеспечением безопасности железнодорожных станций, которые в большинстве своем находились вблизи населенных пунктов — таких печально известных городков и деревень, как Калькилия, Туль-Карем и других. Затем в каждом опасном месте, и, в частности, возле железнодорожных мостов, были построены сторожевые вышки.

Поскольку железнная дорога в Шароне была своего рода границей между районом еврейского заселения и районом арабских деревень, охрана железнодорожных дорог стала одним из важных звеньев в обороне границ Шарона. Летом 1938 года бойцы железнодорожных частей были включены в состав "восточной линии", созданной Хаганой для защиты поселения этого района.

Арабские банды устраивали засады против железнодорожной охраны, закладывали на их пути мины, обстреливали после взрыва мин. В ходе этих диверсионных актов железнодорожная охрана понесла ощутимые потери. Особо тяжелое впечатление произвела гибель патруля в составе семи человек — трех еврейских охранников и четырех британских солдат, которые погибли на железнодорожной дороге 2 июня 1939 года неподалеку от деревни Тайбе. Зимой 1939 года войска железнодорожной охраны были увеличены до 800 человек. Еврейская охрана взяла на себя обеспечение безопасности железнодорожного моста у Вади-Саар (Нахал-Сорек) между Лодом и Иерусалимом.

В сентябре 1938 года была начата вербовка первых охранников для работы на аэродромах Атарот, Рамлы и Лода. Примерно тогда же взводу охраны в составе 148 человек была поручена охрана хайфского порта. Затем еврейские охранники присту-

пили к охране водопровода, тянувшегося из Рош ха-Аин к Иерусалиму.

Охранная служба разрешила проблему пассивной обороны еврейского ишдува. Сам факт существования такой организованной силы, за которой стояла Хагана, мешал любой серьезной попытке арабов возобновить кровавые беспорядки такого рода, какие происходили в 1929 и 1936 годах.

Благодаря усилиям Политического отдела Ерейского агентства и Хаганы рамки деятельности охраны были расширены. Она стала ежным достижением ишдува и очередным этапом превращения Хаганы из местной милиции в боевую военную организацию.

Чарльз Орд Вингейт (Уингейт)

Капитан Чарльз Орд Вингейт, основатель "специальныхочных взводов" был родом из шотландской семьи. Он родился в Индии в 1903 году, получил домашнее образование. Его семья относилась к одной из отковавшихся христианских сект, которая придерживалась строго пуританского образа жизни. Библейские легенды и сборник псалмов были его первым чтением, и это оставил след в его душе на всю жизнь. Из них он впервые узнал о Святой Земле и народе Израиля, подвиги которого овластили его воображением еще в детстве. В 1928 году Чарльз Вингейт вступил в "суданский корпус охраны", где прослужил пять лет. Здесь он приобрел первый опыт борьбы с бандами разбойников и контрабандистов, изучил арабский язык и обычаи народов Востока. По окончании службы возвратился на родину.

Беспорядки, вспыхнувшие в Палестине, вновь привели его на Восток. С активизацией действий британской армии в дни арабской забастовки (осенью 1936 года) Вингейт был включен в состав разведывательной службы при штабе генерала Дила и направлен в Хайфу, откуда осуществлялось командование операциями в районе Галилеи.

Еще по дороге в Эрец-Исраэль Вингейт начал внимательно изучать проблемы этой страны. Библейские сказания и борьба евреев с царями Ханаана, близкие ему пейзажи Святой Земли приблизили его к пониманию справедливых стремлений евреев. Вскоре его свели с начальником разведывательной службы Хаганы в Хайфе Иммануэлем Виленским (Ялан). Уже при первой встрече Вингейт не удержался и раскрыл перед Виленским свою душу. По его мнению, евреи должны усиленно изучать военное дело, чтобы добиться воплощения своих политических планов. Он считал себя тем человеком, которому предназначено вести еврейскую армию к окончательной победе сионизма.

Короткое время спустя Вингейт встретился с доктором Х. Вейцманом и Д. Бен-Гурионом, М. Шертом (Шаретом) и Э. Голомбом. Он изложил им план создания еврейской армии и добился доверия. Он усиленно принял изучать иврит и страну.

Вингейт был уверен, что в течение ближайших пяти лет вспыхнет мировая война, и, если к тому времени в Эрец-Исраэль будет существовать еврейская армия, достаточно обученная и готовая к действию, она сможет сыграть решающую роль на Ближнем Востоке.

В создании еврейского государства на части территории Палестины Вингейт видел осуществление первого этапа своего плана. Это государство могло стать базой развития военной мощи, которая была бы направлена на проведение операций в значительно более широком масштабе.

Осенью 1937 года, когда беспорядки возобнови-

вились, Вингейт выступил с резкой критикой методов британской армии в ее борьбе с арабскими бандами. В памятной записке, направленной генералу Вейвелу (Wave), Вингейт предложил внимательно изучить характер и пути деятельности банд. Ему была дана возможность провести это исследование.

В марте-апреле 1938 года Вингейт направился на северо-восточную и северную границы страны с ознакомительной поездкой. В ходе ее он сдружился с командирами и руководителями Хаганы в этих районах. Вингейт часто ходил в разведывательные походы в одиночку, отказываясь от охраны. Лишь детально ознакомившись с местностью, он просил предоставить ему людей, чтобы вместе с ними провести поход и устроить пробные засады.

Вингейт начал ознакомление с районом в Тират-Цви – Маоз-Хаим. Оттуда он отправился в Ханиту, которая существовала всего лишь несколько недель, и арабы еще не примирились с ее существованием. Первые слова Вингейта после того, как он посетил укрепления поселения, были: "Почему вы сидите внутри? Почему вы не выходите и не строите позиций вне поселения?" Выслушав объяснения, он вскинул от негодования. "Эти укрепления ничего не стоят, – говорил он. – Мы должны выйти навстречу врагу. С внешних позиций мы сможем осуществить контрнападения, ударить по нему с флангов".

Из Ханиты Вингейт отправился в Изреэльскую долину и Нижнюю Галилею. Здесь особое внимание властей привлекала охрана нефтепровода, перекачивавшего нефть из Ирака в Хайфу. Он служил удобной целью для диверсионных актов арабских банд. Основную проблему представляла охрана участка нефтепровода длиной в 20 километров между поселениями Гешер и Эйн-Дор. Трубы нефтепровода были закопаны в земле на глубину примёрно в метр. "Диверсанты осуществляют свои действия, – говорилось в отчете, направленном Центру Хаганы, – следующим образом: выкапывают яму вокруг тру-

бы (или с одной ее стороны), и, обнаружив трубу, дают по ней несколько выстрелов. Из пробоин начинает течь нефть, и тогда диверсанты бросают в яму с некоторого расстояния горящий мешок с привязанным к нему камнем (камень необходим, чтобы можно было точно метнуть издали)".

По предложению Вингейта в кибуце Эйн-Харод был создан "взвод по охране нефтепровода", состоявший из британских солдат и офицера и 24 еврейских добровольцев. Часть расходов по содержанию взвода несла Иракская нефтяная компания, однако основное бремя расходов легло на кассу Еврейского агентства. Бойцы Хаганы, собравшиеся в Эйн-Хароде, с энтузиазмом встретили представившуюся им возможность выступить против арабских банд. Они назвали свое подразделение "огненной ротой".

5 июня 1938 года Вингейт представил командованию в Назарете памятную записку о "возможности создания ночной службы при помощи королевских вооруженных сил с целью положить конец террору на севере Палестины". В ней он предложил "организовать ночные операции при помощи специального подразделения, состоящего из штаба и нескольких взводов, действующих из засад". Время не терпело, банды становились все более агрессивными, и командование предоставило капитану Вингейту свободу действий.

* * *

В июне 1938 года в распоряжение Вингейта были предоставлены 40 британских солдат-добровольцев (среди них – 3 офицера в чине лейтенанта), 4 военных грузовика и 2 пулемета. Ему было также разрешено использовать в операциях еврейских охранников и получать оружие на пунктах охраны в Галилее. 75 охранников прошли подготовку к ведению ночных операций по системе Вингейта. Ядром этого подразделения был взвод из охраны нефте-

проводы под командованием Исаэля Карми. Подразделения, подобные дислоцированному в Эйн-Хароде, были созданы в Аелет ха-Шахар и Ханите.

В течение месяца Вингейт и его бойцы провели около десяти операций против банд, причем в пяти случаях операции были направлены против больших банд, насчитывающих десятки арабов. Бойцы Вингейта убили более 60 бандитов. Первое боевое крещение охраны нефтепровода состоялось 11 июня 1938 года. В ту ночь группа бойцов отправилась патрулировать район неподалеку от деревни Дана. Она натолкнулась на нескольких арабов, поджегших нефтепровод, начала их преследовать и ворвалась в деревню, бросая гранаты в те дома, откуда арабы вели по ним огонь. Члены банды бежали из деревни по направлению к Вади эль-Бира. Однако при выходе из деревни диверсантов поджидала засада солдат и охранников, встретившая их огнем. Двое бандитов были убиты, трое – ранены и шестеро взяты в плен.

Специальныеочные роты

С дислокацией батальона британской армии в районе северной границы смешанные подразделения в Аелет ха-Шахар и Ханите были распущены, и деятельность Вингейта сосредоточилась вокруг обеспечения безопасности нефтепровода: в Восточной части Нижней Галилеи и Изреэльской долине. В общей сложности в составеочных подразделений насчитывалось 75 бойцов и около 40 британских солдат и офицеров. Для проведения более широких операций к ним присоединялись охранные части из поселений Изреэльской долины и Галилеи.

Подразделения начали проводить патрульные обходы и устраивать засады. Вначале территория операций

ограничивалась районом нефтепровода, а затем она расширилась и охватила всю Галилею. Вингейт лично командовал большинством этих операций. Он планировал их в обстановке полной секретности. При нем всегда была Библия, которая служила ему источником вдохновения, а Гидеон, по его представлениям, провозвещал создание ночных рот.

При помощи Хайма Штурмана Вингейт организовал эффективную службу информации. Арабские друзья Штурмана доставляли точные сведения о передвижении банд по округе. Незадолго до начала операции Вингейт сообщал план действий своим старшим помощникам и направлял гонцов с предупреждением ответственных за безопасность близлежащих поселений, чтобы они не атаковали бойцов на пути к месту проведения операции. Чтобы обмануть противника, он до захода солнца направлял несколько автомашин в направлении, противоположном месту операции. "Огненная рота" выступала в виде 3—4 смешанных патрулей (еврейских и британских солдат). Бойцы были одеты в рабочую одежду, их оружие лежало замаскированное на дне автомашины — чтобы арабы не разгадали военных приготовлений. Лишь после наступления темноты патрули отправлялись к месту действия. Иногда им необходимо было пройти пешком до 30—50 километров за ночь. Их вооружение и снаряжение было легким — винтовки, пистолеты, гранаты. Изредка они брали с собой пулемет.

— Арабы считают, — говорил Вингейт, выступая перед бойцами в полночь возле деревни Саса в Галилее, — что ночь принадлежит им... Британские войска и полиция запираются на ночь в своих укреплениях. Но мы, евреи, покажем, что можем нарушить их планы.

Не однажды патрули Вингейта застигали врасплох арабских диверсантов на месте преступления и наносили им серьезные потери. Вскоре арабы узнали о ночных рейдах и стали панически бояться их.

* * *

В течение немногих месяцев пребывания в Эрец-Исраэль Вингейт разработал систему проведенияочных операций до мельчайших подробностей. Он учел особые условия страны и опыт боев, в которых ему довелось участвовать. В основе системы Вингейта лежал принцип действия небольшими патрульными группами, хорошо натренированными и обученными быстрому передвижению ночью и нанесению внезапных ударов по силам противника. "Ночь — это оружие атаки, — писал Вингейт в своей брошюре об организации и подготовке "специальныхочных подразделений". — Банды также действуют по ночам, однако армия имеет преимущество над членами банд и ночью, ибо армейские подразделения подчинены дисциплине и не поддаются панике. Они лучше подготовлены с точки зрения тактики и использования оружия, их физическая подготовка выше. Но поскольку британские войска действуют в чужой стране и не привыкли к ее условиям, не знакомы с языком ее обитателей, необходимо создать смешанные группы из солдат и верных местных жителей, действующих под видом полицейских. Единственными местными жителями, на верность которых можно положиться, являются евреи. Они близко знакомы с местностью и владеют арабским языком. Они доказали также свою способность быстро овладевать необходимой тактикой и новыми методами, они дисциплинированы и самоотвержены в бою". Главное в деятельности этих групп — подвижные засады, способные охватить большие пространства и действовать более оперативно, нежели неподвижные засады, привязанные к определенному месту. "Винтовочный огонь в значительной мере теряет эффективность ночью, поэтому наилучшее оружие дляочных операций — гранаты и штык. Цель, которую необходимо достичь, состоит, таким образом, в навязывании врагу рукопашной схватки".

Курс еврейских сержантов

”Специальныеочные подразделения” не были пре-
ходящим эпизодом в жизни Чарльза Вингейта. Они по-
служили отправной точкой широких и далеко идущих планов. Вингейт верил, что уже в настоящее время существует, если не в действительности, то в потенциале, реальная еврейская сила, способная решить судьбу Эрец-Исраэль. Эту веру он стремился внушить представителям британского командования и доказать им, что ”евреи не нуждаются в британских штыках для защиты Палестины. Они сами в состоянии и преисполнены желания защитить себя”. Более того, в том случае, если на долю Англии выпадут серьезные испытания, они могут стать серьезной боевой силой и верным союзником англичан на Востоке. В британском командовании в Иерусалиме планы Вингейта не встретили особой поддержки, однако положение в области безопасности летом 1938 года ухудшилось, что заставило англичан быть менее разборчивыми и использовать любую силу, на которую можно было опереться.

Это стечениеб обстоятельств дало Вингейту возможность расширить рамки своей деятельности. Он обратился к командованию войск северных районов страны и предложил набрать 100 человек и дать им соответствующую подготовку. Вингейт подчеркнул, что ”веет духом мировой войны, и Великобритания не сможет содержать значительные силы в этой стране. Необходимо будет использовать часть верных местных жителей для обороны страны, важной со стратегической точки зрения. Необходимо будет мобилизовать десятки тысяч еврейских солдат, а сотни из них подготовить так, чтобы они стали командирами и предоставили в будущем реальную помощь нашим батальонам, если такая необходимость возникнет”.

Командование приняло это предложение, одна-

ко не предоставило бюджета для его осуществления. Еврейское агентство взяло на себя финансирование учебы будущих командиров. Так в Эйн-Хароде был проведен "курс еврейских сержантов", который стал ядром подготовки еврейской молодежи в легальных рамках. Люди рвались на эти курсы, ибо видели в них основу будущего легального командования еврейской армией. Программа занятий была рассчитана на три недели. Командиром учебного лагеря от имени Хаганы был Яаков Достровский (Дори), который официально представлял Еврейское агентство. Директором и старшим инструктором курса был Вингейт.

Неожиданно наступил кризис в еврейско-британских отношениях. Это было время мюнхенского соглашения, час предательства, которое совершило правительство Великобритании по отношению к своим союзникам.

Стало ясно, что мечта об автономной еврейской военной части не имеет реальной основы. Надежды на создание еврейского автономного контингента рухнули. Курсанты получили сообщение, что они не смогут обучать еврейские воинские части, а будут присоединены в качестве охранников к британским воинским частям.

На исходе Судного дня 1938 года наступил последний день занятий. К курсантам прибыл Элияху Голомб и, используя всю силу своего влияния, призвал их исполнить свой долг и присоединиться к армейским частям на новых условиях. Перед бойцами выступил и Вингейт. По записям одного из курсантов, он сказал следующее:

— Завтра вы вступаете в различные воинские части. На сей раз как солдаты, а не как сержанты. Это еще не значит, что мечта о создании еврейских боевых частей заброшена. Ее воплощение лишь отложено на некоторое время. Будем надеяться, что на короткое время.

Вингейт оставался в Палестине еще около семи

месяцев, продолжал работать в британской военной разведке. Весь этот период он продолжал поддерживать тесные связи с руководителями еврейского ишува, помогая им советами по различным военным вопросам.

Опубликование "Белой книги" весной 1939 года вывело Вингейта из себя. На встречах с евреями он говорил, что "период сдержанности, открытой и законной оппозиции, сотрудничества между евреями и британскими властями закончился. Вам необходимо будет уйти в подполье. Я уйду в отставку и присоединюсь к вам...". С большим трудом удалось друзьям убедить его в том, что таким путем он не принесет пользы ни делу сионизма, ни самому себе.

Начальники Вингейта в разведывательном отделе британского командования знали о его горячих симпатиях к евреям. Тайные приказы должны были закрыть ему доступ к секретной информации; все его просьбы о переводе с канцелярской службы в штабе в Иерусалиме на разведывательную работу были отклонены, и генерал Хейнинг потребовал его отзыва из Палестины. 26 мая 1939 года Вингейт с семьей покинул страну. В его служебное дело была внесена следующая запись: "Орд Вингейт — хороший солдат, однако во всем, что касается Палестины, с точки зрения безопасности, ему доверять нельзя. Интересы евреев в его глазах более важны, нежели интересы его страны. Не следует давать ему возможность еще раз прибыть в Палестину".

Заключение

Очень кратковременной была встреча Чарльза Орда Вингейта с бойцами еврейской самообороны. Однако и за этот короткий период он сумел оставить свой

неизгладимый след на ее деятельности. Хотя Ицхак Садэ начал свои эксперименты на полтора года раньше, но лишь после прибытия Вингейта Хагана восприняла в должной мере его идеи.

Теория Вингейта, основывающаяся на использовании малых сил для осуществления широких и крупных операций, базирующаяся на подвижных группах; тактика отвлечения и обманных маневров; тактика неожиданных атак под покровом ночи — все это оказалось большое влияние на развитие ударных частей Хаганы. Такие дерзкие операции приучили людей к тому, что небольшая, но хорошо обученная группа бесстрашных бойцов может осуществлять важные и решающие атаки при помощи легкого оружия. Была доказана эффективность гранаты, винтовки и автомата, эффективность службы информации, патрулей, маскировки, неожиданного налета. Все эти методы и способы через некоторое время были развиты и улучшены, — когда разрабатывалась тактика ударных рот Хаганы (отрядов Палмаха), созданных в сороковые годы.

Чарльз Орд Вингейт доказал, что он — верный друг израильского народа и всех борцов за его свободу. Под именем Друга (ха-иедид) — так его называли товарищи по борьбе в 1936—1939 годах, — он вошел в историю Израиля и Армии Обороны Израиля.

XIV. ПОЛЕВЫЕ РОТЫ ("ФОШ")

Новая формация

Впечатляющие успехи "мобильных" рот в горах возле Иерусалима летом 1936 года, поход на каменоломни Мигдал-Цедек зимой 1937 года и некоторые другие аналогичные операции побудили активистов Хаганы продолжить и развивать эти опыты во всех районах еврейского заселения. "Инициативная группа, — рассказывает Ицхак Садэ, — потребовала собрать командиров, чтобы сделать выводы из накопленного опыта. На вопрос, что собственно, нам сейчас требуется, на этом собрании был дан ясный ответ: нужна армия, а не сторожа, нужна армия, а не оборона на уровне полицейских патрулей, армия, не привязанная к определенному месту, армия в масштабе всей страны..."

На этом же собрании был избран комитет, которому поручили разработать план действий. Было решено повсеместно приступить к созданию полевых рот ("фош"), которым предстояло стать основой военной силы в масштабе всей страны. Члены и подразделения полевых рот, не будучи подчинены планам обороны каждого поселения, должны были выполнять прика-

зы командира сектора, передаваемые непосредственно через командира подразделения полевых рот. Их бойцы были выведены из подчинения командиров поселений.

Центральной задачей стало формирование основного ядра командиров и подготовка их к новым, более ответственным задачам. Главной боевой единицей полевых рот был взвод в составе 7–8 человек. Четыре взвода составляли подразделение. Такая структура требовала хорошо подготовленного состава командиров.

Летом 1937 года в различных местах страны были проведены шесть краткосрочных курсов, каждый продолжительностью в пять дней. На курсе одновременно занимались по 40–50 человек. В программу обучения входили упражнения в стрельбе из винтовки и пулемета, бросание гранат, полевые учения и ночные операции. При обучении был сделан упор на изменении характера ведения борьбы с тенденцией выхода за пределы поселений. "Мы старались, насколько это возможно, — вспоминает один из командиров Барух Ицхар, — выходить в поле... На каждом курсе проводились маневры, которые лучше словесных выступлений раскрывали методы будущей деятельности полевых рот. Маневры служили средством изучения тактики ведения боя. Они показали бойцам, как велика разница между пассивной обороной позиций и активной обороной в поле с элементами атаки. Проводились также маневры по отысканию банды, скрытому передвижению в местности, населенной арабами. Командование полевых рот старалось проводить маневры в условиях, наиболее приближенных к реальности. Враждебное окружение придавало им серьезный и реальный характер. В одном из учений принимал участие самолет, принадлежавший Хагане.

По окончании курсов слушатели давали подписку о готовности служить в любом месте, куда они будут направлены.

Полевые роты в действии

Небольшие отделения полевых рот в Галилее начали проводить патрульные и сторожевые операции, в ходе которых постепенно выкристаллизовались их облик и тактика боевых действий. Отчеты об этих операциях посыпались командованию в Тель-Авив и отражали ход очень важного и интересного процесса.

”Бойцы, – говорилось в отчете о положении полевых рот на 15 марта 1938 года, – распределены по пунктам и живут напряженной лагерной жизнью. Каждым патрулем командует один из окончивших всеизраильский курс командиров полевых рот. Бойцы тренируются ежедневно по шесть часов по определенной программе, осуществляя при этом подвижную охрану дорог, полей, людей, идущих на работу... Минимальный рабочий день равен 12 часам... Патрули находятся в непосредственном подчинении командира сектора. Бойцы патрулей – это *гафиры* (охранники). Были случаи, когда они вызывались на помощь соседнему сектору”.

Общее представление о том, что происходило в те дни, дает описание отдельных патрульных операций в секторе Нахалал, в западной части Изреельской долины.

23 декабря 1937 года в районе Алоним – Кирьят-Амал бесчинствовала арабская банда, пытавшаяся прервать сообщение между населенной евреями долиной и Хайфой. Четверо парней вышли из автомашины и направились к воротам кибуца Алоним. При входе в ворота их обстреляли арабы из-за шоссе. ”Атакованные бросились на землю, и один из них, вооруженный маузером, немедленно открыл ответный огонь... Охранник, который случайно находился поблизости, также открыл огонь, и нападавшие – их было два или три человека – пытались спрятаться. При звуке выстрелов взвод полевой роты (6 человек) с командиром во главе немедленно пустился в погоню за членами

ми банды. Когда наши бойцы приблизились к холмам, расположенным напротив кибуца Алоним, по ним с расстояния 250 метров был открыт огонь. Командир вызвал еще 6 человек, и все они атаковали высоту и заняли ее. В районе действия находился арабский автобус. Десятки пассажиров были предупреждены, они спрятались в придорожной канаве и не выходили оттуда до конца перестрелки.

15 января 1938 года подразделение в составе трех взводов отправилось на патрульную службу в районе Шейх-Абрек – Кускус-Тивон в связи с нападениями на автомобили на дороге Хайфа–Нахалал. Внезапно появилась цепочка английских солдат с винтовками, направленными в сторону наших бойцов. Они приблизились на расстояние 200 метров. Между нашими бойцами и солдатами пролегал глубокий овраг. Солдаты спросили, кто мы, и потребовали переправки к ним двух человек. Были отправлены два бойца, владевшие английским языком. Остальные оставались в состоянии готовности на соседнем холме. После того как выяснилось, что произошла встреча союзников, британские солдаты рассказали, что разведывательный самолет сбросил записку, в которой сообщалось о вооруженной группе, действующей в горах. Армейские части немедленно окружили район и получили приказ "стремлять в каждого вооруженного человека, не выясняя его принадлежности".

Создатели полевых рот не были согласны с тем, как осуществляются их идеи, однако вынуждены были смириться, изыскивая любую возможность расширения деятельности этих рот. Они стремились вывести полевые роты на стратегический простор в качестве боевых частей, проводящих операции по всей стране. Большая группа способных командиров собралась вокруг Ицхака Садэ, который сумел завоевать расположение молодежи смелостью, новаторством и педагогическими способностями. Он обладал особым чутьем и талантом обнаруживать потенциальных ко-

мандиров и воспитывать их. Вместе с ним работал Элияху Кохен, выросший вместе с Хаганой.

Формально все бойцы полевых рот подчинялись непосредственно Центральному командованию, которое следило за подготовкой бойцов и завело соответствующую картотеку. На деле, однако, полевая рота, дислоцированная в определенном секторе, подчинялась командиру сектора. Главной целью штаба полевых рот был вывод бойца за пределы сектора. Одним из способов достижения этого были занятия на непрерывных курсах, которые были организованы по всей стране. Эти курсы отличались от прежних не только программой (увеличение числа полевых учений иочных маневров, овладение штыковым боем и т. д.), но и особым характером учебы. Занятия проводились в поселениях, положение которых в области безопасности было неустойчивым. Члены курсов участвовали в патрулях и засадах в окрестностях поселений, на практике изучали методы обороны. "Арабы, — учил Ицхак Садэ своих бойцов, — должны получить удар еще на пути к поселению или в момент, когда они выходят с баз. Лишь это может выбить из их рук самое сильное оружие — инициативу".

Полевые роты активно использовали рамки легальной охраны для прикрытия значительной части своей деятельности и для проведения тренировок. Это было особенно важно в период, когда военные трибуналы жестоко наказывали всякого, пойманного с нелегальным оружием. Многие подразделения полевых рот носили форму охранников и имели при себе, кроме легального оружия, также оружие со складов Хаганы (в тот период главным образом польского производства). Но особенно часто полевые роты использовали "тандеры", содержать которые было разрешено осенью 1938 года.

Первые 5 подвижных патрулей были созданы в январе 1938 года в долинах и Галилее. Бойцами их были члены полевых рот. Тандеры использовались главным образом для тренировок и устройства засад. На них

бойцы осуществляли обьеезд своих районов и неоднократно выходили за пределы дозволенного властями. В период заселения Ханиты, к примеру, туда прибыли тендеры с охраной из Галилеи, долины и других мест.

Вместе с тем полевые роты не сумели добиться достаточно высокой степени подготовки по всем воинским дисциплинам. "Время не ждало, и не хватало средств. Огонь беспорядков пылал по всей стране, и атакованные поселения взвывали о помощи" (И. Садэ). Не хватало также опытных инструкторов.

Летом 1938 года один из членов Центра Хаганы Исраэль Галили отметил: "Теперь центр тяжести подготовки охранника перенесен на тренировки, на его воспитание, активное поведение в бою в открытом поле, на развитие инициативы отдельного бойца, на обучение быстрой ориентации на местности, использование ее условий, знаний дорог, тропинок и отдельных поселений и обход их, на ознакомление с вади, горами и холмами, на знакомство с тайнами ночи, с ее звуками и тенями... По всей долине раскинута сеть засад в опасных местах, откуда может произойти нападение, в местах, где проходят банды, или местах, куда они легко могут проникнуть. Эти засады ошеломляют нападающих и наказывают их еще до того, как они успели совершить преступление..."

Характер самостоятельной еврейской армии полевые роты приобрели кровавым летом 1938 года. Банды, преследуемые в Галилее подразделениями британской армии и специальными ночных ротами, направились к центру страны и усилили давление на поселения Шарона и внутренней долины. Правительственные войска были не в состоянии овладеть положением. В этот час полевые роты должны были показать свою силу.

Нападение на Гиват-Ада 10 июля 1938 года и мина, подложенная возле Рамат ха-Ковеш 4 августа 1938 года, посеяли страх в отдаленных поселениях Шарона и Самарии. Многие жители хотели забросить свои поля и плантации цитрусовых из-за страха смерти.

Обстоятельства заставили полевые роты выступить задолго до того, как они оказались готовы к ведению боевых действий.

Это были месяцы опасности и героизма. Сотни полуобученных еврейских парней вступили в жестокий бой с арабскими террористами, возбужденными религиозным фанатизмом и национальной ненавистью. Бойцам очень пригодился небольшой опыт, накопленный в предыдущие два года. Но еще большую роль сыграли мужество и героизм, отличавшие поведение молодых командиров полевых рот. На них легла основная тяжесть борьбы, и они были теми, кто увлек за собой в бой новобранцев.

Однако вынужденная спешка и отсутствие возможностей для серьезной боевой подготовки нанесли серьезный ущерб полевым ротам. Бюджет их был очень ограничен. Основное внимание уделялось оружию и боеприпасам, а остальное снаряжение, а также жилища находились в плачевном состоянии. Бойцы получали мизерную плату, — пять-шесть палестинских фунтов в месяц, да и та выплачивалась обычно с большим опозданием. Взвод, которому повезло расположиться в кибуце, был, по крайней мере, освобожден от повседневных экономических забот. Но взвод, дислоцированный не в кибуце, должен был заботиться о своем питании и находился в тяжелом материальном положении. Бойцы сами доставали одежду и обувь, в дождливое время они нередко вынуждены были отправляться в патрули и засады в рваной обуви и без плащей.

”В Кфар-Явне взводу полевых рот зимой 1939 года предоставили для жилья протекающий и холодный сарай, предназначенный для упаковки цитрусовых. После длительных усилий, — рассказывает Аарон Ляшевский, — командиру взвода удалось раздобыть 7 зимних плащей (во взводе было 45 человек). Начальство исходило из того, что не более семи человек выходят одновременно на операцию, и поэтому семи

плащей достаточно..." В таких трудных условиях полевые роты действовали в течение четырех месяцев террора и в последовавшие за ними зимние месяцы, преодолевая сопротивление местных командиров, поддерживаемых иногда комитетами поселений, которые в смелых операциях полевых рот видели опасную тактику, способную увековечить вражду арабских соседей.

Деятельность полевых рот, шедшая вразрез с примитивным толкованием политики сдержанности, принятой тогда большинством иштува, не получила широкой огласки. Роты действовали в рамках легальных охранных подразделений, и огласка могла нанести вред расширению деятельности этих частей.

Полевые роты "опекали" всю ничейную землю между арабскими деревнями и еврейскими поселениями и тщательно прочесывали ее. Затем они проникли и в арабские районы, где устанавливались постоянные засады неподалеку от арабских баз. Постепенно, с распространением этих операций, начала складываться идея о необходимости нанесения ударов по базам врага как в форме ответных акций (взрывов домов и укрепленных позиций, разрушению деревень, служивших гнездами разбоя), так и в форме прямых превентивных атак. Благодаря этому полевые роты нагоняли страх на банды и держали под своим контролем всю зону границы. Впервые после начала беспорядков диверсантам пришлось позаботиться о безопасности своих деревень перед угрозой еврейской атаки.

Боевые подразделения полевых рот действовали, главным образом, летом и осенью 1938 года в районах Шарона (восточная линия) и Шфелы (южная линия). Здесь впервые были созданы мобилизованные боевые части, подчиненные Центральному командованию, а не командирам секторов, части, не зависящие от британского командования или британского инструктажа. Здесь было создано ядро, приобретшее уверенность в себе во время операций по обороне и в атаках, проводившихся днем и ночью.

Организация восточной линии была начата в августе 1938 года, после того, как 8 еврейских юношей и девушек погибли от взрыва мины неподалеку от Рамат ха-Ковеш. Полевые роты пребывали еще в зародыше, однако после этого случая, 9 августа 1938 года, туда были посланы две полевые роты. Одна направилась в сектор Рамат ха-Ковеш, другая – в Тель-Монд. Командовал ими Ицхак Садэ. Уже на следующий день эти роты успели нарушить “освященную” годами традицию: первый патруль, посланный защищать поселенцев, выходящих на работу, направился пешком через арабскую деревню Миски, известную своими враждебными акциями.

Жители деревни пытались силой помешать прохождению патруля, выставив против него людей, вооруженных легальным оружием, которое имелось у них в достатке. Огонь патруля, который не предназначался для поражения кого-либо, ведшийся под спокойным и уверенным командованием Ицхака Садэ, рассеял толпу.

Три недели в Калмании (в нескольких километрах от Рамат ха-Ковеш) осуществили психологический переворот во всей округе (командовал ротой сподвижник Ицхака Садэ – Ицхак Хекер). Одно отделение патрулировало по округе днем, другое – ночью, а третье оставалось в резерве и проводило учения. Утром, при выходе рабочих на работу, и вечером, по их возвращении, все бойцы находились вне лагеря. Изредка они разбивались на группы по 3–5 человек, которые устраивали засады неподалеку от деревень. Присутствие еврейской силы, стоящей на страже днем и ночью с оружием в руках, давало себя постоянно чувствовать. Небольшая группа путем превентивных мер прекратила передвижение банд в известных своими разбойниччьими нравами окрестностях арабских

поселений Калькилии, Тайбе, Тиры. Вскоре полевые роты появились в различных поселениях Шарона и Самарии, создавая своего рода "линию фронта" между районами, заселенными евреями, и гнездами банд в деревнях у подножия гор Самарии.

Другое подразделение под командованием Амнона Клейна (Заира) по прозвищу "Руди" рассеялось по Шарону от Хадеры до Эйн ха-Шофет. Штаб ее вначале находился в Ган-Шмуэле, а затем в Пардес-Хане. Группы, осуществлявшие засады, выходили каждый вечер и патрулировали по дорогам. Через некоторое время арабы стали являться в полицейские участки и жаловаться на то, что "банды евреев нападают на них".

Вторая рота на восточной линии была рассредоточена на большой площади от Хадеры до реки Яркон. Взвод, находившийся в Тель-Монде, состоял из членов религиозного движения Хапоэл хамизрахи. После периода обучения он стал одним из лучших. Охрану, разумеется, нельзя было прекращать ни в субботу, ни в праздники, и религиозные бойцы исполняли свой долг без возражений. "Я направился с ними на операцию в Судный День, — рассказывает командир Шимон Бомзе, также член движения Хапоэл хамизрахи, — бойцы постились, не требуя для себя никаких льгот, молились, и после Кол Нидрея отправились на операцию".

В обязанность этой роты входило патрулирование в районе воинственных арабских деревень Тира, Мисха и других, обеспечение безопасности рабочих, занятых на полях и цитрусовых плантациях, ежедневная проверка дорог и поиски мин, которые во второй половине 1938 года стали подлинным бедствием страны. Проверка дорог осуществлялась самым простым способом: подразделение выходило на рассвете со следопытами впереди, и бойцы просматривали всю дорогу, не пользуясь никакими оптическими приборами.

По ночам полевые роты устраивали засады и проводили прочесывание отдаленных дорог.

В короткой истории полевых рот обеспечение безопасности восточной линии еврейского Шарона явилось "самой важной боевой операцией" (Я. Дори).

Полевые операции на южной линии

В конце лета 1938 года арабский террор распространился и на район южных поселений, которые до сих пор пребывали в относительном спокойствии. Началось бессмысленное уничтожение упаковочных предприятий, водокачек, линий электропередач и телефонной связи. На дорогах ставились мины, обстреливались автомашины, гибли люди.

9 сентября 1938 года Иссахар Ситков, комиссар "юга" от имени Хаганы, созвал совещание, где обсуждались контрмеры против арабского террора, но оно запоздало. На следующий день группа рабочих Электрической компании (12 человек) и с ними группа охранников (11 человек) отправились на грузовике и тендере исправлять линию электропередачи, которая проходила из Гедеры в Беэр-Тувию. Но они не были подготовлены для операций подвижного патрулирования. По возвращении автомашин вечером на север люди были обстрелены возле Масмии интенсивным винтовочным огнем, который велся с обеих сторон шоссе. Грузовику удалось благополучно прорваться через огненное заграждение, однако тендер, шины которого были повреждены, застрял, и 7 бойцов вынуждены были вступить в ближний бой с бандой. Перестрелка продолжалась до тех пор, пока у охранников не кончились патроны. Тогда арабы напали на них, исконоли бойцов ножами, избили прикладами винтовок, забрали оружие и сняли с охранников обувь. Пассажиры грузовика, увидев, что тендер не следует за

ними, возвратились на место происшествия пешком. По дороге их нагнал бронеавтомобиль полиции с пулеметом типа Льюис. На месте происшествия они обнаружили тендер, двигатель которого еще работал, двух убитых и двух раненых охранников (один из них скончался через несколько дней). Неподалеку были обнаружены трупы трех арабов, которых бандиты не успели унести. Остальные бойцы из тендера были затем найдены убитыми в полях.

После этого случая было решено возложить охрану линии электропередачи на юге на подразделения полевых рот. Командиром полевой роты был назначен Иехезкель Бар-Ам, командир Хаганы в Реховоте. Исполняющим обязанности командира роты был Давид Ицхаки, житель колонии Явнеэль, отличившийся в операциях по установлению засад. Штаб роты находился в Кфар-Билу, а взводы были дислоцированы в Нахалат-Иехуда, Кфар-Билу, Гиват-Михаэль, Ган-Явне и Гедере. Два тендера постоянно находились в Гедере и Кфар-Билу. Для создания сети сигнализации в каждом из этих поселений были созданы юношеские группы. Сигнализации обучались и члены полевых рот.

С 1939 года в стране начало устанавливаться спокойствие. Беспорядки были подавлены, и власти начали подумывать о распуске подразделений охраны. Для того, чтобы предотвратить это, бойцы полевых рот использовали на юге совершенно особую тактику: они инсценировали нападение банд на автомашины.

Противодействие полевым ротам

Пока беспорядки были в разгаре, полевые роты продолжали укрепляться. Но после подавления беспорядков со всех концов начали раздаваться голоса против рот и методов их деятельности.

Во многих местах местные командиры выражали недовольство присутствием полевых рот. Оно усилилось, когда роты перешли под контроль Центрального командования. Важным фактором было недовольство комитетов поселений ответными операциями полевых рот.

Некоторые из ответственных за легальную охранную службу указывали на встревоженность властей тем, что имеются, по их словам, "вооруженные безответственные люди, действующие против арабов". Генерал Монтгомери, который командовал войсками на севере страны, привел несколько фактов безответственных, с его точки зрения, действий и указал, что, если такие действия не прекратятся, он разоружит евреев.

Еще одна весьма прозаическая причина мешала продолжению функционирования полевых рот. Содержание мобилизованного подразделения требовало немалых расходов. Даже полевые роты, которые частично поддерживались субсидиями властей, стоили кассе ишува больших денег. В финансовом отчете Хаганы указано, что суммы, затраченные на поддержание полевых рот и других подвижных подразделений, достигали пяти тысяч фунтов в 1939 году, причем две трети этих денег уходили на плату бойцам и обеспечение их питанием. Эта сумма была лишь частью расходов, которые ложились тяжелым бременем на бюджет Хаганы.

Когда беспорядки кончились, началось сокращение полевых рот. Зимой 1939 года власти взяли на себя содержание подвижных патрулей, составленных из ох-

ранников. Это были легальные подразделения, которые раньше существовали за счет ишчува и с разрешения властей. Они получили официальный статус. Как уже отмечалось, они охватывали более 400 человек, разбитых на 62 группы, разбросанные по всей стране. Создалось впечатление, что с точки зрения безопасности в тот момент больших сил не требуется, ибо резервом этих патрулей были тысячи членов "полиции еврейских поселений". Эти патрули находились под контролем британской полиции и отнюдь не представляли собой независимые еврейские силы. Ишув еще не созрел политически до понимания необходимости поддержания мобилизованных независимых еврейских сил и в мирное время.

В феврале 1939 года Центральное командование решило распустить полевые роты. В апреле 1939 года большинство бойцов полевых рот были переведены в состав официальных подвижных патрулей, и лишь около 100 человек были еще связаны с полевыми ротами, поддерживаемыми еврейскими национальными органами.

Заключение

Полевые роты в широком понимании (включая специальныеочные роты, подвижные патрули и железнодорожное подразделение) явились новым этапом в истории Хаганы, которая в 1938 году перешла от пассивной обороны к активной, выражавшейся в преследовании врага и нанесении ему ударов на его базах. Впервые инициатива была вырвана из рук арабских банд и перешла к евреям.

Еврейская молодежь, поставленная перед трудными испытаниями, доказала свою самоотверженность, боевую готовность и умение приспособиться к особым ус-

ловиям войны. Операции полевых рот подняли моральный дух ишува. Около 2500 человек прошли обучение в боевых подразделениях полевых рот, не менее 2000 из них прошли боевое крещение. 850 человек закончили курсы командиров отделений. Некоторые впоследствии сумели подняться до уровня командиров взводов, заместителей и командиров рот.

Полевые роты явились провозвестником Палмаха — отборных штурмовых отрядов, и не случайно первыми основателями, командирами и инструкторами их были выходцы из той же группы, которая начала свою деятельность в 1936 году в горах Иудеи, а в последующие годы создала первые в истории ишува полевые роты.

XV. БОРЬБА С АРАБСКИМ ТЕРРОРОМ

Иерусалим, 1937 год.

Проблемой первостепенной важности, стоявшей перед Хаганой в 1936—1939 годах, была проблема борьбы с арабским террором, который продолжался почти беспрерывно с начала беспорядков. Он был опасным и эффективным оружием в руках арабов и ощущался еврейским ишувом особенно болезненно. Тяжелые потери, которые нес ишув от арабского террора, затмевали в ту пору другие, не менее серьезные опасности.

Руководящий центр арабского террора находился в Дамаске, а его местные военные базы — в арабских деревнях, далеких от мест поселения евреев, куда не всегда доходила карающая рука Хаганы. Казалось, что в борьбе с арабским террором ишув отсекает его щупальца, не добираясь до корней. Вместе с тем Хагане удалось сделать многое, чтобы сократить и ограничить действия террористов.

Когда в октябре 1937 года иерусалимский муфтий возобновил бунт против властей, в его распоряжении в столице и окрестностях имелись сильные террористические группы, руководителями которых были моло-

дые родственники муфтия, а исполнителями его планов — националистически настроенная молодежь или феллахи из окрестных деревень, получавшие за каждого убитого еврея или англичанина денежную премию.

Убийцы поджидали своих жертв в засадах в узких улочках Старого города Иерусалима по дороге к Стене Плача, на пустырях между еврейскими кварталами, пытались прорваться в крайние дома кварталов, атаковали пассажирский транспорт, направлявшийся в Иерусалим из Тель-Авива.

В октябре 1937 года погиб Авиноам Елин, выходец из уважаемой иерусалимской семьи, ученый и видный правительственный чиновник. Убийца поджидал его у выхода из канцелярии Отдела просвещения и хладнокровно застрелил в упор. В Старом городе были убиты два еврея. Пятеро других погибли при обстреле автомашин, следовавших по шоссе.

Тяжелое впечатление оставило убийство пяти членов кибуца Бемаале (9 ноября 1937 года), которые отправились прокладывать дорогу к западу от поселения Кирьят-Анавим. Их похороны превратились в бурную демонстрацию возмущения и гнева жителей еврейского Иерусалима.

На арабский террор с самого его начала члены Эцел и часто члены Хаганы стали отвечать актами мести. После каждого покушения на еврея на одной из улиц города находили застреленного араба. Национальные учреждения, проводившие в этот период переговоры с властями о раздаче оружия еврейским жителям Иерусалима, протестовали против таких неразумных акций. Национальный комитет заявил, что "ишув осуждает акты мести с любой стороны", и считал необходимым "проявить пример выдержки и поддерживать национальную дисциплину". Однако именно в этот момент Эцел решил провести демонстративную акцию мести. Утром 14 ноября 1937 года, через несколько дней после убийства пятерых евреев, Давид Разиэль, командир организации Эцел в Иерусалиме, направил три группы в различные концы

города, которые должны были обстрелять прохожих арабов. Двое арабов были ранены и один убит на улице Газа в Рехавии; арабский рабочий был убит неподалеку от квартала Бейт-Исаэль; в драке, возникшей между арабскими и еврейскими рабочими после этого убийства, погиб еврейский рабочий: была брошена бомба в арабскую автомашину, проезжавшую по Махане-Иехуда, один мужчина и две женщины были убиты.

Как уже отмечалось, в актах террора в Иерусалиме не было ничего нового, и они осуществлялись во все дни беспорядков как частными лицами, так и членами организации Хагана. Новым и опасным в операциях организации Эцел, было нарушение дисциплины ишува, осуществление актов мести без разбора и не в тех местах, откуда выходили арабские убийцы. После актов мести террор, разумеется, не прекратился. Еврейское агентство заявило, что оно "объявляет активное сопротивление каждой попытке совершения акта мести и пролития невинной крови", и продолжало требовать у властей оружие, необходимое для защиты еврейского населения Иерусалима.

Под сильным давлением национальных учреждений власти вынуждены были предоставить евреям оружие в рамках охранных подразделений, куда вошли члены Хаганы. В течение декабря и января более 800 членов Хаганы были приведены к присяге в качестве специальных полицейских. Практически это означало своего рода частичную легализацию Хаганы в Иерусалиме.

Новым полицейским власти предоставили 150 винтовок. Были созданы десятки патрульных групп, члены которых обязаны были дважды в неделю с утра до полуночи нести сторожевую службу. Разрешения на ношение оружия были выданы и еврейским шоферам. Эти меры позволили 1200 членам организации легально нести охрану в Иерусалиме. Патрули проходили по дорогам и пограничным кварталам, устанавливали засады против арабов и проводили обыски в арабских автомашинах. 29 января двое полицейских

членов Хаганы, задержали арабского убийцу, который нес в кармане гранату и намеревался подложить ее в еврейский автобус, отправлявшийся из Рехавии. Этот араб был осужден на 10 лет тюремного заключения.

Непрерывные патрули и обыски привели к тому, что арабы перестали после захода солнца появляться в районах, населенных евреями, и в 1938 году террор в Иерусалиме на несколько месяцев прекратился. Лишь изредка члены арабских банд обстреливали с большого расстояния еврейские автомашины, направлявшиеся в город, или бросали бомбы, которые не причиняли никакого вреда.

В других районах страны

Для того, чтобы получить правильное представление о ходе беспорядков в тот период, из списка погибших следует исключить бойцов Хаганы, которые пали в новых районах заселения. Они были не жертвами террора, а бойцами, павшими на своем посту. Иехуда Бреннер, Яаков Бергер, Зеэв Анав, Иехезкель Мучник, Авраам Кац, Пастер и Арье Луссский, погибшие в Ханите, и Элияху Аватихи, который погиб на строительстве ограды на северной границе. Все они были жертвами, павшими в борьбе за еврейское заселение Западной Галилеи – нового района, куда до них не ступала юга еврейского поселенца. К этому списку следует прибавить имена трех бойцов, погибших в Эйн-Шофет – Авраама Гольдшлагера, погибшего 28 февраля, Эфраима Тиктина и Элиэзера Корнгольда, погибших 7 апреля 1938 года. Трое хайфских членов организации (Давид Бен-Гаон, Авраам Дашэли и Иосеф Ротблат), погибших неподалеку от Ханиты 16 апреля 1938 года, также были жерт-

вами битвы, вспыхнувшей там при появлении вооруженных евреев.

Жестокие атаки осуществляли арабские банды в районе Цфата и Рош-Пины. Если из списка жертв террора исключить погибших в Галилее, то мы увидим, что лишь в Хайфе, где арабский террор зародился еще во время шейха эль-Касама, действовали организованные банды террористов. Они вели жестокую борьбу не только с евреями и англичанами, но и против арабов. Террористы обстреливали автобусы, нападали на прохожих на окраинах города, пытались прервать сообщение между Хайфой, югом страны и Изреэльской долиной.

В самой Хайфе террор не дошел до тех размеров, каких достиг в Иерусалиме. Энергичные превентивные меры властей сделали свое дело. Два коллективных штрафа, наложенных на арабский рынок, парализовали террористическую деятельность в городе. Террористы были в нем чужеродным элементом. Они приходили из соседних арабских деревень, а также из района Назарета, Дженина и Шхема. Арабские жители Хайфы ненавидели их, ибо им приходилось платить собственной жизнью за свое желание жить в мире с евреями. В один из дней банда арабов похитила трех еврейских рабочих, и среди них – тринадцатилетнего мальчика, которые трудились в поле к югу от поселения Гиват-Ада. Их привели в "штаб" Юсуфа Абу-Дура, где они предстали перед так называемым "военным трибуналом". Затем их убили, тела замученных были обнаружены через год в яме среди скал неподалеку от Ладжуна. В то же время банды объявили беспощадную войну небольшому еврейскому поселению Гиват-Ада, вели по нему стрельбу, уничтожали виноградники и плантации цитрусовых, устраивали засады против поселенцев. В течение короткого времени Шарон превратился в один из самых опасных районов страны. Произошло это еще до того, как волна террора захватила в 1938 году всю страну.

Уже в июне были заметны вызывающие озабоченность признаки распространения террора на новые районы. Но вскоре произошло событие, которое послужило своего рода искрой в пороховом погребе, и от нее кровавый пожар распространился по всей стране.

Дело Шломо Бен-Иосефа

В Рош-Пине была расположена трудовая рота молодежной организации Бетар, которая играла центральную роль в охране поселения и его полей. В оборонном деле рота подчинялась командиру Хаганы в Галилее Аарону Бриневскому (Ниву). Командир роты Шимшон Юничман придерживался политики отказа от актов мести.

Жестокое убийство, совершенное арабами в те дни, возмутило всех жителей Галилеи. 28 марта 1938 года вооруженные арабы обстреляли в двух километрах от Кфар-Рама автомашину, следовавшую из Хайфы в Цфат. В машине было около десяти пассажиров. Четверо из них, включая двух женщин и ребенка, были убиты на месте. Шофер и девушка, которые бежали в горы, были пойманы и тоже зверски убиты. Полицейская бронемашина, прибывшая на место, подобрала четырех оставшихся в живых пассажиров, начала преследование убийц и убила четырех из них.

21 апреля, примерно через месяц после основания поселения Ханита, трое членов роты Бетара в Рош-Пине — Шейн, Журавин и Шломо Бен-Иосеф, направились на дорогу, ведущую в Цфат, чтобы отомстить за пассажиров, убитых по дороге в Цфат. Вопреки категорическому запрещению командира, они намеревались обстрелять арабские машины, следовавшие

по шоссе. Группа была вооружена пистолетами и гранатами. Она обстреляла первую же арабскую машину, но неудачно, и скрылась в заброшенном хлеву. Там их вскоре и обнаружил наряд полиции. Все трое признались в своих действиях и сдали полицейским оружие — два пистолета и сумку с пятью гранатами. Следует подчеркнуть, что действия тройки были самовольными и противоречили приказам командования Эцел.

В праздник Шевуот (5 июня 1938 года) всем троим был вынесен приговор. Защитник просил смягчить наказание, учитывая поведение всего ишува в период беспорядков, и предупредил суд, что "эти молодые люди станут святыми, пример которых будет воспитывать еврейскую молодежь". На заседании правления Еврейского агентства Д. Бен-Гурион провозгласил: "Трое парней не заслуживают смертной казни, хотя совершенное ими деяние является не только преступлением против людей, но и преступлением против всего ишува. Настоящая ответственность ложится на тех, кто их послал и воспитал".

Суд признал одного из покушавшихся невменяемым, двое же других были приговорены к смертной казни. Спустя некоторое время приговор одному из них был смягчен и заменен пожизненным заключением, и лишь Шломо Бен-Иосеф оставался под угрозой казни. Судьба приговоренного находилась в руках главнокомандующего британскими силами в Палестине и Верховного комиссара. Еврейское агентство, Зеэв Жаботинский и другие представители общественности приложили немало усилий, чтобы спасти жизнь Шломо Бен-Иосефа. Верховному комиссару, которому принадлежало в этом деле последнее слово, было разъяснено, какой ущерб миру в Палестине может нанести эта казнь. Но английская администрация жаждала еврейской крови, чтобы продемонстрировать арабам свою "нейтральность".

Генерал-майор Хейнинг, заменивший в те дни генерала Вейвела, утвердил приговор. 29 июня 1938 года

Шломо Бен-Иосеф смело и спокойно взошел на виселицу с гимном Хатиква на устах.

В заявлении командования Эцел по поводу его смерти говорилось, что Бен-Иосеф "не умел воевать, но сумел достойно и геройски умереть". Он – "первая жертва войны за освобождение евреев от молоха чужеземной власти".

Близорукие временщики добились своего: еврей был повешен. Весь ишув погрузился в траур. В сознании народных масс Бен-Иосеф был невинной жертвой враждебной и тупой власти. Все газеты страны опубликовали имя Шломо Бен-Иосефа в траурных рамках. Черные флаги висели на многих домах, включая здание Исполнительного комитета Хистадрута.

* * *

После казни Шломо Бен-Иосефа командованием Эцел овладели экстремисты. Они начали серию ответных акций в городах страны, подкладывая крупные заряды взрывчатки в местах, где обычно собирается много арабов.

Заряд взрывчатки заносился в арабский квартал кем-нибудь из молодых ребят, владевших арабским языком, как правило, выходцев из общин восточных евреев. Переодевшись феллахами, они проникали на арабские улицы, и, подложив бомбу, скрывались в ближайшем еврейском квартале. В большинстве это были совсем молодые парни, которых привлекала романтика подпольной борьбы.

За опасные действия членов организации Эцел весь еврейский ишув нес бессмысленные жертвы. Арабское террористическое движение не только не прекратилось, но значительно усилилось. Хайфа и Яффа, центры сопротивления арабскому террору, стали прибежищем для диверсантов. Эцел открыл новые фронты в местах, где в течение долгого времени царilo относительное спокойствие.

Спустя некоторое время эти операции были на полгода прекращены. Они возобновились с появлением сообщений о новой политике британского правительства в апреле 1939 года.

Операции были прекращены не только из-за преследований властей, арестовавших многих бойцов Эцел, и противодействия организованного ишува и Хаганы, но и вследствие протестов некоторых членов самого ревизионистского движения. В августе 1938 года они обратились к Хагане с предложением найти путь к соглашению. После трехнедельных переговоров Центр Хаганы сообщил, что он согласится на включение бойцов Эцел в подразделения охраны при условии, что они будут придерживаться общей дисциплины. Эцел принял это условие, и 19 сентября 1938 года был подписан инициалами проект соглашения, согласно которому Эцел обязался "прекратить все операции, выходящие за рамки обычной обороны, на которые не будет получено согласие паритетной комиссии". Было достигнуто соглашение и о том, что Эцел будет предоставлено соответствующее участие в легальной обороне во всех ее формах (дополнительные полицейские, группы засад и кочующие группы) и в военных объединениях, которые возникнут в будущем. Участие Эцел в охранных подразделениях было определено в 10 процентов. Организации была передана ответственность за оборону 11 поселений и командование над ними, однако и в этих случаях командир поселения подчинялся командиру сектора, который назначался Центром Хаганы. В сферу обороны Эцел были включены: Зихрон-Яаков, Рош-Пина, Мишмар ха-Ярден, Рамат-Темкин, Тель-Литвинский, Бат-Ям, Нахалат-Ицхак (в горах возле Иерусалима), Экрон.

3. Жаботинский выступил за подписание соглашения с Хаганой. В письме к своим последователям в Палестине он выразил надежду, что соглашение будет соблюдаться "с честью и достойно, и вы упорно и ревностно будете оберегать нашу независимость".

Но в этот момент появился человек, решительно

воспротивившийся соглашению — Давид Бен-Гурион. Слухи о соглашении застигли его в Лондоне. "До тех пор, пока партия ревизионистов с Жаботинским во главе не примет по политическим вопросам установок Всемирной сионистской организации, нет никакой основы для переговоров с бунтарями по вопросам обороны", — писал Д. Бен-Гурион в письме к Элияху Голомбу, когда ему стало известно о переговорах.

В результате решительного противодействия Бен-Гуриона соглашение так и не было подписано.

Кульминация террора и борьба с ним

Через четыре месяца после казни Шломо Бен-Иосефа арабский террор достиг своей высшей точки. Нападение на Гиват-Ада 10 июля 1938 года было одним из самых дерзких действий арабских банд за все дни беспорядков. Это небольшое поселение, в котором проживало всего 30 семей, было расположено на одном из склонов горы Кармел на границе "опасного треугольника". Оно еще не было обнесено проволочной оградой, и дубняк, окружавший поселение с севера и востока, давал возможность нападающим незаметно приблизиться к жилью колонистов. Нападение, в котором участвовало более 100 бандитов, произошло вечером, за полчаса до того, как сторожа и охранники отправлялись обычно на свои посты. Около десятка арабов открыли по поселению огонь с западной стороны с расстояния в 400—500 метров, отвлекая внимание защитников на себя. В это время остальные члены банды напали на поселение со стороны леса. Пост охраны, где находилось легальное оружие, был еще заперт, а капрал, который устремился к нему, был ранен.

В результате обороны поселения осуществлялась нелегальным оружием, принадлежащим Хагане. Командир поселения Шимон Маргалит поспешил с автоматом к северной части поселения, куда уже проникли арабы, начав грабеж домов. С ним вместе бросились еще 7–8 человек, закрывая собою щель в обороне. В этом бою погиб Ш. Маргалит.

Другие охранники устремились к восточному крылу поселения, куда также прорвались арабы. Они использовали главным образом ручные гранаты. Один из охранников, Ицхак Коморник, был убит. Остальные продолжали обороняться, укрываясь за камнями, или вступали в рукопашный бой в поле. Женщины и дети собирались в Народном доме, и защитники намеревались отступить туда. Однако арабы, не сумев преодолеть отчаянного сопротивления еврейских защитников, начали отступать, услышав шум приближающихся автомашин, направленных с подкреплением к месту столкновения.

Через несколько дней сюда прибыла отборная группа бойцов полевых рот во главе с Цви Спектором. Они поселились на месте и начали осуществлятьочные патрули в окрестностях поселения. Целью проводимых операций было стремление успокоить местных жителей и посеять страх среди бесчинствовавших соседей.

После провала нападения на Гиват-Аду арабы усилили террористические акты на дорогах и плантациях в окраинных поселениях ишува. Они стали подкладывать мины, используя их также против полицейских и военных автомашин по всей стране. 14 сентября 1938 года погибли Хаим Штурман, Аарон Эткин и Давид Мосинзон, когда их автомашина наскочила на мину в долине Бейт-Шеана. Через четыре дня на мину наскочил тендер с охранниками из Герцлии, снова были убиты четыре человека.

Кибуц Рамат ха-Ковеш, как и в 1936 году, вновь стал объектом арабских нападений в южной части Шарона. Охрана кибуца была усиlena, однако труднее было обеспечить безопасность работников, занятых в

поле и на плантациях цитрусовых. 17 июля погиб Петер Фехнер, охранявший поле. Он попал в засаду, установленную арабами неподалеку от виноградника. Через 5 дней после этого случая арабы атаковали из засады грузовик, на котором члены кибуца направлялись на работу. Трое были убиты на месте. Грузовик перевернулся, и нападающие, с обнаженными кинжалами, устремились к нему. Завязался рукопашный бой, в ходе которого было убито несколько арабов.

4 августа 1938 года погибло 8 членов кибуца, когда их автомашина наскочила на мину.

Положение в районе Рамат ха-Ковеш и в других районах Шарона (Тель-Монд и восточная часть Эмек-Хефер) привело к тому, что еврейские рабочие опасались выходить на работу, и банды могли добиться осуществления одной из своих целей — паралича экономической жизни еврейского населения в целом районе. Нужно было обуздать эти банды и создать стену вокруг поселений Шарона. Вскоре туда и в другие районы направились подразделения полевых рот. Им удалось значительно улучшить положение. Начиная с сентября 1938 года террор в Шароне стал сокращаться, и жизнь начала возвращаться в нормальное русло. Легальные и нелегальные подразделения Хаганы стали защитной стеной между поселениями и горами Самарии.

Из Шарона террор перекинулся на юг страны. Этот район, в котором небольшие еврейские поселения были сконцентрированы вокруг крупных поселений, таких, как Реховот и Ришон ле-Цион, с начала беспорядков в 1936 году был самым тихим в стране. Евреи-земледельцы поддерживали контакты с арабскими деревнями и имели на них большое влияние. Память о беспорядках 1929 года также не поощряла арабов нападать на своих еврейских соседей. Лишь в августе 1938 года, когда взорвался заряд взрывчатки с часовым механизмом, подложенный членами Эцел в Яффе, пали первые еврейские жертвы в Рамле, в окрестностях Газы, неподалеку от Нес-Ционы и в Лоде.

Арабская молодежь сконцентрировалась вокруг гла-варей банд, прибывших извне. Юг стал гнездом террора, который проводился с большим упорством, ибо, в отличие от Шарона, здесь крупные арабские деревни находились в самом сердце района еврейского заселения. Главными мишениями террористов были железная дорога, ведшая из Яффы в Иерусалим, линия электропередачи, виноградники и плантации цитрусовых, находившиеся вперемежку с домами поселений и упаковочными предприятиями. Арабы не решались атаковать еврейские поселения, однако весьма часто убивали евреев из засады и наносили ущерб их имуществу. Многие рабочие и охранники погибли на полях, пассажиров автомашин обстреливали из кустов, а мины угрожали каждому, кто проезжал по дорогам.

10 сентября 1938 года, через две недели после взрыва в Яффе, крупная банда напала возле деревни Масмии на рабочих и охранников, отправлявшихся на ремонт линии электропередачи. С этого момента нападения в этом районе не прекращались, и еще летом 1939 года, когда по всей стране уже установилось спокойствие, 7 евреев были убиты возле Экрана и Негбы.

И здесь полевые роты Хаганы, введенные в этот район после случая у Масмии, сыграли решающую роль. Однако на юге страны война между обеими сторонами продолжалась с жестокостью и упорством почти в течение всего 1939 года.

Кровавая ночь в Тверии

На севере террор был подавлен совместными усилиями армии и бойцов Хаганы под командованием Вингейта. Однако в ночь на 2 октября 1938 года черная

туча опустилась на защитников района. Речь идет о жестокой резне, учиненной арабами в Тверии.

Нападение на Тверию было хорошо продумано и организовано. К несчастью все "ночные роты" и охранники этого района были заняты в ту ночь операциями в Нижней Галилее. С наступлением ночи все дороги, ведущие в Тверию, были перекрыты каменными глыбами. В 9 часов вечера арабы начали обстреливать город со всех сторон.

В это время группа арабов проникла в квартал Кирьят-Шмуэль, расположенный по другую сторону дороги на Мигдал, откуда нападение считалось невозможным. Бандиты ворвались в квартал, стреляя на ходу, и ринулись на первые дома. Убивая без разбора всех, кто попадался на их пути, они начали поджигать дома. В одной из квартир погибла семья Иоханана Мизрахи, мать и пять сыновей, в другой — четыре человека (семья Бен-Арье). Синагога была сожжена и синагогальный служок убит возле свитка Торы.

В течение 40 минут бандиты бесчинствовали безнаказанно. Затем они покинули квартал, не встретив никакого сопротивления. Во всей Тверии с еврейским населением в 6 тысяч человек было лишь 3 платных охранника и 24 охранника, приведенных к присяге. В их распоряжении имелось всего 16 винтовок. Двое охранников поспешили на помощь кварталу Кирьят-Шмуэль, но попали в засаду и были убиты, а их винтовки захватили арабы. Лишь когда члены банд расходились по своим селам, они наткнулись на засаду, устроенную подразделением "ночных рот" и специальным подвижным патрулем Нижней Галилеи. В перестрелке пятеро арабов было убито.

Банды праздновали "победу", о которой они расструбили в листовках и газетах, выходивших в арабских странах. Не прошло и месяца после нападения на Кирьят-Шмуэль, и вновь в Тверии было совершено страшное преступление — члены банд убили мэра города Заки аль-Харифа. Он занимал пост мэра с 1923 года. Его поддерживали как евреи, так и арабы.

То был единственный еврей — мэр города со смешанным населением, и банды видели в его убийстве символ установления своей власти над городом.

Более 200 членов Хаганы в Тверии были приведены к присяге как "специальные полицейские". Это дало организации своего рода легальный статус, что позволило открыто начать обучение бойцов. Их подготовка происходила одновременно с несением сторожевой службы. Десятки людей были направлены на всеизраильские курсы.

В течение года обстановка в городе резко изменилась к лучшему. Хагана добилась в Тверии твердого положения.

Борьба с арабским террором в Хайфе

Совсем другое положение существовало в Хайфе. Начиная с кровавого дня 6 июля 1938 года (см. ниже) и до конца беспорядков в городе погибло около 80 евреев, в то время, как в Иерусалиме погибло 37 человек, в Тель-Авиве — 22.

В стране не было другого такого города, кроме Тверии, где экономическая жизнь двух народов переплеталась бы так тесно, как в Хайфе. Сотни и тысячи арабских и еврейских рабочих встречались в порту, на нефтеперегонных заводах, на каменоломнях и других предприятиях. Торговцы, выходцы из обеих общин, вели совместные дела. Еврейские кварталы были рассеяны по разным концам города вперемешку с арабскими. Шоссейные дороги из долин и Тель-Авива также проходили через арабские кварталы. Немало арабов заплатили своей жизнью и имуществом, оберегая спокойствие в городе. Мэр города Хасан Шукри символизиро-

вал собой дух терпимости, но ему пришлось бежать от мести террористов.

Положение сразу изменилось, когда несколько членов организации Эцел решили следовать примеру арабских экстремистов, закладывая мины на узких улочках арабских районов.

Взрыв на арабском базаре 6 июля 1938 года был первым сигналом грядущего кровопролития в городе. С возникновением беспорядков многие евреи вдруг обнаружили, что они окружены бесчинствующей толпой, которая растеклась по улицам Нижнего города и его восточной части. 6 евреев были убиты камнями, на улицах начали хоронить шайки разбойников, избивая каждого еврея, попадающегося по дороге, сжигая еврейские дома и магазины. Хагана, не ожидавшая такого развития событий, не смогла начать сразу действовать во всем городе. Было объявлено чрезвычайное положение во всем городе, и группы членов организации заняли свои посты. Арабы хорошо еще помнили опыт 1939 года и не пытались прорваться в Хадар и на Кармел. Однако они перекрыли все дороги, связывающие Нижний город с верхними кварталами, обстреливали и забрасывали самодельными бомбами проезжающие по этим дорогам еврейские автомашины. Ежедневно евреи несли потери убитыми и ранеными. В результате многочисленных поджогов значительная часть еврейского имущества была уничтожена. 18 июля все еврейское население вынуждено было покинуть квартал Харт эль-Яхуд под прикрытием британских моряков, введенных в город для наведения порядка.

В ночь на 21 июля 1938 года банды арабов атаковала Кирьят-Харошет. Этот пригород находился в восточном конце района, подчиненного командованию Хаганы в Хайфе. Здесь, в тесноте, скученности проживало около 150 человек. Во всем квартале было 9 винтовок и 4 охотничьих ружья. Горстка охранников и защитников заняла позиции, не допуская проникновения арабов внутрь квартала. Однако впоследствии банде уда-

лось прорваться к двум крайним баракам, где они зверски убили 5 человек, среди них женщин и детей. Бараки были подожжены. Командование Хайфы решило послать сюда опытных бойцов и заняться укреплением квартала. На место были отправлены 10 добровольцев во главе с молодым командиром Меиром Мардором (Муня Мардер). Эта группа произвела здесь подлинный переворот. Согласно разработанному командованием плану были откопаны траншеи и устроены позиции, защищенные деревянными щитами и насыпями из щебенки. На крыше одного из домов, расположенного на возвышенности в центре квартала, был установлен прожектор и наблюдательный пост. Квартал был обнесен проволочными заграждениями. К защитникам, пришедшим извне, присоединились около 20 местных жителей. Командир и охранники отказались от своей месячной платы и отдали ее на укрепление Кирьят-Харошет. В течение короткого времени этот квартал превратился в одно из сильнейших укреплений Хаганы в секторе Хайфы.

Яарот ха-Кармел — отдаленное поселение, расположенное на склонах горы в 12 километрах от окраины города, еще со времен кровавых событий 1936 года считалось опасным местом. Неподалеку от него произошло нападение на еврейскую автомашину, и четверо евреев были убиты. С зимы 1937 года там располагалось отделение охраны под командованием Моше Блата, ветерана Хаганы.

31 марта (1937) банда арабов напала на группу еврейских рабочих, прокладывавших дорогу к Яарот ха-Кармел. Рабочие имели при себе 6 винтовок. Все время работал бульдозер, и рабочие не услышали приближения врага. С первыми выстрелами рабочие побежали к своему лагерю. Лишь двое — Мордехай Бер и Дов Хойшерик остались лицом к лицу с десятками бандитов. Мордехай Бер отстреливался из винтовки до тех пор, пока не был убит. Дов Хойшерик вел стрельбу со своей позиции и отступил лишь тогда, когда нападающие приблизи-

лись на расстояние нескольких десятков метров. Отряд охранников находился в Яарот ха-Кармел до 15 августа 1938 года.

В тот день в Яарот ха-Кармел из Хайфы возвращался грузовик, на котором ехали 9 охранников и 2 женщины. Возле вади автомашина была атакована со всех сторон. Бандиты – несколько десятков человек – вели огонь с естественных и специально устроенных позиций. Шофер был ранен, и грузовик остановился. Охранники не хотели покинуть грузовик, в котором находились женщины и несколько их раненых товарищей. Героически обороняясь, они сумели нанести противнику потери, однако в неравном бою все и среди них командир Моше Блат и Дов Хойшерик погибли, кроме одного человека, которому удалось скрыться в соседнем овраге.

В Еврейском агентстве было выдвинуто предложение, поддержанное военным советником агентства полковником Кишем – покинуть Яарот ха-Кармел, где еще не было постоянного поселения, а лишь находился лагерь охранников. Однако командир хайфского филиала Яаков Дори выступил против, так как считал, что этот уход будет воспринят арабами как капитуляция.

Из-за резкого противодействия членов Хаганы Еврейское агентство отклонило предложение об оставлении Яарот ха-Кармел. Было принято решение превратить это место в тренировочный центр и проводить там курсы командиров Хаганы. Разумеется, участники курсов должны были нести также охрану места. Новым командиром Яарот ха-Кармел был назначен Нехемия Брош, который прибыл туда вместе с 13 курсантами. Каждый курс продолжался 6 недель, причем по окончании обучения одной группы ее место сразу же заступала следующая. Связь между лагерем и Хайфой поддерживалась при помощи бронеавтомобилей, которые раз в неделю доставляли продовольствие и снаряжение. Находясь в укрепленном лагере, окруженном стеной, курсанты чувствовали себя истинными защит-

никами окраинных районов Хайфы. Здесь они на практике постигали все военные премудрости. Арабские банды обстреливали лагерь с соседних холмов. Доставка воды из источника, находившегося на склоне горы, тоже вызывала перестрелку с арабами, пытавшимися из засады помешать этому. Единственным способом связи со внешним миром и командованием в Хайфе была сигнализация через станцию в Атлите. Время от времени участники курсов выходили на прочесывание местности и мешали арабам распахивать еврейские земли и пасти на них свой скот.

И в самой Хайфе начали проводиться организованные военные контрмеры против бесчинств арабов. Яаков Дори, в отличие от командиров других секторов, пунктуально выполнял распоряжения Центра во всем, что касается ответных операций и актов мести. После гибели отделения охраны на дороге в Яарот ха-Кармел он обратился в Центр Хаганы с просьбой разрешить проведение карательной операции против бандитов. Это разрешение было ему дано при обычных условиях и ограничениях: воздерживаться от нападения на женщин и детей, стремиться наказать лишь преступников и т. д.

Дори решил, что необходимо организовать и обучить специальную роту для таких операций. Бойцы должны уметь прорываться в гнезда бандитов и наносить им удары в укрытиях. Долгое время он подыскивал командира для такой группы, пока не нашел подходящего человека.

15 февраля 1939 года террористы проникли в один из домов на окраине квартала Кирьят-Амал, который тогда еще только строился, и убили одного жильца. На место прибыла полиция, которая "начала расследование". Дело могло закончиться еще одним нераскрытым преступлением, сданным в архив. Командир района, Леви Авраами решил, что без ответной акции трудно предотвратить убийства мирных жителей. Зная, что он не получит разрешения на проведение такой операции от командира города, Леви Авраами собрал не-

сколько бойцов своего района, с энтузиазмом принявших его план. Группа отправилась из кибуца Шаар ха-Амаким в лагерь Араб-Збайдат, к северо-востоку от кибуца, откуда, по мнению полиции, пришли преступники. Группа была вооружена финскими автоматами, к которым были прикреплены специальные мешочки для отстрелянных гильз, чтобы они не оставались на местности. Бойцы постучались в дверь дома одного из главарей племени, дверь была открыта, и они начали стрелять внутрь дома. Двое находившихся в доме арабов и одна арабка были убиты.

После этой операции командир группы предстал перед командиром города и получил строгий выговор за самовольные действия. Затем он услышал следующие слова:

— Не знаю, как будут развиваться события дальше, но лично я рад, что вы провели эту операцию. Возвращайся в свой сектор, и если тебе придет в голову мысль провести еще одну подобную операцию — знай, что ты имеешь шансы получить на нее разрешение.

Через несколько недель на Авраами было возложено задание организовать подразделение для осуществления ответных или специальных операций. Командиром был назначен Меир Мардор. Подразделение было специально обучено проведениюочных операций и маскировке. Оно имело свои склады с оружием, арабскую одежду и формы военных и британских полицейских со всеми знаками различия и соответствующими нашивками. Оружие было только легким: пистолеты, гранаты, финские автоматы. Обычно никто, кроме самого узкого круга командиров, не знал заранее объекта операции и связанных с ней планов до того момента, когда бойцы приходили на сборный пункт. Секретность была одним из важнейших принципов деятельности специального подразделения. Каждая операция должна была быть утверждена Центральным командованием.

Основные операции специального подразделения совпадали с началом борьбы евреев против британского владычества, которая разгорелась после опубликования Белой книги и сочеталась с антибританской борьбой на политической арене.

XVI. "ОГРАДА И БАШНЯ" И НЕЛЕГАЛЬНАЯ АЛИЯ

Заселение и оборона

С первых дней еврейского заселения Палестины проблемы охраны и обороны стояли в центре всех забот поселенцев. Практически Хагана выросла в еврейских сельскохозяйственных колониях, и если бы не они, то эта организация вряд ли возникла бы вообще. Самое большое – в городах появились бы организации по охране и местной самообороне наподобие отрядов еврейской самообороны в странах рассеяния.

План раздела Палестины, обнародованный в 1937 году, определял, что те районы, куда не ступила нога еврейского поселенца, автоматически будут исключены из границ будущего еврейского государства. Не речи и петиции определят его границы, а лишь заселение, связанное с тяжелым повседневным будничным трудом и неустанной защитой земель, приобретенных на народные деньги, омытых кровью и потом. Почти в последний момент раскрылись вдруг глаза руководителей сионистского движения, чтобы увидеть, насколько редок ишув и как разбросаны районы его заселения – от Метуллы до Нахараим, от Бейт-Альфы до Хайфы и от Атлита до Беэр-Тувии. Да и в этих трех участ-

ках не хватало многих звеньев: между сильными поселениями были пустые пространства и поселения, еще не окрепшие. В Западной Галилее, в долине Бейт-Шеана, в горах Самарии и вокруг Хеврона, в Негеве еще не ступала нога еврейского поселенца.

Наступил час, когда Хагана должна была идти впереди поселенцев, возглавляя процесс освоения страны.

* * *

Поселение Тель-Амал, уход с полей которого во время беспорядков 1936 года стимулировал арабские банды к агрессивным действиям, стал сейчас символом возвращения колонистов и примером наступления евреев. Утром 10 декабря 1936 года арабы, пасшие скот на покинутых евреями полях, с удивлением увидели длинную колонну автомашин, приближающуюся к этим землям. Этот рейд был плодом долгой и тщательной подготовки, длившейся несколько месяцев. Шломо Гур, член кибуца Тель-Амал предложил построить стену из деревянных досок с насыпанной между ними щебенкой вокруг двора размером 35 на 35 метров. Внутри двора должны были находиться четыре барака, а по углам — четыре поста. Стену на некотором расстоянии следовало обнести проволочными заграждениями, а в центре двора должна была стоять наблюдательная вышка с цистерной для воды и прожектором, питаемым генератором, находящимся у подножия вышки.

Решающее значение, по мнению Гура, имел темп строительства. Первые элементы системы обороны — стена, вышка и проволочное заграждение — должны были быть готовы еще до того, как главари банд сумеют организовать свои силы и атаковать поселенцев. Таким образом, укрепленный лагерь предстояло построить за день.

Сборные бараки, части стены и вышки, машины и инструменты были сконцентрированы за несколько дней до начала операции в кибуце Бейт-Альфа, затем

их погрузили на грузовики. 80 поселенцев Тель-Амала и их товарищи из Бейт-Альфы участвовали в этом рейде. В утренние часы была установлена башня. К середине дня были собраны стены, а во втором часу пополудни лагерь, к изумлению окрестных арабов, был вчерне готов. Сотни жителей разных еврейских поселений устремились сюда, чтобы своими глазами увидеть лагерь. Это был праздничный день для всего ишува, открывший новую и почетную страницу в его истории.

В первую ночь на охране лагеря остались 22 парней и девушек. При них не было никакого легального оружия, кроме двух охотничьих ружей. В щебенке были запрятаны пять немецких винтовок и несколько пистолетов. Это было все их вооружение. На границе Бейт-Альфы были сконцентрированы охранники кибуца, готовые в любой момент поспешить на помощь соседям. Однако арабы не атаковали новое поселение. Темпы строительства Тель-Амала привели их в шоковое состояние. Восточному воображению арабов рисовалась картина лагеря, битком набитого оружием, бомбами и пулеметами...

Тель-Амал вскоре был переименован в Нир-Давид в честь одного из руководителей Всемирной сионистской организации Давида Вольфсона, преемника Герцля.

Шломо Гур был включен в отдел заселения Ерейского агентства в качестве ответственного за планирование поселений типа "ограда и башня". Вместе с ним работал Давид Немери (Давидка) из поселения Ашдот-Яаков, который занимался детальной разработкой похода на новые места и руководил воздвижением поселения. Система "ограда и башня" раз от разу улучшалась; ее успешно приспосабливали к местным условиям.

В обязанность представителей Хаганы входило назначение командира обороны поселения, обычно из сержантов охранных сил, действовавших в округе, определение системы охраны в день создания поселения и выделение сил охраны на первые дни. Новое поселе-

ние получало, кроме легального оружия, имевшегося при охранниках, снаряжения из складов Хаганы: 1–2 пулемета, 15–20 винтовок, 2 автомата и несколько пистолетов и бомб. Зачастую к месту нового поселения необходимо было проложить дорогу, а изредка, — даже строить мосты. В день основания поселения группы защитников и отделения охраны отправлялись впереди колонны для разведки местности и занятия позиций неподалеку от предполагаемого лагеря и вокруг него. Лишь после завершения этой операции отправлялась в путь колонна автомашин со строительными материалами и строителями.

Каждый раз создание нового поселения превращалось в большой праздник, содействовавший подъему духа еврейского населения страны. Названия Тель-Амал, Тират-Цви, Маоз и Ханита стали символами еврейского мужества и стойкости.

Освоение долины Бейт-Шеан

Особую важность имели для становления Хаганы две крупные операции типа "ограда и башня": покорение долины Бейт-Шеан и создание поселения Ханита.

К концу 1936 года во владении Еврейского национального фонда были тысячи дунамов в разных концах долины Бейт-Шеан. Кроме большого экономического потенциала — удобной для обработки земли, обильных водных ресурсов и субтропического климата, эта долина имела огромное стратегическое значение. Здесь прерывается горная гряда, проходящая через всю страну, от реки Литани до Красного моря. Узкая долина Харода соединяет долину Бейт-Шеан с Изреэльской долиной и Хайфой. Через нее проходят дороги из Трансиордании к морю, по которым со времен Гидеона и до на-

ших дней из пустыни в страну вторгались племена кочевников.

За несколько дней до создания поселения Тель-Амал 10 членов группы "Хакоцер" ("Жнец") – выходцев из Болгарии – поселились в Кфар-Хитим, который ранее был покинут жителями. Так возобновилось заселение этого района.

Через несколько недель после создания Тель-Амала (он же Нир-Давид) было создано таким же методом поселение Сде-Нахум, названное так в честь видного сионистского деятеля Нахума Соколова, умершего в дни беспорядков 1936 года. Первыми прибыли 30 поселенцев (и среди них 5 девушек). Остальные должны были прибыть постепенно из временного лагеря в Ришон ле-Ционе. Власти утвердили в новом поселении отделение охраны в составе 10 человек. Кроме легального оружия поселенцы принесли из Ришон ле-Циона 14 винтовок, 5 пистолетов, десятки ручных и винтовочных гранат. После создания поселения они получили также пулемет польского производства (типа РКМ), который выхлопотал для них член Центра Хаганы Меир Рутберг.

Через несколько месяцев после создания поселения Сде-Нахум родилось поселение кооперативного типа Бейт-Иосеф, названное так в честь Иосефа Ароновича, одного из лидеров движения Хапоэл хацаир. В час дня лагерь уже был готов, и неподалеку от железной дороги, проходившей возле его ограды, была установлена табличка с надписью: "Станция Бейт-Иосеф"...

Летом 1937 года были созданы еще два населенных пункта, имевшие исключительно важное стратегическое значение. Одно выросло на юге долины, в отдаленном и отрезанном от еврейского ишува районе, окруженном бедуинскими племенами и расположенным неподалеку от переходов через Иордан. Его основатели из религиозной рабочей партии назвали поселение Тират-Цви (в честь извест-

ного раввина Цви-Гирша Калишера). На сей раз для создания укрепленного лагеря был использован покинутый постоянный двор, окруженный каменной стеной.

6 июля 1937 года накануне опубликования отчета Королевской комиссии было создано поселение Маоз. С его созданием завершился первый этап покорения долины Бейт-Шеан.

В течение той же недели родились еще три поселения в различных уголках страны: Моледет, Эйн ха-Шофет и Эйн-Гев. В 1938 году возникли поселения Кфар-Руппин, Неве-Эйтан, Месилот, Сде-Элияху и Дрор (Хамадие). Так к районам еврейского ишува был присоединен новый участок, богатый и плодородный. Этот район укрепил связь между поселениями долины Иордана и Изреэльской долины и сомкнул цепь еврейских поселений, которая растянулась от Метуллы до Беэр-Тувии.

Нападение на Тират-Цви

Поселения долины Бейт-Шеана явились своего рода вызовом арабским националистам, которые сперва ограничивались отдельными бандитскими нападениями. Первой жертвой был Хаим Брук, погибший в роще возле Сахне 22 февраля 1937 года. Перед смертью он еще успел набросать несколько строк в своей записной книжке: "Меня заколол араб, я чувствую ужасные боли. Тяжело умирать в таком молодом возрасте. Все это за нашу свободу". 17 ноября 1937 года был застрелен Иехуда Шпанов из Нир-Давида.

В качестве первого объекта массированного нападения арабы избрали наиболее изолированное по-

селение, находившееся вдалеке от шоссе, железной дороги и от любого другого еврейского поселения — Тират-Цви.

28 февраля 1938 года, через 8 месяцев после со-здания кибуца, большая арабская банда под руко-водством шейха Атие напала на Тират-Цви. Банди-ты намеревались тайком проникнуть сквозь прово-лочные заграждения, ползком добраться до стены, вывести из строя прожектор и с помощью бомб по-сеять панику в рядах поселенцев. Охрана поселе-ния не была достаточно строгой. Шум ручьев спо-собствовал незаметному продвижению бандитов. Пер-вым делом нападающие открыли огонь по прожек-тору, который тут же был выведен из строя. Весь бой с этого момента происходил в темноте. Отсут-ствие прожектора помешало поселенцам просигна-лизировать об опасности поселению Нир-Давид.

Исход боя был решен гранатами, которыми за-щитники юго-западной позиции забросали нападав-ших арабов. Стоны раненых вывели арабов из рав-новесия. Они пошли в атаку. Вспомогательная груп-па, которая скрывалась в роще, присоединилась к нападавшим. Перестрелка продолжалась около ча-са, пока в конце концов арабам не пришлось отсту-пить, унося с собой убитых и раненых.

Нападение провалилось благодаря хорошей орга-низации обороны и стойкости бойцов. Защитники поселения не потеряли присутствия духа, несмотря на то, что нападение было неожиданным. Командир поселения Гершон Ритов давал четкие команды, хо-рошо ориентируясь в обстановке. В 11 часов вече-ра связистам при помощи фонаря удалось связаться с поселением Бейт-Иосеф, однако автомашина по-движеного патруля застряла в грязи и прибыла на место лишь утром, на прицепе трактора. За нею при-была также бронемашина полиции из Бейт-Шеана.

Оборона Тират-Цви имела важные последствия. Поселения долины Бейт-Шеана не подвергались боль-ше прямым атакам до самого конца беспорядков.

Большое впечатление произвела оборона Тират-Цви и на британские власти. Верховный комиссар Уокоп направил Ерейскому агентству приветственную телеграмму. Генерал Вейвел, командующий британскими войсками в Палестине, поздравил Моше Шертона с успехом обороны Тират-Цви. Командиры полиции Сондерс и Райс ставили защитников Тират-Цви в пример всем охранникам и полицейским, а капитан Вингейт поспешил в Тират-Цви, чтобы встретиться с командиром поселения. Из этого района он начал свои знаменитые походы совместно с членами Хаганы.

Ханита

Наиболее крупной и смелой операцией периода "Стена и башня" была операция по созданию Ханиты (март 1938 года).

Зимой 1938 года многие еще верили в возможность раздела страны и создания еврейского государства. Критики плана (из английского лагеря), предложенного Королевской комиссией, выступали против передачи евреям Западной Галилеи, в которой не было ни одного еврейского поселения. Необходимо было проникнуть в этот район, важность которого для еврейского государства не ставилась под сомнение. "Если на северной границе будет четыре-пять еврейских поселений, — сказал Давид Бен-Гурион в конце 1937 года, — это укрепит наше право на Верхнюю Галилею". Правление Ерейского агентства дало указание Ерейскому нациальному фонду немедленно закупить земли Ханиты и Хирбет-Са-

мах. Это были далеко не самые лучшие земли Галилеи, однако политический расчет в этот момент пре-высил все другие.

Из-за особо трудных условий (отдаленность от других еврейских поселений, расположение в горах на северной границе страны) осуществление всей операции было возложено на Хагану. Ее члены должны были закрепиться на местности, организовать ее обороноу, заставить арабов смириться с существованием еврейского поселения в этом районе, проложить дорогу для будущих постоянных поселенцев. Всеми вопросами — от закупки продуктов питания и до поставки боеприпасов — занималась Хагана. В группу захвата было отобрано около девяноста бойцов из различных поселений и городов. Они жили в специальном лагере в бараках кибуца Мишмар-Звулун (впоследствии переименован в Кфар-Масарик) неподалеку от Кирьят-Хaima, готовясь к своей трудной миссии. Командиром группы был назначен Цви Бен-Яаков из Эмек-Хефер. Старостой поселения, в задачу которого входило установление контактов с местным арабским населением и с властями, а также сбор разведывательных данных обо всем, происходящем в округе, был избран Иосеф Файн, уроженец Метуллы, член Дгани-Алеф, отличившийся ранее при нелегальных закупках оружия.

Разведка установила, что в течение одного дня взобраться на вершину горы Ханита (на ливанской границе) не удастся, ибо там отсутствовали дороги. Организаторы операции избрали подходящее место на склоне горы для временного лагеря. Оттуда необходимо было проложить почти четырехкилометровую трассу к месту постоянного поселения. Временный лагерь был назван Нижняя Ханита. Он находился в восьмистах метрах от дороги, и подход к нему через горы и скалы был весьма затруднителен.

В день создания поселения было мобилизовано около 400 человек, среди них — 110 охранников, членов "полевых рот". Они были собраны в кибуце Гиват-

Хаим и направились в Ханиту под командованием Ицхака Садэ и двух его молодых помощников — Игала Алона и Моше Даяна. Десятки автомашин привезли снаряжение и людей к подножью горы. Самая большая трудность заключалась в транспортировке снаряжения к месту лагеря. Так как удалось достать лишь несколько верблюдов, основная часть снаряжения была доставлена на ослах и самими людьми, которые с трудом карабкались на гору, сгибаясь под тяжестью груза. Нелегальное оружие — винтовки, гранаты, три пулемета — было доставлено на место на верблюдах. Часть оружия была запрятана в специально приготовленных ямах. Два небольших самолета компании "Авирон" совершили по заданию Хаганы патрульные полеты над окрестностью.

Несмотря на значительные усилия, строительство укреплений к вечеру все еще не было закончено. С наступлением темноты на место прибыли и "полевые роты" под командованием Ицхака Садэ, занявшие позиции к востоку от лагеря.

В полночь арабы начали генеральное наступление на Ханиту, мобилизовав для этого значительные силы. Огонь был открыт с севера и с востока. В то же время третья группа, которая продвигалась ползком и использовала сильный ветер, приблизилась к северо-западному краю лагеря, где находилось большинство палаток. Она подобралась незаметно, будучи защищенной от пуль своих сообщников, обстреливавших лагерь с востока. Заняв позиции между скалами, они тоже начали обстрел лагеря.

Один из командиров — Яков Бергер — поспешил к опасному участку лагеря, чтобы передать приказы командира, но по дороге был смертельно ранен. Там же героически погиб Иехуда Бреннер.

Менее, чем через полтора часа, наткнувшись на упорное сопротивление, арабы начали отступать, унося с собой убитых и раненых.

На следующий день было продолжено интенсивное строительство укреплений. Было закончено сооруже-

ние железной ограды (вместо деревянных досок — из опасения, что арабы могут поджечь их зажигательными пулями). К лагерю в Нижней Ханите была проложена дорога и было начато строительство дороги к Верхней Ханите.

Через четыре дня, 25 марта 1938 года арабские банды обстреляли рабочих из Хайфы, занятых на прокладке дороги. Рабочие спрятались в придорожных канавах. Охранники, находившиеся поблизости, рассыпались вдоль дороги и открыли по нападавшим огонь из пулемета. Два отделения полевых рот атаковали арабов с двух сторон под прикрытием огня со стороны дороги. Арабы бежали, и бойцы полевых рот заняли их позиции и оставили там пост, который оставался на месте до тех пор, пока колонна с дорожными рабочими не проехала в Хайфу.

В апреле 1938 года была закончена прокладка дороги к Верхней Ханите. В один из следующих дней до Иосефа Файна дошло известие о том, что арабские банды намереваются ворваться в заброшенный каменный дом, одиноко стоявший на вершине горы, и оттуда атаковать Нижнюю Ханиту. Поэтому было принято решение безотлагательно захватить всю гору. Группа бойцов полевых рот поднялась на вершину, укрепилась в каменном доме, установила временное проволочное заграждение и построила из камней позиции по углам двора. Эта операция застигла арабов врасплох. На следующий день при помощи гелиографа в Центр Хаганы была отправлена телеграмма: "Мы взяли Верхнюю Ханиту".

Вскоре Центр Хаганы решил превратить Верхнюю Ханиту в тренировочный лагерь для командиров полевых рот. Сотни молодых членов Ханиты прошли здесь интенсивный шестинедельный курс военной подготовки в условиях, максимально приближенных к боевым.

В ноябре 1938 года группа из колонии Нахалал создала в Верхней Ханите постоянное поселение.

Начало организованной нелегальной алии

Нелегальная алия, или как ее называли в ишуве *хаапали* – "дерзание" – началась еще во время турецкого владычества. Она продолжалась и в период британского мандата, когда алия считалась признанным правом еврейского народа, но власти всячески стремились ограничить иммиграционные квоты. Десятки и сотни людей вынуждены были обходить закон и прибывать в страну нелегально, – каждый на свой страх и риск.

Первая попытка осуществить организованную нелегальную репатриацию на зафрахтованном для этой цели судне была предпринята группой пионеров (халуцим) Польши в сотрудничестве с Хаганой еще в 1934 году, когда к берегам Палестины отправилось судно "Велос", о чем было рассказано выше. После того, как второй рейс "Велоса" не удался, халуцианское движение не возвращалось к таким попыткам в течение трех лет. Через несколько недель после операции "Велос" прибыли на судне "Унион", которое ревизионисты достали в Вене, 117 репатриантов.

Нелегальную репатриацию 1936–1937 годов (до Второй мировой войны) следует разделить на три этапа:

а) алия сионистской халуцианской молодежи, стремящейся в Палестину несмотря на все запреты властей и тяжелое политическое, экономическое и военное положение страны (весна 1937 – лето 1938 годов);

б) алия беженцев из Европы (осень 1938 – зима 1939 года);

в) нелегальная алия – открытое политическое средство в борьбе с предательством британских властей (весна и лето 1939 года).

Начало общественного движения за нелегальную алию в 1937 году связано с именем Моше Галили (Кривошеина), молодого человека из Эрец-Исраэль,

учившегося в Италии. В бурлящей Европе тех лет он встретился с еврейскими беженцами, покинувшими гитлеровскую Германию. Их горькая судьба потрясла его. Галили попытался организовать массовое движение нелегальной алии, имевшее две цели: а) спасение евреев, б) привлечение внимания всего цивилизованного мира к судьбе еврейских беженцев. Его планы нашли поддержку в ревизионистских кругах Вены. С их помощью Галили удалось купить в Пирее крохотное моторное судно водоизмещением 50 тонн, и 13 апреля 1937 года он доставил в Хайфский порт 15 олим. Спустившись на берег, Галили связался с секретарем рабочего совета Аббой Хуши. Тот позаботился о том, чтобы подача электрического тока в районе залива была прекращена как раз в тот момент, когда члены морской секции спортивного общества "Хапоэл" высаживали олим на берег.

Вернувшись в Европу, Галили связался с кругами ревизионистов, чтобы организовать нелегальную депатриацию членов движения Бетар. Для этой цели в Вене был создан центральный транзитный лагерь, действовавший под прикрытием летнего студенческого лагеря. Летом 1937 года ему с трудом удалось набрать группу добровольцев в составе 54 человек. Отъезд этой группы сопровождался большой рекламой, он происходил в присутствии репортеров и фотокорреспондентов. Лозунгом нелегальной алии стали слова "Вопреки всему..." Вновь было зафрахтовано греческое судно, которое отплыло от берегов Албании. Местом высадки был избран берег возле Тантуры. Там олим была обеспечена охрана сторожей Биньямины. В начале сентября 1937 года группа благополучно высадилась на берег.

Третья группа Галили (95 человек) отправилась в путь в марте 1938 года, а четвертая (380 человек) благополучно прибыла к берегам Эрец-Исраэль сразу на трех судах. Эта группа отправилась в путь в дни фашистского террора в Вене, оккупированной немцами.

Успех этой группы вызвал волну надежд среди евреев Вены, которые слишком поздно поняли, какая их ждет судьба. Нелегальная алия, которая за несколько месяцев до этого считалась приятным приключением для легкомысленных юношей, стала теперь чуть ли не единственным путем спасения. Тысячи людей бросились в отделы алии ревизионистов с требованием доставить их в Эрец-Исраэль. Это были дни усиления ревизионистского движения и организации Эцел как в стране, так и во всем мире. Они, однако, решительно осуждали демонстративный характер движения "Вопреки всему", и Галили был отстранен от организации новых нелегальных рейдов.

Деятельность Галили возродила идею организованной нелегальной алии. После успеха второго рейса Галили группа членов Хехалуца из Клосова (Польша) обратилась к рабочим Эрец-Исраэль с письмом, в котором содержалось решительное требование массовой алии всеми путями. "Мы готовы на все", — писали авторы письма.

В политическом руководстве сионистского движения именно в те дни не были готовы поставить вопрос о нелегальной алии на повестку дня. Это был период возобновления арабского восстания и тесного сотрудничества Ерейского агентства с британскими властями в борьбе против арабских банд. Многие верили в то, что после опубликования отчета комиссии Пиля еврейское государство будет создано в кратчайший срок, и не хотели упускать благоприятные политические возможности, идти на ухудшение отношений с властями. Высокая цена (15 фунтов стерлингов вместо 3–4, которые стоит легальный приезд) также удерживала лиц, ответственных за алию. Многим из них казалось, что усилия и опасности, связанные с организацией нелегальной депатриации евреев в то время, когда принципиально оставался открытым путь к легальной алии и продолжали существовать надежды на коренное изменение к луч-

шему в политическом положении ишува, были неоправданными.

Однако давление членов халуцианского движения было определяющим. В 1938 году Иехуда Брагинский и Леви Шварц отправились по заданию секретариата Хакибуц хамеухад в Грецию, где они установили контакты с судовладельцами и моряками. Им удалось связаться с одним афинским моряком, владевшим судном "Посейдон". Первая группа олим в составе 65 человек – еврейская молодежь, отобранныя специально для этого испытательного рейса – прибыла в Афины под видом туристов. Судно отплыло в море 3 января 1938 года.

На Давида Немери была возложена обязанность обеспечить безопасную высадку олим на берег. Своих помощников он отобрал из группы молодых моряков, связанных с Хаганой. Местом высадки был назначен кибуц Мицпе ха-Ям, который находился напротив колонии Авихаил. Для того, чтобы переправить олим с судна на сушу, были организованы группы гребцов. Специальная группа принимала лодки на берегу, другая группа проводников доставляла олим к сборному пункту,енному на складе упаковочного предприятия селения Авихаил. Действовала также группа связи, группа транспорта, группа первой помощи. Охрану осуществляла патрульная группа, имевшая нелегальное оружие. Вечером 12 января 1938 года "Посейдон" приблизился к заветному берегу. Прием репатриантов продолжался всю ночь и закончился лишь на рассвете.

"Посейдон" возвратился к берегам Греции, чтобы принять вторую группу репатриантов (май 1938 года). Организаторы нелегальной алии, ободренные успехом, начали искать более крупное судно. Было зафрахтовано судно "Артемизия" водоизмещением 230 тонн, и член Хаганы Амирам Шохат, имевший опыт работы в порту Тель-Авива, был вызван в Афины для проверки судна и сопровождения его к берегам родины.

19 апреля 1938 года судно отправилось в путь, имея на борту 128 олим, представляющих все партии и течения в сионистском движении. Через пять дней судно прибыло к берегам Земли Израиля. Пассажиры были разбиты на группы по 15 человек. Каждый оле и каждая группа получили свой номер. С борта были спущены лодки, и олим направились к берегу, сопровождаемые членами группы высадки, к трем горящим вдали сигнальным огням, указывавшим в темноте ночи направление. За два с половиной часа все новоприбывшие благополучно были спущены на берег, и судно поспешило отплыть в море. Через некоторое время "Артемизия" совершила второй рейс (июль 1938). В страну было доставлено 157 олим.

Однако условия нелегальной алии день ото дня ухудшались. Под давлением британского консульства в Афинах греческое правительство запретило въезд организаторов нелегальной алии в Грецию, а также издало указ, запрещающий судам с нелегальными олим на борту плыть под греческим флагом. Владельцы судов очень вздули цены. Лишь в середине 1938 года организаторам нелегальной алии удалось связаться с семьей греческих контрабандистов Верникос и зафрахтовать у них быстроходное и мощное спасательное судно "Атрато". Поскольку нелегальная алия из Греции была невозможна, судно прибыло к берегам Италии, и над ним был поднят панамский флаг. 25 ноября 1938 года на борт "Атрато" поднялись 300 олим, которые благополучно совершили рейс из порта Бари на юге Италии к берегам Палестины.

В то же время продолжалась также нелегальная алия, руководимая ревизионистами. Но их разрыв с Галили повлек за собой ряд неудач, так как связи, с большим трудом установленные им в течение года, были разорваны.

Колонна в составе 920 человек, отправившаяся из Вены в Триест, наткнулась на закрытые границы и вынуждена была вернуться обратно. Однако другая

колонна членов организации Бетар – около 140 человек – сумела благополучно добраться до Фиуме. Здесь их ждало большое судно под названием "Драга", которое доставило их к берегам Палестины.

Когда выяснилось, что границы Югославии и Италии закрыты для олим из-за британского давления, было решено переправлять репатриантов по Дунаю в румынские порты. Отсюда судно "Драга" отправилось во второй рейс, имея на борту около 500 репатриантов. Эта группа была высажена на берег возле Нетании. После "Драги" к берегам родины прибыли судна "Эли" (540 человек), "Джипо" (743 человека) и "Дельфа" (250 человек). Таким образом, меньше, чем за два месяца, в Палестину прибыло около двух тысяч нелегальных олим.

Организация нелегальной алии стала центральной в деятельности ревизионистской организации Эцел. Вначале они перебрасывали в Палестину главным образом членов движения Бетар. Однако впоследствии были организованы смешанные группы – частью из членов Бетара, частью из евреев, готовых нести расходы и за себя, и за членов этой организации. Однако такая система открыла путь разного рода вымогателям и охотникам за наживой, которые выманивали деньги у олим, бежавших из Австрии и других стран Европы. Предприимчивые люди, связанные с контрабандистами, занялись нелегальной алией, как выгодным бизнесом, приносящим изрядные доходы.

Стихийная нелегальная депатриация

С конца 1938 года бегство евреев из стран, находящихся под властью нацистов, стало стихийным явлением, трагедией, привлекшей внимание всего мира. Суда с еврейскими беженцами плыли по многим морям мира в бесплодных поисках безопасного порта. Они доходили до берегов Кубы и Эквадора, но и там не находили пристанища. Единственная страна мира, где были готовы принять преследуемых, была Земля Израиля, и, естественно, что большинство судов с беженцами поворачивало к ее берегам.

Часть этих судов отправлялась общественными и сионистскими организациями различных стран диаспоры. Среди них были даже члены ортодоксального религиозного движения Агудат-Исраэль. Все они искали способы вывезти евреев. При этом нередко приходилось вступать в контакты с нацистскими органами, от которых зависел исход евреев из районов преследования, с жуликами и международными контрабандистами. Отправлялись также суда, зафрахтованные бизнесменами – евреями и неевреями, жаждавшими легкой наживы, которых мало интересовала судьба их жертв, нелегальных олим. Организаторы этих рейсов не особенно заботились об их высадке на безопасный берег, их мало беспокоило, что пассажиры могут попасть в руки британских властей.

Судно "Сандо", отправленное частной компанией из Румынии с 269 депатриантами на борту, попало 22 марта 1939 года в руки британской береговой полиции, которая встретила его стрельбой и отбуксировала в Хайфу. Оттуда без пищи и достаточного количества горючего оно было отправлено в открытое море, и через восемь дней скитаний ему пришлось вернуться в Констанцу. Через десять дней после этого случая в руки властей попало судно "Астия" с 700 беженцами на борту.

31 марта к берегам Палестины прибыло судно

"Агиос Николаос", на борту которого было 693 беженца из Чехословакии. Пароход обнаружили катера британской береговой охраны, они обстреляли его из пулеметов и убили одного из пассажиров. Судно вынуждено было повернуть к греческому острову Хиос. Лишь через несколько месяцев нелегальные репатрианты поднялись на борт другого судна, которое доставило их к берегам Эрец-Израэль. Неподалеку от хайфского порта беженцы были пересажены на небольшую парусную лодку, рассчитанную на 60 пассажиров. Из-за недостатка места и течи в лодке беженцы привязали себя к мачте и бортам. Сутки провели они без пищи и воды, пока прибыли в хайфский порт.

Власти Палестины накопили многолетний опыт борьбы с нелегальной алией. Вскоре война с ней стала задачей британского правительства. В апреле 1939 года министр по делам колоний М.Макдональд заявил в парламенте, что число тех нелегальных репатриантов, которые сумеют добраться до берегов Палестины, будет вычтено из официальной квоты, если не представится возможным их выслать.

В стране из месяца в месяц становились все более суровыми наказания за "преступление" нелегальной алии и за содействие ей. Штраф, налагаемый на каждого, кто будет признан виновным в оказании помощи нелегальным репатриантам, был увеличен с 200 палестинских фунтов до 1000, а срок тюремного заключения — с года до двух лет. Суд получил право конфисковать пароходы, водоизмещение которых не превышало тысячи тонн. Широкие полномочия были даны береговой охране. Она имела право проводить обыски на любом судне, которое войдет в территориальные воды Палестины.

Полицейские патрули на суше и на море наблюдали за всем, что делалось вдоль всего берега. Военно-воздушные силы отправляли самолеты для наблюдения за прибрежными водами. Моторные стороже-

вые катера, число которых постоянно росло, были вооружены пулеметами и радиостанциями.

Но члены Хаганы продолжали свое святое дело, соблюдая строжайшую секретность. Они осуществляли селективную нелегальную алию халуцианских элементов, считая, что до тех пор, пока нет возможности расширить масштаб операций, лучше дать приоритет пионерам, в которых страна так нуждалась для заселения и обороны.

С конца 1937 года к организаторам *Хаапалы* (Мосад ле-алия бет) присоединился один из руководителей Хаганы Шаул Мееров. Была создана разветвленная сеть для сбора денег и информации, организации связей и набора людей во всей Европе.

Пароход "Атрато", начиная с ноября 1938 года, почти ежемесячно осуществлял рейсы к берегам Палестины. Его капитан действовал в тесном контакте с зафрахтованным греческим пассажирским судном "Колорадо", старым и тихоходным, которое до сих пор использовалось лишь для каботажных рейсов. Оно было пригнано в порт Сушак с тем, чтобы потом, в море, пассажиры смогли бы перейти на борт быстрого "Атрато", которому югославские власти не разрешили взять на борт олим, так как оно не было пассажирским.

7 марта из порта Сушак отплыли около 380 беженцев. На этот раз на борту судна было и большое число стариков и детей. В пятом рейсе "Атрато" взял на борт около 400 беженцев из Чехословакии, а затем, возвратившись в порт Бриндизи, еще 372 халуцим из Польши. Это был шестой рейс судна, и ни разу британским властям не удалось его задержать (до Второй мировой войны из 16 судов с нелегальными репатриантами лишь 3 попали в руки властей).

Успеху деятельности Мосад ле-алия бет содействовали многие факторы. Главным, пожалуй, были люди, которые в большинстве своем воспитывались в молодежных организациях и халуцианских группах всех родов и оттенков. То были самоотверженные

юноши и девушки, готовые на риск и лишения, сознательные, знавшие, что их ждет. Вторым фактором было сопровождение их моряками, во главе с Катриэлем Иоффе и Амирамом Шохатом. Они также наблюдали за посадкой и высадкой. Третьим фактором был аппарат приема олим на берегу. Все отделения Хаганы на берегу моря были включены в эту работу. Нет надобности говорить, что каждый еврей на побережье был готов открыть двери своего дома для репатриантов — братьев и сестер, жертв фашистского террора. Немаловажным фактором была служба информации Хаганы, которая неоднократно раскрывала намерения британской полиции при помощи своих агентов-евреев, служивших в полицейских и иных учреждениях. Отлично работала служба связи Хаганы во главе с Симхой Эвен-Зохаром (Декел). Члены этой службы работали и на судах, и в местах высадки, и в центре Хаганы в Тель-Авиве. С течением времени на всех судах были установлены приемники и передатчики, и благодаря этому существовала полная координация между отрядами на берегу и ответственными за рейс судна. Их капитаны быстро получали точные сведения о движении британских патрулей-охотников, и в соответствии с этим маневрировали, переходили с места на место и удачно проводили суда совсем близко от береговой охраны.

После шести рейсов из Югославии и Италии, в апреле 1939 года Мосад перенес свою деятельность в Румынию. Эта страна уже в течение нескольких месяцев служила местом сбора тысяч беженцев и нелегальных олим.

20 мая 1939 года в рейс отправились два судна "Атрато" и "Колорадо" с 778 репатриантами, которые прибыли специальным поездом из Польши. Это был седьмой рейс "Атрато", однако на этот раз ему не повезло. 28 мая 1939 года оно попало в руки британского военного судна "Ротон", зато тихоходному "Колорадо" удалось благополучно высадить своих пассажиров. Через два месяца, 28 июля 1939 го-

да "Колорадо" с 374 репатриантами было захвачено судном "Империал".

Еще два судна – "Дора" (480 репатриантов) и "Тайгер Хилл" (1417 человек), прибыли в Эрец-Исраэль при помощи Мосада. К этому списку следует прибавить судна "Ассими" и "Катина", снаряженные другими организациями, но пассажиры которых были высажены на берег членами Хаганы. Вместе с ними число нелегальных репатриантов, прибывших в Эрец-Исраэль до начала Второй мировой войны, достигает 6 тысяч человек.

Заключение

Опубликование "Белой книги" придало нелегальной репатриации демонстративно-политический характер. Мосад ле-алия бет значительно расширил масштабы своей деятельности. Острота борьбы евреев за право на алию потрясла совесть всего мира.

Нелегальная алия ревизионистов и даже частных лиц – несмотря на некоторые теневые моменты – также заслуживает самой положительной оценки. В конечном итоге олим, отплывавшие на их судах, выигрывали. Даже те, у кого бизнесмены выманивали деньги, и те, что терпели в пути большие лишения, все же спасали свою жизнь. Однако с исторической точки зрения именно Мосад ле-алия бет превратил операции по спасению евреев в орудие политической борьбы всего еврейского народа. Это произошло потому, что Мосад всегда считал себя исполнительным органом национальных учреждений ишува, а также потому, что его постоянная и планомерная работа по спасению евреев во все больших масштабах привле-

кала к себе внимание всего мира и стала одним из важнейших факторов борьбы за создание государства Израиль.

XVII. ЗАКУПКА И ПРОИЗВОДСТВО ВООРУЖЕНИЯ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Поставки оружия

Более тридцати лет еврейский ишув оставался в состоянии постоянной боевой готовности. Короткие передышки не снимали напряженности. Потребность в оружии ощущалась в каждом уголке страны.

Легальное оружие, предоставленное охранникам, имело в те дни решающее значение. Это было современное оружие в хорошем состоянии, и постепенно количество предоставляемого оружия продолжало расти. Однако все зависело от чужой воли, от англичан, которые подчас с пренебрежением относились к проблемам безопасности ишуга. Например, подвижным патрулям далеко не сразу были предоставлены пулеметы типа Льюис. Граната считалась оружием атаки, и потому запрещалась вообще. Руководители Хаганы ни на минуту не забывали, что предоставление легального оружия — явление временное, результат особого стечения обстоятельств. Это и явилось причиной того, что Центр Хаганы приложил много труда, чтобы развить два механизма, две системы поставок оружия, основы которых были

заложены еще в двадцатые годы. Речь идет, во-первых, о закупках оружия в стране и за границей (*рехеш*) и, во-вторых, о производстве оружия и боеприпасов в тайных мастерских, созданных Хаганой (*таас*).

В начале беспорядков положение в области закупок оружия было кризисным. Деятельность британской секретной службы, последовавшая за провалом осенью 1935 года (см. стр. 225), привела к резкому сокращению объема закупок в Бельгии. Все-таки небольшие закупки оружия поступали из Бельгии, Финляндии и от арабских контрабандистов. Но эти закупки никак не отвечали спросу. Беспорядки опустошили склады организации. В особенности чувствовался недостаток патронов. Было необходимо срочно найти новые источники закупок.

Закупки в Польше

В конце беспорядков 1936 года был найден новый путь. Инициатором его был Иехуда Арази (Тененбойм), бывший офицер британской секретной службы, поддерживавший старые связи с Хаганой.

В дни беспорядков Арази работал в хайфском порту в компании по экспорту цитрусовых. Там он познакомился с польским туристом-христианином, который направлялся в Ирак, чтобы завязать там торговые связи и договориться о поставках оружия в эту страну. Арази попросил его выяснить, существует ли в Польше возможность продажи оружия Хагане. Через несколько недель он получил письмо с приглашением приехать в Польшу для переговоров. Арази обратился к Голомбу. Было решено отправить Арази в Польшу для переговоров, однако он

не должен был упоминать Хагану, поскольку ее руководители не испытывали особого доверия к антисемитскому польскому правительству.

В сентябре 1936 года Арази прибыл в Польшу. Он представил меморандум командованию польской армии, в котором сравнил стремление евреев к независимости с такими же чаяниями поляков в прошлом. Польские власти, искавшие пути избавления от евреев и поощрившие их выезд из страны, разрешили ему закупку любого оружия при условии, что переправка его в Палестину будет производиться тайно, дабы не нанести ущерба отношениям Польши с Великобританией. Арази удалось получить в Варшаве заем на 300 фунтов стерлингов и купить на эти деньги первую партию оружия: 25 винтовок типа "Маузер", боеприпасы к ним и 2 пулемета типа РКМ. Ему повезло также и с отправкой этой партии оружия. Он связался с венгром, владельцем мастерской, и представился ему в качестве посланца эфиопского короля, тайно отправляющего оружие на Ближний Восток, чтобы бороться за освобождение Эфиопии. Было решено отправлять оружие в дорожных катках, которые были полыми. Эти катки производились в мастерской в течение всей недели, а по воскресеньям Арази и венгр лично заполняли катки оружием, сваривали их и затем отправляли обычным торговым путем, через Констанцу или Гдыню в Палестину.

Через шесть недель Арази вернулся в Эрец-Исраэль и сообщил, что ему удалось найти в Европе надежный источник закупок современного оружия, а также способ его переправки. С этого момента операции по закупке оружия в Польше продолжались вплоть до начала Второй мировой войны. На работу в мастерскую были приняты несколько польских рабочих и двое членов организации Хехалуц. Упаковка оружия проводилась тайно и только по ночам. Катки посыпались в Палестину на имя вымышленных арабских старейшин в Калькилии или Туль-

Кареме, чтобы обмануть британскую секретную службу в случае, если оружие будет обнаружено.

Польские заводы производили по заказу Арази оружие без каких-либо торговых знаков. Для маскировки были даже отпечатаны подложные каталоги катков и других машин, в которых мастерская венгра носила громкое название "Завод катков "Полония". В этих каталогах помещались фотографии катков, специально разработанных для переброски оружия и совершенно абсурдных с технической точки зрения. В каталогах был приведен также вес катка (с учетом помещенного в нем оружия). Из яффского порта машины с оружием немедленно перевозились на одну из конюшен семьи Тайбер в Гиват-Рамбам, где они разбирались, и оружие перепрятывалось в другое место.

Эти поставки оружия привели к полному изменению системы закупок, показав, что можно их планировать и освободиться от случайных и ненадежных поставщиков. К сожалению, денег, поступавших из Эрец-Исраэль в Польшу, было мало, а темп и объем закупок определялся тогда только ресурсами заказчика.

С начала деятельности до Второй мировой войны на склады Хаганы прибыло 2750 винтовок, 225 пулеметов, 10 тысяч ручных гранат и 70 тонн боеприпасов (два миллиона патронов). Кроме того, было получено значительное число пистолетов и патронов к ним. Арази занялся также покупкой оборудования для производства патронов. Его связи с польским правительством помогли начать организацию военной подготовки членов Хехалуц в Польше и отправку нелегальных олим, которая из месяца в месяц продолжала расти.

Производство вооружения

Беспорядки привели также к значительному развитию собственно военного производства (Таас). Базой его стал кожевенный завод братьев Яакова и Биньямина Левковичей, находившийся в Тель-Авиве, на побережье. Владельцы его были известны как горячие поборники Хаганы (на территории этого завода в течение нескольких лет командиры Хаганы тренировались в стрельбе). Завод представлял собой большое помещение в форме буквы П, расположенное на берегу моря. При нем имелся большой огороженный двор. Владельцы предприятия предоставили Хагане помещение размером десять на десять метров в одном из крыльев здания, выходящего на море. Рядом работали дубильщики, и тяжелый запах исходил из чанов, где в кислотах вымачивались необработанные кожи.

Чаны, вделанные в пол, были покрыты бетонными плитами и превращены в склады. На место было доставлено несколько станков, и новые рабочие приступили к производству боеприпасов. В одном из чанов был устроен большой, хорошо оборудованный *slick* (тайник), вход в который был прикрыт точильным станком. В помещение вела большая железная дверь с глазком, и можно было заранее увидеть каждого, кто хочет войти. Специальная сигнальная система оповещала рабочих, что нужно спрятать в тайники все запретные предметы. Шум моря заглушал работу станков, и кожевенный завод со всеми его специфическими запахами служил хорошим прикрытием для оружейной мастерской, которая с того времени стала называться "предприятие алеф". На нем в то время занимались главным образом производством оболочек гранат — ручных и винтовочных, и гранатометных насадок для винтовок.

С расширением производства потребовался еще один специальный литейный завод, который был

построен в кибуце Наан. Раз в две недели водитель автомашины Ицхак Вальдфогель перевозил отливки оболочек гранат на "предприятие алеф". Перевозка производилась на рассвете, и небольшая автомашина ехала впереди грузовика на разведку, чтобы обеспечить безопасную доставку запретного груза и избежать неприятных неожиданностей. Гранаты, упакованные в мешки (по 50 в каждом), покрывались обычно свежим навозом, чтобы попавшиеся по дороге полицейские не слишком торопились проверять груз. Разгрузка производилась ночью, при свете покрытых мешковиной фонарей, рабочими, которые оставались для этого после работы. Ицхак Вальдфогель перевозил также готовую продукцию на склады в Шхунат-Борохов.

С течением времени предприятие в Наане расширилось. Через год, когда накопились достаточные запасы изделий, был организован отдел по обработке материалов, а на третий год в Наане появился отдел по заполнению гранат. Несколько позже там же началась и сборка запалов и капсюлей. В разных местах в кибуце были созданы тайники. Предприятие находилось в центре хозяйства и называлось "слесарная мастерская бет". Лишь немногие кибуцники знали, что в их поселении производится вооружение для Хаганы. И все же через три года по соображениям безопасности предприятие было переведено в другое поселение, находящееся неподалеку.

В Шхунат-Борохов осталась небольшая мастерская, в которой производились тонкие детали механизма гранаты — запал и запальное устройство. Через некоторое время здесь стали производить и боеголовки для минометных трехдюймовых снарядов. В то время самым серьезным вопросом была доставка взрывчатых материалов. По предложению профессора Феликса Бергмана было начато использование особой взрывчатки, которую рабочие Тааса называли для краткости "тэн". Он не разлагался, был удобен в хранении, обладал большой мощно-

стью и подходил для заполнения ручных и винтовочных гранат. Первоначальное производство взрывчатки было наложено в лаборатории Зива в Реховоте. После успешных испытаний приступили к строительству специальной мастерской в одном из старых винных погребов Реховота. До Второй мировой войны там было изготовлено несколько тонн высококачественной взрывчатки.

Теперь Хагана имела законченную систему предприятий по производству ручных и винтовочных гранат и всех необходимых для них деталей. Однако для того, чтобы изделия этих предприятий были полностью безопасными в производстве, их необходимо было усовершенствовать. Безопасность зависела от многочисленных факторов, — таких, как мощность взрывчатки, ее количество в гранате, качество и длина фитиля, прочность оболочки гранаты, размеры осколков и так далее. Решение этой важной задачи и ряда других было возложено на Исаэля Амира — генерального директора предприятий.

Координация работы Тааса

В сентябре 1937 года, когда Исаэль Амир приступил к работе, под его управлением находились четыре предприятия. По его инициативе был создан технический совет, в который вошли лучшие химики страны — братья Давид (Эрнст) и Феликс Бергман из лаборатории Зива, профессор Илийофф, доктор Хайман и доктор Калугай из Техниона и другие. Этот совет занимался в основном многочисленными проблемами взрывчатых материалов, материалов для дымовых завес, зажигательных веществ, газов, осветительных материалов и т. д.

Первой проблемой, решением которой занялся совет, была конструкция винтовочной гранаты, использование которой в дни беспорядков вызвало несколько неполадок. Быстро и детально была разработана окончательная конструкция запального механизма и внесены некоторые изменения в производственный процесс. Через три месяца все испытания были закончены и разработан технологический процесс, который не менялся до конца существования Хаганы.

В течение первого года пребывания Амира на посту генерального директора предприятий Хаганы "предприятие алеф" выпустило около 17,5 тысяч ручных и 16 тысяч винтовочных гранат. Завод в Реховоте, который конспиративно назывался "лабораторией", произвел около 2800 кг взрывчатки. Кроме того, были произведены за этот год сотни магазинов к пулеметам, баллистических патронов (для стрельбы из гранатометов), учебных гранат и т. д.

Под руководством Исаэля Иошпе еще в начале беспорядков в Хайфе была создана мастерская по производству бомб из обрезков стальных труб, которая не находилась в ведении Таас, но подчинялась командованию Хайфы. Ответственным за ее работу был Иекутиэль Шевах, кладовщик хайфского филиала, а работали на ней учащиеся профессиональной школы. Под влиянием Меира Рутберга владелец литейного предприятия Креминер предоставлял свои станки рабочим вочные часы. Таким образом, хайфское отделение достигло значительных успехов в производстве гранат и бомб.

Производством ручных гранат некоторое время спустя занялись также бойцы иерусалимского филиала. По инициативе Элика Сохачевера было начато изготовление бомб и фитилей к ним, а литейное предприятие Фридмана в Гиват-Шауле взялось за изготовление корпусов гранат. Таким образом были удовлетворены нужды Иерусалима и окрестных поселений в гранатах. Центр Хаганы стремился рас-

средоточить оружейное производство, чтобы каждый филиал мог обеспечить свои потребности в час нужды.

После того как была успешно разрешена проблема винтовочные гранаты, Таас обратился к новой важной сфере деятельности. Трехдюймовый миномет, который был на вооружении британской армии в дни беспорядков 1936 года, привлек внимание оружейников Тааса простотой производства. Он находился на вооружении армии и полиции и зарекомендовал себя как эффективное оружие. Были начаты поиски путей производства этого миномета.

Отсталый уровень промышленного развития страны поставил Таас перед сложными техническими проблемами. Их помог решить технический совет, в который вошли профессор Курайн, специалист по обработке металлов, профессор Гольдберг, специалист по точной механике и оптике и другие. Для решения химических проблем были приглашены члены химической комиссии. Началась серия испытаний в лабораторных и полевых условиях.

Для производства минометов и снарядов к ним необходимо было создать новые предприятия. В Австрии были заказаны 50 труб из высококачественной стали для стволов минометов. На "предприятии алеф" не было места для специального токарного станка, который вытачивал бы длинные стволы. Тогда неподалеку от северного района Тель-Авива был построен специальный барак, который получил название "предприятие бет". Его руководителем был назначен Звулун Вебер. Оно работало под видом мастерской по ремонту насосов и других механизмов и для маскировки принимало также заказы извне.

Весной 1938 года была начата расточка первых минометных стволов. Кроме того в Квуцат Шиллер была построена литейная мастерская для отливки корпусов минометных снарядов. В школе имени Макса Файна в Тель-Авиве была создана лаборатория для электролитического покрытия деталей, а неподалеку от школы был устроен специальный "ма-

газин", где заканчивалась покраска миномета и отдельных его частей.

До осени было выпущено первых пять минометов, а 21 октября 1938 года в роще возле кибуца Иффаим состоялись первые испытательные стрельбы пустыми и заряженными снарядами. Выстрелы привлекли внимание окрестных арабов из близлежащей деревни, и они вызвали полицию. Работникам Тааса пришлось срочно свернуть испытания и скрыться.

В декабре 1938 года в пригороде Тель-Авива Тель-Литвинском состоялся первый всеизраильский курс по использованию минометов. Он продолжался четыре дня, и тогда миномет прошел первые практические испытания. Вскоре было начато его серийное производство. В 1939 году было выпущено 48 трехдюймовых минометов с полным комплектом деталей и 5 тысячами снарядов к ним.

В конце 1939 года доктору Ашеру Шамгару из лаборатории Зива в Реховоте было предложено создать самостоятельную лабораторию для Таас. Она была создана в корпусах завода "Яфора". Ее бюджет был мизерным. Лаборатория должна была использовать приборы и материалы лаборатории Зива. Первым заданием новой лаборатории была разработка состава взрывчатки для ружейных гранат, которую работники Таас называли балистид.

В это же время была осуществлена дерзкая попытка закупить в Польше старые станки для производства патронов.

Еще в начале своей деятельности Иехуда Арази сообщил, что ему удалось найти в Варшаве на одном из заброшенных складов комплект машин для производства боеприпасов, выпущенный заводами Круппа. Он купил их очень дешево, по цене металлолома, и связался со специалистами, которым предложил за высокое вознаграждение отремонтировать и наладить эти станки. Переговоры со специалистами проходили без ведома польского правительства, которое не было заинтересовано в продаже промышленного оборудо-

вания. Ремонт и наладка оборудования проходили в очень напряженной атмосфере — опасались доносов. Когда первая партия машин была отправлена из Данцига в Эрец-Исраэль, об этом стало известно британскому консулу. Он срочно сообщил властям в Палестине об опасном грузе. Однако сообщение попало в руки информационной службы Хаганы, и на судно была отправлена телеграмма с указанием произвести разгрузку в Бейруте. Там оборудование было помещено на арабский склад.

Полиция прибыла на грузовиках в хайфский порт, чтобы конфисковать опасный груз, но она напрасно ждала его прибытия. Эти станки попали в Палестину лишь в 1941 году, в период сотрудничества ишува с британскими вооруженными силами, и на них было начато нелегальное производство патронов.

За двухлетний период в развитии Таас произошли серьезные изменения. Возросло число мастерских и предприятий, были приобретены новые точные станки, на смену примитивным методам производства пришли современные технологические процессы. В 1939 году была создана специальная мастерская ("лаборатория") для производства подсобных инструментов и измерительных приборов, в которых нуждались предприятия Тааса. Вокруг Тааса сгруппировались специалисты, — инженеры и химики, которые всей душой отдались новому делу. Число рабочих в мастерских достигло пятидесяти — цифра значительная по тем временам, если учесть условия строгой конспирации, в которых они работали.

К концу этого периода между старыми работниками Таас и Исраэлем Амиром возникли трения. Их источником были разногласия по поводу методов работы предприятий. Мастера утверждали, что Амир не считается с их мнением и слишком полагается на людей извне. Весной 1940 года Амир был переведен на другую работу, а на его место был назначен известный инженер Хаим Славин, долгие годы работавший на предприятиях по электрификации.

Количество оружия в распоряжении Хаганы

Сохранился отчет, дающий точное представление о количестве оружия, имевшегося в распоряжении организации Хагана в те дни. "В распоряжении организации, — говорится в этом документе, — имеется 6 тысяч винтовок, из них, по-видимому, 10-15 процентов не пригодны к использованию. Число патронов к этим винтовкам не превышает миллиона. От этого числа необходимо отнять определенный процент боеприпасов, к употреблению не пригодных. Таким образом, имеется около 120-150 патронов на винтовку. В распоряжении организации около 600 легких пулеметов. Это число включает 400 "пистолетов-пулеметов" (автоматов типа "маузер"), военное значение которых ограничено. Для них имеется 900 тысяч патронов. В нашем распоряжении имеется лишь небольшое число тяжелых пулеметов (24) устаревших моделей, но отсутствуют детали, необходимые для стрельбы на большом расстоянии. Значительная часть из них к употреблению непригодна. Число бомб — ручных и винтовочных гранат — также очень ограничено. Имеется всего по одной бомбе на каждого мужчину — члена организации (24 тысячи), и по две гранаты на каждую винтовку. Кроме вышеуказанных видов оружия в распоряжении организации имеется небольшое число минометов местного производства".

Этого оружия в сочетании с легальным вооружением, которое находилось в распоряжении охранных отрядов, было достаточно для обеспечения безопасности ишува в случае нападения арабских банд или толпы. Однако его было явно мало для создания военной силы в рамках Хаганы, которая могла бы встать на защиту ишува в случае восстания или попыток арабов захватить власть. Ответственные за вооружение организации это очень хорошо понимали и стремились всеми путями исправить положение.

XVIII. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ХАГАНЫ

Необходимость реорганизации

Бурные события 1938—1939 годов заставили Хагану приспособиться к новым условиям и новым трудным задачам. Центр Хаганы должен был срочно решить следующие пять проблем:

а) Найти новые источники финансирования.

Финансовых средств едва хватало даже в относительно спокойные времена, когда всеобщие мобилизации производились лишь по несколько дней. Эти средства были совершенно недостаточны в период продолжительной борьбы, охватившей всю страну.

Ход беспорядков летом 1938 года поставил ишув и Хагану перед новыми целями и задачами военного времени. В ишуве, во всех его течениях и партиях, распространилось сознание того, что в этой войне невозможно будет выстоять, если не пожертвовать для нее не только своими лучшими кадрами, но и частью имущества.

б) Добиться концентрации всех сил, отказавшись от федеративной структуры.

Когда арабские нападения носили местный характер, достаточно было укрепить отдельный населен-

ный пункт и организовать взаимопомощь между ним и соседними поселениями. Так была создана система секторов, которая в период беспорядков, с созданием местных полевых рот, приобрела устойчивый характер. В 1938 году эта форма организации достигла предела своих возможностей. Для операций типа создания Ханиты, строительства ограды, охраны восточной линии, охраны нефтепровода в Галилее и линии электропередачи в Шароне Хагана должна была мобилизовать и сконцентрировать крупные силы, превышавшие возможности отдельного сектора, и оперировать ими в масштабах всей страны.

в) Заменить гражданское руководство военным.

Центр Хаганы был гражданским органом, представителем ишува, шесть членов которого представляли на паритетных началах два течения: "правых" и "левых", связанных Хистадрутом.

Назначение командиров, их смена, определение кандидатов на централизованные курсы – все это не было свободно от партийных и групповых соображений. Каждый раз возникали опасения, что та или иная сторона стремится нарушить неустойчивое равновесие между обоими блоками. В командовании царила атмосфера взаимной подозрительности. Отрицательно сказывалось на работе отсутствие центрального штаба Хаганы. Если, например, поступали сведения об опасной обстановке, возникшей в Эйн-Геве, и необходимо было направить туда подкрепление в составе десяти человек, никто в Центре не обладал полномочиями дать такой приказ до того, как командование приняло по этому вопросу решение. Считалось, что инструкции Центра – всего лишь рекомендации, а не приказы.

В конце концов все пришли к соглашению о том, что необходимо вывести чисто военные и технические вопросы из сферы паритетно-фракционного обсуждения. Начало этому было положено при создании "технического отдела" Хаганы еще до беспорядков. Командование "полевых рот" также фак-

тически завоевало для себя широкое поле самостоятельной деятельности благодаря энергии и настойчивости тех, кто стоял во главе рот – Ицхака Садэ и Элияху Кохена.

г) Добиться полного сотрудничества между Хаганой и охранными подразделениями.

В принципе все признавали, что между легальными военизованными формированиями и Хаганой нет противоречий, и они должны работать сообща, в тесном сотрудничестве. Но на практике дело обстояло иначе. Ответственные за охранные подразделения – Иехошуа Гордон и его помощники, которые создали и расширили их в непрерывной борьбе с властями, отрицательно относились к попыткам командиров секторов и полевых рот использовать охрану для операций, выходящих за рамки официальных инструкций властей. Такие операции могли представить опасность для существования охранных подразделений, и Иехошуа Гордон требовал их максимального сокращения. Командиры Хаганы, многие из которых также носили форму охранников, считали бойцов этих подразделений членами Хаганы, одетыми в форму.

д) Решить вопрос о высшем политическом органе.

Хагана подчинялась Еврейскому агентству и Национальному комитету. Пока между ними существовало единство взглядов, вопрос о высшем политическом органе не имел практических значений. Пока Хагана выполняла задания по обеспечению местной безопасности, ее значение не выходило за местные рамки. Однако по мере роста организации и выполнения ею новых заданий стала очевидной все возрастающая политическая роль Хаганы. Еврейское агентство потребовало для себя права контролировать и направлять ее деятельность. Но оно не управлялось по паритетному признаку, а это нарушило принцип, положенный в основу единства "левых" и "правых" в Хагане.

Кофер ха-ишув ("Выкуп ишува")

На заседании центрального командования, состоявшемся в декабре 1937 года, Д. Бен-Гурион подчеркнул, что решить вопросы финансирования Хаганы можно лишь обложив всех всенародным и всеизраильским налогом. Он писал: "Эта задача (оборона) является единственной, которая многое говорит всем без различия партий, общин, течений, и лишь для этой цели можно ввести, без государственного принуждения, налог на всех еврейских жителей, и каждый откликнется. Налог должен быть в масштабе всей страны, ибо именно небольшие и слабые поселения нуждаются в средствах больше, чем крупные и богатые поселения".

Принципиальное решение в этом духе было принято командованием и представителями городских советов Хаганы, но реализация его задержалась на несколько месяцев. Только летом 1938 года, когда арабское восстание потрясало основы британской власти, и многие еврейские поселения стояли перед смертельной угрозой, было создано учреждение, обеспечивающее финансирование сил безопасности ишува.

На своем заседании 24 июля 1938 года Национальный комитет принял решение ввести налог "выкуп ишува" (*кофер ха-ишув*). Смысл этого названия в том, что все, кто из-за возраста, по состоянию здоровья, в силу большой занятости и т. д. не могли лично участвовать в обороне, должны были вносить в кассу Хаганы особый налог. Эти деньги использовались на мобилизацию добровольцев, строительство укреплений, закупку оружия и т. д.

Кофер ха-ишув охватывал все слои еврейского населения, за исключением ревизионистов, которые были связаны с Эцел. Во главе еврейского налогового учреждения стоял президиум, назначаемый Национальным комитетом. В каждом горо-

де и каждом поселении были избраны местные советы.

Учреждение "выкупа ишува" использовало государственные методы работы. Члены Хаганы по всей стране находились в его распоряжении и были готовы исполнить его задания и инструкции. Из рядов организации пришли сотни добровольцев-сборщиков и пожертвователей.

Проводились многочисленные разъяснительные собрания. Обычно это были закрытые собрания, на которые приглашались выходцы из определенных слоев или представители определенных профессий (торговцы, врачи, адвокаты и так далее). На них рассказывалось о боях и столкновениях с бандами и о задачах Хаганы. Впервые значительные группы населения непосредственно приобщились к деятельности полулегальной и таинственной Хаганы. Эти собрания достигли своей высшей точки 1 ноября 1938 года. В этот день, начиная с полудня, работа во всем ишуве была прекращена, и сотни митингов состоялись по всей стране. В листовке Национального комитета еврейская молодежь призывалась "вступать в еврейские силы безопасности, присоединяться к рядам защитников, полицейских и охранников, добровольно отправляться на помощь небольшим и слабым поселениям, на строительство укреплений и позиций...". Подчеркивалось, что пожертвования в счет "выкупа ишува" являются "обязанностью гражданина перед своим народом и своей страной".

В тот же день было объявлено о "сборе драгоценностей" в фонд "выкупа ишува". Это мероприятие имело большое моральное и пропагандистское значение. Бедняки приносили обручальные кольца и памятные вещи, члены сельскохозяйственных поселений находили в своих личных вещах старые драгоценности, которые они привезли с собой из diáspory, богатые сдавали дорогую и красивую посуду. Все банки в день митингов были открыты до

позднего вечера, принимая пожертвования деньгами и драгоценностями.

На учреждение "выкуп ишува" были возложены две задачи. Первая — сбор денег, вторая — распределение их. Атмосфера энтузиазма, сопровождавшая "выкуп ишува", содействовала успеху этой кампании. Общественность, взволнованная событиями тех дней и потрясенная газетными сообщениями о кровавых событиях, происходивших на расстоянии нескольких десятков километров от спокойных мест, была готова от всего сердца платить возложенный на нее "выкуп". Однако когда беспорядки прекратились, резко пали денежные поступления в счет "выкупа ишува", несмотря на приобретенный опыт и более совершенные методы сборов.

Взимание налога с наемных рабочих производилось при помощи вычета, автоматически отчисляемого с их заработной платы работодателем. Среди независимых предпринимателей, и в частности, среди наиболее обеспеченных из них, были такие, кто старался уклониться от своего долга, и некоторым это удавалось. Ишув еще не обладал государственным аппаратом, который мог бы заставить людей подобного рода подчиняться решению большинства.

Кроме прямых сборов был также введен косвенный налог на проездные билеты в общественном транспорте и на билеты на различные зрелища. Специальным налогом были обложены частные автомобили. Косвенные налоги были введены также на сигареты, спички, масло, маргарин, спиртные напитки.

В первый год своей деятельности учреждение "выкуп ишува" собрало более 150 тысяч палестинских фунтов. Эта сумма значительно превышала доходы Хаганы в предыдущие годы и покрывала более 70 процентов расходов организации.

Добровольцы

Еще на первом заседании президиум учреждения "выкуп ишува" решил начать запись добровольцев для сельских поселений. Вспомним, что сотни добровольцев были отправлены в небольшие поселения во время беспорядков 1920—1921 гг., 1929 г. и летом 1936 года. На сей раз эта кампания носила более широкий характер. Учреждение "выкуп ишува" активно поддерживало ее материально.

Организация записи добровольцев была возложена командованием Хаганы летом 1938 года на Михаэля Фактори, жителя поселения Кфар-Гилади. Мобилизация людей производилась из двух источников. Первым были отделения Хаганы в трех крупных городах. Оттуда отправлялись организованные и обученные группы. Они прибывали в самые опасные места, беря на себя самые ответственные задания. Другим источником подкреплений были неорганизованные добровольцы, многие из которых записались из-за тяжелого экономического положения или безработицы. Для мобилизации этих людей были открыты специальные бюро в здании тель-авивского муниципалитета, так как запись носила легальный характер. Добровольцы проходили медицинское обследование и представляли перед приемной комиссией. Прилагались все усилия к тому, чтобы определить характер добровольцев и выяснить его прошлое, дабы воспрепятствовать проникновению в организацию провокаторов и доносчиков.

Добровольцы отправлялись в сельскохозяйственные поселения на различные работы. Часть из них выполняла задания по охране и обороне и была включена в боевые подразделения Хаганы, другие же работали на строительстве укреплений, третьи мобилизовывались в охранные или полицейские подразделения, а также в военно-транспортные части.

Вначале добровольцы получали только небольшие суммы на карманные расходы. Поэтому они записывались лишь на короткий срок, на несколько недель или месяц. В октябре 1938 года было решено набирать людей за плату. Выяснилось, что доброволец, пришедший на короткое время, успевал лишь приобрести элементарные навыки по обороне, а затем был вынужден возвращаться домой.

”Выкуп ишува” взял на себя страхование добровольцев в больничных кассах, уход за ранеными и выплату возмещения семьям погибших. Добровольцы получали по пять палестинских фунтов в месяц, однако первый месяц они должны были служить бесплатно в счет компенсации за полученное ими обмундирование.

Кроме организационной работы учреждение ”выкуп ишува” проводило также значительную разъяснительную и культурно-просветительную работу. С августа 1938 года начала издаваться газета ”Алон хамитнадев” (”Листок добровольца”) тиражом в 400–500 экземпляров, которая рассыпалась во все места, где находились добровольцы. Фактически этот орган, выпускавшийся раз в месяц до начала Второй мировой войны, стал одним из полуглавых изданий Хаганы, и с его страниц руководители организации обращались к сотням бойцов, разбросанных по оборонным подразделениям в Галилее, Самарии, долине Иордана, в Иудейских горах.

К концу октября число добровольцев, отправившихся в сельские и окраинные поселения, достигло 2 тысяч человек. Они находились в 123 населенных пунктах.

С течением времени часть добровольцев присоединилась к вооруженной охране поселений, другие начали выполнять разные сельскохозяйственные работы, освобождая тем самым местных людей для обороны и охраны. И на сей раз, как и в прошлом, отправка тысяч молодых парней из города в сель-

ские поселения и обучение их основам военного дела имели большое значение. Многие добровольцы вступили в ряды Хаганы.

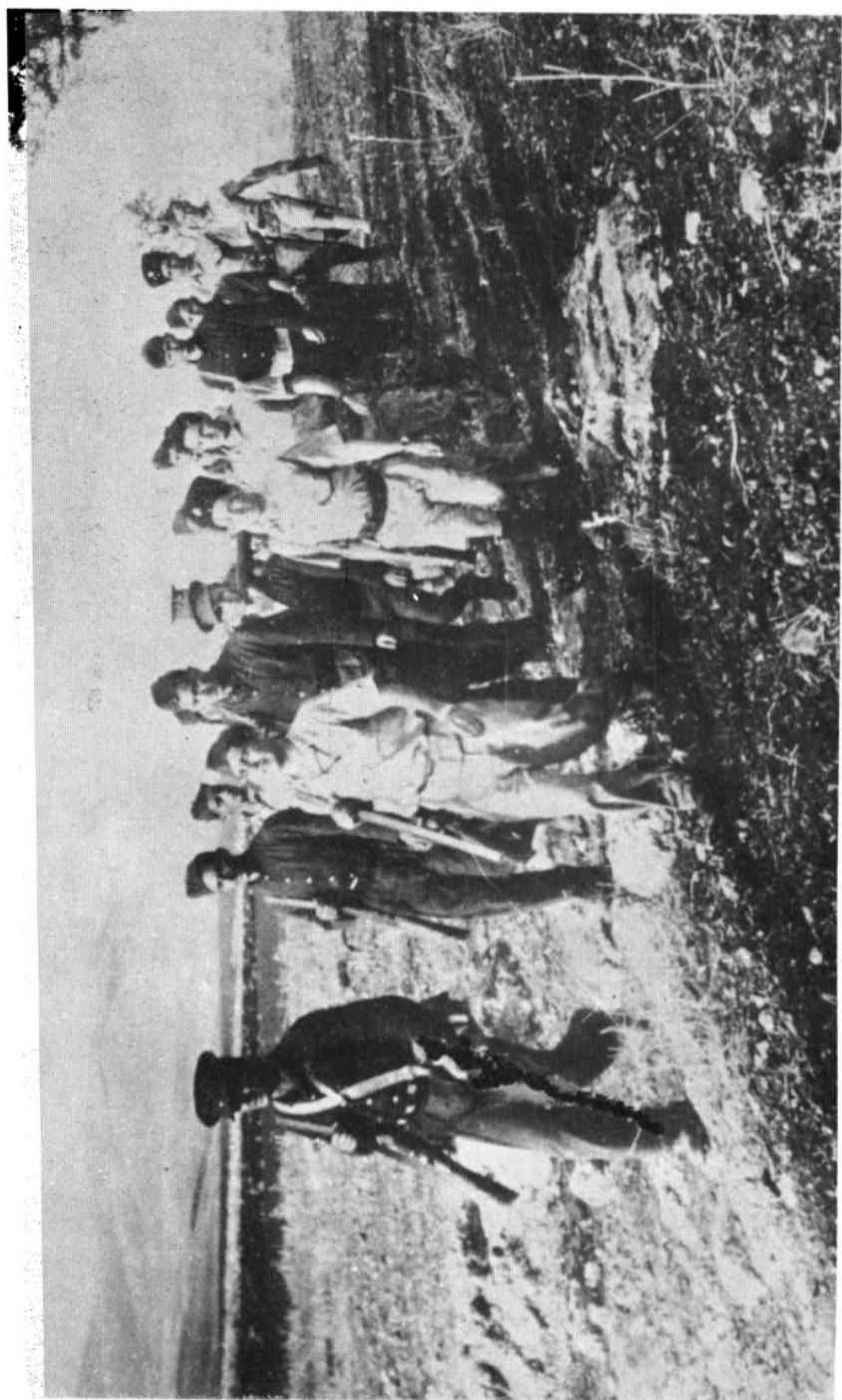
Глава центрального командования

Важным шагом в укреплении организационной структуры Центра Хаганы явилось назначение Главы центрального командования, который был подчинен непосредственно правлению Еврейского агентства.

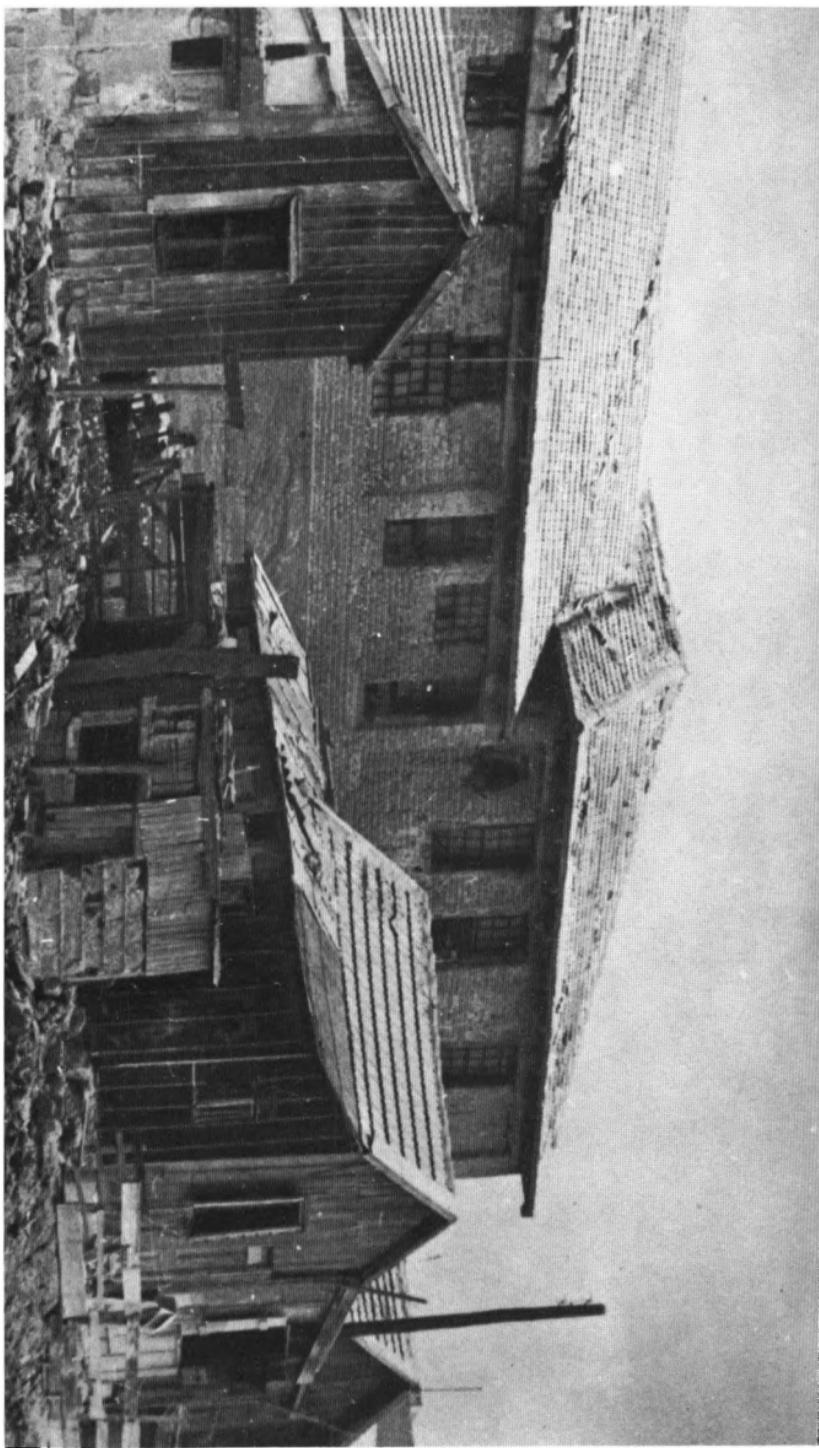
Нелегко было найти подходящего человека для этого поста, — чтобы он был приемлем для обеих группировок в командовании и в то же время имел бы военный авторитет в глазах командира и бойцов. Летом 1938 года Д. Бен-Гурион обратился к Иоханану Ратнеру, единственному из старых командиров организации, который имел опыт в области военного командования, и предложил ему стать первым руководителем Центрального командования Хаганы. Этот человек был связан с Хаганой еще в двадцатые годы. Его военное образование, многократно превосходившее военные знания любого другого командира в Хагане, завоевало ему большой авторитет среди товарищей. Он пользовался также заслуженным уважением благодаря широкому кругозору и выдающимся личным качествам.

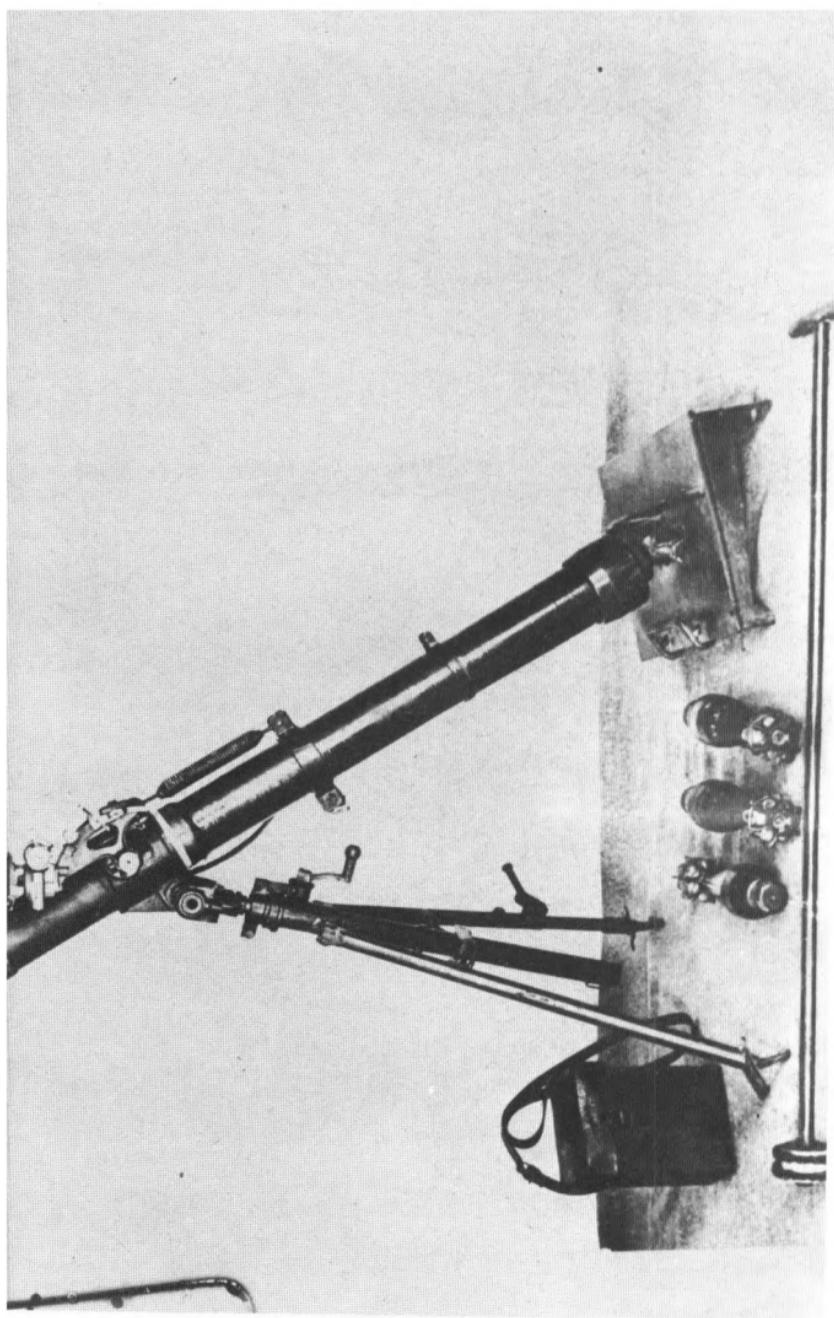
Вместе с тем вступление Иоханана Ратнера на новый пост было делом нелегким. Несмотря на то, что члены командования знали его лично многие годы, его назначение могло нарушить то неустойчивое равновесие партийных группировок, которое существовало в Центре. Практически ему не были даны решающие полномочия, ибо каждая сторона,

Специальная ночная рота на маневрах.

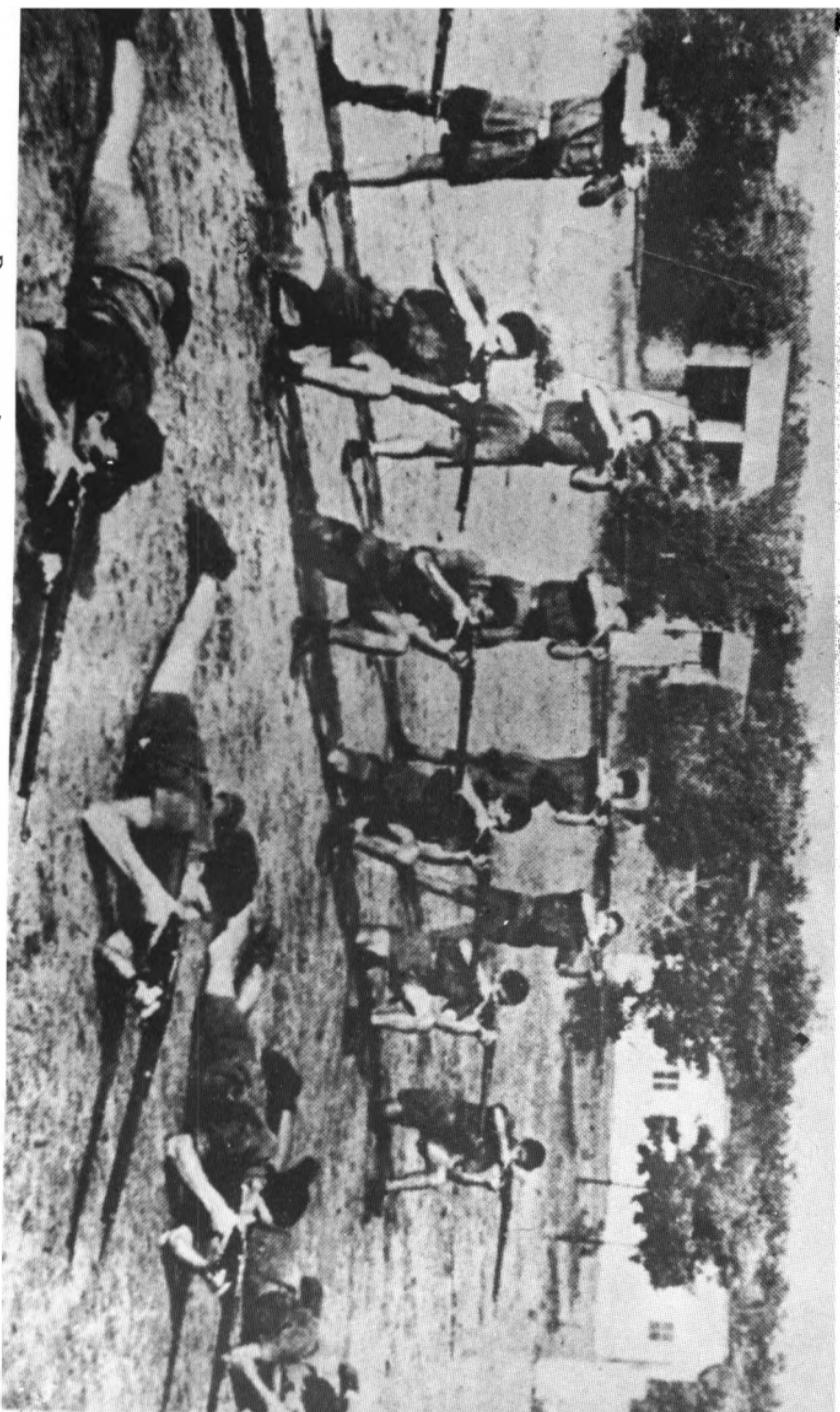
Военное производство Хаганы, филиал "А", на берегу моря в Тель-Авиве.

Трехбарабанный миномет подпольного военного производства Хаганы.

Военная подготовка хаджим в Польше: тренировка в стрельбе.

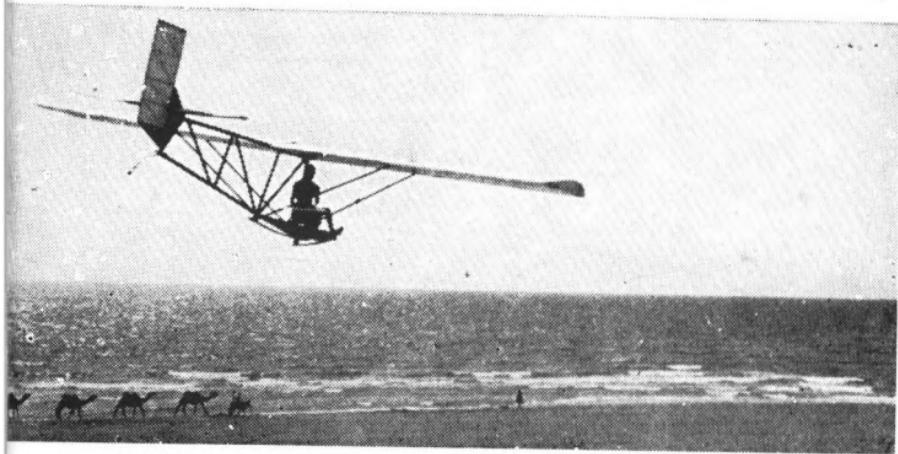
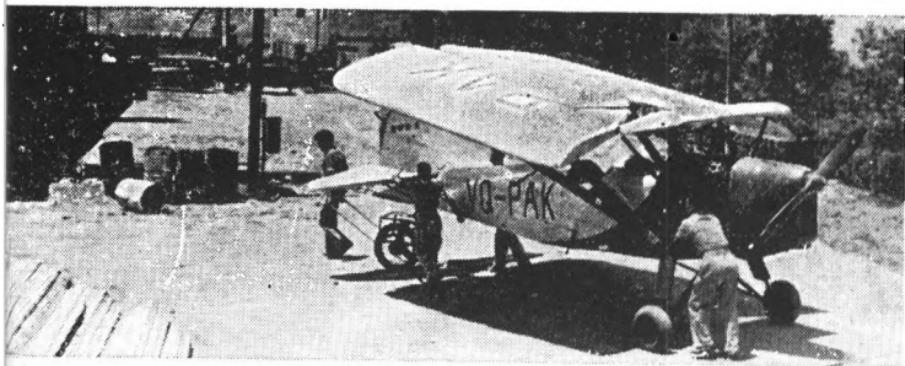
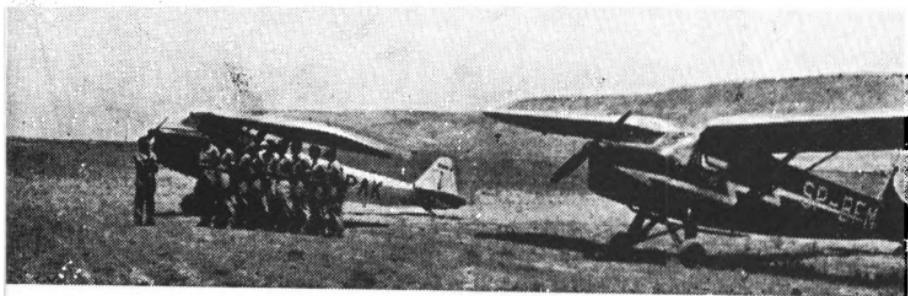

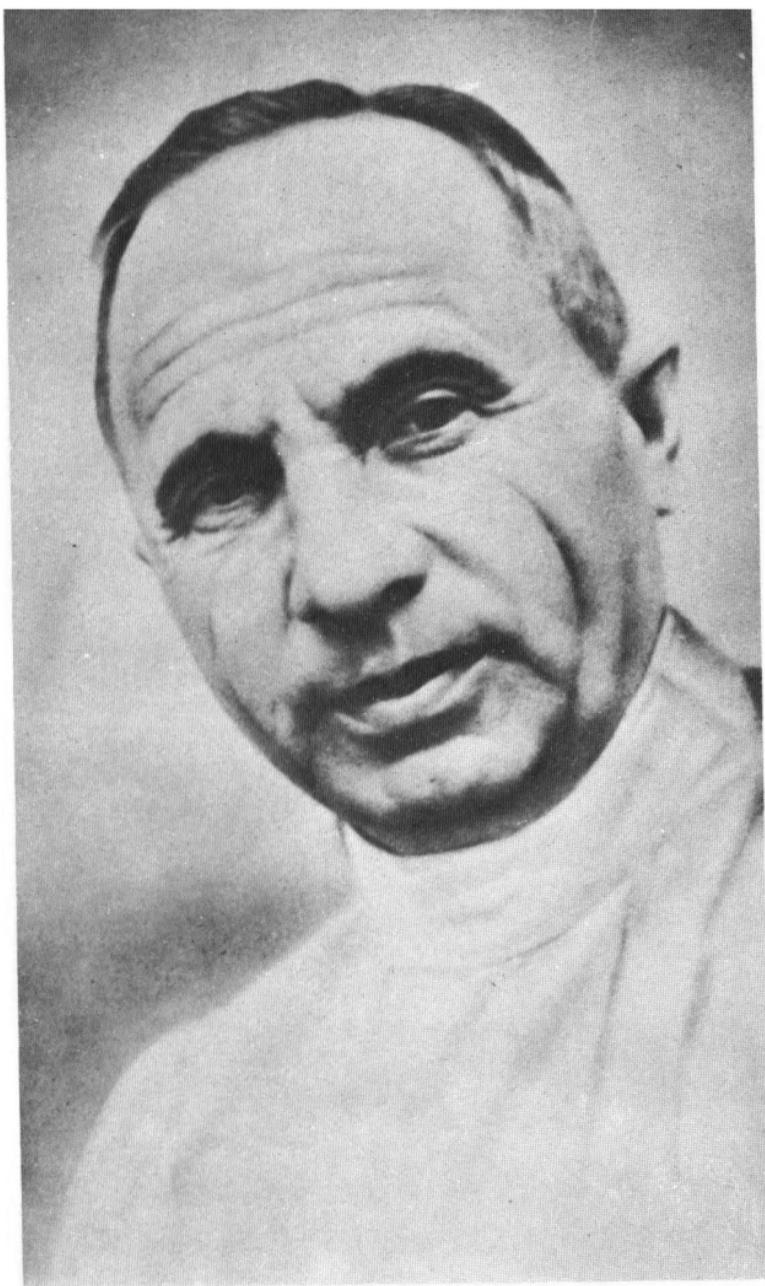
Служба связи: сигнализация гелиографом из Ханиты в Хайфу.

Нелегальная иммиграция в 1938–1939: судно "Атрато".

Зарождение военно-воздушного флота Хаганы.

Элияху Голомб (1893 – 1945) – один из основателей и выдающихся руководителей Хаганы.

в случае несогласия с его мнением, могла обратиться к другим учреждениям и потребовать вмешательства, чтобы добиться отмены принятого решения. Командиры секторов также не принимали его инструкции как приказы, обязательные к исполнению.

Основой силы и влияния главы Центрального командования была возможность высказать свое мнение, оказать влияние на членов командования и попытаться убедить их в своей правоте. Лишь после того, как стороны приходили к единому мнению, он мог опубликовать решение за своей подписью в качестве приказа.

Иоханан Ратнер вступил в свою должность в трудные дни, когда Хагане приходилось напрягать все свои силы, чтобы противостоять арабской погромной лавине. Это было время террора и бесчинства банд, время деятельности Вингейта и его "ночных рот", время создания учреждения "выкуп ишува". Возникла срочная необходимость организационной и военной координации между командирами секторов и полевыми ротами Хаганы, которые в те дни начали осуществлять межсекторные операции, создавая "восточную линию" от Эйн ха-Шофет до Рамат ха-Ковеш.

Начал он с укрепления оперативного отдела центрального командования, ядро которого — технический отдел — существовало еще до беспорядков.

Летом 1938 года работа технического отдела осуществлялась в небольшом доме на улице Ахад-Хадама в Тель-Авиве, и в единственном металлическом сейфе, находившемся в соседней канцелярии, содержались все его секретные дела. Вместе с Зхариею Уриэли ("Захаром") в отделе работали несколько инженеров и архитекторов, которые вступили в Хагану на основе добровольной мобилизации. Главной работой отдела была разработка планов разных типов укреплений, планирование обороны каждого отдельно населенного пункта и составление карт. Для этой цели Захар и его помощники совершали многочисленные

поездки по стране, проверяя, как строятся укрепления, как расположены позиции, проволочные заграждения и сторожевые вышки. Кроме того, технический отдел должен был заботиться об обеспечении поселений средствами связи и медицинской помощью.

На каждое поселение была заведена папка, в которой хранились планы обороны с указанием огневых позиций и пространная анкета, содержащая указания о состоянии укреплений, численности людей и оружия. Когда начали свою деятельность ночные и полевые роты, выяснилось, что требуется большое количество карт. Технический отдел должен был удовлетворить эти потребности. В качестве основы для работы служили карты отдела измерений мандатной администрации. Вскоре было начато также составление карт для нужд нелегальной алии.

Инженер Хиллел Биргер стал в Хагане "отцом топографии". Важность ее стала ясна с созданием "полевых рот" в конце 1937 года, когда возникла необходимость координации оперативной деятельности различных подразделений, движущихся на местности днем и ночью.

В декабре 1938 года Биргер организовал первый курс для инструкторов топографии в Гиват-Рамбам, возле Тель-Авива. На этом курсе возникло ядро инструкторов, которые распространяли знания в области топографии среди бойцов.

В техническом отделе разрабатывались также планы по созданию поселений типа "ограда и башня". Для разработки таких планов в отдел был введен Иосеф Рохел. Поскольку любое финансирование строительства укреплений требовало утверждения плана техническим отделом, последний оказывал большое влияние на работу местных командиров. В обязанность работников отдела входила также координация планов местной обороны с планами обороны целого сектора.

Технический отдел стал центром большой и эффективной работы. Здесь дела не обсуждались с пар-

тийной точки зрения, и потребности "левого" поселения Рамат ха-Ковеш и "правого" Гиват-Ада рассматривались исключительно с деловой, технической и военной точек зрения. Здесь было доказано, что можно производить работу по укреплению безопасности ишува без того, чтобы она становилась источником противоречий между различными партиями, группами и течениями.

Хагана пользовалась для тренировки бойцов легальными рамками охранных подразделений. Однако в соответствии с британскими колониальными традициями, официальная подготовка была весьма ограниченной и достигала, максимум, уровня младшего сержанта регулярных войск. Было ясно, что если Хагана намерена укреплять свою независимость, ей необходимо позаботиться о более серьезной военной подготовке своих кадров. Поэтому проведение курсов, которые зачастую проходили под видом курсов охранников, а иногда и нелегально, продолжалось все годы. Наряду с брошюрами, которые выпускались издательством Ханотер ("Охранник") легально и должны были ограничиваться лишь узкими рамками основной подготовки, весной 1939 года начался выпуск брошюр для тренировок на более высоком уровне.

В 1938 году для работы в Центре Хаганы были приглашены два бывших офицера, ветерана австрийской армии. Один из них, Рафаэль Лев, закончил офицерскую школу, участвовал в Первой мировой войне, до 1927 года служил в австрийской армии и дошел до чина капитана. С тех пор он работал в организации самообороны австрийских социалистов ("шютцбунд") и в 1934 году во время восстания рабочих в Вене был арестован и осужден по обвинению в предательстве на 25 лет тюремного заключения. Спустя два года он был освобожден. Именно тогда он установил контакты с Элияху Голомбом и был приглашен выехать в Эрец-Исраэль и начать работу в рядах Хаганы.

Другим австрийским офицером был Зигмунд

фон Фридман (Эйтан Ависар), выходец из офицерской семьи и выпускник военно-технической академии в Вене. Он прошел Первую мировую войну, затем работал в австрийском министерстве обороны и в 1934–1938 годах был президентом "Объединения евреев-фронтовиков". После захвата Австрии фашистами это объединение было распущено, а Зигмунда фон Фридмана арестовали. Его освободили лишь спустя пять месяцев благодаря заступничеству мировой организации бывших фронтовиков. После освобождения он выехал в Палестину. В сентябре 1938 года его пригласили в качестве военно-го советника в оперативный отдел Хаганы. Лев и фон Фридман с трудом привыкали к новым условиям работы в организации, специфика которой определилась условиями жизни в подмандатной стране.

Тогда же было решено создать группу инструктора в рамках оперативного отдела командования. Эта группа должна была заботиться о систематических тренировках бойцов Хаганы и о поднятии уровня военной учебы. Яаков Дори был назначен начальником этой группы. С тех пор началась систематическая и целеустремленная работа по обучению командного состава. Первой заботой Дори была организация курса старших инструкторов по владению легким оружием, который состоялся в Бейтан-Аарон (возле Кфар-Виткин). Этот курс под командованием Элияху Кохена продолжался месяц.

Затем была разработана программа целого ряда курсов для инструкторов взводов. С политической точки зрения это был "переходный период", и отношения с властями непрерывно ухудшались. Важнейшие тренировочные центры (Нижний Гват, Кфар-Виткин и Эйн ха-Шофет), которые находились под наблюдением полиции, не были безопасными, потому командование решило проводить курсы в Биккат-Явнеэль. Подробно об этих курсах, закончившихся арестом инструкторов и курсантов осенью 1939 года ("арест сорока трех"), см. гл. XX.

Реорганизация

Одной из важнейших задач, возложенных на Центральное командование, была реорганизация структуры Хаганы и составление ее устава. Обсуждение вопросов реорганизации началось в конце 1937 года после того, как был завершен процесс воссоединения с Иргун Бет. Были проведены собрания командиров секторов и других высших командиров, выдвинуты различные предложения. Самым важным было предложение о создании вместо секторов 7–8 крупных районов, каждый из которых будет разбит на 12–15 более мелких территориальных единиц. Этим путем авторы предложения стремились, по-видимому, разрешить проблему координации между подразделениями легальной охраны и нелегальной Хаганы.

Такому предложению решительно воспротивилось большинство командиров секторов сельских районов. Они утверждали, что "малый сектор" с его искусственными границами будет не в состоянии проводить серьезные операции, а большой район с командиром во главе, в распоряжении которого будет ограниченный аппарат, не сможет выполнять свои задачи с оперативной и организационной точек зрения. Они предлагали объединить несколько секторов в один район.

Со вступлением Иоханана Ратнера на новый пост обсуждение вопросов реорганизации стало еще более активным. 17 ноября 1938 года всем секторам был направлен "отчет о решениях Центрального командования по основным организационным вопросам на пути к созданию полного устава", подписанный конспиративной кличкой начальника центрального командования – "Иоханан". В этом документе сектор (*мехоз*) определялся в качестве "административной и оперативной организационной единицы". Она имеет свой бюджет, взимает налоги, определяет кво-

ту мобилизации в чрезвычайных условиях. Командование сектора формируется на паритетных началах, однако командир сектора имеет командные полномочия, и, если Центральное командование объявило чрезвычайное положение, он имеет право действовать самостоятельно. В исключительных условиях командир сектора имеет право объявить состояние "далет", отправив срочное донесение Центральному командованию. И тогда он может использовать в поселении все имеющееся оружие и будет иметь право перебрасывать его с места на место.

Секторы остались в основном организационными единицами, командир сектора становился заместителем командира округа (*галил*) в секторе и выполнял его инструкции. По вопросу об отношениях между охранными подразделениями и Хаганой было определено, что "дополнительные полицейские обязаны подчиняться дисциплине организации, как и все члены Хаганы. Однако передача легального оружия или любое действие, которое выходит за рамки допустимого с официальной точки зрения, может производиться лишь с ведома командира охраны".

В конце 1938 года в Хагане значилось 7 секторов, объединявших 21 район (*гуш*).

1. Иерусалимский сектор включал столицу, окрестности и близлежащие селения.

2. Южный сектор охватывал территорию от Ришон ле-Цион до Негева (районы Ришон ле-Цион, Нес-Циона, Реховот и Негев).

3. Тель-Авивский сектор включал городское отделение, пригороды и прилегающие селения.

4. Сектор Шомрона распространялся от Герцлии до Зихрон-Яакова (Кфар-Саба, Герцлия, Тель-Монд, Эмек-Хефер и Шомрон).

5. Хайфский сектор занимал территорию от Атлита до Ханиты.

6. Сектор Долин распространялся от Квуцат-Алоним до Тират-Цви (районы Нахалал, Афула, Харод).

7. В Северный сектор входили поселения Иордан-

ской долины, Нижней, Верхней и Восточной Галилеи (район Долина Иордана, Нижняя Галилея и Верхняя Галилея).

Два района находились за пределами этой организационной структуры: Нахалат Дан (Рамат-Ган, Шхунат-Борохов, Бней-Брак) и Петах-Тиква.

Географически Нахалат-Дан тяготел к Тель-Авиву и должен был входить в Тель-Авивский округ. Этот район был одним из самых сильных и организованных в Хагане, на его территории находился ее главный оружейный склад, но идеологически он примыкал к Хистадруту и отказался войти в Тель-Авивский округ, опасаясь потерять свою независимость. В Петах-Тикве было сильно влияние колонистов, и, хотя местные командиры и бойцы были в большинстве своем членами Хистадрута, командиром района считался Авраам Шапира, а у колонистов были свои склады оружия, которые они категорически отказывались подчинить Хагане. Также решительно они противились присоединению к Шомронскому сектору, где преобладало влияние активистов Хистадрута. В силу всех этих причин (противоречия между "правыми" и "левыми") не удалось также соединить районы Нахалат Дан и Петах-Тикву в один сектор, и они так и оставались за рамками новой организационной структуры.

Командиры городов (Авнер, Пат и Дори) оставались на своих постах, получив сейчас должность командиров секторов. Южным сектором командовал Элияху Бен-Гиора, в прошлом один из руководителей Иргун Бет. Секторами Шомрона, Долин, Галилеи командовали соответственно Иехошуа Эшел, Моше Ман и Нахум Шадми.

Хагана после беспорядков

Каковы важнейшие достижения Хаганы после окончания беспорядков?

Прежде всего – воспитание целого поколения молодежи (после долгого периода безразличия, царившего до 1936 года), осознавшей необходимость автономной военной силы. Вырос уровень ответственности людей, со всей серьезностью относящихся к Хагане, сознательно принимающих на себя тяжелое бремя. Все круги организованного ишуга, за малым исключением, признали необходимость существования единой подпольной организации, не зависящей от чужеземных властей, способной постоять за ишуга в случае беды.

Вторым достижением явилась охранная служба. Создание охранных легальных подразделений практически разрешило проблему, занимавшую весь ишуг с первых лет британского владычества – проблему защиты ишуга. Британские власти в конце концов были вынуждены признать за евреями элементарное право на самозащиту, и зимой 1939 года "полиция еврейских поселений" добилась положения милиции в масштабе всей страны. В ее рядах было более 14 тысяч человек, разбитых на 10 батальонов, разбросанных по всей стране. К ним были присоединены 60 подвижных патрулей, имевших в своем распоряжении бронированные автомашины. Это важное достижение ишуга продолжало существовать все девять последующих лет – до создания государства Израиль. Даже в самые трудные дни войны между ишугом и англичанами британские власти не решались разоружить окончательно охранные подразделения. Наличие оружия для самообороны стало естественным правом ишуга.

Охранная служба освободила Центр Хаганы от забот по повседневной защите поселений и дала ему

возможность полностью отдаваться делу укрепления и консолидации автономной военной силы, нелегальной алие и борьбе с англичанами.

Важным достижением следует признать выход Хаганы за пределы местных интересов поселений и развитие ее центральных учреждений – серьезный этап на пути к созданию генерального штаба. Роль этих учреждений в усилении дисциплины и поддержании политики "воздержания" была значительной, и благодаря им Хагана не пошла по легкому пути и не опустилась до грубой мести и бесцельного кровопролития в период беспорядков. Центр добился координации военных операций, в ходе которых были нанесены удары по силам противника на его базах.

Следует отметить большой прогресс в деле подготовки рядовых и командиров Хаганы. Это стало возможным благодаря опыту, накопленному в сотрудничестве с британскими силами безопасности, а также благодаря самостоятельной подготовке, развитию новых отраслей в производстве оружия, службе связи и т. д.

Огромным достижением можно считать систематические закупки в Польше современного оружия и боеприпасов в невиданных ранее объемах. Это позволило создать резервные склады оружия и боеприпасов. Связи с польскими властями позволили также создать там сеть кружков и курсов по военной подготовке и организовать нелегальную алию членов молодежных сионистских организаций Польши.

Хагана стала активной политической силой в области колонизации и алии. Эта деятельность, кроме своего военного и оборонного значения, вселяла в защитников чувство уверенности в своих силах и радовала их расширением пределов еврейской Родины. Ханита, Тират-Цви, Дан и Дафна, Кфар-Менахем и другие поселения стали передовыми пограничными постами, откуда бойцы и командиры готовы были идти вперед, в Негев, в горы Хеврона и в лю-

бое другое место страны Израиля. Участие Хаганы в нелегальной репатриации связало ее с историческим процессом возвращения евреев на свою Родину и поставило в центре политической борьбы за судьбы страны.

Не менее важным достижением являлось накопление боевого опыта, приобретенного в годы беспорядков. От пассивной обороны за оградой и на постоянных позициях Хагана перешла к осуществлению операций на полях и дорогах. Подвижные части проникли, вначале вместе с англичанами, а затем и без них, в самую гущу арабских поселений. Под командованием Вингейта многие подразделения добились высокой степени боевой подготовки. Было доказано, что небольшие, но хорошо подготовленные еврейские силы успешно могут проводить операции против значительно превосходящих их численностью и вооружением сил врага. Это имело большое психологическое значение в Войне за Независимость девять лет спустя.

С исторической точки зрения беспорядки 1936–1939 года следует рассматривать как некую "генеральную репетицию" перед решающими битвами 1948 года. Одно упоминание имен командиров, ведших Армию Обороны Израиля к победам в период Войны за Независимость, показывает, что почти все они прошли подготовку и приобрели свой первый боевой опыт в период этих беспорядков. Сомнительно, смогла бы Хагана выстоять в трудных испытаниях войны с армиями семи арабских стран, если бы ей не предшествовал опыт борьбы 1936–1939 годов.

Беспорядки прекратились в период глубокого политического кризиса. Гитлер шагал от победы к победе, тысячи еврейских беженцев скитались по Европе, "Белая книга" угрожала всем надеждам сионистского движения. В эти горькие дни Берл Кацнельсон сказал, выступая перед рядовыми членами организации: "Перед нами нет другого пути, как

стать силой, накопить силы, и это нам еще доступно. Силы необязательно растут в хороших и благоприятных условиях. Наоборот, наши силы в стране выросли именно в тяжелое, суровое время. Беспорядки в стране стали для нас школой, жестокой, но полезной. Дело обороны требует от нас теперь другого подхода, нежели тот, к которому мы привыкли в прошлом. Мы должны готовиться к длительной борьбе. Необходимо, чтобы как арабы, так и англичане почувствовали и знали, что здесь имеется сила, которая не даст себя поглотить. Понятие сила не подразумевает ее проявления в духе арабских погромных банд. Разные цели требуют и разных средств. Наши "завоевания" – это работа на земле, строительство, алия. Мы не заинтересованы в столкновении между нами и другими, однако если те придут, чтобы напасть на нас, следует дать им почувствовать, что это сделать нелегко, что ни одна наша жертва не падет даром и никакие усилия для нас не невозможны, ибо мы упрямое племя. Пусть признают нашу силу, пусть признают, что нас нельзя покорить разбоем и произволом. Тогда станет возможной и другая политика по отношению к нам как со стороны арабов, так и со стороны англичан.

Тот, кто сгибается под первыми ударами – у того нет надежды. Но тот, кто умеет постоять за себя и сбить все силы, мобилизовать свою настойчивость, веру в себя, в правоту своего дела и в свое будущее – тот сможет выстоять в борьбе и победить".

Обработка перевода:

А. БЕЛОВ (сокр.текста и ред.), М. БЛИНКОВА (корр.)
Б. ОРЛОВ (лит. ред.), Э. СЛИВКИНА (отв. ред.)
П. ХЕЙН (контр. ред.).

Иехуда Слуцкий • ХАГАНА – ЕВРЕЙСКАЯ БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

58

Иехуда Слуцкий

**ХАГАНА – ЕВРЕЙСКАЯ
БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ**

КНИГА I